

Літопис революції

1928

№1

ІСТПАРТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМІТЕТУ
КОМУНІСТИЧНОЇ ПАРТІЇ (БІЛЬШОВИКІВ) УКРАЇНИ

ЛІТОПИС РЕВОЛЮЦІЇ

ЖУРНАЛ ІСТОРІЇ КП(б)У ТА ЖОВТ-
НЕВОЇ РЕВОЛЮЦІЇ НА УКРАЇНІ

№ 1

ДЕРЖАВНЕ ВИДАВНИЦТВО УКРАЇНИ
1928

Г. І. Петровський

1878 р. 4 лютого (22 січня) — 1928 р. 4 лютого

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ ГРИГОРИЯ ИВАНОВИЧА ПЕТРОВСКОГО

Пятидесятилетний юбилей Григория Ивановича Петровского важно осветить не только с точки зрения его последней 10-летней деятельности, как ответственного партийного и советского руководителя в нашей стране, но и как революционного борца, организатора рабочей массы, одного из преданнейших и последовательнейших учеников Ленина и руководителя партии на протяжении десятилетий подпольной работы.

Григорий Иванович Петровский вписал в историю борьбы рабочего класса, во всех ее важнейших этапах, много славных страниц, давши образцы последовательного и стойкого ленинизма, революционной выдержки и организованности и практического осуществления диктатуры пролетариата. Жизнь и деятельность Григория Ивановича тесно переплетены с рабочим революционным движением, она органически в него вросла и поэтому лучшей его характеристикой будет освещение в связи с ней основных этапов революционной борьбы и творческого строительства пролетариата, активное участие в которых неизменно принимал Григорий Иванович.

Григорий Иванович Петровский родился 4-го февраля (22-го января старого стиля) 1878 г. в гор. Харькове в семье отца — портного и матери — прачки. Как и все дети трудящихся того времени, Григорий Иванович не получил систематического школьного образования, так как уже с 11-тилетнего возраста материальная нужда семьи заставила его искать самостоятельных источников существования.

По приглашению своего брата екатеринославского рабочего, Григорий Иванович уезжает в Екатеринослав и попадает в среду рабочих Брянского завода.

Завод производит на Григория Ивановича большое впечатление. Вот как он в своих воспоминаниях описывает первое впечатление об Екатеринославе: „Приехав в Екатеринослав и пройдя к заводу, я увидел величественную картину огнедышащей фабрики. Завод источал из себя огромные

массы различного цвета дыма, пара, копоти, пыли, различных тонов стук, грохотанье, скрип, свистки, сигналы и звонки. Пробираясь по углю, я увидел как около одного из отбрасывающих от себя тень заборов спал какой-то человек в грязных лохмотьях, прямо на угле. Это оказался мой брат, которого я не видел 7—8 лет. Видно было, что у брата тяжелая работа... Он был худой, черный, всегда в угле, кашлял, был зол и раздражителен“.

В течение нескольких месяцев Григорий Иванович не мог найти себе работы. В конце концов ему удалось устроиться в телеграфной мастерской екатерининской железной дороги, но за свою работу там он платы никакой не получал. А так как это не разрешало основного вопроса о зарплатке, то ему пришлось продолжать дальнейшие поиски работы и, в конце концов, он попадает в мостовой цех Брянского завода, в инструментальную мастерскую за поденную плату 35 коп. в день.

Заводская обстановка, неимоверная эксплуатация, открытое издевательство над рабочими оказали на юного Григория Ивановича сильнейшее впечатление. Рабочий день на заводе продолжался с половины седьмого утра до семи часов вечера с получасовым перерывом на обед; завтрак не полагался, но все рабочие в узелках приносили с собой завтрак и урывками, прячась от начальников, где-нибудь в уголке, под досками, съедали его.

Если начальство заставляло рабочего за таким „преступным“ времяпровождением, то его штрафовали на половину поденного жалованья с предупреждением, что если это повторится, то он будет уволен с завода.

Об условиях работы на заводе можно судить по тому, что редко проходил день, чтобы не было 5—6 и даже до десятка жертв.

I. ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ

Тут необходимо остановиться на периоде второй половины 90-х годов, когда капиталистическая промышленность развивалась быстрым темпом. Тяжелые условия, эксплуатация, политическое бесправие, произвол администрации и полиции в это время достигали невероятных размеров. „Были не только избиения,— пишет Григорий Иванович в своих воспоминаниях,— это было тогда в порядке вещей, но были истязания с отборной руганью, плевки в лицо, сбивание с ног рабочего и топтание ногами. Что касается штрафов, то это было тогда самой доходной статьей у каждого начальника и Главное Управление это рвение начальства поощряло отчислением определенного процентного вознаграждения за умелое и рачительное отношение к заводскому хозяйству... Помню глубокое возмущение в наших мастерских начальником цеха Маслюковым, который следил за рабочими, уходившими в клозет,

и если замечал на часах, что после определенного времени рабочий не возвращался в мастерские, то он приказывал пойти в контору к табельщику, чтобы он его оштрафовал на дневной заработок за несвоевременное возвращение из клозета. И это у рабочего, который получал 90 коп.—1 рубль в день и который должен был содержать жену, семью и помогать своим родителям... За курение полагался штраф 50 коп., за сидение и отдых — тоже штраф, если перед шабашем за 5 минут кто-нибудь помыл руки — тоже штраф...“

Но все эти притеснения и вся эта неслыханная эксплуатация в свою очередь вызывали соответствующий отклик в рабочей среде. Указанный период характеризует собою рост революционной сознательности рабочих и рост попыток создать боевую пролетарскую партию. Несмотря на бешеную реакцию, именно в это время организуются первые кружки социал-демократов, в которых активно участвует и юноша Григорий Иванович.

Бедность среди рабочих и неимоверная эксплуатация были основными двигателями и воспитателями их в революционном духе.

Эта суровая действительность, которой пронизаны были все поры жизни пролетариата, не могла не повлиять на юного Петровского, и он быстро научился оценивать их с точки зрения классового пролетарского самосознания и с самых ранних лет своей жизни проявляет стремление примкнуть к социалистическому движению (с 1893 — 1895 г.) Первый, кто практически вовлек Григория Ивановича в революционное движение, был рабочий Брянского завода Игнатов. Далее Григорий Иванович встретился с рабочим питерских заводов, высланным за революционную деятельность в Екатеринослав, Бабушкиным, сыгравшим в жизни и борьбе рабочих Екатеринославской губернии огромную роль, как выдающийся и сознательный революционер. Он же оказал и решающее влияние на Григория Ивановича.

Уже с первых шагов своей сознательной революционной жизни Григорий Иванович сталкивается с полицейским террором. В 1895 г. на брянском заводе была арестована первая группа социал-демократов и эти аресты послужили толчком к сознанию необходимости продолжать дело, начатое арестованными т.т.

Затем наступил еще более тяжелый 1896 г. Коронация Николая последнего усиливает разгул реакции. О рабочей печати тогда ник о не смел и заикаться. Рабочих старались пичкать патриотическими газетами, но и в этих черносотенных газетах рабочие сумели прочитывать и понять то, что им нужно было. Начиналось организованное рабочее движение. Эти известия о стачке столичных рабочих и их требования, предъявленные к угнетателям, нашли отклик среди брянских рабочих.

Этот отклик особенно усиливался тем, что в Екатеринослав было выслано много питерских и московских рабочих; они — то первые и заложили в рабочей среде Екатеринославской губернии глубокие основы социалистической организации и солидарности между рабочими.

После разгрома первого социал-демократического кружка работа не прекращается, но принимает более организованные формы, особенно в 1897 году, когда в Екатеринослав приезжают, высланные из Петербурга, рабочие — Иван Васильевич Бабушкин, Морозов и Филимонов. Бабушкин, как известно, работал в Петербурге под непосредственным руководством Ленина. Попав в Екатеринослав, Бабушкин быстро объединил вокруг себя не только сознательных рабочих Брянского завода, но и заложил начатки организации во всей Екатеринославской губернии, в которую входил тогда и весь Донецкий бассейн. В этот период руководства подпольной организацией Бабушкина, Григорий Иванович укрепляет свой революционный энтузиазм политическими знаниями и уже в 1898 г. он является организатором нескольких кружков в Екатеринославе, пропагандирует социал-демократические идеи среди рабочих, печатает и распространяет прокламации и нелегальную литературу.

В 1899 г. Григорий Иванович призывается на военную службу, но по состоянию своего здоровья от военной службы освобождается и остается временно работать на харьковском паровозостроительном заводе, продолжая поддерживать связь и переписку с екатеринославскими революционными работниками и рабочими. По приглашению одного из своих соратников тов. Мазакова, работавшего тогда в Николаеве и руководившего там социал-демократической работой, Григорий Иванович уезжает туда и становится на работу на черноморском заводе. Здесь Григорий Иванович завязывает связи с местными партийными работниками и делается одним из руководителей маленькой, но идейно-спаянной и сильной, николаевской организации.

Уже в этом раннем возрасте Григорий Иванович обращает на себя внимание жандармерии, которая в одном из своих донесений из Николаева проявляет большую осведомленность о революционной деятельности Григория Ивановича. „Здесь Петровский, — пишет жандармское донесение, — немедленно завязывает сношения с местными неблагонадежными рабочими, продолжая в то же время поддерживать связь со всеми единомышленниками в Екатеринославе“.

Само собою разумеется, что жандармерия не могла только спокойно наблюдать подпольную революционную работу социал-демократов. Николаевский полицмейстер летом 1900 г. вызывает Григория Ивановича и угрожает ему тюрьмой, если он немедленно не уедет из Николаева.

Возвратившись снова в Екатеринослав, Григорий Иванович попадает как раз в тот момент, когда происходит массовый разгром социал-демократической организации. Самого Григория Ивановича выдает провокатор Закс и он попадает в тюрьму сначала в Екатеринославе, затем его переводят в Павлоград и, наконец, в Полтаву, где он сидит до мая месяца 1901 года, привлеченный „в качестве обвиняемого к произведенному при вверенном мне управлению дознанию по делу тайного сообщества, именующего себя Екатеринославским Комитетом Российской Социал-Демократической рабочей партии“, как доносит жандармский полковник 1-го января 1900 года.

Жандармерия, арестовав Григория Ивановича, уже тогда знала, что он не рядовой рабочий. Так, в протоколе врачебного осмотра, произведенного в Полтавской тюрьме 14 сентября 1900 года, ротмистр отдельного корпуса жандармов характеризует Григория Ивановича „как развитого интеллигентного рабочего“.

Условия в тюрьме были настолько тяжелы, что Григорий Иванович заболевает там туберкулезом желез, в связи с чем его освобождают под залог. После этого он возвращается обратно в Екатеринослав и поступает там на работу в железнодорожные мастерские, но усиленная слежка жандармского управления не позволяет ему продолжать революционную работу и он уезжает в Донбасс, где работает на Щербино-Нелеповских рудниках и проживает там весь 1902 и половину 1903 года. Связавшись тесно с местными социал-демократами, в том числе и с известным в Донбассе революционером Моисеенко и принимая и там самое живое участие в рабочем движении, Григорий Иванович не прерывает все время живой связи с Екатеринославом. Екатеринославская организация несмотря на разгром, благодаря своим корням в рабочих массах, быстро оправляется, почти не переставая быть организующим центром, откуда Григорий Иванович получает и распространяет литературу для рабочих Донбасса.

В это время разворачивается борьба с экономизмом. Экономические тенденции получили к тому времени среди екатеринославских социал-демократов — рабочих дружный отпор Григорий Иванович примыкает к „искровскому“ течению.

В половине 1903 года Григория Ивановича снова арестовывают и он освобождается из тюрьмы под новый 1904 год. Второе освобождение Григория Ивановича имеет своим последствием не только усиление жандармского преследования, он испытывает на себе результаты уже новых методов борьбы царской власти с революцией — Григорий Иванович попадает в знаменитые „черные списки“, жандармерия запрещает принимать его на работу в рудниках и, после безрезультатных поисков работы в Донбассе, он снова возвращается в Екатеринослав. Но, чтобы ослабить бдительность охраны, Григорий

Иванович вынужден временно отойти от активной работы. Такой временный перерыв продолжается недолго. Наступает вторая полоса в истории революционного движения и жизни российской социал-демократии, совпавшая с 3-м Съездом нашей партии и происшедшим на нем расколом. В Екатеринослав, как один из пролетарских центров, приезжают лидеры обоих течений, происходит глубокая и горячая дискуссия по основному вопросу — сохранить и углублять ли пролетарскую чистоту и жесткую революционную дисциплину в партии, или раствориться в мелкобуржуазном болоте и стать на путь реформизма и соглашательства, чего добивались меньшевики. В этой дискуссии Григорий Иванович принимает деятельное и активное участие. Пролетарский опыт и революционная закалка оказывают сильное влияние на его политические убеждения и он примыкает к фракции большевиков и снова погружается в активную партийную работу.

II. 1905 ГОД

Наступает 1905 год. Григорий Иванович к этому времени уже вырастает в одного из руководителей революционной социал-демократии. Он известен не только Екатеринославу, но и рабочим крупных пролетарских центров Украины. Январский расстрел и последующие события вызывают на Украине многочисленные стачки, и Григорий Иванович выступает, как один из застрельщиков и организаторов их. Выступая на митингах, Григорий Иванович пропагандирует революционную большевистскую тактику в рабочем движении. В октябрьские дни 1905 года Григорий Иванович является одним из организаторов Совета Рабочих Депутатов, выбирается его членом и входит в состав боевого стачечного комитета, участвуя в этом движении, как организатор политической и вооруженной борьбы пролетариата, с охватом не только рабочих районов Екатеринослава, но и всей линии Екатерининской железной дороги.

Вот как об этом периоде доносит жандармерия Екатеринослава: „крестьянин Харьковской губернии Григорий Иванов Петровский, известный управлению, как видный деятель русской социал-демократической рабочей партии. В 1905 году Петровский входил в состав местного коалиционного боевого стачечного комитета, был избран председателем Совета Рабочих Депутатов“.

Как известно, революция 1905 года, эта репетиция пролетарской революции 1917 года, была разгромлена и вызвала новую вспышку сильнейшей реакции; но разгромы рабочих организаций, ссылка, каторга и виселицы, широко применявшиеся царской опричиной, лишь загнали в подполье, но не ослабили боевой энергии настоящих революционеров, в том числе и Григория Ивановича. Григорий Иванович в числе

многих в начале 1906 года вынужден был скрыться и в течение нескольких месяцев жить в Германии. По возвращении из Германии товарищ Петровский поселяется в Мариуполе и поступает на завод „Провиданс“, где налаживает подпольную организацию и после этого снова возвращается на Брянский завод.

Начиная с 1907 года, развивается разгул самой бесшабашной реакции и деспотизма. К этому периоду относится применение в России нового способа борьбы с рабочим движением — локаут. И в эти черные дни разгула реакции мы видим Григория Ивановича в авангарде пролетариата: он избирается рабочими в качестве депутата для пред'явления через социал-демократическую фракцию Государственной Думы требования об открытии заводов. Кроме того, Григорий Иванович выбирался рабочими делегатом для переговоров во многочисленных конфликтах, возникавших тогда на экономической и политической почве. Руководящая роль и популярность Григория Ивановича в это время неизмеримо возрастает, выдвигая его на одно из виднейших мест в революционном движении Украины, и когда в 1912 году происходят выборы в 4-ю Государственную Думу, рабочие Екатеринославской губернии единодушно избирают Григория Ивановича членом этой Думы.

III. 4-я ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ ПЕТРОВСКИЙ

Конец 1911 года был переломом в революционном движении России. Жестокая реакция 1907 года, которая загнала революционное движение в подполье, к этому времени уже оказывается бессильной. Рабочий класс снова пробуждается к активной борьбе и организуется для новых боев. Особенно этот период замечателен ростом забастовочного движения. Рабочие уже не ограничиваются экономическими требованиями, а выставляют целый ряд политических. Особую роль сыграл в нарастании революционного движения Ленский расстрел рабочих в апреле 1912 года. Забастовки и протесты против Ленского расстрела приняли грандиозные размеры; за это время особенно закалилась социал-демократическая большевистская партия.

Кроме того, этот же период борьбы углубил и обострил все принципиальные разногласия между большевиками и меньшевиками, а также способствовал оформлению двух партий, что ознаменовало собою окончательный разрыв с меньшевиками. С особой силой борьба между большевиками и меньшевиками выявилась во время избирательной кампании в 4-ю Государственную Думу, вокруг основных вопросов отношения к Думе. Для большевиков Дума, как и все другие „легальные“ учреждения, явилась ни чем иным как трибуной для пропаганды революционных задач рабочего класса, тогда как меньшевики

тянули рабочих к приспособленчеству в системе помещичье-капиталистического строя, к соглашательству с капиталистами и затушевыванию классовой борьбы.

Эта избирательная кампания показала, что сознательная рабочая масса стоит на стороне большевиков и что она вполне учитывает и совершенно согласна с политикой большевиков, звавших рабочих участвовать в выборах в Государственную Думу и посылать своих депутатов туда для использования, с одной стороны, думской трибуны и, с другой стороны — для укрепления организации через думскую большевистскую фракцию.

Григорий Иванович, избранный членом 4-й Государственной Думы, сделался председателем большевистской фракции, которая тогда работала под непосредственным руководством товарища Ленина. Следуя учению, заветам и указаниям Владимира Ильича, Григорий Иванович в течение всего времени пребывания членом Государственной Думы поддерживал теснейшую связь с рабочими массами, руководил рабочим движением и всячески использовывал свое депутатское звание и думскую трибуну для ярких выступлений, для жестокой критики существующего строя и для революционного призыва к массам организовываться и готовиться к грядущим революционным боям.

С другой стороны, думский период деятельности Григория Ивановича оказал и на него сильное влияние, так как в качестве члена фракции большевиков и ее председателя, ему не раз приходилось непосредственно сноситься с Владимиром Ильичем, получать от него непосредственные задания, отчетываться перед ним и использовать колоссальный организационный, практический и теоретический опыт великого вождя мировой революции. „Задача большевиков в Государственной Думе, — пишет в своих воспоминаниях об этом периоде революционной борьбы член Государственной Думы и соратник Григория Ивановича товарищ Бадаев (см. „Правду“ от 21 января 1928 г.), — по мысли товарища Ленина отнюдь не заключалась в думской законодательной работе. Мы должны были использовать думскую трибуну для агитационных выступлений для того, чтобы двигать вперед революционное движение в стране, путем разоблачения и царского правительства и всей фальши так называемых либеральных партий. Рабочего депутата должен слышать весь рабочий класс России. Но думские выступления были только одной стороной работы фракции. Большевистская фракция, мыслил Владимир Ильич, как часть единого партийного целого, должна вести огромную работу вне Думы. Создание партийных организаций, руководство ними, партийная печать, работа в профессиональных обществах — все это являлось обязанностью рабочих депутатов, требовавшей от них огромного напряжения и энергии... „Правда“ и думская фракция большевиков были неразрывно связаны, являлись одним общим

целым и оба вместе были центром организационной и агитационной работы партии в России“.

Чтобы направить работу фракции и дать ей конкретные директивы и указания Владимир Ильич еще до открытия Думы подготовлял созыв очередного партийного совещания с участием рабочих депутатов. Таких конференций за время существования думской большевистской фракции созывалось две. Первая в Кракове в Австрии (по конспиративным соображениям она была названа февральской, хотя состоялась в декабре) и другая в Поронине (Галиция). „Из Кракова, где состоялось первое совещание с членами Думы — большевиками, мы вернулись, — продолжает товарищ Бадаев, — снабженные конкретными практическими указаниями. Не только была твердо определена линия всей деятельности фракции, но и было установлено, кому, по каким вопросам выступать, какие материалы готовить, что делать в ближайшие дни по вне думской работе и т. д. . .

... Владимир Ильич к каждому депутату подходил индивидуально и сумел в каждом из нас, — продолжает товарищ Бадаев. — усилить во много раз волю к энергичной напряженной борьбе. У нас завязалась с Владимиром Ильичем крепкая связь, которая, по мере развития работы фракции, все более и более закреплялась. Личные указания и письма от Ильича, всегда ставившего вопросы точно и определенно, были для нас неисчерпаемым источником усиления и повышения нашей работы“ . . .

Наряду с этой напряженной и ответственной работой, практическое руководство которой было поручено партией Григорию Ивановичу, фракции большевиков Государственной Думы пришлось еще выдержать ожесточенную борьбу с меньшевистской социал-демократической фракцией в Думе.

Ниже мы подробнее коснемся всего периода деятельности Григория Ивановича в Государственной Думе, а теперь остановимся несколько на том, как происходили выборы и какова была роль и участие в них Григория Ивановича.

„Доношу, — пишет помощник начальника Екатеринбургского губернского жандармского управления 14-го октября 1912 года — что по имеющимся агентурным сведениям к избранию в члены 4-й Государственной Думы от рабочих намечен Григорий Иванович Петровский, избранный против 10 неизбирательных. Упомянутый Петровский состоит рабочим в г. Мариуполе на заводе „Провиданс“, он является руководителем предвыборного собрания уполномоченных в г. Екатеринославе 4-го сего октября. Григорий Петровский является деятельным работником партии социал-демократов. При поездке в г. Екатеринбург он вел агитацию среди уполномоченных об обязательном избрании в выборщики следующих лиц: Худокормова, Способного и Жолтенького, каковые и оказались

впоследствии избранными выборщиками“. Таково свидетельство отъявленных врагов революционного движения о роли Григория Ивановича в социал-демократической партии большевиков и в избирательной кампании. И далее те же враги в следующем документе, от 5-го ноября 1912 года, свидетельствуют о том, как рабочий класс отнесся к избранию Григория Ивановича: „Рабочий элемент очень доволен избранием в члены 4-й Государственной Думы рабочего завода „Провиданс“ Григория Ивановича Петровского, который является убежденным деятельным работником партии социал-демократов, и рабочие надеются, что он будет ярким защитником интересов рабочего класса“.

И Григорий Иванович вполне оправдал те надежды, которые были возложены на него партией и рабочим классом, о чем так подробно было известно всегда даже охранке и жандармерии. „По избрании в члены Государственной Думы Григория Ивановича Петровского,— доносит в августе 1913 года жандармский полковник,— он поддерживал постоянные письменные сношения с членами социал-демократической группы как г. Екатеринослава, так и Екатеринославской губернии, снабжая таковую литературую и газетами социал-демократического направления; пользуясь в сем году каникулярным временем, Петровский в июле месяце прибыл в г. Екатеринослав, где намерен был сделать несколько докладов, но, будучи вынужденным в скором времени выехать в г. Киев на съезд по кооперации, доклады сделать не успел, при чем обещал по возвращении из Киева созвать совещание из местных рабочих, в целях обсуждения текущего положения, а равно намерен был сделать доклад о желательности областной южно-русской социал-демократической конференции“.

„Во время думских каникул,— пишет жандармерия в другом документе,— Петровский неоднократно обезжал заводы Донецкого Бассейна и Екатеринославской губернии с партийными целями, устраивал здесь собрания из рабочих, делал им доклады о деятельности думской социал-демократической фракции. На этих же собраниях обсуждался вопрос о характере партийной работы среди рабочих элементов, о необходимости восстановления подполья, а также об успехах конспиративного сношения рабочих с Петровским по городу Санкт-Петербургу. За последнее время Петровский ведет оживленную переписку с рабочими по вопросам страхования и по поводу распространения среди рабочих легальной с.-д. газетной прессы, издающейся в г. Санкт-Петербурге“.

„Петровский прибыл в Екатеринослав,— пишет жандармерия в третьем документе, относящемся к этому же времени,— между 10 и 15 августа, побывав по дороге в Кременчуге, где ему удалось устроить собрание местных рабочих“.

„Что касается Донецкого Бассейна,— горестно заявляет дальше этот же документ,— то о посещении такового депута-

том Петровским сведений как от помощников моих, так и от чинов общей полиции не поступало. В виду об'явившихся в рабочей прессе заметок об об'езде Петровским некоторых заводов и рудничных пунктов, мною приняты меры к проверке сего. По результатам донесу дополнительно“.

Из этих филерских документов мы видим, какую огромную работу проводила большевистская партия в лице Григория Ивановича, используя его членство в Государственной Думе. Мы в известной степени должны быть благодарны жандармерии, которая сохранила для нас все этапы работы Григория Ивановича этого периода, невольно выполняя роль летописца. Слежка за Григорием Ивановичем была настолько усиленно организована, что за ним буквально по пятам ходили шпики. Ни один шаг его не оставался неизвестным жандармерии. Шпикам настолько везде мерещился деятельный, неутомимый, активный революционер, что они попадали впросак. Жандармский архив сохранил для нас очень любопытный анекдот из области слежки за Григорием Ивановичем. Приводим его полностью для характеристики того, какой угрозой являлся тогда Григорий Иванович для существовавшего царского строя :

„Доношу департаменту полиции, что начальник Екатеринбургского губернского жандармского управления телеграммой от 5-го сего августа № 5227 обратился ко мне с просьбой об учреждении наблюдения за членом Государственной Думы Петровским и при выезде его в Екатеринбург сопровождать таковым, телеграфируя о последующем.“

По наведенным справкам в центральном адресном столе, оказалось, что Петровский проживающим или проживавшим в Москве не значится, почему за появлением его установлен контроль.

6-го августа начальник Киевского губернского жандармского управления телеграммой за № 325 сообщил мне, что того же числа со скорым поездом № 2 из Киева по направлению к Москве выехал вышеназванный Петровский вместе с двумя неизвестными — мужчиной и женщиной, описав приметы последних. В виду чего мною на 7 августа был сделан надлежащий наряд филеров на Киево-Воронежский вокзал для встречи вышеупомянутых лиц. По прибытии в Москву поезда № 2, действительно были взяты в наблюдение при выходе из вагонов по данным приметам прибывшие два господина и одна дама, коим тут же и были даны наблюдения : предполагаемому Петровскому „остроумный“, неизвестным : господину „разумный“ и дамочке „гуманная“.

8-го августа вышеупомянутые наблюдаемые: „остроумный“, „разумный“ и „гуманная“, в сопровождении филеров вверенного мне отделения из Москвы выехали в Тверь и были там переданы местному наблюдению, которое опознало в них постоянных жителей гор. Твери : „остроумный“ оказался Иваном

Филипповым Сергеевым - Совранским, содержателем театров в г. Твери „Гранд - Электро“ и „Художественного“; „гуманная“ его женой и „разумный“ — австрийским поданным, Георгием Ивановичем Рихтером, служившем пианистом у Сергеева - Совранского“.

Живая, непрерывная, активная работа Григория Ивановича за этот период дала чрезвычайно благоприятные результаты для развития революционного движения на Украине и для роста влияния среди рабочих большевистской партии. Об этом свидетельствует целый ряд сохранившихся документов, писем и резолюции рабочих собраний. 11 сентября 1913 года в „Новой рабочей газете“ № 29 помещена резолюция бахмутских рабочих такого содержания: „В собрании рабочих гор. Бахмута, в котором член Государственной Думы Г. И. Петровский прочел доклад о деятельности с.-д. фракции в 4-й Государственной Думе, принята была единогласно следующая резолюция:

Собрание, выслушав доклад тов. Петровского, приветствует этот шаг сближения рабочего депутата с пролетарскими массами и заявляет, что только его одного из всех членов Государственной Думы от Екатеринославской губернии и признает своим представителем.

Собрание, выражая свое доверие всей социал-демократической фракции, призывает ее и впредь стойко отстаивать политические, экономические и культурные интересы всех национальных частей российского пролетариата, устанавливая для этого постоянную, тесную связь со всеми рабочими массами на местах.

Собрание выражает пожелание, чтобы тов. Петровский помещал впечатления и отчеты о поездке по его избирательному округу, а также материалы, доставляемые ему с мест, в обеих издаваемых в Петербурге ежедневных газетах“.

А вот что пишет в письме Григорию Ивановичу группа рабочих Орлово - Еленовской копи в Донбассе:

„Дорогой товарищ, группа рабочих Орлово - Еленовской копи, где вы сделали доклад о деятельности социал-демократической фракции 4-й Государственной Думы, выделив из своей среды комиссию для непосредственных и постоянных сношений с Вами, постановила: выразить Вам и социал-демократической фракции глубокую признательность и товарищеское спасибо за ту, по нашему мнению, большую работу, которую Вы и социал-демократическая фракция делаете, стоя на страже интересов рабочего класса. Приветствуя социал-демократическую фракцию в ее работе и благодаря Вас, дорогой товарищ, за посещение нашего рудника, мы... верим в плодотворность работы социал-демократической фракции и, стоя под стягом российской социал-демократии, готовы оказать вам свою посильную помощь.

Выборные от группы рабочих Орлово-Еленовской копи“.

„Просим заехать на рождественские каникулы. Очень нужно“,— пишут Григорию Ивановичу с Юзовки, Екатеринославской губернии. И действительно, Григорий Иванович, представлявший большевистскую фракцию Государственной Думы и большевистскую партию, бывший одним из живых и ответственных посредников между рабочей массой и вождем большевистской партии тов. Лениным, в это время был особенно нужен рабочим, потому что как раз тогда проводилась крупнейшая страховая кампания, которую наша партия сделала сильнейшим орудием классово́й борьбы пролетариата и средством организации революционных сил.

Всякого рода бойкотисты вели агитацию против участия рабочих в больничных кассах, запугивая рабочих, что это будут для них новые оковы. Но рабочие, под влиянием идей большевизма, сумели дать должный отпор меньшевистским и бойкотистским тенденциям и везде, где больничные кассы находились в руках большевиков, (а они переходили к меньшевикам только тогда, когда охранка сажала большевиков в тюрьму и ссылку), больничная касса использовывалась, как средство революционной агитации. Григорий Иванович личными выступлениями и письмами поддерживает это настроение рабочих. „Прочитав Вашу статью в газете „Правда“ от 25 января № 4,— пишут Григорию Ивановичу из Ветки, Екатеринославской губернии,— где вы пишете и выражаете сомнительность в отношении политической зрелости товарищей Юзовской и товарищей из рудников в целом, а также бросаете упрек, что выступали с критикой уродства меньшевиков-ликвидаторов, на первое время отвечу вам следующее: большинство присутствовало на собрании из товарищей „правдистов“...“

„Приехавший ликвидатор из мариупольцев старается вытянуть из нашего кружка некоторых членов, дабы, таким образом, сорвать и нарушить нашу работу, но благодаря понятливости и разбору в тактике, как большевиков, так и меньшевиков, товарищи шахтеры позицию первых считали заслуживающей одобрения и обслуживающей интересы масс и задачи оных, а потому всякие попытки ликвидаторов парализовать нашу работу разбиваются о борт неудачи“.

С своей стороны, в своих письмах Григорий Иванович неизменно поддерживал бодрое настроение рабочих и давал директивы и указания, как вести дальнейшую работу, как вести борьбу и поддерживать нарастающее революционное движение на Екатеринославщине.

„Прежде всего я глубоко извиняюсь, что не могу посетить вас во время перерыва думских занятий,— пишет Григорий Иванович профессиональному обществу рабочих Гартмана в Луганске,— я полагал так: обехать наиболее отсталые

места, где слабость связи, влияния и т. д., а потом уже к единомушленникам“...

„...Надеюсь, при личном свидании отчитаюсь,— пишет он дальше в этом письме...— А теперь вот что, товарищи, пришлите сведения о всех профессиональных обществах, которые у вас имеются: 1) сколько членов; 2) с каких пор общество существует; 3) есть ли какие органы и название; 4) бюджеты этих обществ. деятельность и т. д.“.

„...Получаете ли вы газеты и читаете ли вы о нашем расколе? Мы, шесть депутатов, предъявили семи депутатам требования равноправия (речь идет о борьбе между большевистской и меньшевистской фракцией в Государственной Думе), т. е. право иметь себе отдельного секретаря, право одинаково представлять во всех думских комиссиях и выхода на трибуну, а то выходило так, что лучшие выступления, благодаря большинству одного голоса, семерка брала от нас, а второстепенные нам отзвала, и так много вопросов решалось, благодаря только большинству одного голоса... Надеюсь, вы обсудите предъявляемые нами условия и поддержите нас—шестерых“.

„Я послал налоговым плательком несколько книг по страхованию,— пишет Григорий Иванович в другом письме к екатеринославцам,— и удивляюсь, почему раньше этого не сделали... Страховая литература очень популярна, все поправки к хозяйственным уставам выработаны уже. Самое главное— это устранение из управления администрации, т. е. председатель должен быть из рабочих, высший процентный взнос и широкая свободная просветительная и культурная работа. Прежде всего стремиться надо к общей кассе, включающей большее количество рудников, предварительно требовать общих собраний всех рабочих для ознакомления со страховыми законами... Необходимо использовать кассу для развития классового самосознания рабочих через предварительные общие собрания, обсуждения и проч...“.

„Еще вот что, наша газета „Путь Правды“ теперь находится в критическом положении. Нельзя ли там сборы произвести и в общем помочь нам? Затем еще надо вам сообщить, что ликвидаторство с каждым днем идет на смарку. Вы, вероятно, знаете, что у нас в социал-демократической партии был раскол. Мы, шестерка, отошли от семерых, а теперь от семерых перешел Бурьянов, и это большой удар для бывшей семерки. Среди питерских рабочих ликвидаторство не имеет почвы“.

Так Григорий Иванович связывает рабочих рудников Екатеринославщины и Донбасса с рабочим движением всей России, руководит ими и дает им указания и этим способствует быстрому росту и развитию революционного движения.

Кстати, любопытно отметить, что удар, нанесенный большевистской партией в это время меньшевикам и усиление

фракции большевиком в Государственной Думе, отразился также и в жандармских документах: „В настоящее время названный Г. И. Петровский,— пишет ротмистр отдельного корпуса жандармов в Екатеринославе,— будучи членом 4-й Государственной Думы, входит в состав бывшей шестерки (ныне семерки) думской фракции РСДРП“.

Собственно думская работа Григория Ивановича была столь же активна, как и роль и участие его во всем революционном движении. Григорий Иванович выступал по целому ряду вопросов, но, следуя заветам Владимира Ильича, Григорий Иванович свои выступления направлял не на то, чтобы повлиять на Государственную Думу, как таковую. Он вместе со всей партией прекрасно учитывал, что никаких результатов практические предложения, которые депутаты будут делать в Думе иметь не будут. И он хорошо усвоил отношение Владимира Ильича к выступлениям думских большевиков, целью которых должно быть усиление революционного движения. „Никаких законов,— сказал по этому поводу Владимир Ильич в беседе с членами Думы большевиками (приводим из статьи товарища Бадаева: „Ленин и большевистская фракция Государственной Думы“),— облегчающих положение рабочих, черносотенная дума никогда не примет. Задача рабочего депутата— изо дня в день напоминать с думской трибуны черносотенцам, что рабочий класс силен и могуч, что недалек тот день, когда вновь поднимется революция, которая сметет всю черную сотню вместе с ее Россией и правительством. Конечно, можно выступать и с поправками к бюджету и даже с каким-либо законом, но все эти выступления должны сводиться к одному— надо клеймить царский строй, показывать весь ужасающий произвол правительства, говорить о бесправии и жесточайшей эксплуатации рабочего класса. Вот это будет действительно то, что должны слышать рабочие от своего депутата“.

Эти директивы Владимира Ильича ярко выражались во всех выступлениях Григория Ивановича с думской трибуны, которые он делал по самым различным поводам. Так, выступая по вопросу о смете Горного Департамента (см. стенографический отчет Государственной Думы, 1913 г., часть 3, страница 1398—1411), Григорий Иванович по поводу этой сметы говорит: „Эта вакханалия будет продолжаться до тех пор, пока рабочий класс своей борьбой не положит этому конец“.

„Из вас, господа,— обращается Григорий Иванович к членам Государственной Думы,— здесь сидящих, вы все согреты за счет бедняков, которые там работают и доставляют уголь для всей России“.

„Вы, господа,— говорит он дальше,— считаете себя, конечно, христианским государством, но посмотрите, какое положение в этом христианском государстве занимают те, про которых и в вашем евангелии сказано, что их есть царствие небесное. Посмотрите, в каком царствии находятся эти

несчастные жертвы — дети рабочих“. „Ваши доходы, господа, — ставит Григорий Иванович далее вопрос ребром, — создаются этими юными жертвами только потому, что вы алчны, но эти малолетние жертвы обречены на гибель“.

„Господа, ваши дети не знают материальных забот, они обеспечены. Наши дети, не успев окрепнуть, должны идти на работу“. „В этом деле выжимания прибыли из рабочего подают друг другу руку дружественный и истинно-русский министр Тимашев, и высокопоставленные пайщики Ленского Т-ва, и еврей Гинцбург, и бельгийские капиталисты, и уральские промышленники и польско-немецкие владельцы шахт“. „Поэтому, господа, перечисленные права вы никогда не дадите рабочим и рабочие России все это должны будут взять своими руками“.

Так, вскрывая правду о существовавшем царско-капиталистическом строе, Григорий Иванович далее в этой речи дает яркую характеристику Государственной Думе, как оплота помещиков и капиталистов.

„Мы знаем, господа, что большинство этой Думы враждебно относится к рабочим, и рабочие не могут рассчитывать ни на Думу, ни на правительство, ни на капиталистов. Они должны упорной борьбой добиваться себе лучшей жизни и лучших условий“. „Годы страданий выкуют у шахтеров неуклонное стремление борьбы с современным порядком. За это ручается история развития рабочего движения в России и в других странах“.

И, заканчивая это свое выступление, Григорий Иванович под шум справа и под рукоплескания слева произносит слова, к которым прислушивается весь рабочий класс России: „Добьются лучших условий и шахтеры России, хотя вы и ставите им преграды. Они их сметут и тот строй, который сковал их и сделал рабами. Добьются они конфискации помещичьих земель, восьмичасового рабочего дня и заживут свободными гражданами в демократической республике, улучшив борьбой свое положение; они поднимут одной рукой, державшей кайлу и лом, красное знамя социализма и пойдут вместе с шахтерами всего мира, с пролетариатом на борьбу за социалистический строй, где не будет частной собственности ни на орудия производства, ни на землю, ни на недра ее, где земля будет служить всему человечеству, но не отдельным ее паразитам“.

Таковы были те пророческие слова, которые устами Григория Ивановича прозвучала ленинская партия против помещичьего капиталистического гнета по каждому поводу в Государственной Думе, используя ее как трибуну для организации рабочего класса, для развития в нем идей коммунизма и для подготовки к тем боям, которые в 1917 г. закончились победоносной Октябрьской революцией.

IV. ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Начало империалистической войны заставило царское правительство принять решительные меры к ликвидации большевистской фракции Государственной Думы, потому что уже первые выступления фракции по поводу военных кредитов были слишком сильны и опасны.

Царизму же нужен был „гражданский“ мир, который на время был установлен путем беспощадного разгрома всех революционных организаций, к которому примкнули все фракции Думы, начиная от крайних правых и кончая меньшевиками-оборонцами.

Поэтому первый удар был направлен против думской большевистской фракции, как наиболее острого оружия пролетарской борьбы. Царское реакционное правительство арестовывает всю большевистскую фракцию во главе с Григорием Ивановичем, создает судебный процесс и высылает их в далекую таежную Сибирь. Но и будучи насильственно оторванным от пролетариата, Григорий Иванович, несмотря на тягчайшие условия, в которые он был брошен, продолжает поддерживать письменную связь с рабочим классом и продолжает внушать революционную борьбу.

О том, в каких условиях находился Григорий Иванович, свидетельствует одно из его писем от 29 января 1917 г. из Якутска, т.-е. накануне февральской революции: „Хорошо, что вы живы, целы и здоровы, — пишет Григорий Иванович, — а то по теперешним временам редко кто сохранился в России... Надо вам сказать, — пишет дальше, — что в Енисейске мы начали свыкаться с жизнью без работы, но вы сами знаете, как трудно рабочему жить без нее; не знаю днями, куда деваться“.

Вот этот момент в письме Григория Ивановича характеризует его и как солдата революции, и как рабочего, всеми нитями связанного с рабочим классом и с производством. „Вначале я нанялся проводить здесь электричество и имел чистого заработка от 40 до 45 рублей. Потом я поступил к местному агроному, работал за слесаря, токаря, а также при молотье хлеба при керосиновом двигателе и молотарке“. „Пришлось работать при сорокаградусном морозе, да что делать, обстоятельства таковы, что нужно работать, т. к. обновился и обтрепался“. „Вам известно, каковы здесь морозы и как не привыкай, а болезненно их переносить; еду как-то с молотьи из деревни Павловска (верст 18 от Якутска), я один раз отморозил нос и щеки, а впоследствии еще раза три“.

Делясь таким образом с сохранившимися в России товарищами своим житьем-бытьем в сибирской ссылке, Григорий

Иванович даже и в этом, как он выражается, „скучном письме“ все ж таки не забывает навести справочки о революционном движении и о работе большевистской партии. „Почему В. С. (название издания), не поместил мое зъявление о нашем отношении к Циммервальду? Из Москвы получаю „Голос Печатника“ — журнальчик недурной и очень верно держит курс. Читаю „Сибирь“, „День“, „Летопись“, „Русские записки“. Передайте всем друзьям моим самый лучший товарищеский привет и скажите, что большинство нашей фракции смотрит бодро на положение вещей и останется верной своим традициям“.

Но вот приходит февральская революция, освобождающая Григория Ивановича из ссылки, и он снова окунается в водоворот классовой борьбы, принимая самое непосредственное участие в работе большевистской партии, в самой гуще рабочего движения Украины — в Донбассе, Харькове и Екатеринославе.

Весь 1917 год Григорий Иванович проводит в работе среди петроградского пролетариата и раз'езжает с докладами по всем промышленным центрам Украины. Через Григория Ивановича партия большевиков проводит огромнейшую борьбу против Временного правительства: в Донбассе он проводит в невероятной трудных условиях работу по организации большевистской партии, занимая одно из виднейших мест в этой борьбе вплоть до захвата власти Советами рабочих и солдатских депутатов. Октябрьская революция застаёт товарища Петровского в Донбассе за кипучей работой по подготовке восстания.

V. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

„Первое известие об Октябрьской революции, — пишет Григорий Иванович в своих воспоминаниях, — было мною получено на станции Никитовка. Никитовка была сосредоточием наших большевистских организаций Щербиновского и Горловского районов. Сюда же были доставлены и первые декреты Совета Народных Комиссаров о земле и здесь же было тогда решено срочно созвать конференцию этого района“.

Получив сведения о развивающейся в центре пролетарской революции, голоде (в Никитовку Григорию Ивановичу был доставлен хлеб пополам с соломой, потребляемый питерскими рабочими), Григорий Иванович принимает деятельное участие в организации снабжения Петербурга хлебом и для этого обращается с призывом ко всему крестьянству. Наряду с этой работой по оказанию помощи петербургскому пролетариату и молодому рабоче-крестьянскому правительству, а также по организации донецких рабочих к будущим боям за укрепление Октябрьской революции, Григорию Ивановичу приходится

выдерживать бои с меньшевиками, которые сразу же открыто перешли в лагерь контр-революции.

Но эта борьба с меньшевиками облегчалась тем, что $\frac{9}{10}$ рабочих с энтузиазмом шли за большевиками и, как истинные пролетарии, руководствуясь пролетарским чутьем и преисполненные революционного энтузиазма, быстро ориентировались в обстановке и брали на себя управление всей жизнью на местах. „Я помню,—вспоминает Григорий Иванович,—эту здоровую работу шахтерского инстинкта, когда продвигались казачьи эшелоны через Никитовку. Без всяких директив рабочие смекнули, что казаки идут на харьковских, московских и питерских рабочих, что их нужно задержать и разоружить“.

Медленное и нерегулярное поступление сведений из Петербурга, наряду с необходимостью во что бы то ни стало поддержать работу рудников, побудило несколько донецких организаций командировать Григория Ивановича в Петербург для постановки этих вопросов в Совете Народных Комиссаров о национализации рудников, и вообще для получения руководящих указаний по всем вопросам. В Петербурге Григорий Иванович был задержан и на него было возложено партией исполнение ответственных обязанностей народного комиссара внутренних дел РСФСР. Народный Комиссариат Внутренних Дел тогдашнего времени представлял собою не только административный наркомат, а главным образом и в первую очередь был органом, на который возложена была величайшая задача организации советской власти на местах, снабжение этих органов власти в работе практическим содержанием, приспособляя их деятельность к условиям того периода решительной классовой борьбы. Это был период, когда вся система старого помещичье-капиталистического государства разрушалась до основания и когда на этих руинах, при открытом саботаже старых чиновников и интеллигенции, пришлось строить новый советский аппарат, новое государство сверху донизу.

Это требовало особого умения, способностей, нужна была революционная закалка, опыт, связь с массами, и не случайно эта роль была возложена на Григория Ивановича, при чем он показал себя энергичнейшим руководителем, проявил огромные организаторские способности, применяясь к местным условиям каждой отдельной части величайшей территории России.

Особая ответственность этой работы заключалась не только в том, чтобы организовать Советы и направить их деятельность, но и в том, чтобы вокруг Советов организовать широкие пролетарские и крестьянские массы, чтобы в Советах закрепить влияние пролетариата и его авангарда — коммунистической партии, и чтобы Советы смогли практически охватить всю государственную работу. В этот наиболее ответственный период борьбы с контр-революцией вплоть до 1919 года

Григорий Иванович занимал этот ответственный пост. После же свержения гетманщины, когда советской власти на Украине потребовалось розворачивание большой государственной революционной работы, Григорий Иванович выдвигается ленинской партией и единодушно избирается трудящимися Украины председателем Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета.

VI. ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ ВО ГЛАВЕ УКРАИНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Бесперывная семилетняя деятельность Григория Ивановича во главе украинского правительства прошла у нас на глазах. Она характеризуется теми особенностями, какие вообще присущи Григорию Ивановичу, как человеку и революционеру. Самая теснейшая связь с широкими массами рабочих и крестьян, большая отзывчивость на нужды трудящихся, умнее доходить в своей работе до мелочей и даже в этих мелочах, как и в самых крупных делах, точно и неуклонно проводить ленинскую коммунистическую линию, — сделали Григория Ивановича популярнейшим вождем рабочего класса на Украине и закрепили за ним характеристику стойкого и мужественного большевика.

В течение всего этого периода своей работы, возглавляя советскую власть на Украине, он одновременно является одним из руководителей ленинской большевистской партии на всех этапах ее развития. В период военного коммунизма, непрерывных контр-революционных наступлений на Украине Григорий Иванович проявил особое умение и руководство, в выполнении тех колоссальных задач, которые выпали на долю Украины.

В своей речи по случаю пятилетнего пребывания Григория Ивановича на посту председателя Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета товарищ Затонский так характеризовал его: „Теперь даже враги должны признать, что советская власть на Украине так сильна и что Григорий Иванович так крепко сросся с советской Украиной, что уже не оторвется от нее. Мы уверены, что до последнего момента своей жизни, еще долгие годы он будет стоять во главе сильной и великой советской Украины, которая не ограничится теперешними узкими границами и в будущем, по воле теперешнего украинского населения Запада, безусловно охватит все районы, где живут наши братья по языку и крови“.

Дальнейший этап развития социалистического строительства, который характеризуется переходом к непу, имел в лице Григория Ивановича идейного вдохновителя творческого под'ема широких масс. Это выражалось не только в том законодательстве, которым руководит Григорий Иванович, но и в том, что он всегда в самые тяжелые моменты своим личным участием,

личными примерами вдохновлял массы к работе, борьбе и строительству новой жизни. Особенно заботливое и чуткое отношение проявляет Григорий Иванович к рабочим и сельской бедноте.

Будучи на протяжении всей своей жизни органически связанным с широкими пролетарскими массами, Григорий Иванович до сих пор остался таким же пролетарием, с глубокой и великой любовью относящимся к нуждам рабочих и крестьян. Десятки тысяч писем, получаемые Григорием Ивановичем со всех концов, из самых глухих уголков Украины, наилучший братский прием, который ему оказывают рабочие и крестьяне, являются ярким свидетелем той оценки, которую пролетариат и крестьянство Украины дают своему вождю и всеукраинскому старосте.

Безгранично велики и материальные заботы о рабочих и сельской бедноте со стороны Григория Ивановича. При обсуждении всех планов государственного строительства его первый вопрос всегда относится к тому, какую помощь мы оказываем бедноте организационно и материально, какую роль она должна играть в наших советах и общественности, как мы на нее опираемся и как мы ее вовлекаем в социалистическое строительство.

В переходный период к новым методам работы комнезамов Григорий Иванович проявил особенно глубокую пролетарскую чуткость и дальновидность. Он всеми силами своего пролетарского сознания защищал сохранение комитетов неземных селян, как единственно массовой организации, объединяющей все революционные элементы сельской бедноты, опираясь на которую партия и советская власть укрепляют диктатуру пролетариата и смогут успешно преодолевать препятствия, создаваемые на селе кулачеством и иными контрреволюционными элементами.

В своей партийной работе Григорий Иванович был, есть и останется верным ленинским традициям и заветам. Особенно ярко это выразилось во время последней борьбы с оппозицией, где Григорий Иванович выступал как один из сильнейших руководителей отпора оппозиции и укрепления мощи ленинской коммунистической партии.

Прошедшая перед глазами широких пролетарских масс 50-тилетняя жизнь Григория Ивановича и свыше чем 30-тилетняя его революционная деятельность представляют его перед нами как преданнейшего делу революции пролетария, как одного из самых стойких и лучших ленинцев.

Вот почему Григорий Иванович не только как председатель Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета, но и как искренний, закаленный во многочисленных боях пролетарий является гордостью рабочего класса и всех трудящихся советской Украины и всего нашего Советского Союза Социалистических Республик.

МОИ ВСТРЕЧИ С Г. И. ПЕТРОВСКИМ

Впервые я встретил Г. И. в 13 году во фракции большевиков Государственной Думы, которая помещалась на Песках, куда мы, большевики, время от времени заглядывали.

Передо мной был небольшого роста человек с черной бородкой, в очках; это и был наш большевистский депутат от Екатеринославских рабочих — Г. И. Петровский.

Речи и статьи Г. И., печатавшиеся в старой „Правде“, проникнуты были классовой ненавистью к царско-буржуазному режиму. В этих речах и статьях мы слышали пролетарский боевой клич. Они нас учили, что рабочий класс победит тогда, когда он будет организован в свои классовые организации. Но связь наша была не только по речам и статьям; мы часто видели наших депутатов в наших пролетарских организациях, какие существовали у нас в те времена. Наши депутаты принимали непосредственное участие в подпольной партийной организации, которая использовывала депутатов и их поездки в рабочие районы для налаживания подпольной партийной работы.

Вся работа, проводимая Г. И. в Гос. Думе, проходила по директивам нашей большевистской партии по указаниям Ленина. Все речи, помещавшиеся в „Правде“, читались с величайшим увлечением рабочими массами.

Война принесла нам разгром всех наших организаций. Такая же участь постигла и наших депутатов во главе с их лидером Г. И.

Когда они были арестованы, все сознательные рабочие ждали с нетерпением суда над рабочими депутатами, и в день суда многие пришли на Литейный проспект, чтобы продемонстрировать свою солидарность с ними. Но в здание суда нас не пустили; царская полиция, раз'езжавшая кругом, разгоняла отдельные группы рабочих. Депутатов провели в суд потайным ходом из предварилочки.

Попавши в ссылку, Г. И. не переставал вести революционную работу, почему царское правительство и нашло нужным оторвать Г. И. от остальной группы депутатов и загнало его в Якутскую область.

Февральская революция освободила из ссылки всех депутатов. Г. И. прибыл в Питер к июльским дням. Но долго здесь он у нас не засиживался, так как партия направила его в рабочий Донбасс для подготовки пролетарской революции. Эту работу Г. И. выполнил с честью.

Близко я познакомился с Г. И. по совместной работе на Украине. Немало часов и дней мы провели с ним как в работе, так и в товарищеской беседе. Он мне рассказывал, как во время его сидки в предварилровке приходили тюремные служители и передавали, что все депутаты будут преданы военно-полевому суду и что их всех расстреляют. Но царское правительство боялось применить эту меру, так как оно прекрасно знало, какое бы это вызвало возмущение в рабочем классе.

Г. И. мне не только товарищ, но и друг. Много тяжелых времен мы пережили на Украине: война с Деникиным, Врангелем, внутренняя гражданская война, бандитизм, разлившийся широкой волной по Украине, разные баты вроде Махно и пр. долго нам не давали возможности заняться созидательной работой. Были времена, когда от тяжести и сложности обстановки, опускаясь руки. Но вот придешь к Г. И., поговоришь с ним и точно гора с плеч свалится. Ты, было, начнешь ему жаловаться на тяжесть условий работы, а он тебе в ответ — „мы, пролетарии, мы, рабочие, должны построить новое социалистическое государство. Для этой цели не нужно жалеть ни сил, ни жизни“. Г. И. был высоко-квалифицированным токарем по металлу, любил вспоминать, как работал на заводах, как изучил высшую математику, извлечение корней, сопротивляемость металлов и чертежи. Постиг все это Г. И. своими собственными силами, без посторонней помощи. Он часто посмеивался надо мной, что я — потомственный пролетарий, а эту азбуку изучить не сумел.

Г. И. любил рассказывать, какие адские препятствия пришлось ему одолевать на своем жизненном пути, при каких условиях пришлось участвовать в строительстве нашей большевистской партии, об отдельных эпизодах гражданской войны, например, о поездке с своим сыном по Украине, когда на них напали бандиты, и Леньке, его сыну, пришлось отстреливаться из пулемета. Или как его обстреливали бандиты, в нынешнем Зиновьевске.

Немало сил и труда Г. И. положил для рабоче-крестьянской Украины. Всех поражало пролетарское чутье, с каким Г. И. всегда подходил к разрешению вопросов на президиуме ВУЦИК'а. Его поездки по Украине всегда давали ему большой материал для его практической работы. Он умел учитывать настроения как рабочего, так и крестьянина. Он умел улавливать и замечать наши болячки и немедленно принимал ряд мероприятий, направленных к укреплению советской власти.

Ученик первых питерских рабочих большевиков — Бабушкина, Филимонова, Морозова, сосланных царским правительством в Екатеринослав, он до сих пор носит традиции этой старой, славной, большевистской гвардии, которая под руководством Ленина заложила первый камень большевистской партии. Но Г. И. не только сам один из лучших большевиков, а он воспитал и обучил не одну сотню рабочих большевиков, да плюс к этому двоих сыновей, прекрасных коммунаров.

В последний раз я видел Г. И. в Москве, в Кремлевской больнице, где он лежал с осложнением после гриппа. Всегда ясный ум и бодрость духа не покидали его.

Пожелаем же нашему юбиляру сил и бодрости для завершения дела, которому посвятил он свою жизнь, яркую жизнь, целиком отданную пролетариату и его партии, партии Ленина.

МАТЕРІАЛИ ПРО РЕВОЛЮЦІЙНУ ДІЯЛЬНІСТЬ Г. І. ПЕТРОВСЬКОГО

Архівні матеріали, що їх ми нижче вміщаємо, характеризують революційну діяльність Г. І. Петровського. Хоча більшість „донесений“ і написано казенною мовою, але вони з документальною точністю зафіксували факти. Жандармські управління, охоронні відділи, що охороняли царат і капіталістів од натиску робітничого класу, добре знали своїх ворогів, стежучи за кожним їхнім кроком. Григорій Іванович був професіональний революціонер, який все своє життя віддав на боротьбу з самодержавством і капіталістами за інтереси робітничого класу. Ось чому ми знаходили в цих архівах численні сліди тих переслідувань, що їх мав тов. Петровський за свою революційну діяльність. З міста в місто, із заводу у в'язницю, звідти на шахту й назад „кочував“ тов. Петровський. Поліція не залишала його в спокої. Катеринослав, Миколаїв, Харків, Маріупіль, Донбас були його маршрутом.

З одного місця в інше слідом за ним котилися донесення, запити, телеграми жандарів про його діяльність.

Особливої інтенсивності ці „слежки“ набрали після виборів Григорія Івановича до IV Державної Думи.

Тут буквально стежили за кожним його кроком спеціальні шпигуни (див. документи „слежка шпионов“). „Нет худа без добра“— говорить приповідка. Жандарі, сами того не бажаючи, зробили за все своє існування одну єдину добру справу, залишивши найцінніші матеріали, хоча й по „жандарському“ зафіксовані, для історії робітничого революційного руху.

Факти, викладені в документах, що тут містяться, як це видно із спогадів, друкованих матеріалів та інших не жандарських документів, в основному повністю відповідають дійсності, за винятком третьорядних деталей.

Ми вважаємо за зайве викладати зміст документів, бо останні з достатньою яскравістю говорять сами за себе.

Вважаємо за потрібне спинитися на деяких прізвищах першого доносу 1900 року, на початку якого згадуються Петро Морозов та Олександр Філімонов. Останні разом з Іваном Васильовичем Бабушкіним були тими пролетарями соціал-

демократами, які остаточно вплинули на політичний розвиток Григорія Івановича.

Бабушкіна, Морозова, Філімонова вислано було до Катеринославу із Пітера на початку 1897 року. Це були видатні робітники - самородки, навіть серед пітерських робітників.

Бабушкін, Іван Васильович, був безпосередній улюблений учень Леніна, працюючи з останнім, організував Петербурзький „Сюз боротьби за звільнення робітничого класу“ і перші могутні петербурзькі страйки, що вперше показали міць робітничого класу.

Іван Васильович Бабушкін (почасти другий сподвижник Леніна) і Ісаак Христофорович Лалаянц (був висланий до Катеринославу 1899 р.), що був часто на квартирі в Петровського, дали тверду революційну загартованість молодому 19-тилітньому Петровському.

Бабушкін, Морозов, Лалаянц та інші утворили в Катеринославі перші кадри робітників соціал-демократів. Петровський, Єгор (Юрій Матлахов) та низка інших, що вийшли з цієї „зграї славетних“, у свою чергу організовували в робітничих центрах України десятки й сотні робітничих соціал-демократичних гуртків.

50-річний ювілей Григорія Івановича є в той же час і 30-річний ювілей його революційної діяльності, яка тісно переплетена з усією історією революційного робітничого руху і з історією нашої партії.

* * *

Ми містимо також дві промови Г. І. Петровського в IV Державній Думі. Одну з них присвячено національному питанню, головню, — українському.

ДОКУМЕНТИ ПРО РЕВОЛЮЦІЙНУ ДІЯЛЬНІСТЬ ГРИГОРІЯ ІВАНОВИЧА ПЕТРОВСЬКОГО

(За матеріалами Укрцентрархіву)

1) Донесение Екатеринославского Губернского Жандармского Управления о революционной деятельности Григория Ивановича Петровского 1897—1900 г.г.

2) Справка Екатеринославского Губ. Жанд. Управления о революционной деятельности 1905 — 1913 г.г.

3) Выборы Г. И. Петровского в Государственную Думу:

а) Донесение из Луганска о выборе Г. И. выборщиком,

б) Донесение из Луганска от 5 ноября 1912 г. о впечатлении рабочих по поводу выборов Г. И. Петровского,

в) Резолюция рабочих с приветствием рабочих.

4) Донесение о революционной деятельности Г. И. Петровского в 1913 году.

5) Четыре донесения провокаторов о революционной деятельности Григория Ивановича.

6) Три донесения шпионов о слежке за т. Петровским.

ДОНЕСЕНИЕ ЕКАТЕРИНОСЛАРСКОГО ЖАНДАРМСКАГО УПРАВЛЕНИЯ О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРИГОРИЯ ИЗАНОВИЧА ПЕТРОВСКОГО ¹⁾

№ 4514

20 сентября 1900 г.

г. Екатеринослав

Секретно

В департамент полиции

Вследствие отношения от 11-го сего же сентября № 4025, имею честь сообщить Департаменту Полиции, что первоначальные агентурные сведения о преступной деятельности обвиняемого крестьянина Григория Петровского среди рабочих в гор. Екатеринославе были получены во вверенном мне управлении еще в начале лета прошлого года, при чем тогда не было выяснено, что он находился в сношениях с обвиняемым по ст. 252 и 318 ст. ст. улож. наказаниях, крестьянином Петром Морозовым и мещанином Александром Филимоновым.

Затем, при производстве расследования по делу распространения преступных воззваний в Екатеринославе, в ночь на 11-е октября прошлого года, опрошенный по этому делу крестьянин Петр Абрамов, между прочим, об'яснил, что названный Петровский с 1898 года ведет систематическую пропаганду среди рабочей молодежи в селе Кайдаках, снабжая их нелегальными изданиями.

В конце того же октября Петровский выбыл на родину для отбытия воинской повинности, но, не будучи принят на службу, в Екатеринослав не возвратился, а отправился в гор. Николаев, где поступил на Черноморский завод и, как видно из сообщения подполковника Дремлюги, немедленно завязал сношения с местными неблагонадежными рабочими, продолжая в то же время поддерживать связь со своими единомышленниками в Екатеринославе.

За несколько дней до ликвидации, 16-го апреля с. г., было получено агентурным путем сведение, что обвиняемый Иван Лавренев, Егор Матлахов и др. вызовут телеграммой Петровского в Екатеринослав для получения ожидавшегося транспорта майских воззваний, отпечатанных в тайной типографии в Кременчуге, и др. нелегальных изданий. Из имеющихся же у подполковника Дремлюги сведений видно, что Петровский действительно ездил в указанное время в Екатеринослав и по возвращении рассказывал, что едва не был застигнут обыском в ночь на 16 апреля в одной квартире.

¹⁾ Дело Ек - го губ. жанд. управл., 1901 г., № 38, том 3 - й. Днепропетровский Краевой Исторический Архив.

В виду вредного направления, Петровский в числе других рабочих, по распоряжению полицмейстера гор. Николаева, в начале мая с. г. был расчитан на Черноморском заводе и выехал вместе с рабочим Каштановым в Екатеринослав, где проживал до ареста без работы.

Здесь Петровский и Каштанов высказывали твердые намерения заняться организацией кружков среди рабочих, но невозможность найти работу побудила Каштанова выехать в гор. Харьков, где он поступил на паровозостроительный завод.

В конце июня наблюдением были замечены сношения Петровского с обвиняемым Николаем Лавриновичем, имевшим непосредственное сношение с интеллигентной группой, входившей в состав „Екатеринославского Комитета“, а в начале июля было получено агентурным путем сведение, что 3-го того же июля Лавринович передаст Петровскому для распространения 100 экз. вновь отпечатанного № 2 нелегальной газеты „Южный Рабочий“. Установленным по этому поводу наблюдением выяснено, что указанного числа Лавринович, посетив одного из членов упомянутого Комитета, обвиняемого помещика Сихму Левковича, вынес от него какой-то сверток, с которым направился в поселок Надеждино, где проживал Петровский. Заметив, в виду открытой местности, филеров, Лавринович спрятал упомянутый сверток в копнах сложенного вблизи дороги сжатого хлеба, где таковой и был найден 5 июля по указанию филеров, при чем в свертке действительно оказалось 100 экз. упомянутой газеты.

При обыске 3-го июля у Петровского был обнаружен черновик рукописей и воззваний, приглашающих рабочих объединиться и выступить на борьбу за лучшее будущее.

При допросе Петровский отрицал свою принадлежность к тайному обществу и всякое участие в преступной деятельности, а равно свое знакомство с обвиняемым Лавриновичем. По поводу обнаруженного у него рукописного воззвания объяснил, что составил таковой без всякой преступной цели, а просто ради упражнения в письме. Допросом же свидетелей Болеслава Манисиковского установлено, что Лавринович знаком с Петровским и упоминал как-то о деятельности последнего в революционном смысле, отозвался: „он из наших“.

Верно: Ротмистр Кременецкий.

СПРАВКА ИЗ ДЕЛА ЕКАТЕРИНСЛАВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ЧЛЕНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
4-го СОЗЫВА — ГРИГОРИЯ ИВАНОВИЧА ПЕТРОВСКОГО

Петровский. Григорий Иванович, происходит из крестьян Харьковской губернии, Волчанского уезда, Печенегской волости и села, окончил сельскую школу, по ремеслу электротехник. В 1905 году состоял на службе в Брянском заводе в гор. Екатеринославе, входил в состав местного коалиционного боевого стачечного комитета РСДРП. По распоряжению Временного Екатеринославского Генерал-Губернатора подлежал в ночь на 24-е декабря 1905 года обыску и аресту, но до этого успел скрыться из квартиры неизвестно куда. В 1907 г. Петровский в числе других ездил в качестве делегата от рабочих местного Брянского завода хлопотать перед членами Государственной Думы с.-д. фракции об открытии Брянского завода, каковой, в виду убийства начальника прокатных мастерских названного завода, инженера Мылова, не функционировал в течение трех месяцев.

15-го ноября 1912 года в гор. Екатеринославе были арестованы видные члены организации РСДРП, у коих по обыску были добыты письма от названного Петровского; означенные письма носили партийный характер.

Из циркуляра Департамента Полиции от 30-го ноября 1913 года за № 107322, что на состоявшемся в период от 25 сентября по 1 октября 1913 года за границей в Галиции совещании членов ленинского Центрального Комитета РСДРП принимал участие в числе других и член Государственной Думы 4-го созыва Петровский.

В настоящее время названный Григорий Иванович Петровский, будучи членом 4-й Государственной Думы, входит в состав бывшей „шестерки“ (ныне „семерка“) думской фракции РСДРП.

Во время думских каникул Петровский неоднократно об'езжал заводы Донецкого бассейна и Екатеринославской губернии с партийными целями, устраивал здесь собрания из рабочих, делал им доклады о деятельности думской с.-д. фракции. На этих же собраниях обсуждался вопрос о характере партийной работы среди рабочего элемента, о необходимости восстановления подполья, а также о способах конспиративного сношения рабочих с Петровским по гор. С.-Петербургу.

За последнее время Петровский ведет обширную переписку с рабочими по вопросам страхования и по поводу распространения среди рабочих легальной с.-д. газетной прессы, издающейся в гор. С.-Петербурге.

Отдельного Корпуса Жандармов

Ротмистр (подпись)

ВЫБОРЫ Г. И. ПЕТРОВСКОГО В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Помощник Начальника
Екатеринославского
Губернского Жандармского
Управления

Совершенно секретно

С р о ч н о

в Славяносербском уезде

14 Октября 1912 года

№ 6283.

г. Луганск

Доношу, что по имеющимся агентурным сведениям к избранию в члены 4-й Государственной Думы от рабочих намечен Григорий Иванович Петровский, избранный в выборщики большинством голосов: 184 избирательными против 10-ти неизбирательных.

Упомянутый Петровский состоит рабочим в гор. Мариуполе на заводе „Русский Провиданс“, он является руководителем предвыборного собрания уполномоченных в гор. Екатеринославе, 4-го сего Октября.

Григорий Петровский является деятельным работником партии Социал-Демократов. При поездке в г. Екатеринославе он вел агитацию среди уполномоченных об обязательном избрании в выборщики следующих лиц: Худокормова, Способного и Желтенького, каковые оказались впоследствии избранными в выборщики.

Ротмистр (подпись)

(Дело Екат. губ. жанд. упр., 1912 год № 50/2466, стр. 225. Хранится в Днепропетровском Краевом Историческом Архиве).

Помощник Начальника
Екатеринославского
Губернского Жандармского
Управления

Совершенно секретно

Л и ч н о

в Славяносербском уезде

5 ноября 1912 года

№ 6937

гор. Луганск

На № 14450

Во исполнение предписания от 16 октября с.г. за № 13985 доношу, что из числа выборщиков по Славяносербскому уезду никто в члены 4-й Государственной Думы не избран.

Рабочий элемент очень доволен избранием в члены 4-й Государственной Думы рабочего „Провиданс“ Г. И. Петровского,

который является убежденным деятельным работником партии Социал - Демократов, и рабочие надеются, что он будет ярким защитником интересов рабочего класса. По мнению рабочих, депутат Петровский будет более деятельным работником, чем бывший член Государственной Думы Кузнецов.

Из дел вверенной мне канцелярии видно, что в 1903 году Григорий Иванович Петровский отбывал шестимесячное тюремное заключение на основании ВЫСОЧАЙШЕГО повеления, в разрешение возбужденного о нем дознания по обвинению в государственном преступлении.

Ротмистр (подпись)

(Дело: Екат. Губ. Жанд. Управл. за 1912 г. № — 50/2466, лист 223 - а. Переховується в Дніпропетровському Кравмому Історичному Архіві).

Лозовая - Павловка, Екатеринославской губернии, 6-го мая 1913 года С.-Петербург, Таврический дворец, члену Гос. Думы Петровскому.

Дорогой товарищ, группа рабочих Орлово - Еленовской копи, где вы сделали доклад о деятельности социал - демократической фракции 4-й Гос. Думы, выделив из своей среды комиссию для непосредственных и постоянных сношений с Вами, постановила: выразить Вам и социал - демократической фракции глубокую признательность и товарищеское спасибо за ту, по нашему мнению, большую работу, которую Вы и социал - демократическая фракция делаете, стоя на страже интересов рабочего класса. Приветствуя социал - демократическую фракцию в ее работе и благодаря Вас, дорогой товарищ, за посещение нашего рудника мы . . . верим в плодотворность работы социал - демократической партии и, стоя под стягом российской социал - демократии, готовы оказать Вам свою посильную помощь.

Выборные от группы рабочих Орлово - Еленовской копи.

Дело по описи Ист.-Рев. Архива за 1913 год, № 92. Фонд Е. Г. Ж. У., страница 619.

РЕЗОЛЮЦИЯ РАБОЧИХ

На собрании рабочих г. Бахмута, на котором член Государственной Думы Г. И. Петровский прочел доклад о деятельности соц.-дем. фракции в 4-й Государственной Думе, принята была единогласно следующая резолюция:

Собрание, выслушав доклад тов. Петровского, приветствует этот шаг сближения рабочего депутата с пролетарскими массами и заявляет, что только его одного из всех членов Государственной Думы от Екатеринославской губернии и признает своим представителем.

Собрание, выражая свое доверие всей социал - демократической фракции, призывает ее и впредь стойко отстаивать политические, экономические и культурные интересы всех

национальных частей российского пролетариата, устанавливая для этого постоянную, тесную связь со всеми рабочими массами на местах.

Собрание выражает пожелание, чтобы тов. Петровский помещал впечатления и отчеты о поездке по его избирательному округу, а также материалы, доставляемые ему с мест, в обеих издаваемых в Петербурге ежедневных газетах.

Дело: Екат. Губ. Жанд. Упр. по описи Днепропетр. Ист.-Рев. Архива за 1913 год, № 31/2561, страница 538.

ДОНЕСЕНИЕ О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. И. ПЕТРОВСКОГО

Секретно

31 Августа 1913 года.

Во исполнение отношения Вашего Превосходительства от 27 августа сего года за № 15734 имею честь уведомить:

Еще ранней весной сего года в бывшем местном Охранном Отделении были получены вполне достоверные агентурные сведения о том, что предстоящие летние каникулы Государственной Думы члены крайне левых фракций последней намерены использовать для восстановления и укрепления работы на местах.

В целях наиболее действительного воспрепятствия преступной деятельности членов указанной фракции, в частности депутата Петровского, мною своевременно были приняты надлежащие агентурные меры и преподаны соответственные указания как чинам вверенного мне Управления, так и начальникам Уездной и Городской Полиции.

В последних числах июля месяца текущего года в Управление поступили агентурные сведения о том, что Петровский прибыл в Екатеринослав, но тотчас же, 30 июля, выехал в Киев для участия в состоявшемся там кооперативном с'езде. После 10-го августа Петровский из Киева возвратился в Екатеринослав, при чем по дороге останавливался в гор. Кременчуге, Полтавской губернии, где успел устроить организационное собрание местных рабочих.

15-го августа по вполне точным сведениям инициативой Петровского было устроено собрание рабочих местных заводов для выслушивания доклада о думской деятельности и обсуждения плана восстановления широкой партийной работы в гор. Екатеринославе и губернии, подорванной предыдущими мероприятиями администрации. Собрание это состоялось в Нижнеднепровске в лесу против острова „Сахалин“. И аресту не было подвергнуто лишь по причине удаленности места и техническим неудобствам наблюдения. На собрании присутствовало около 15 человек, но к каким-либо определенным выводам собрание это не пришло и Петровским было перенесено на 18-е августа,

при чем управлением были приняты все меры к задержанию этого собрания, когда будет оно состояться.

18-го августа около 6 часов вечера наблюдением было отмечено начало собрания в Нижнеднепровске на берегу Днепра в лесу Рохлина и тотчас же о сем было сообщено филером приставу пос. Амур-Нижнеднепровск, поставленному заранее прикомандированным к Управлению ротмистром Сердюковым в известность о необходимости спешного выезда и ареста собрания при первом сообщении о месте такового.

Лишь благодаря крайней медлительности пристава Буряка указанное собрание не было арестовано и прибывшим чинам полиции удалось застигнуть на месте лишь несколько участников его, расходившихся из лесу, при чем в числе их находился и член Государственной Думы Петровский.

Сообщая о сем добавляю, что депутат Петровский во время сессии Государственной Думы, так и во время каникул ведет активную революционную работу и ни одно из его личных или путем печати выступлений перед рабочими не проходит без влияния на повышение степени революционности настроения масс, ввиду чего все попытки Петровского к устройству всякого рода совместных с рабочими прогулок, собраний, докладов должны подлежать безусловному пресечению.

Подлинное подписал: Полковник Критский
С подлинным верно: Отдельного Корпуса
Жандармов — Ротмистр (подпись)

Дело Екат. Губ. Жанд. Упр. 1913 г., № 31/2561, стр. 446. Переховується в Дніпропетровському Краввому Історичному Архіві.

ДОНЕСЕНИЯ ПРОВОКАТОРОВ О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. И. ПЕТРОВСКОГО

Совершенно секретно

19-го апреля 1913 г.

№ 2984

гор. Луганск
1913 г.

Апреля 17 дня

Начальнику Екатеринославского
Губернского Жандармского
Управления

Агентурные сведения по партии социал-демократов

Член социал-демократической фракции в Государственной Думе Григорий Петровский, бывший рабочий Мариупольского завода „Провидас“, должен приехать на днях на Кадиевский

завод... с целью ознакомления рабочих с деятельностью социал-демократической фракции...

Депутат Петровский во время праздников св. Пасхи находился в г. Мариуполе, где имел совещание с рабочими заводов „Провиданс“ и „Никополь“.

Среди рабочих распространяются слухи, что приезд Петровского связан также с решением вопроса о праздновании дня 1-го Мая.

Центральный Архив Революции. Дело Юго-Восточного Районного Охранного Отделения № 1287 1913 г.

Совершенно секретно

Лично

№ 231

Апреля 24 дня 1913 г.

г. Екатеринослав

Апреля 23 дня

1913 г.

Начальнику Харьковского Губернского Жандармского Управления по Району

21 апреля приехал Петровский и того же числа вечером созвал собрание рабочих в Кайдаках возле села Диевки в степи. Присутствовало около 25 человек.

Петровский говорил по существу Думской работы и раскола. Предварительно Петровский был в Донецком бассейне, где делал доклады. 22-го утром он выехал в Петербург.

После собрания Петровский предполагал сделать демонстрацию на кладбище, но по настоянию некоторых рабочих намерение свое в исполнение не привел.

„Александров“

Центральный Архив Революции. Дело Юго-Восточного Районного Охранного Отделения. № 1 — 1226 1913 год. л. л. 82 — 83.

Совершенно секретно

Лично

Августа 22 дня 1913 г.

№ 5817

г. Екатеринослав

Августа 20 дня

1913 г.

Начальнику Харьковского Губернского Жандармского Управления по Району

Агентурные сведения по Российской Социал-Демократической Рабочей Партии

15-го августа в лесу в Нижнеднепровске должно было по инициативе члена Государственной Думы Петровского состояться собрание рабочих заводского и заднепровского

района для выслушания доклада Петровского и выработки плана воссоздания широкой работы на заводах.

Собрание это с некоторыми заминками состоялось, при чем явилось человек десять рабочих...

Петровский сделал доклад о Думской деятельности, повторяя в общем сказанное им в прежние свои приезды на Рождество и Пасху, а затем поставил на обсуждение предложение о форме будущей организации и высказал желательность создания стачечной волны как в городе, так и в шахтном районе, приведя в пример рабочих Баку, Чиатур, Петербурга, Лодзи и др., упрекнув при этом местных рабочих в инертности.

Собравшиеся рабочие, однако, отказались осуждать эти вопросы, не будучи уполномочены на это рабочими предприятий. В виду этого решили снова собраться в воскресенье часов в 5 вечера, в том же лесу или на Воронцовском острове.

1-го августа собрание это и состоялось в том же лесу в неполном составе и при участии новых рабочих...

Часть рабочих не попала на собрание, отправившись ошибочно на Воронцовский остров...

Петровский предполагает выехать в Донецкий бассейн.

„Александров“

Начальник Екатеринославского Губернского Жандармского
Управления Полковник Критский

Центральный Архив Революции. Дело Юго-Восточного Районного
Охранного Стделения № 1287 1913 г. л. л. 101 — 102.

4-го декабря 1913 г.

Секретно

№ 9534

Начальнику Екатеринославского
Губернского Жандармского
Управления

г. Луганск

1913 г. ноября 30 дня

Агентурные сведения по социал-демократической
организации

В Профессиональном обществе рабочих заводов Гартмана распространились слухи о предстоящем приезде члена Государственной Думы Г. Петровского, который намерен по прибытии в гор. Луганск сделать доклад о партийном расколе в Социал-Демократической фракции и об образовании новой рабочей фракции большевиков из 6-ти депутатов, а также с его приездом предполагают члены Профессионального общества приступить к партийной работе и вновь организовать ликвидированный кружок.

На-днях среди членов Профессионального общества рабочих завода Гартмана был произведен сбор в пользу политического арестанта Михайличенко — бывшего члена

Государственной Думы. Всего собрано только лишь пять рублей. Михайличенко отбывает наказание по суду в Бахмутской тюрьме.

Ретмистр (подпись)

Центральный Архив Революции. Дело Юго - Восточного Районного Охранного Отделения № 1 — 1288 1913 г.

СЛЕЖКА ЦАРСКИХ ШПИОНОВ ЗА Г. И. ПЕТРОВСКИМ

К и е в

Начальнику Губернского Жандармского Управления
К № 5156. Обратном выезде прошу сопровождать. № 5477
Полковник К р и т с к и й

Августа 4 дня 1913 года

М о с к в а

Начальнику Охранного Отделения

Прошу наблюдения депутатом Петровским выезде Екатеринослав сопровождать, телеграфировав последующее мне № 5227.

Полковник К р и т с к и й

Августа 5 дня 1913 года

Дело Катериин. Губ. Жандарм. Упр. № 31/2561 стр. 345 1913 г. (Переховується в Дніпропетровському Краєвому Історичному Архіві).

Вр. и. д.
Начальник Харьковского
Губернского Жандармского
Управления
По Юго - Восточному
району
9 сентября 1913 г.
№ 4474
г. Харьков

К о п и я
С е к р е т н о

По Особому Отделу По телеграмме за № 6123 Начальника Екатеринославского Губернского Жандармского Управления был принят в наблюдение на вокзале в гор. Харькове с поезда в 6 часов 59 мин. утра 7-го сентября от сопровождавших филеров названного Управления Анненкова и Чабина член IV Государственной Думы Григорий Иванович Пегровский.

Петровский, по докладу филеров Анненкова и Чабина, в пути от Екатеринослава до Харькова ни с кем свидания не имел.

По прибытии в Харьков Петровский сдал ручные вещи на хранение в багажное отделение и с вокзала пешком отправился, под наблюдением филеров района: Чумака и Качанова, на Кладбищенскую улицу в дом № 49, в квартиру Члена IV Государственной Думы Матвея Константинова Муранова, а наблюдений „Мурый“; в 11 час. утра вместе вышли и доехали в трамвае до Павловской площади; в Торговом переулке были утеряны, но, видимо, заходили со двора в ресторан „Чикаго“; в 2 часа 30 мин. дня Петровский и Муранов „Мурый“ замечены были приехавшими в трамвае из города; оба находились в квартире Муранова — „Мурого“. В 1 час. 51 мин. ночи на 8 сентября Петровский выехал с поездом № 6 — Ростовским в С. Петербург, на вокзал провожал его Муранов „Мурый“.

О выезде Петровского в С.-Петербург дана для сведения телеграмма за № 4453 Начальнику С.-Петербургского Охранного Отделения с указанием номера поезда, класса вагона и номера последнего.

Донося о вышеизложенном Вашему Превосходительству, докладываю, что копия настоящего представления вместе с ним за № 4475 препровождена Начальнику Екатеринославского Губернского Жандармского Управления.

Подлинное подписал

Подполковник К а з а к

С подлинным верно (подпись).

Дело: Екат. Губ. Жанд. Упр. 1913 г. № 31/2561, стр. 490. Переховується в Дніпропетровському Краввому Історичному Архіві.

ДВІ ПРОМОВИ Г. І. ПЕТРОВСЬКОГО В ІV ДЕРЖАВНІЙ ДУМІ

Перша промова Г. І. Петровського присвячена національному питанню, головню — українському.

Вона являє собою палкий протест проти національного пригнічення, проти того ладу, з яким останнє зв'язане.

Промова ця справила в свій час що - найсильніше вражіння й викликала шалену атаку всіх чорносотенців Державної Думи. Головними ораторами останніх виступив майбутній гетьман Скоропадський, М. Родзянко та інші.

Промову цю виголосив Г. І. Петровський 20 травня 1913 року.

Цю промову, за словами Г. І., він опрацював був укупі з Леніном¹⁾.

Ми її передруковуємо всю із стенографічного звіту засідання Державної Думи.

Текст промови, уміщеної в збірникові Н. Ленін — „Об Українне“ (див. зноску) значно відрізняється від того, що друкуємо нижче, не говорячи вже про те, що перший текст дуже стислий і скорочений.

ПРОМОВА Г. І. ПЕТРОВСЬКОГО В ІV ДЕРЖАВНІЙ ДУМІ²⁾

„Мне поручено несколько слов сказать, как к национальному вопросу относится наша фракция и как к национальному вопросу относится министерство внутренних дел. Национальный вопрос в России имеет очень громадное значение; один из героев государственного переворота 3-го июня контр-революционной современной политики, Столыпин, старался выкинуть для прикрытия всякого насилия и угнетения (шум; звонок Председателя) пресловутое национальное знамя. Он создал партию националистов, которые занимают довольно видное место в теперешней черной думе, и до сих пор национальная политика нашего правительства является боевой программой. Но духом злобствующего национализма пропитана

¹⁾ Див. в збірник Н. Ленін — „Об Українне“. „Пролетарий“, 1924 р., 52 стор.

²⁾ „Стенографические отчеты IV Госуд. Думы“ за 1903 г. Стор. 1778 — 1792.

не только политика нашего правительства; господствующие эксплуататорские классы в равной степени повернули к тому же национализму. Про совет объединенного дворянства, эту боевую силу нашего правительства, говорить нечего, правые партии, включая сюда даже (шум; звонок Председателя) и октябристов, все приветствуют всякие меры угнетения против народов финского, еврейского, польского, украинского, против народов татар, армян, против киргизов и башкир и т. д. Мало того, посмотрите на нашу оппозицию, на партии либеральной буржуазии вроде прогрессистов и кадетов,— последнее время и они начинают заражаться национализмом и притом в самом худшем его смысле.

Вполне будет уместно, если при обсуждении сметы министерства внутренних дел, этого главного выразителя официальной национальной политики, я остановлюсь несколько на этом, как представитель социал-демократического пролетариата, и скажу, как к этому относятся сознательные рабочие всей России вообще, и в частности, социал-демократы; я тем более считаю уместным сделать это, ибо я являюсь представителем пролетариата одной из многочисленных угнетенных народностей губернии, которые угнетаются и трагятся правительством. В Екатеринославской губ. находится почти 7/10, если не больше, украинского народа, на официальном языке они называются малороссами. Эта народность терпит бесконечные угнетения со стороны власть имущих, пусть же наряду с ними, с правительством и представителями его, наряду с ними прозвучит и голос представителя пролетариата, решающего национальный вопрос братским единением тружеников всех национальностей в борьбе против всяких помещиков и всякой буржуазии, к какой бы нации они не принадлежали, в борьбе против всякого политического порядка, если можно так выразиться, угнетающего всякую народность. В России великороссов всего 43⁰/₁₀₀, это значит менее половины населения, а между тем весь остальной народ признан иностранцами. Таким образом, большинство населения в России не имеет права и возможности говорить на родном языке и испытывает бесконечное насилие и гнет. Какую мудрую политику ведут наши черносотенцы, которые полными пригоршнями сеют здесь ненависть и презрение к себе. Россия принадлежит к числу наиболее пестрой национальной смеси. Теперь нашему великорусскому национализму и помещичьему патриотизму нет, кажется, равных в Европе и не только в Европе, но даже в Азии. Во всем мире не найти ничего хуже, ничего позорнее того, что продельвают у нас с угнетенными народностями. Нигде на земном шаре нет такого дикого средневекового учреждения, как черта еврейской оседлости. Миллионы граждан осуждены на несправедливое, на угнетение, все государство содержит себя возмутительным надругательством, и вся политика этого государства

только этим переполнена. В этой клоаке развиваются всякие лихоимства, только на почве этого отвратительного крепостнического порядка могут возникать такие бесстыдные чудовищные дела, как дело Бейлиса. Господа из правого и националистического лагеря, защищающие это безобразие и толкующие о своей заботе насчет культуры и прогрессов для России, не могут называться иначе, как только дикарями. Но помимо средневековых преследований евреев в варварской и дикой стране нашей преследование родного языка всех наций составляет как бы особую задачу правительства, в том числе преследование языков славянских наций, как украинская и польская. (Сафонов: „Славянских наций“). Черносотенцы, их лакеи, называют Россию великой славянской державой, быть может, только потому, что в этой великой державе находятся самые великие угнетения славянских народностей. Аресты, обыски, штрафы, полицейские преследования за тайное обучение родному языку (Сафонов: „Охранка“), скажите, где это еще сохранилось? Где это может быть в XX веке? Они происходят в великой славянской державе по отношению к славянским нациям, в России. Какой великий произвол и варварство, чем вы хвалитесь часто, г. г.? Как, несомненно, поистине великое средство для того, чтобы польские, белорусские и прочие инородческие дети с молоком матери впитывали ненависть к великой угнетательнице народов. Все это вы защищаете, г. г. Украинцу достаточно объявить, что лекция будет на народном украинском языке, то, хотя в этой лекции не будет содержаться ничего политического и преступного, ничего незаконного, эта лекция все-таки будет запрещена. Почему? Потому что она будет на украинском языке. И не только лекция, г. г., у меня тут есть несколько мелких заметок, где за непонятное слово люди привлекаются к судебному преследованию. Так, например, в Екатеринославской губернии, откуда я являюсь представителем, достаточно было сказать украинцу „підштрикнув“, что значит „подколол“, как судья признал, что он является свидетелем в подстрекательстве, за что и были осуждены те, на которых он указывал. Например, такое безобидное явление, как музыкальное общество в Полтаве; там полицеймейстер запретил рассказывать на родном украинском языке; директор Миргородской гимназии, просматривая программу одного концерта, сказал, что если будет сказано хоть одно слово на дурацком украинском языке - диалекте, то не будет ни одного ученика на этом концерте. В Лебединской мужской гимназии директор тоже запрещает говорить на украинском языке. На одном из уроков, когда один ученик обмолвился на украинском языке в доказательстве какой-то алгебраической теоремы, ему была поставлена двойка. Быть может вы скажете, это мелочь, но вы знаете, сколько из-за этих двоек у нас в средних учебных заведениях молодые жизни кончают свою карьеру,

вы знаете, сколько этих жизней пропало и из-за этой изуверской политики и преследований, которых вы являетесь сторонниками. Если мы говорим это перед вами, мы никогда не думаем, чтобы вас можно было убедить прекратить эти преследования, мы думаем, что, освещая такие факты в стране, в ней об'единятся все угнетенные для протеста против вас и для борьбы. Закрывается украинский клуб только потому, что там нашли книги, которые были пропущены через границу. Наконец, директор Миргородской гимназии вывесил в ее стенах объявления, в которых строго запрещает произнесение какого-либо слова на украинском языке. Мы получаем много наказов и просьб о том, чтобы эти факты осветить, насколько дик ваш гнет, и эти факты являются сюда не потому, что они случайно выражены в той или иной газете, а мы получаем целые наказания от студентов петербургских, московских, харьковских, киевских, от целых народностей. Наконец, полтавский губернатор не может утвердить Щербаковского в должности заведывающего этнографическим музеем только потому, что он украинский деятель.

Недаром, г. г., мы живем в великой славянской державе, если родные нам нации не имеют возможности говорить на своем языке. А между тем, полвека тому назад, когда Польша непосильным угнетением вынуждена была восстать против угнетателей, в это время само правительство выпускало воззвания к крестьянам-украинцам на этом самом языке, который оно сейчас преследует.

Поучительный случай в том отношении, какими средствами можно напомнить русским помещикам о забытых ими славянских языках. В то время, когда все цивилизованные нации мира соревнуют друг с другом в области народного просвещения и образования, этого единственного прогрессивного средства для того, чтобы спасти от развала, гноения и разложения страну, в России преследование этой грамотности и преследование славянских наций в области образования на родном языке действительно принимает неслыханные размеры. Украинские и польские крестьяне, неграмотность которых сохраняется искусственно, — я взял официальные данные „Ежегодника России“ за 1910 год, изданные министерством внутренних дел, смету которого вам предлагают одобрить, эти данные говорят, что в Европейской России процент грамотного населения, не считая до девятилетнего возраста, составляет всего 30% — это меньше половины того, что является в самой отсталой из европейских стран, в Австрии. Но, г. г., если безобразна и крепостнически позорна вообще русская безграмотность, безграмотность, охраняемая и насаждаемая нашим правительством, то еще она ужаснее на Украине.

Я взял семь чисто украинских губерний, т. е. губерний, в которых украинское население составляет $\frac{2}{3}$ всего населения.

Это губернии: Полтавская, Подольская, Харьковская, Киевская, Волынская, Екатеринославская и Черниговская. И что же оказалось — ни в одной из этих губерний грамотность не достигает и той среднерусской величины, о которой я сказал: в Екатеринославской губ. всего 29⁰/₀ населения, а затем грамотность спускается в следующих губерниях до 20⁰/₀. Вот все те точные данные, из правительственной политики взятые, относительно того, к какому разрушению и одичанию ведет наше правительство славянские нации великой славянской державы.

Итак, г. г., я вам давал данные относительно процента грамотности украинцев из „Ежегодника“ министерства внутренних дел 1910 года. Это не какие-нибудь частные исследования, и они считаются объективными для вас.

Но вот я должен вам сказать, что исследование в 1652 году архидиакона Павла Олеспкого об образовании тогда на Украине говорит, что почти все домашние, не только мужской персонал, но жены и дочери умеют читать, а переписи 1740 г. и 1748 г. говорят, что в семи полках гетмановщины Полтавской и Черниговской губ. на 1.094 села приходилось 866 школ с украинским языком преподавания, одна школа приходилась на 748 душ. В 1804 г. издается указ о запрещении учиться на украинском языке. Результаты национального гнета будут сказываться дальше. Перепись 1897 года показала, что самый малограмотный народ в России — украинцы; это было в 1897 г. и тогда выходило из 100 душ населения 13 грамотных; в то же время, г. г., за 9 лет собрано доходу с Украины 3.500.000 руб., немножко больше, вернулось обратно на различные расходы — 1.760 000.

Спрашивается, г. г., на какие же цели пошла половина из тех сумм, которые были собраны с Украины? Г. председатель бюджетной комиссии в своей речи по бюджету сказал, что громадная сумма нашего бюджета, 3.000.000 000 р. с лишним, собирается в большинстве случаев с самого что ни на есть бедного люда, это, быть может, с курения махорки, с цыгарок, как он выражался, со спичек и тому подобных продуктов, потребляемых низшим классом, и из этих именно копеек создается такой бюджет. В то же время председатель бюджетной комиссии говорит: „между тем, личная безопасность и имущественная, нельзя сказать, чтобы находилась в хорошем состоянии“. На что он намекал? Не намекал ли он на то, что у нас мало полиции, что нужно побольше ее, побольше агентов, побольше тюрем, он не сказал определенно. И такой либеральный лепет, конечно, не может служить тем положением, по которому он действительно бы стоял за те самые массы, которые создают громадные суммы на непроизводительные расходы нашего правительства.

Негры Северной Америки в великой свободной республике стоят гораздо ниже по образованию, нежели белые в той же

Америкѣ, тогда какъ среди бѣлыхъ безграмотныхъ всего 6⁰/₀, среди негровъ безграмотныхъ 44⁰/₀. Политика министерства внутреннихъ дѣлъ, политика г. г. Марковыхъ и Пуришкевичей въ Россіи до сихъ поръ держитъ славянскаго христианина въ неизмеримо большемъ одичаніи, чѣмъ держитъ негровъ въ Америкѣ. Какъ счастливы негры въ свободной странѣ и какъ несчастны, поработены те славяне, которые находятся въ великой славянской державѣ. Относительно поляковъ, г. г., до сихъ поръ еще не опровергнуто заявленіе, которое они сдѣлали въ третьей Государственной Думѣ, что въ Варшавѣ въ 1828 году было гораздо больше училищъ по сравненію съ населеніемъ, нежели ихъ приходилось въ 1900 году.

Вотъ какіе великолепные результаты по разгрому культуры и одичанію, того варварства, которое проводитъ министерство внутреннихъ дѣлъ по національному вопросу. Мнѣ только неясно было, когда депутатъ Мадеевичъ говорилъ вамъ и хотѣлъ популяризировать и рассказать, что такое „иезуитъ“. Мы знаемъ, что такое иезуитъ. Иезуиты это были монахи въ средніе вѣка, названіе это получилось отъ ордена последователей за Иисусомъ Христомъ, но мы также знаемъ, что за ними сохранилась хорошая репутація, когда этотъ иезуитизмъ преследовалъ свободные мысли, свободное вероученіе въ средніе вѣка, и больше всего эти иезуиты проявляли свою деятельность въ знаменитой святейшей инквизиціи, когда всякій инакомыслящій подвергался ауто-да-фе — съ благословенія этихъ самыхъ иезуитовъ и монаховъ жглись на кострахъ „безъ пролитія крови“ те, которые не такъ веровали, не такъ мыслили, какъ хотѣлось этимъ иезуитамъ или тому самому сословию монашествующему, которое имѣло тогда власть. Но онъ не только протестуетъ сейчасъ противъ гнета религіознаго, который применяетъ по отношенію къ нимъ наше правительство, онъ также протестуетъ и противъ національнаго гнета. По, г. г. польскіе депутаты, какою мерою мерите, такойъ вамъ и отмерятъ. Если вы допускаете у себя преследованіе евреевъ, то какъ смѣете протестовать противъ гнета на васъ? Вы посеяли ветеръ, такъ жните же бурю. Вашъ гнетъ и послѣдняя знаменитая травля евреевъ во всемъ польскомъ краѣ доказываетъ вашу близость къ нашимъ угнетателямъ. Вашъ гнетъ, г. г., также чувствуется въ Галиціи, надъ галиційскими украинцами, и поэтому заявленія и протесты были бы тогда действительно искренними и имѣли бы силу, если бы, г. г., вы, польскіе депутаты, отрѣшились бы отъ того націонализма, которымъ вы травите и преследуете евреевъ въ своемъ краѣ.

То, что относится къ иезуитизму католическому, такъ ярко проявляющемуся и сейчасъ въ Западной Европѣ, гдѣ католицизмъ стоитъ вместе съ богатыми и съ угнетателями бѣднѣйшихъ классовъ. все то, что относится къ нему въ области притесненія инакомыслящихъ, все это относится, г. г., и къ нашему духовенству.

Развѣ наше духовенство не такими же почти способами преследуетъ сектантовъ? И вотъ, когда тутъ священникъ Генецкій

рассказывает о том, что ему присланы от священников и старост наказ и послание о том, чтобы там сохранить все, как сейчас есть, если бы отец Генецкий сказал, что ему это прислало население, то это было бы дело другого рода, но если он как раз получает от заинтересованных в угнетении национальностей и религиозных исповеданий других людей, получает этот наказ именно от них, то это не может служить доказательством правильности той политики, которую одобряет о. Генецкий. А то, что наши товарищи из нашей фракции говорят вам, что вы действительно развиваете дурман для народа, морочите ему голову и не даете ему правильного понятия о братстве и действительно истинном учении Христа, так это также верно, и потому верно, что тогда бы ваши представители священники сидели с неимущим населением, а вы ведь сидите с помещиками, сидите с богачами, с буржуазией, но вас нет среди истинных представителей пролетариев и крестьянства. (Голос справа: „А в деревнях“?)

И в деревне ваша деятельность только относится к тому, чтобы заглушить и забыть сознание крестьянской массы добычей необходимой им земли. Г. г., кто из вас стоял за то, чтобы скорей наделить крестьян землей? (Крупенский: „Бросьте, это старое“). Старое, но вечно новое. Когда голодают наши крестьяне, 20.000.000 — 30.000.000, этот лозунг непременно надления крестьян землей, эти речи никогда не будут старыми. Политика министерства внутренних дел относительно преследования всех народностей в особенности проявляется к народностям славянским, хотя, кажется, они не инородцы, по расе и по языку сродны с нами, а между тем их притесняют. Вот, г. г., например, похороны Коцюбинского в Чернигове. Ректор семинарии запретил семинаристам петь на похоронах. Кажется, что здесь преступного? Дальше, полицеймейстер явившись в церковь, заявил, что венков нести перед гробом не позволит. Здесь вы видите соединение духовных властей с полицейскими, что каждым шагом русской действительности подтверждается, и вам, г. г., не опровергнуть этого положения.

Но было бы неправдой, было бы несправедливо, если бы я, говоря о политике министерства внутренних дел в национальном вопросе, обошел молчанием ту идейную поддержку, которую дают нашему черносотенному правительству некоторые конституционные демократы, это Струве из „Русской Мысли“ и „Молвы“ с компанией, г. г. Пуришкевичи и Марковы, вместе с их классом и бюрократией, ведут активную борьбу за угнетение большинства населения России. Эта варварская политика никого уже не обманет. Погромы были и остаются тем позорным столбом, к которому прикована, г. г., ваша политика в национальном вопросе. (Крупенский I: „Великолепно!“). Г. г., идейные вожди-кадеты обманывают народ свой в очень распространенной либерально-буржуазной прессе. (Крупен-

ский І: „Браво! сейчас он сказал, что кадеты обманывают народ“. Шум, звонок председательствующего). Называясь демократами, они защищают идею господствующей нации. (Шум справа, звонок председательствующего). Вот против этого обмана демократии вообще, и пролетарской демократии в особенности, необходимо решительно протестовать и предостеречь страну. Украинцы, изволите ли видеть, не имеют права на родной язык ни в средней, ни в низшей школе, ни в земстве, ни в сеймах. Политические деятели, договорившиеся до этого, просто лакеи черносотенцев (К р у п е н с к и й І: „Фу, как нехорошо“. Голос справа: „Непарламентское выражение“) и в среде последовательных черносотенцев заслуживает только презрения (К р у п е н с к и й І: „Это так написано“), ибо понятие „демократия“ включает в себе безусловно признание полного равноправия нации.

Наши прогрессисты и октябристы вместе с правыми, г. г. недавно еще науськивали и старались втравить нас в войну с Австрией. Но, г. г., я должен вам сказать, что в Австрии ведь большинство населения состоит из славян. Затем, там еще с 1867 года существует конституция и обеспечены основы политической свободы. Вы также знаете, г. г., что в Австрии нет таких зубров, которых вы вчера видали здесь тоскующими о крепостничестве, которые отрицают право на самоуправление в земствах, и нет тех, которые отрицали бы право даже на автономию сейма. А Австрии, г. г., не существует позорной черты еврейской оседлости. В Австрии, г. г., существует всеобщее избирательное право, против которого для русских крестьян так страшно протестовал священник Филоненко и против которого, г. г., все депутаты в рясах голосовали (С а ф о н о в: „Мы не в рясах, а протестуем“). Действительно, решение национального вопроса в России, как и в других странах, возможно, во-первых, только при полном демократизме, обеспечивающем последовательное и свободное развитие национальностей, на основах полного национального самоопределения. (С а ф о н о в: „Вы националист“?), а затем, вперед всего, этого слияние, объединение пролетариата всех национальностей в борьбе за социализм, против всякой буржуазии, против всяких помещиков, разжигающих вражду как национальную, так и расовую.

Г. г., когда Европа сбрасывала с себя оковы крепостничества и абсолютизма для того, чтобы заложить прочные основы политической свободы, прогресса цивилизации и культуры, тогда буржуазия вся признавала именно этот тезис, т.-е. признание за нацией права на самоопределение. Эти бесспорные требования сейчас лежат в основе всей международной демократии. Если теперь буржуазия в Европе повернулась сплошь и рядом к этому же национализму, то это только из-за страха перед освободительным движением пролетариата. На словах буржуазия и в России признает необходимость политической свободы,

даже октябристская буржуазия это признает, но не может быть действительной политической свободы в стране, где не обеспечена свобода национального развития, и те, кто поддерживает смету министерства внутренних дел в вопросе национальном, будут поддерживать также и бороться против осуществления у нас свобод вообще. Кто истинно стоит за равноправие национальностей, тот не может поддерживать никаких национальных привилегий ни в школе, ни в земстве, ни в какой-либо государственной или общественной деятельности. А у нас, г. г., избирательный закон, помимо бесстыдных привилегий буржуазии и помещикам, дает великороссам в четыре раза больше прав, нежели польскому гражданину.

Разве, г. г., не прав я, говоря, что наши правые октябристы и правительство делают из России великую угнетательницу всех наций славянских? Возьмите вопрос о государственном языке: те же партии, правительство, затем даже кадеты из „Русской Мысли“ и „Молвы“ проповедуют необходимость одного государственного языка. Но это есть привилегия одним великороссам. А я спросил бы вас, г. г., вот Швейцария, которая не имеет никаких привилегий языков в своем государстве, хотя она очень пестро населена разными нациями, что, разве в ней хуже, чем у нас, разве вы не знаете, что там устройство лучше, культура и прогресс в сто раз быстрее идут, что итальянцы, составляющие меньшинство населения, не подвергаются там травле, которой подвергаются у нас другие нации?

Возьмите другие примеры, хотя бы о праве всех наций на самоопределение. Наши помещики и официальные круги стараются внушить народу мысль, что самоопределение наций губительно отразится на государстве, но посмотрите на Швецию и Норвегию: вот вам культурные государства. Вы знаете, что благоустройство, цивилизация и образование там в сто раз выше стоят, чем у нас. В 1905 году Норвегия захотела отделиться от Швеции, и что же? Мирно и свободно она отделилась, несмотря на то, что хотя Швеция имеет вдвое жителей больше, однако, там не стали травить Норвегию, не стали подбивать народ свой на травлю против норвежцев или на борьбу против Норвегии, не стали навязывать ей гнет Швеции, однако, там, я говорю, о войне, конечно, не думал никто. Норвежцы, т. е. меньшинство, мирно живут и сейчас, получают полное уважение от всех европейских стран и ничего буквально в этом отношении не проиграла, наоборот, добровольная и сознательная связь стала нерушимой и крепче, и живут они гораздо лучше, чем где-либо.

Разжигание национальной вражды — вот девиз нашего министерства внутренних дел — разрознить и властвовать. Разделение в национальном вопросе всех партий, г. г., — вот это ваша самая главная задача. Поэтому, вопрос о

національному світу або про національну ворожнечу має коренне значення для російської демократії. Повне єднання демократії в стані досягти тільки політичної свободи і забезпечити її; навпаки, в інтересах поміщиків, в інтересах реакції лежить національна травля, яка посилює боротьбу за свободу. Громадське більшість справді-російських поміщиків, правих, націоналістів, октябристів і кадетів, бере участь в прибутках підприємств рука об руку з єврейськими іноземними капіталістами. Візьміть всі великі заводи, торгові підприємства, ви там знайдете представників всіх цих партій; але в національній політиці ви вимагаєте саме панства свого, так званого державного мови, тут ви не допускаєте об'єднання всіх національностей.

Там, де стосується спілки капіталістів і поміщиків, там ви дійсно утверджуєте братський спілок між ними, але, саме, наші поміщики і буржуазія заперечують рівноправність національностей і політики, вони повністю визнають цілком і безоговорочно абсолютне рівноправність капіталу з капіталом православному в справі угнетення робітників.

Поміщики-капіталісти і міністерство внутрішніх справ можуть сказати про свою політику приблизно так: тайком ми всі попиваємо вино, а перед народом распинаємося за трезвість, робітники навчаються в багатьох місцях Росії і навчилися давно розпізнавати вашу лицемірію, і лицемірію буржуазії, і лицемірію націоналістических поміщиків. Крики і воплі проти євреїв в нашій державній печаті і в правій, травля українців за український сепаратизм і за бажання мати свої середні навчальні заклади, свої школи, — все це національне розпалювання ворожнечі — одне ієзуїтське прикриття і прагнення роз'єднати робітників євреїв, російських, поляків, армян, татар, грузин, латышей, і т. д.

Але робітники давно зрозуміли зміст цієї політики, робітники протиставили йому своє нерозривне єднання в усіх формах самодеятельности — буде ли це професійний спілок, буде ли це кооператив, буде ли це яка-небудь просвітительська організація, читання робітничими газет, ячейки, партійні організації всіх націй, лозунги єднання між усіма трудящимися. Національному шовінізму і міжнародному об'єднанню капіталу робітники протиставили своє міжнародне об'єднання боротьби проти капіталізму, проти буржуазії, об'єднанню всіх експлуататорів — об'єднання експлуатованих. Нам уже недостатньо старого лозунга — братства народів, ми знаємо часто, що буржуазія цим лозунгом зловживала і замість „братства народів“ вона несла отравлення і розпалювання національної ворожнечі, якою затемняла маси народу в боротьбі з капіталізмом і поміщиками, со всіма експлуатуючими класами.

Мы требуем осуществления братства пролетариата всех народов и братства всех угнетенных и эксплуатируемых, и поэтому социал-демократическая фракция вносит следующего содержания мотивированное заявление:

„Принимая во внимание, что политика министерства внутренних дел, являясь органической частью дворянско-помещичьего режима 3 июня, направлена: 1) против рабочего движения, попирая полицейскими мерами всякое проявление рабочей самодеятельности, разрушая профессиональные союзы, просветительные общества и все учреждения, созданные рабочими для защиты своих интересов; 2) что министерство самым циничным образом подавляет всякую попытку рабочих путем стачек улучшить свое положение, при чем открыто ставится на защиту хозяев, высылая и арестовывая бастующих, и тем делает невозможным для рабочих борьбу с хищнической эксплуатацией предпринимателей; 3) что министерство в своей борьбе с народом оградило полицейской стеной деревню, насаждая в ней крепостнические порядки и поддерживая в ней произвол и опеку помещиков; 4) что министерство своей карательной политикой превратило страну в осажденную крепость, где малые и большие сатрапы ежедневно совершают дикие набеги на печать, общественные учреждения и попирают всякие проявления самодеятельности демократических слоев населения; 5) что министерство ведет неслыханную травлю национальностей: евреев, поляков, украинцев, кавказских и других национальностей, разжигая шовинистскую и националистическую вражду с единственной целью отвлечь их от борьбы с общим врагом — старой властью; 6) принимая, далее, во внимание, что всякий бюджет современного государства построен на основе управления классового господства и хозяйничания эксплуатирующего меньшинства, а данная смета является частью такого бюджета, который социалистический пролетариат отвергает целиком; 7) что эта смета, составленная из расходов на полицию, тюрьмы, шпионаж и разнообразные средства борьбы с народными массами и их самодеятельностью, является продуктом преимущественного хозяйничания контрреволюционного авангарда крепостнического дворянства и опирающейся на него неликвидированной старой власти. — мы, представители российского пролетариата, считая теперешнее правительство одним из оплотов европейской реакции в свержении которого заинтересован весь социалистический пролетариат, выражая недоверие всякому хозяйничанию господствующим классам, и, в еще большей степени, хозяйничанию героев переворота, голосуем против сметы министерства внутренних дел“. (Рукоплекскания слева¹).

¹) Стенографические отчеты Гос. Думы за 1913 г. Стр. 1778 — 1792.

ВЫДЕРЖКА ИЗ РЕЧИ ТОВА. ПЕТРОВСКОГО В ІV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ¹⁾

Мы знаем, г. г., что большинство этой Думы враждебно относится к рабочим, и рабочие не могут рассчитывать ни на Думу, ни на правительство, ни на капиталистов, они должны упорной борьбой добиваться себе лучшей жизни и лучших условий. Я скажу, г. г., что такое положение долго продолжаться не может, тот, кто придавлен нуждой, гнется в три погибели, роет уголь внизу под землей и света солнца не видит, вечно молчать не будет. Годы страданий выкуют в шахтерах неуклонное стремление борьбы с современным порядком. За это ручается история развития рабочего движения в России и в других странах. Было время, когда шахтеры угля в Англии были, по словам исследователя, доктора Стевенса, слишком невежественны для того, чтобы знать свои права на здоровье, там были такие же приблизительно условия, какие теперь у нас, это было в 1864 г., а во время недавней забастовки горнорабочих в Англии один из вождей рабочих на митинге заявил военному министру, — там на митингах, как вы видите, министры могут быть, — он заявил этому министру, что еще неделя забастовки, и все производство в стране станет, а дальше сказал, что весь могучий флот, который если растянуть, то он будет более 21 мили, превратился в пустые коробки. Вот могущество силы горнорабочих в Англии. Там, в Англии, г. г., рабочие уже добились восьмичасового рабочего дня, добились и минимума заработной платы, ниже которой капиталист в горном производстве не может положить. Добьются лучших условий и шахтеры в России, хотя вы и ставите им преграды; они их сметут, сметут и тот строй, который сковал их и сделал рабами, добьются они конфискации помещичьих земель, восьмичасового рабочего дня и заживут свободными гражданами в демократической республике, улучшив борьбою свое положение: они поднимут одною рукою, державшей кайло и лом, красное знамя социализма и пойдут вместе с шахтерами всего мира, с пролетариатом на борьбу за социалистический строй... (Шум справа).

Председательствующий. Пожалуйста, потише я не слышу.

Петровский... где не будет частной собственности ни на орудия производства, ни на землю, ни на недры ее, где будет земля служить всему человечеству, а не отдельным паразитам. (Рукоплескания слева).

¹⁾ Государственная Дума. Стенограф. отчет 1913 г. Часть III, стр. 1411.

I

БОРОТЬБА ЗА ЖОВТЕНЬ
НА УКРАЇНІ

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ В БОРЬБЕ ЗА ОКТЯБРЬ ¹⁾

Во второй половине 1917 года началось сильное полевение рабочей массы, что объяснялось, главным образом, обострившимися классовыми противоречиями и неспособностью меньшевиков разрешить последние. Одновременно заметно росло влияние большевиков в профессиональном движении.

Эти два параллельно идущих процесса проявились, хотя и в неодинаковой степени, как в фабзавкоммах и их объединениях, так и в профсоюзах и их центральных органах. Большевистские лозунги „вся власть советам“, „долой коалиционное правительство“ — становились более популярными и среди украинских рабочих, которые в крупных центрах с большим энтузиазмом встретили выступления петроградского и московского пролетариата в Октябрьские дни.

Но участие украинских рабочих в Октябрьском перевороте не везде было одинаково. Не все пролетарские кадры Украины одинаково быстро осознали глубокий смысл и значение Октябрьского переворота, не все части украинского рабочего класса одинаково быстро освобождались от разлагающего влияния соглашательских, „социалистических“ партий, которые единым с буржуазией фронтом резко выступили против Октябрьской революции, призывая рабочие массы к активной борьбе с нею.

Перед каждым профсоюзом, перед каждым завкомом и каждым отдельным рабочим стал вопрос — с кем идти? Этот же вопрос стал во всех городах Украины и перед центральными объединениями профсоюзов и фабзавкомов. Рабочая масса настоятельно требовала ответа на него.

Во всех городах Украины, за исключением Киева, преобладающее влияние меньшевиков как в советах рабочих депутатов, так и в советах профсоюзов сохранилось вплоть до победы Октябрьской революции. Это и определило отношение советов и профсоюзов как к Октябрьскому перевороту, так и к советской власти.

¹⁾ Окончание. См. „Л. Р.“, 1927 г. № 5 — 6.

Когда весть о пролетарской революции в Петрограде докатилась до Украины, с первых же дней начались выступления рабочих, выразившиеся не только в принятии резолюций сочувствия Октябрьскому перевороту, но и в столкновениях отдельных групп рабочих с отдельными отрядами контр-революции, пытавшейся перейти в контр-наступление.

Наиболее ярким было выступление киевских рабочих. Большевики в Киеве имели преобладающее влияние в ЦБ союзов и Центральном Совете фабзавкомов уже с первых недель их образования. Борьба с меньшевиками и эсерами сосредоточивалась, главным образом, в Совете рабочих депутатов, где они хозяйничали вплоть до Октября. Завоевание Совета стало основной задачей большевистских кадров в Киеве, и главные удары мелкобуржуазным партиям наносились именно в этом политическом органе. Накануне Октября эта задача была разрешена, а к моменту Октябрьского переворота большевики имели большинство в Совете рабочих депутатов. На состоявшемся 27 октября объединенном заседании Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с профсоюзами и фабзавкомами была принята резолюция с выражением сочувствия петроградскому пролетариату и гарнизону и о всемерной поддержке их с оружием в руках¹⁾.

Когда в конце октября восставший киевский пролетариат очистил Киев от власти Временного правительства, киевское ЦБ и Совет фабзавкомов выпустили воззвание, в котором сообщалось, „что в результате героической борьбы революционных солдат и рабочих контр-революционные войска, поддерживавшие власть помещиков и капиталистов, разбиты, и в Киеве, как и во всей России, контр-революционное правительство Керенского низложено“.

10 ноября общее собрание Киевского Совета профсоюзов большинством 22-х против 4-х и при 4-х воздержавшихся приняло резолюцию, в которой приветствовало Совет Народных Комиссаров, сформированный II съездом Советов, и заявляло, что единственным источником власти в России является Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.

После Октябрьского переворота (30 ноября 1917 года) Советом рабочих депутатов вместе с ЦБ союзов и Центральным Советом фабзавкомов была объявлена всеобщая забастовка протеста против разоружения украинскими военными властями большевистских воинских частей.

Таким образом в целом ряде выступлений киевский пролетариат выявил свою преданность большевикам и пролетарской революции и готовность защищать октябрьские завоевания.

¹⁾ Юбилейный номер газеты „Киевский Пролетарий“, статья „Этапы борьбы и строительства киевских профсоюзов“.

Совершенно иным было отношение к Октябрьскому перевороту со стороны профсоюзных верхушек в других крупных городах Украины.

В Одессе уже 28 октября 1917 г. Совет профессиональных союзов зафиксировал свое отрицательное отношение к событиям в Петрограде в специальной резолюции, которая „признает захват власти Петроградским Советом вопреки воле большинства демократии гибельным для дела революции“.

Осуждая братоубийственную войну и требуя ее немедленного прекращения, резолюция считает, что единственный выход из создавшегося положения — это создание однородной власти, опирающейся на все слои „революционной демократии“ (протокол ЦБ, одесский архив труда).

Профессиональное движение в Екатеринославе в Октябрьские дни тоже еще не порвало с меньшевиками, и они продолжали хозяйничать и в Совете рабочих депутатов и в Совете профсоюзов, несмотря на то, что отход отдельных пролетарских кадров от соглашателей начался значительно раньше и что лозунг „вся власть Советам“ в предоктябрьские дни пользовался большой популярностью в трудящихся массах.

Центральный Совет профсоюзов в Екатеринославе неоднократно демонстрировал свое враждебное отношение к большевикам и эту враждебность он сохранил и после Октябрьского переворота. „Союзам,— говорилось на одном из пленарных заседаний Совета профсоюзов,— нужно начать активную борьбу против гражданской войны, за возвращение к заветам первых дней (Февральской революции), за созыв Учредительного собрания, которое одно в грозный час, переживаемый нашей революцией, способно спасти ее, спасти промышленность, молодую республику и ее главного защитника — рабочее движение, захлестываемое мутною волною стихийно-анархического прилива“¹⁾.

В Д о н б а с с е, как мы увидим ниже, Октябрьский переворот вызвал громадный отклик в рабочих массах. К сожалению, у нас нет достаточных материалов, характеризующих отношение профессиональных верхушек к перевороту... Однако из материалов происходивших в предоктябрьские дни областных конференций, положивших начало центральным союзным объединениям, видно, что в профессиональном движении Донбасса в это время еще хозяйничали меньшевики. Хотя и здесь, как уже говорилось в первой части статьи, можно было наблюдать значительное полевение рабочей массы вследствие безрезультатных переговоров с горнозаводчиками, тянувшихся все лето, как в местных, так и в центральных инстанциях. Нужно еще учесть, что большая часть территории Донбасса входила в Екатеринославскую губернию, и таким образом идеологическое

1) Новополин и Беренштейн. Очерк профдвижения в Днепропетровске.

влияние Екатеринославского Губпрофсовета распространялось и на профдвижение в Донбассе.

Однако, отход от соглашательских партий совершался здесь так же быстро, как и в других местах, и к моменту Октябрьского переворота влияние большевиков было значительно.

Отношение Харьковского Совета профсоюзов к Октябрьскому перевороту было, конечно, отрицательным, ибо в течение всего 1917 года в нем неизменно сохранялось политическое влияние меньшевиков. Судя по сохранившимся протоколам Харьковского Совета профсоюзов, последний отметил свое отношение к Октябрьскому перевороту в специальной резолюции.

Но Совет профсоюзов резко не выявил все - таки свое отрицательное отношение к советской власти. Так, например, по вопросу об избрании местного комиссара труда, назначенного Временным правительством, собрание профсоюзов приняло по предложению Центрального Совета следующую резолюцию: „не входя в обсуждение принципиального вопроса о возможности выбора Советом комиссара, как представителя правительственной власти, и оставаясь на прежней точке зрения, что единственным исходом из создавшегося политического кризиса является немедленное создание однородной революционной демократической власти, правления Харьковского Совета профсоюзов выполнить предложение Совета Нар. комиссаров не считают возможным“. Пленум Совпрофа подтвердил эту резолюцию большинством 20 голосов против 12.

В Харьковском Совете профсоюзов преобладающее влияние имели меньшевики - интернационалисты, поэтому он и не выступил против Октября так прямо, как это сделали Одесский и Екатеринославский профсоветы.

На Украине помимо меньшевиков и эсеров, против захвата власти рабочими выступали и украинские „социалистические“ группировки, также претендовавшие на власть после падения Временного правительства.

В одних местах раньше, в других позднее, но в январе 1918 г. советская власть была установлена во всех крупных центрах Украины. Перед рабочими массами и перед руководящими рабочими организациями стал вплотную вопрос об отношении к этой власти не только идеологически, но и практически. Вопрос стоял так: сотрудничать ли с нею или игнорировать ее, помочь ли ей укрепиться или же бороться против нее всякими средствами, вплоть до вооруженной борьбы.

Как известно, украинские эсдеки и эсеры стали на путь решительной вооруженной борьбы против советской власти, не брезгая помощью немецких штыков. Меньшевики и эсеры частью непосредственно вели вооруженную борьбу, частью содействовали ей и всячески противодействовали укреплению

рабочей власти. Несколько иную позицию занимали меньшевики - интернационалисты, которые, отвергая методы вооруженной борьбы против Советов и признавая возможность сотрудничества с нею, поскольку она была силой, всячески тормозили на деле установление, укрепление и развитие советской власти.

Конечно, надежной опорой пролетарской власти были большевистские кадры, удельный вес которых после Октябрьского переворота на Украине колоссально вырос.

Таким образом, в зависимости от соотношений партийных группировок в том или ином городе, в зависимости от степени их влияния в профорганизациях, намечалась и линия поведения последних в отношении советской власти.

В Одессе соотношение партийных сил в Совпрофе мало изменилось и после прихода советской власти. Это определило линию поведения этого руководящего профессионального органа, о чем свидетельствует его декларация по вопросу о признании советской власти, в которой заявлялось, что последняя „уничтожает в корне идею профессионального движения, заменяя организованную борьбу пролетариата декретами, идущими сверху; советская власть ведет к полному распаду профессиональных союзов, являющихся единственно планомерной формой экономической борьбы пролетариата“.

В противовес советской власти декларация считала необходимым „сосредоточение власти в Одессе в руках демократически избранного городского самоуправления при участии представителей Советов“.

В отношении захвата советами власти в Одессе декларация отмечает, что „инициаторы захвата не могли не учесть исключительного положения Одессы в связи с национальными спорами в России, не могли не знать, что задуманный акт вызовет братское кровопролитие...“

Декларация выражает протест против устранения комиссара труда Риса и отмены всех его постановлений и говорит, что этим был „нанесен материальный и моральный ущерб всему одесскому пролетариату“.

Признав далее, что „Исполнительный комитет, как таковой, в нынешнем его составе не мог оказать доверия и поддержки образсвавшейся в Одессе советской власти“, декларация призывает рабочих к идейной борьбе против нее.

Декларация в комментариях не нуждается. Чего другого можно было ждать от мелкобуржуазных соглашателей, систематически предававших интересы рабочего класса?

Не лучше были отношения между советской властью и профсоюзной верхушкой в Екатеринославе. Еще 2 декабря 1917 г. Исполнительным Комитетом Совета профсоюзов была принята резолюция, которая считала невозможным проводить в жизнь декреты и законы, издаваемые советским правительством

А 3 января, после установления советской власти в Екатеринославе, большинством голосов была принята следующая резолюция :

„Развитие производительных сил и роль рабочего класса не дает предпосылок к диктатуре пролетариата и социалистической революции ; гражданская война разрушает единство революционного фронта и способствует реакции в колеблющихся слоях российского населения. Разрушающийся государственный аппарат бессилён противостоять хищным войскам Гинденбурга, растёт пропасть между рабочими и крестьянами, что более всего сказывается на профсоюзах, усиливая безработицу“¹⁾.

Екатеринославский профсоюзный руководящий аппарат, как видим, в предательстве пролетарской революции не отставал от одесских соглашателей.

Советская власть была установлена в Харькове в декабре. Вопрос о переизбрании Совета профсоюзов был поднят позже, и новый состав его был избран лишь 16-го февраля на пленарном заседании Совета. Выборы производились по двум спискам: большевистскому и антибольшевистскому. По первому списку прошло 6 человек, а по второму — 7.

Как же отнеслось антибольшевистское большинство Совета профсоюзов к советской власти?

В протоколах заседаний Харьковского Совпрофа мы не находим никаких прямых указаний относительно саботажа советской власти. Из протоколов видно, например, что Совпроф делегировал своих представителей во все хозяйственные и административные учреждения по мере их развертывания. В январе были посланы представители в революционный трибунал, в районный совет народного хозяйства, в учетно-ссудный комитет госбанка, в страховое присутствие, в комиссию по ликвидации учебного округа и в коллегия по разрешению принципиальных вопросов при комиссариате труда.

Из этих данных можно заключить, что Харьковский Совет профсоюзов стоял на позиции сотрудничества с советской властью. Но это сотрудничество далеко не означало полного признания политики большевиков — по целому ряду принципиальных вопросов труда были серьезные расхождения.

23 января перед правлением Совпрофа стал вопрос о трудовом посредничестве. Несмотря на то, что Совпроф не отказался еще от своей принципиальной меньшевистской позиции в этом вопросе (это показало выработанное им впоследствии положение о трудовом посредничестве), правление одобрило передачу городской биржи труда в ведение Совета, считая, что „при советской власти биржа труда объективно лишена возможности исполнять свои посреднические функции на прежних

1) „Известия“ от 6 января 1918 г. „В Совете профсоюзов“.

началах". В комитет биржи труда пленум делегировал 5 человек¹⁾.

По вопросу о рабочем контроле Совпроф не успел определить свою принципиальную позицию, ибо после обсуждения его на пленуме, где выявились различные точки зрения, решено было этот вопрос поставить снова на широкой конференции правлений союзов (эта конференция не успела собраться в виду оккупации), а до окончательного принципиального разрешения его делегировать своих представителей в Совет по рабочему контролю²⁾.

По вопросу о национализации предприятий Совпроф, если судить по сохранившимся протоколам, также не выявил своей принципиальной позиции в какой-нибудь общей резолюции. Но если судить по резолюции по частному вопросу (вопрос о национализации прачечных), то можно сделать вывод, что Совпроф относился к национализации предприятий положительно, вероятно, впрочем, тоже по „объективным“ причинам.

Резолюция по вопросу о национализации прачечных гласит: „Признать возможным и целесообразным в интересах государства и рабочих данного производства национализацию только крупных прачечных и мастерских химической чистки и красилен и то лишь при условии объединения их в несколько больших предприятий. Национализация предприятий может быть произведена областным или районным советом народного хозяйства, смотря по тому, в чью компетенцию разрешение этого вопроса входит“³⁾.

Таким образом, Харьковский Совет профсоюзов, в отличие от Екатеринославского и Одесского, не особенно саботировал рабочую политику советской власти, а принимал участие в ее проведении, хотя по ряду вопросов и не соглашался с принципиальной позицией большевиков.

Такое отношение Харьковского Совета профсоюзов к советской власти объясняется тем, повторяем, что преобладающее влияние в нем имели меньшевики - интернационалисты.

Остановившись на том, каково было положение в Полтаве, мы видим, что во второй половине 1917 г. влияние большевиков в профессиональном движении здесь значительно возросло.

Октябрьский переворот был встречен полтавскими рабочими с большим энтузиазмом. В целом ряде союзов сменилось руководство, и большевики стали руководить движением. К этому времени в Полтаве, с одной стороны, уже оформились организации и учреждения Центральной Рады, претендовавшей на власть, но, с другой, не были еще ликвидированы другие органы власти — Совет и городское самоуправление.

1) Изготавливаемой к печати Истпартом ЦК хроники профдвижения в Харькове.

2) Хроника профдвижения в Харькове.

3) Протоколы Харьковского Совета профсоюзов.

Профсоюзам надо было выявить свое отношение к Октябрьским событиям. Экстренное собрание Центрального Бюро профсоюзов вынесло решение о признании единой власти Советов как в центре, так и на местах. Но не все союзы стояли на этой позиции. Союзы железнодорожников, фельдшеров и учителей поддерживали Центральную Раду. Союз земских служащих поддерживал Временное правительство. Все же остальные союзы были за советскую власть.

25 октября в Полтаве организовался совет революции, который захватил власть, несмотря на то, что городская дума продолжала считать себя центральной властью в городе.

В этой напряженной революционной обстановке произошло обновление Центрального Совета профсоюзов и были произведены перевыборы бюро. Влияние большевиков в руководящем органе усилились еще больше, что видно из изменения устава Совета профсоюзов, куда был введен специальный пункт о необходимости передачи власти советам.

Новый состав Центропрофа вместо комиссара труда, назначенного городским самоуправлением и Временным правительством, избрал комиссаром труда т. Свистуна (большевик, председатель союза металлистов). Благодаря влиянию большевиков профсоюзы Полтавы не только поддерживали советскую власть, но и стали на ее защиту, как только появилась угроза контр-революции.

В конце ноября войска Центральной Рады начали поход против советской власти, и в Полтаве был поднят вопрос об организации Красной гвардии. В этой работе профсоюзы принимали самое активное участие¹⁾.

10 декабря Центропроф обратился ко всем профсоюзам со следующим документом:

„Извещение

Центральный Совет профессиональных союзов извещает, что запись в Красную гвардию должна производиться каждым союзом, при чем товарищи, члены правления, должны строго проверять желающих записаться. После записи списки должны быть представлены на утверждение Центрального Совета.

Просьба делегировать одного члена от каждого союза в культурно-просветительный отдел при Центральном Совете. № 172 — 10/XII — 1917 г.“.

Вскоре Полтава была занята Богдановским полком, который разгромил Совет. Исполком был арестован.

14 декабря был созван расширенный пленум Центропрофа с правлениями союзов и фабрично-заводскими комитетами.

¹⁾ Из очерка профдвижения в Полтаве, подготовляемого к печати полтавским Истпрофом.

Большинством голосов було постановлено провести 15 декабря однодневную всеобщую стачку в знак протеста против насилия, совершенного над Советом¹⁾.

Таким образом, за исключением Киева, где преобладающее влияние большевиков в ЦБ сохранилось с самого начала его образования и до падения советской власти, и за исключением Полтавы, где влияние большевиков укрепилося с момента Октябрьского переворота, во всех городах Украины соглашательские партии и после Октябрьского переворота продолжали хозяйничать в советах профсоюзов.

Но последние скоро перестали отражать настроения основных пролетарских кадров. Массы относились к Октябрю иначе, чем профсоюзная верхушка.

Союзы металлистов на Украине во всех почти городах были главною опорою большевиков, и в момент Октябрьского переворота они являлись передовым отрядом в борьбе за советскую власть.

В Харькове союз металлистов с самого начала его образования и до прихода советской власти имел большевистское правление, представители которого все время отстаивали в

1) По поводу забастовки Центропрофом было выпущено следующее воззвание:

„Товариші!

На 15 грудня призначена однодневна забастовка (страйк) протесту проти насильства над членами Виконавчого Комітету Ради Робітничих, Салдатських і Селянських Депутатів, проти провокаційної діяльності представника Центр. Ради, підполковника Ревуцького.

В цей день ні один сознательний член семьї пролетаріяту не мусить йти на роботу.

Всі з майстерні — на мітинги.

В Музичну школу. В театр Рекорд, де з 10 годин ранку ми будемо вирішувати останні події, які загрожують нашим здобуткам, які загрожують революції.

Товариші, сила й міць великої Російської революції була в штиках революційної армії, але, коли революція, збільшуючись з кожним днем, обеззброє революційних салдат, робітник повинен йти на арену боротьби, й заявить, що те, що добуто кров'ю салдат і робітників, вже не віднімуть кучка капіталістів та поміщиків.

Ні — не віднімуть. Руки геть від наших революційних організаторів ставників - борців!

Завтра, товариші, нашою одностайною забастовкою ми мусимо показати свою міць і організованість.

Нехай маленька Полтава буде грізним гласом можливої бурі.

Хай бояться гніву пролетаріяту гади, які підняли руку на головні здобутки робітників, салдат і селянина Совіт, на Виконавчий Комітет і на кращих представників.

Хай кожний робітник знає, що його робота 15-го грудня, в день одностайної забастовки, зробить владу для поміщиків і капіталістів і губить всі здобутки робітників.

Пам'ятайте, товариші, що, підкорившись буржуазії один раз, ви згодом віддасте і 8-годинний робочий день і всі інші здобутки робітників.

Хай живе солідарність робітничого класу!

Хай живе революція!

Хай живуть Ради Робітничих та Салдатських Депутатів!“

Совете профсоюзов точку зрения большевиков по всем разбираемым вопросам. В связи с июльскими событиями правление союза металлистов посылает Центральному Исполнительному Комитету телеграмму с протестом против клеветы на вождей большевизма и ареста некоторых из них. В телеграмме этой подавление пролетарских выступлений квалифицировалось как первое открытое торжество контр-революционных сил. „Тактика вождей, большинство Центрального Исполнительного Комитета, — говорится в телеграмме, — бессознательно открывает ворота самой крайней монархической контр-революции“.

Хотя на паровозостроительном заводе в июне месяце общим собранием рабочих по текущему моменту была принята меньшевистская резолюция, но после июльских событий общее собрание этого завода уже протестовало против ареста вождей большевизма. Во время московского совещания общее собрание завода приняло резолюцию, в которой приветствовало московских рабочих, выступивших на улице против этого контр-революционного собрания¹⁾.

А в конце ноября, когда украинская Рада объявила о включении Харьковской губернии в сферу ее власти, общее собрание рабочих ХПЗ (28 ноября) приняло следующую резолюцию:

„Протестуем против действий Украинской рады, которая подчинила себе Харьковскую губ., не спросив рабочих и беднейшее крестьянство. Протестуем против непризнания власти, т.-е. С. Р. С. и Кр. Деп. на Украине, требуем немедленного съезда С. Р. С. и Кр. Деп. на Украине. Мы приветствуем рабочее и крестьянское правительство в лице народных комиссаров и требуем немедленного выполнения тех декретов, которые изданы для народа“.

Такая же эволюция произошла с заводом Гельферих-Саде. С первых дней революции и до Октября завод этот был под политическим влиянием меньшевиков. А 4-го ноября общее собрание завода в количестве 2500 человек приняло следующую резолюцию: „Рабочие завода Гельферих-Саде горячо приветствуют Петроградский Совет Р. и С. Д., как истинного и верного защитника рабочих, солдат и крестьян. Мы заявляем, что вся власть как на местах, так и в центре должна перейти к Совету Р. С. и Кр. депутатов, которые в своем составе должны быть представителями всей революционной демократии“²⁾.

В Екатеринославе (Днепропетровске) металлисты, ставшие на позицию большевиков еще в половине 1917 г., после Октябрьского переворота являлись опорой советской власти. На заседании Совета рабочих депутатов 27 октября они голосовали за резолюцию о немедленном переходе власти в руки

¹⁾ Хроника профдвижения в Харькове.

²⁾ Из хроники профдвижения в Харькове.

Советов. А, когда Совет профсоюзов принял резолюцию против сов. власти и выпустил соответствующее воззвание, металлисты выступили 15 января 1918 г. с протестом против этого контр-революционного акта.

Отколов от ЦБ целый ряд индустриальных союзов, металлисты взяли на себя инициативу по созыву конференции правлений профессиональных союзов для реорганизации Совета, изменения устава его и форм представительства.

В момент наступления немецких, калединских и петляуровских полчищ рабочие екатеринославских заводов и словом и делом стойко защищали свою пролетарскую власть.

На собрании рабочих завода Гантке (2.000 человек) была принята следующая резолюция:

„В час неизмеримо тяжких испытаний для революции, в момент, когда германские насильники вместе с русской и украинской буржуазией ведут белогвардейцев, юнкеров и гайдамаков душить советскую власть и социалистическую революцию на Украине и по всей России, мы, рабочие завода Гантке, клянемся отдать все наши силы и средства на защиту дела пролетарской революции“¹⁾.

Общее собрание Днепровского завода призывало всех рабочих к „сплочению вокруг советской власти и идти на борьбу, не робея перед лицом грозной опасности“. А общее собрание Брянского завода постановило наперечь все силы для организации поддержки сердцу революции, красному Петрограду, и решило „приступить к формированию Красной социалистической армии“²⁾.

То же самое можно было наблюдать в Донбассе, в Одессе и в Киеве. Всюду металлисты являлись передовым отрядом в борьбе за советскую власть.

В Одессе уже в первой половине 1917 г. металлисты были настроены против меньшевиков и все время вели борьбу с соглашательским Советом профсоюзов.

В феврале 1918 г. общее собрание завода Беллино-Фендрих (одного из крупнейших в Одессе) решило отправить на фронт первый отряд (в 100 человек) „лучших защитников дела революции“.

В Юзовке рабочие завода Н. Р. О. в подавляющем большинстве стали на платформу большевиков и вынесли резолюцию, в которой приветствовали петроградских рабочих и солдат, свергших иго капиталистов и передавших власть советам раб., солд. и красн. депутатов в лице народных комиссаров³⁾.

Октябрьский переворот нашел горячий отклик и у горнорабочих, среди которых в первый период соглашательские партии свили себе теплое гнездо. По мере приближения

1) Очерк продвижения в Днепропетровске.

2) Там же.

3) „Донецкий Пролетарий“, № 17 от 21 XI 1917 года.

к Октябрю настроение горнорабочих менялось, и, освобождаясь от влияния соглашателей, они все более восторженно воспринимали большевистские лозунги, становясь в ряды борцов за Октябрьскую революцию.

Общее собрание рабочих и служащих на рудниках № 5 и 8 Южно-русского общества в количестве 5000 человек „приветствует свержение правительства Керенского и шлет свой полный братского чувства привет революционным рабочим и солдатам города Петрограда и Москвы“¹⁾.

Чистяковский Совет рабочих депутатов, признавая II Всероссийский съезд Советов полномочным решать в стране вопросы политического и экономического характера и считая действия, выразившиеся в перевороте в дни 25 и 26 октября, правильными, постановил: „поддерживать всемерно как правительство, созданное этим съездом, так и те мероприятия в виде декретов о земле, мире, рабочем контроле и т. д.“²⁾.

Тов. Магидов, об'ехавший в декабре 1917 г. Донецкий бассейн, сообщил на страницах газеты „Донецкий Пролетарий“ интересные данные о настроении рабочих.

„7 месяцев со дня Великой Российской революции,— писал он,— господствовавшие столь недавно партии эсеров и меньшевиков работали над усыплением и успокоением рабочих Донецкого бассейна. Эсеры и меньшевики старались прежде всего направить движение по руслу гражданского мира“³⁾.

В результате этой соглашательской работы „в громадном большинстве районов Донецкого бассейна еще до сих пор рабочий день выражается в 10—12 час.“, а заработная плата повысилась далеко не в соответствии с ростом дороговизны. Так, например, по Лисичанскому району зарплата повысилась на 200—300 процентов, а продукты первой необходимости повысились на 500—1000 и более процентов.

Тов. Магидов привел целый ряд фактов, свидетельствующих о тяге горняков к большевикам. Так, например, на всех рудниках Марьевского района рабочие единогласно подтвердили, что единственный выход из экономического и политического кризиса—это энергичная поддержка всех мероприятий правительства народных комиссаров.

В Успенско-Ольховском районе на конференции Успенского района союза горнорабочих, где присутствовало 38 делегатов от 10.000 организованных рабочих, единогласно была принята резолюция о поддержке власти Советов раб. и кр. депутатов. На Екатеринославском руднике,—по сообщению тов. Магидова,—из 1900 человек, имеющих право голоса, 1356 человек подали голоса за список большевиков.

¹⁾ „Донецкий Пролетарий“, № 10 от 12 ноября 1917 г.

²⁾ „Известия Юга“, № 212, 1/XI 1917 г.

³⁾ „Донецкий Пролетарий“, № 31, 9/XIII 1917 г. „Дорожные впечатления“.

„Политика Раб. и Крест. правительства,— заканчивает свой обзор тов. Магидов,— всюду и везде встречает огромное сочувствие“. На целом ряде рудников были вынесены резолюции, клеймящие политику Центральной Рады.

Общее собрание горнорабочих Брянского рудника, „приветствуя Рабоче - крестьян. правительство, решительно, протестует против политики теперешней Центр. рады — Рады украинской буржуазии и помещиков — и считает единственной властью на Украине Всеукраинский с'езд Советов Раб., Солд. и Кр. Депутатов“¹⁾.

Общее собрание ртутного рудника в принятой резолюции также заявляло, что только „власть советов в России и на Украине несет избавление всем трудящимся без различия национальности“.

Аналогичные резолюции были вынесены и на многих других рудниках.

Все вышеприведенные факты указывают на сильное полевание горнорабочих к моменту Октябрьской революции. Это подтверждается и тем, что областная конференция горнорабочих Донецкого бассейна, состоявшаяся 2—5 октября 1917 г., приняла решение, в котором указывалось, что „профессиональные союзы в состоянии будут полностью осуществить стоящие перед ними ответственные задачи лишь тогда, когда власть в стране перейдет в руки рабочих, солд. и крестьянских депутатов. Профессиональные союзы не должны ограничиваться узкою сферой экономической борьбы. Стоя на классовой позиции пролетариата, они должны находиться в непрерывной связи с его политическим движением, являясь одною из форм борьбы рабочего класса за его конечные цели“²⁾

Активное участие в борьбе за власть советов принимали и железнодорожники.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы хотя и не дают полной картины, но достаточно характеризуют настроение железнодорожников в крупных городах Украины.

Как известно, среди железнодорожников чрезвычайно сильно было распространено влияние соглашательских партий, особенно в первой половине 1917 года.

Как уже было указано в предыдущей главе, для апрельского с'езда железнодорожников Екатеринбургской дороги полуоборонческая резолюция о войне Всероссийского Совета рабочих депутатов казалась слишком левой. А первый делегатский с'езд этой же группы железнодорожников, состоявшийся 3 октября 1917 г. и одобивший назначение комиссаром дороги рабочего - большевика, свидетельствовал уже о резком переломе в их настроениях.

1) „Донецкий Пролетарий“, № 39, 19/XII 1917 г.

2) „Известия Юга“ от 8 декабря 1917 г.

После Октябрьского переворота железнодорожники в Совете голосовали за резолюцию о немедленном переходе власти в руки Советов, а железнодорожный Исполком приступил к организации вооруженных боевых дружин на екатеринославском узле и по всей железнодорожной линии, что в значительной степени содействовало победе советов над гайдамаками и Центральною Радой в декабре 1917 года.

Характерно также, что на чрезвычайном Всероссийском железнодорожном съезде, на котором соглашательские элементы, поддерживавшие Учредительное собрание, получили большинство, семь из девяти делегатов Екатеринбургской железной дороги голосовали вместе со сторонниками советской власти¹⁾.

В Одессе железнодорожники, по мере приближения к Октябрю, становились все более на позицию большевиков. Уже с июля - августа 1917 г. руководство союзом перешло к большевикам. Рабочие одесских железнодорожных мастерских приняли резолюцию, которая выражает „глубокое презрение соглашателям с буржуазией, меньшевикам и эсерам, шлет горячий привет истинно - революционным вождям т.т. Ленину, Зиновьеву, Троцкому, Каменеву и другим“. А 29 - го октября президиум Одесского Железнодорожного Революционного Комитета постановил твердо поддерживать товарищей, восставших в Петрограде²⁾.

„В Одессе вся власть, — говорилось в воззвании К - та, — должна быть в руках революционного комитета и Сов. Раб., Солд., Матр. и Кр. депутатов“.

По сообщению газеты „Голос пролетария“ (органа Одесского Комитета РСДРП), на заседании ж.-д. рабочих районного комитета 3 января при обсуждении вопроса о признании Генерального Секретариата Ц. Р. в Киеве или власти Народного Секретариата, образовавшегося на съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов в Харькове, за Народный Секретариат высказалось 117 человек, а за Центральную Раду — два человека.

А 11 января общее собрание рабочих и служащих главных жел.-дор. мастерских, состоявшееся по вопросу о текущем моменте, единогласно присоединилось к резолюции, принятой Советом рабочих депутатов этих же мастерских. Резолюция эта приветствовала новую власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в лице Совета народных комиссаров и требовала немедленного проведения в жизнь декретов о мире, земле, контроле над производством и промышленностью.

Заканчивалась она так: „Мы приветствуем Украинскую народную раду в г. Харькове и обещаем свою полную поддержку

1) Новополин - Беренштейн — „Очерк профдвижения в Днепропетровске“.

2) Из материалов Одесского Истпрофа.

пролетарско - крестьянскому правительству. Мы обещаем всеми силами способствовать налаживанию транспорта. Приветствуем декрет о роспуске Учредительного собрания, которое не выражает воли народа“.

Что касается железнодорожников харьковского узла, то они до Октябрьского переворота стояли на позиции „Викжеля“. После же Октябрьских дней они стали активными борцами за советскую власть.

Уже с того момента, когда Временное правительство отказало им в прибавках, их доверие к соглашателям рухнуло, и на собраниях харьковские железнодорожники начали принимать резолюции, направленные против „Викжеля“:

„Могучая железнодорожная армия,— писал В. Ф. в газете „Донецкий Пролетарий“, № 27 от 3/ХІ 1917 г.,— отшатнулась от правительства Керенского, тем самым выразив свое недоверие политике мелкобуржуазных элементов, меньшевиков и эсеров, ясно увидев в то же время правильность лозунгов революционной социал - демократии, действительных защитников трудящегося класса“.

3 ноября состоялось общее собрание служащих, мастеровых и рабочих харьковского узла Южных дорог. Были заслушаны доклады членов „Викжеля“, Кривошеина и Досева; о работе Всероссийского Исполнительного Комитета и позиции, занятой „Викжелем“. Большинство ораторов высказывалось в том духе, что „Викжель“ должен отказаться от нейтральной позиции, от позиции соглашательства. Собранием была принята следующая резолюция:

„Признавая позицию, занятую „Викжелем“ по отношению революционного пролетариата и армии, неправильную, а посему и требуем от „Викжеля“ объявить себя сторонником революционного пролетариата и революционной армии и объявить, что власть должна перейти к Советам Рабочих, Солд. и Крестьянских депутатов, при чем способствовать всеми средствами разгрому контр - революционных банд и очистке от реакционного элемента центральных служб и министерства“¹⁾.

Общее собрание работников харьковских жел. дорог, заслушав 23 ноября доклад о текущем моменте, постановило приветствовать народных комиссаров, как верховную власть в России. „Приветствуя II Всероссийский съезд С. Р. Солд. и Кр. Депутатов, собрание требует скорейшего Всеукраинского съезда Сов. Раб., Солд. и Кр. Депутатов, который должен выделить из себя Исполнительный Комитет и должен быть высшей властью на Украине“²⁾.

На чрезвычайном делегатском съезде Южных дорог большевики завоевали большинство и им была вынесена резолюция

1) „Известия Юга“, № 193, 7 (20) ноября.

2) „Донецкий Пролетарий“ от 26 ноября.

о полной и активной поддержке Петроградского Совета, руководимого большевиками.

Не останавливаясь на деталях, нужно в общем признать, что железнодорожники оказывали активное содействие завоеванию советской власти на Украине. Их роль была особенно велика в боях против всякого рода контр-революционных русских, украинских и немецких полчищ.

„Борьба тогда велась, главным образом, по линии железных дорог. Вооруженные силы сравнительно с тем пространством, которое в периоде борьбы приходилось преодолевать, были крайне незначительны, наступали в вагонах, отступали в вагонах, преследовали то же в вагонах“¹⁾.

Помощь железнодорожников, следовательно, имела огромное значение и часто исход боя зависел от их участия.

И железнодорожники не оставались нейтральными в этих боях. Харьковскому красногвардейскому отряду только при содействии железнодорожников удалось в декабре 1917 г. прогнать гайдамаков и занять станцию Лозовую. Когда эшелоны петлюровских войск заняли станцию Знаменку, против них выступили железнодорожники и заставили их в беспорядке отступить. Точно так же по линии Бахмач - Киев вместе с советскими войсками вели наступление и железнодорожные красногвардейцы. Среди отрядов, взявших Киев, был также отряд красногвардейцев - железнодорожников в 190 человек.

Незачем говорить о роли железнодорожников и их Красной гвардии в Январском восстании в Киеве, когда ж.-д. район держался до конца в героической борьбе с гайдамаками.

После падения Арсенала Петлюра, расправившись с городскими повстанцами, взялся за ликвидацию железнодорожных красногвардейцев. Но последние оказывали упорное сопротивление и продержались почти до прибытия советских войск. Часть железнодорожников держалась на бронированном поезде, часть забаррикадировалась в железнодорожных мастерских²⁾.

В решительном сражении с гайдамаками в Одессе железнодорожники также принимали активное участие.

„О начале боя извещаются железнодорожные мастерские и железнодорожная Красная гвардия. Тревожные гудки железнодорожных мастерских известили рабочих о сборе. Рабочие немедленно бросили станки, тревожно спрашивая, в чем дело. Тогда раздались призывы: „Товарищи, к оружию! У нас отнимают свободу и хотят сделать нас покорными рабами Центральной Рады. Товарищи, все как один, к оружию, идем сражаться против гайдамаков“.

Записанные в ряды Красной гвардии рабочие моментально бросились в склад, где раздавалось оружие, разбились на

¹⁾ И. Шелыгин. „Красная гвардия на Украине“, стр. 48.

²⁾ Там же, стр. 62.

отряды и вступили в бой. При большом одесском вокзале был даже устроен госпиталь, куда поспешно заготовляли носилки, перевязочный материал и медикаменты¹⁾.

Таким образом, железнодорожники не только резолюциями, но и активной борьбой выявили свое отношение к советской власти.

Из других союзов, сначала до конца стойко выполнявших свой революционный долг в Октябрьской революции, нужно упомянуть союз швейников.

Еще накануне Февраля в целом ряде городов имелись союзы швейников (на нелегальном или легальном положении), в которых большевики имели преобладающее влияние. Между Февралем и Октябрем швейники, хотя и не имея большого удельного веса в общей массе индустриального пролетариата, являлись повсюду (после металлистов) наиболее боевыми революционными отрядами большевистской армии, подготовлявшей победу Октябрьской революции на Украине.

В Харькове и Екатеринославе вслед за металлистами освободились от меньшевизма швейники, а в Киеве и Одессе они вместе с металлистами с первых же дней Февральской революции начали борьбу с соглашательским Советом профсоюзов.

И до и после Октября швейники, наряду с металлистами, горняками и железнодорожниками, занимали передовые позиции в борьбе за советскую власть...

Рамки статьи не позволяют мне остановиться более детально на остальных союзах, которые пошли вслед за металлистами на борьбу за укрепление пролетарской диктатуры.

Из этих союзов надо упомянуть кожевников, строителей, деревообделочников, пищевиков и т. д.

Само собою разумеется, что не во всех городах Украины и не в одинаковой степени союзы эти проявляли активность в борьбе за Октябрь, но в общем можно сказать, что без их поддержки победа не была бы возможной.

Приходится отметить и такие союзы, которые эту поддержку начали оказывать, к сожалению, слишком поздно и в далеко не достаточной мере. Печатники позже других индустриальных союзов начали отходить от соглашателей. Среди союзов, поддерживавших в дооктябрьский период позицию большевиков, мы ни в одном городе не встречаем союза печатников. И в решительные Октябрьские дни не все печатники стали в ряды бойцов за пролетарскую диктатуру, среди них, к сожалению, нашлось немало изменников пролетарскому делу, было немало меньшевиков.

Когда в Екатеринославе, в связи с Октябрьскими событиями, Совет рабочих депутатов принял резолюцию о закрытии

¹⁾ И. Шельгин, стр. 75.

буржуазной газеты „Приднепровский Край“, союз печатников, в котором все время хозяйничали меньшевики, постановил: „впредь до пересмотра Советом своего постановления не выпускать ни одной газеты“¹⁾). Меньшевики - правленцы, взявшие под свою защиту контр-революционный орган, мотивировали это, конечно, не столько материальными интересами рабочих и служащих, работающих в „Приднепровском Крае“, сколько „принципом свободы печати“. Такова была логика мелкобуржуазных соглашателей, прихвостней буржуазии, предававших рабочий класс в тот момент, когда восстание Корнилова угрожало всем его завоеваниям.

К чести екатеринославских печатников нужно отметить, что не все они последовали за предателями. В самом правлении союза оказалось четыре человека, разделявших позицию большевиков. Эти товарищи, вопреки решению правления, приняли все меры для обеспечения выхода большевистского органа „Звезда“, за что правление постановило поставить на ближайшем общем собрании печатников вопрос об исключении их из союза за нарушение союзной дисциплины. Это постановление касалось также и тех, которые отказались прекратить работу по выпуску большевистского органа.

Все эти товарищи, преданные профессиональному суду за выполнение ими революционного долга, подали в Совет рабочих депутатов следующий протест:

„Мы, нижеподписавшиеся 4 члена правления профессионального союза печатников, настоящим протестуем против оглашенной на пленарном заседании Сов. Р. и С. Д. 31 октября резолюции от имени союза печатников. Мы считаем, что в настоящий исторический революционный момент союз печатников, как таковой, не имел никакого нравственного права лишать революционный Екатеринослав своих газет.

На экстренном заседании правления 31-го октября мы дважды предлагали разрешить продолжать набор газет, но это было дважды отвергнуто.

Не считая возможным брать на себя хотя и малую долю ответственности за такие действия правления, мы демонстративно покинули зал заседания правления.

После нашего ухода была принята резолюция, оглашенная на пленарном заседании. Узнав содержание резолюции, мы объявили остальным членам правления, что протестуем против этой резолюции и считаем, что в столь ответственный революционный момент партийная дисциплина для нас выше профессиональной, и приняли меры к тому, чтобы наша газета могла выйти в свет хотя в урезанном виде.

За эти действия правление профессионального союза печатников приняло решение предложить ближайшему общему

¹⁾ Очерк проф. движения в Днепропетровске, стр. 24.

собранию исключить нас из членов союза, а пока отстранило от работы в правлении.

В заключение считаем необходимым подтвердить наш протест против действий правления за весь день 31-го октября. „Опальные“ 4 члена правления проф. союза печатников: Перельман, Гольбергштадт, Липчук и Шполянский. К этому протесту присоединяются рабочие газеты „Звезда“ в числе 10 человек¹⁾.

На Волыни печатники тоже выступали против большевиков. По сообщению газеты „Трудовая Волянь“, № 199 от 26 ноября 1917 г., „общее собрание рабочих печатного дела, заслушав доклад о насилиях, учиненных большевиками над печатью, постановило выразить свой глубокий протест. Печатники заявляют, что против насилия над свободой слова они будут бороться всеми доступными им средствами независимо от того, откуда бы эти насилия ни исходили“.

К сожалению, у нас нет данных об отношении правления союза к этому собранию и о количестве рабочих, присутствовавших на нем. Но в постановлении ясно чувствуется предательская рука меньшевиков.

Нет у нас также данных, характеризующих линию поведения союза печатников в Октябрьские дни в Одессе и Харькове. Среди индустриальных союзов, не поддержавших контрреволюционные выступления советов профсоюзов, печатники не числятся.

Исключением являлся город Киев, где печатники (хотя и позже, чем все остальные индустриальные союзы) отвернулись от меньшевиков и заняли соответствующее им место в общей борьбе за Октябрь.

26 октября на собрании совета уполномоченных от типографий, после горячих прений по вопросу о текущем моменте, была вынесена резолюция о поддержке советов в их борьбе за диктатуру пролетариата. Было также принято постановление об организации комитета по делам печати. Последнему, согласно постановлению, вменялось в обязанность следить за недопущением в печать приказов, воззваний и других работ, исходивших от Временного правительства и его агентов. Для этой цели комитет был снабжен чрезвычайными полномочиями воздействия, вплоть до закрытия типографии. Правление союза 31 октября присоединилось к этому решению и взяло на себя обязанность провести его в жизнь.

Со стороны меньшевиков была попытка саботировать это постановление. В письме в редакцию „Киевской Мысли“ Б. Гаек, председатель союза рабочих печатного дела, заявил о сложении с себя полномочий, так как введение цензуры считает „недопустимым и позорным“. В ответ на это В. Орлов, член правления того же союза, опубликовал в „Пролетарской Мысли“

1) „Звезда“, № 127 от 2 ноября 1917 г.

письмо, в котором сообщил о постановлении уполномоченных союза и о присоединении к нему правления союза. Это заявление Орлова опровергало клевету Гаека, что якобы комитет по делам печати организован группой лиц.

Клевета Гаека однако дала свои результаты, ибо не все еще печатники освободились к этому моменту от разлагающего влияния меньшевиков. Рабочие „Киевской Мысли“ на собрании своем 12 ноября приняли резолюцию, протестующую против „отвратительного, варварского насилия над печатью“.

К чести киевских печатников нужно отметить, что правлением, в котором к моменту Октября преобладающее влияние получили большевики, были организованы при типографии боевые рабочие дружины, которые принимали участие в баррикадных боях.

Как мы видели, в своем огромном большинстве индустриальные союзы на Украине стали на позицию большевиков и оказывали им всяческую поддержку для защиты советской власти. Но союзы неиндустриальные не освободились от влияния меньшевиков и после прихода советской власти.

Союз торгово-промышленных служащих, союз учителей и еще кое-какие союзы не только занимали нейтральные позиции по отношению к Октябрьским боям, но зачастую образовывали единый фронт с врагами советской власти, сказывая им если не физическую, то моральную поддержку.

В Харькове в союзе торгово-промышленных служащих в течение всего 1917 г. преобладающее влияние имели меньшевики.

В наказе делегатам на демократическое совещание собрание совета уполномоченных говорило „о необходимости немедленного созыва учредительного собрания“. Во главе харьковского правления этого союза стояли наиболее правые меньшевики, относившиеся враждебно к советской власти.

„К Октябрьскому перевороту, — как сообщает автор очерка движения служащих в Харькове, — правление союза относилось без всяких симпатий; не встретили сочувствия у него ни проведение рабочего контроля, ни национализация торговли“¹⁾.

Исполнительный комитет союза служащих правительственных и общественных учреждений в г. Житомире призывал всех членов союза, в связи с убийством Шингарева, „принять участие в предполагаемой 1-го января 1918 г. манифестации с целью протеста над совершенным насилием“²⁾.

Характерно воззвание одного приказчика, т. Мулера, ко всем приказчикам гор. Одессы, напечатанное в газете „Голос Пролетария“ от 24 января 1918 г. Указывая на всемерную

¹⁾ „Из жизни торговых служащих“, стр. 10.

²⁾ „Трудовая Волянь“, № 228. 6 января 1918 г.

поддержку одесским пролетариатом советской власти, воззвание констатирует, что „среди изменников пролетарскому делу, среди врагов Октябрьской Революции находятся главари профессионального союза приказчиков гор. Одессы“. Также и банковские служащие в Одессе не только противодействовали мероприятиям по национализации банков, но объявили однодневную забастовку в день разгрома Учредительного собрания.

Не менее предательскую линию проводило правление союза торгово-промышленных служащих в Киеве, в котором все время, начиная с Февральской революции и до конца гражданской войны, хозяйничали меньшевики-оборонцы. Особенно позорным было поведение профсоюзной верхушки во время политической забастовки в связи с разоружением украинскими властями большевистски настроенных частей.

В то время, когда все почти союзы откликнулись на призыв рабочих организаций, правление союза торгово-промышленных служащих приняло следующую предательскую резолюцию:

„Правление считает, что постановление об объявлении забастовки было подготовлено путем искусственного подбора участников собрания Советов партии большевиков. Правление считает Октябрьские дни Петрограда авантюрой, могущей нанести последний удар делу революции.

Объявление забастовки накануне выборов в Украинское Учредительное Собрание и в момент созыва Всероссийского Учредительного Собрания не отвечает стремлению революционной демократии, в частности, торгово-промышленного пролетариата. Поэтому правление считает необходимым самым энергичным образом протестовать против объявления забастовки. Но, считая, что окончательное решение вопроса об участии союзов в забастовке должно быть вынесено в соответствии с истинным настроением членов союза, правление передает этот вопрос на окончательное решение бюро всех секций, общее собрание которых назначается на 2/XII с. г.

До разрешения этого вопроса общим собранием бюро всех секций правление, не призывая членов союза к участию в забастовке, не препятствует им в этом...“¹⁾

Краткий обзор выступлений наиболее крупных межсоюзных (тогда губернских), объединений и отдельных наиболее крупных союзов дает нам, хотя и неполную, картину участия украинских профсоюзов в борьбе за Октябрь.

Характерно то обстоятельство, что основные кадры индустриального пролетариата — металлисты, горняки, а также железнодорожники, химики, кожевники, швейники и другие, несмотря на отдельные выступления против Октябрьского переворота, в своем большинстве не только сочувствовали

¹⁾ Протокол Киевского союза торгово-промышленных служащих от 30/XI 1917 г.

Октябрьскому перевороту, но и всячески поддерживали его. Здесь большевики нашли благодарную почву для пропаганды своих идей, здесь выковывалось оружие для борьбы с контр-революцией, здесь создавались боевые красные дружины для защиты рабочей власти.

Все это, конечно, не случайно, ибо рабочие на заводах, фабриках и мелких мастерских сильнее чувствовали мощь капитала, больше, чем все остальные массы, страдали от начавшегося во второй половине 1917 г. саботажа капиталистов и от усилившейся в этот период хозяйственной разрухи. Достаточно вспомнить о массовом закрытии рудников, заводов и фабрик в Донбассе и в других промышленных районах, о широкой стачечной волне во всех городах Украины, о широком наступлении капитала, пытавшегося лишить рабочего не только экономических, но и политических завоеваний. Достаточно учесть все это, чтобы понять причину глубокого перелома в настроении индустриального пролетариата в Октябре.

В обстановке обостренной классовой борьбы призывы меньшевиков и эсеров к „гражданскому миру“, к „сдержанности“ и „осторожности“ в экономической борьбе, к коалиции с Милюковыми и Рябушинскими не могли иметь отклика в рабочей массе, которая рвалась в бой, отвернувшись от предателей рабочего класса.

Также не случайно, что союзы торгово-промышленных служащих, учителей, медперсонала и другие, тесно связанные с мелкой буржуазией, пуще всего боявшейся гражданской войны и ненавидевшей большевиков, не остались глухими к призывам соглашателей.

Совершенно не случайно, что среди этих кадров индустриального труда выступления в защиту Октябрьского переворота составляли исключение и что в огромном своем большинстве вся эта масса была враждебна Октябрьскому перевороту.

И громадных усилий стоило в дальнейшем большевикам оторвать эти массы от соглашателей, опорой которых они были почти до конца гражданской войны.

Основные же кадры пролетариата, несмотря на отдельные частичные колебания и шатания, вызванные всей сложностью и суровостью пролетарской революции, остались на позициях последней, обеспечив этим в союзе с крестьянством ее окончательную победу и на Украине.

АГРАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ В 1917 ГОДУ¹⁾

(Продолжение)²⁾

ГЛАВА III

КОРНИЛОВЩИНА В АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Борьба за урожай в конце июня и начале июля охватила почти всю Украину. Буквально не было ни одного уезда, ни одной волости, где бы по поводу уборки хлебов не возникали многочисленные конфликты между помещиками и окружающим крестьянством.

„Третий сноп“ был очередным лозунгом, этапом развития аграрного движения. В мае и начале июня на лугах, в борьбе за сенокосы произошла генеральная репетиция, во время которой крестьяне впервые реально ощутили благоприятное для них соотношение сил. На хлебных полях в конце июня развернулась дальнейшая открытая борьба, более широкая по размерам, более глубокая по формам и содержанию.

„Сельские, волостные и уездные земельные комитеты за снятие хлебов на полях землевладельцев требуют третью часть урожая“, — бьют тревогу в многочисленных телеграммах по разным адресам помещики. Архивы комиссаров Временного Правительства, земельных, продовольственных комитетов и т. д. полны этими телеграммами, полны жалобами помещиков на „бесчинства“, „самоуправство“ и „самовольство“ крестьян.

„Крепкая власть“ была лозунгом помещиков и буржуазии, напуганных революцией. Командный состав армии вторил: им

¹⁾ См. „Лет. Рев.“ № 5 — 6, 1927 г.

²⁾ Значительная часть архивных документов, цитируемых в настоящей и предыдущей статьях на эту тему, взяты изготавливаемых нами к печати двух томов: „Аграрна революція 1917 року на Україні. Документи та матеріали“, выходящих в ближайшее время в издании центрального архивного управления УССР.

„Неотложной задачей является вырвать с корнем из тыла всех агитаторов. Принимая самые строгие меры, не исключая даже оружия“.

Если низы армии — солдатские массы были толкачем аграрной революции, если солдат прифронтовой полосы, солдат, пришедший домой, был носителем революции, то офицерство, среднее и высшее командование армий, было ее тормозом. Генералы, полковники, высшие и средние чины армии, — хотя состав последних и был немного демократизирован в период мировой войны, в основном, особенно в высших звеньях, были или помещиками непосредственно, или выходцами из помещичье-дворянской среды. Ясно, что офицерство не могло быть равнодушно к аграрной революции, отнимавшей землю у помещиков, вырывавшей социально-экономическую базу у господствовавшего до сих пор своего класса.

Когда к концу июня были введены нормированные арендные цены, когда началось перераспределение аренд, переходящее к принудительным арендам и захватам, когда крестьяне в борьбе за урожай показали, что они по своему понимают „свободу и равноправие“, тогда помещики вместе с буржуазией обратились за помощью к своему оплоту — офицерам, полковникам и генералам. Борьба за урожай с особенной резкостью показала, что добра от крестьян ожидать нечего, что уговорить их не удастся.

„Третий сноп“ переполнил чашу терпения.

Нужно было спешить. Влияние офицерства в армии быстро падало. Дисциплина разлагалась. Неудача наступления 18-го июня усилила политическое самбопределение, укрепила сознание широких солдатских масс. Нужно было скорее пользоваться остатками влияния, если не во всей уже армии, то в ее специальных частях: казачьих, кавалерийских и других „ударных“ частях, сформированных накануне наступления. В армии в пожарном порядке наводился „порядок“ с помощью смертной дивизии артиллерийских обстрелов неповинующихся полков и казни й.

Организатором порядка выступил командующий 8-й армией генерал Корнилов, назначенный 7 июля главнокомандующим юго-западным фронтом. Корнилов вступил в исполнение обязанностей в ночь с 7 на 8 июля. В первый же день своего командования он потребовал: „нахожу безусловно необходимым обращение Временного Правительства и Совета к войскам с вполне откровенным и прямым заявлением о применении исключительных мер, вплоть до введения смертной казни на театре военных действий“¹⁾. И в тот же

¹⁾ Дело № 3 оперативного отделения управления генерал-квартирмейстера Юго-Западного фронта, ч. II, стр. 146. Цитировано Е. И. Марфиным — „Корнилов“, стр. 25.

день, 8-го июля, Корнилов издал приказ по всему юго-западному фронту и прилегающей полосе (все правобережье Украины, Черниговская, Полтавская губернии), фактиче ки отменяющий все постановления земельных комитетов, Советов крестьянских депутатов и др. революционных организаций.

„Временное Правительство,—заявил в приказе Корнилов,—объявило 2-го июня 1917 года весь урожай хлеба всякого рода государственной собственностью...

Весь урожай на юго-западном фронте должен быть собран полностью и в короткий срок.

Поэтому воспрещается:

а) препятствовать уборке хлебов сельско-хозяйственными машинами;

б) снимать с работ на полях казенных имений, частных владельцев и др. хозяйств военно-пленных и всех постоянных в хозяйствах и пришлых рабочих;

в) принуждать владельцев и арендаторов платить военнопленным за труд плату более установленной правительственными органами;

г) принуждать постоянных и пришлых рабочих повышать договоренные ими ранее цены за труд;

д) принуждать владельцев платить за труд по уборке урожая не деньгами, а натурой в хлебе;

е) насильственно захватывать посевы или собранный хлеб, кормовые травы и сено;

ж) мешать теми или иными способами сбору хлебов и сеянных трав, равно молотье и свозу хлебов;

з) препятствовать подготовке полей к озимым посевам и производству этих посевов.....

Главкомандующий армиями юго-западного фронта генерал от инфантерии — Корнилов¹⁾.

В опущенной нами части приказа перечисляются кары, с указанием статей уголовного и иных кодексов, которые полагаются за нарушение приказа. В этом приказе изложена по военному точно полная программа помещиков в борьбе с крестьянством. лета 1917 года.

11 июля Корнилов в ультимативной телеграмме требует от Временного Пр-ва: „необходимо немедленно... введение смертной казни и учреждение полевых судов на театре военных действий“.

12 июля коалиционное Временное правительство,—председателем которого незадолго до этого стал эс-эр Керенский, принимает закон о введении на фронте смертной казни. По телеграфу этот закон сообщается соответствующим инстанциям для проведения его в жизнь.

Начинается установление „порядка“ на фронте.

¹⁾ Архив Киевской уездной управы. Дело № 1, л. 4.

„С 13-м финляндским полком вопрос ликвидирован. После отказа добровольно выдать агитаторов и зачинщиков, казачьим полком с артиллерией и броневиками было занято боевое положение...“

Пред такими „моральными“ аргументами, конечно, трудно было устоять.

„... Полку был объявлен приказ о расформировании и потребована выдача оружия, что полком и было немедленно исполнено. Тотчас же были выделены главари... Вполне благонадежные 769 солдат... Остальные 1181 человек оставлены под конвоем для производства расследования и предания виновных революционному (Sic!) суду. 4-й финляндской дивизии аресты продолжаются“...¹⁾

В других частях дело не удавалось провести так мирно. „Варшавский и Остроленский полки, долго сопротивлявшиеся, после обстрела сдались; главные виновники выделены и преданы суду...“²⁾

Артиллерийский обстрел был общим явлением при искоренении „большевизма“ на фронте.

В телеграмме на имя командиров корпусов 20 июля генерал Рерберг дает такие указания: „при бывших ликвидациих неповиновавшихся частей были случаи применения артиллерийского огня слишком редкого, с большими между очередями перерывами. Нахожу, что огонь должен сразу быть открываем интенсивный, дабы сдача и выдача не затягивалась“. Нужны ли комментарии? Казаки с артиллерией, смертная казнь, расстрелы полевыми судами солдат в одиночку и пачками, наводили порядок на фронте и в ближайшем тылу³⁾.

13 июля после закона о смертной казни для солдат, введенного по телеграфу, Корнилов издает второй приказ (№ 777), дополняющий и углубляющий аграрную „программу“ первого приказа:

„Ко мне поступают многочисленные заявления от сельских хозяев-землевладельцев, что сельское население силою не позволяет им убирать созревший хлеб и кормовые травы, засеянные для армии, сгоняет с полей

¹⁾ Телеграмма генерала Соллогуба в штаб Юго-Западного фронта № 9470.

²⁾ Донесение генерала Рерберга о „настроении в частях 11-й армии с 14 по 20-е июля“. № 9372.

³⁾ Наведение „порядка“ проводилось в полном согласии с лидерами меньшевиков и эсеров. Министр „социалист“ Церетелли, вступив в управление министерством внутренних дел, дал указания в циркуляре от 18 июля: „правительство не может допустить никаких дальнейших проявлений анархии... призывов к гражданской войне, ни насилий и самочинных действий... Оно не может допустить никаких попыток вносить разложение в армии, колебать ее организованность и дисциплину и тем подготавливать военные поражения“ (Архив Харьковского губернского комитета Времен. Правительства, дело № 1, 1917 г.).

уборочные машины, снимает пленных и постоянных рабочих, насильственно и самовольно приступает к уборке хлебов, требуя угрозами уплаты натурой непомерно высокой доли урожая; сельские жители самоправно захватывают казенные и владельческие леса, расхищают заготовленные дрова, продавая сейчас же мелкими партиями на сторону...

Обязанный по закону оградить от гибели государственное достояние, каковым является весь сбор хлебов нынешнего урожая, обязанный защищать от насилий всякого гражданина, объявляю сельскому населению, что в случае дальнейшего проявления каких-либо насилий при сборе урожая и дальнейшего захвата лесов и дров, я буду без колебаний применять воинскую силу.

Приказываю подлежащим начальникам, при обращениях к ним за защитой от вышеперечисленных насильственных действий, немедленно оказывать помощь вооруженной воинской частью. Объявляю всем сельским хозяевам и землевладельцам... что тех из них, которые будут обвинены в недобросовестности или явно злоумышленном отношении к делу сбора урожая, я буду предавать революционному полевому суду, как изменников и предателей родины¹⁾. (Курсив везде наш — М. Р.).

Констатация фактов аграрного движения в основном была верна; пожалуй, только немного сгущены краски. Вторая часть приказа — „я буду предавать революционному полевому суду“, „я буду без колебаний применять воинскую силу“ — достаточно понятна и в объяснениях не нуждается.

Корниловские приказы²⁾ немедленно рассылались по всей системе государственных учреждений, мало-мальски связанных с вопросами, в них затронутыми, публиковались в газетах. Буржуазная пресса по-своему комментировала эти приказы, углубляла их. По телеграфу летели раз'яснения, дополнения и т. д.

Например, Киевский губернский комиссар, М. А. Суковкин, уже 13-го июля разослал такую телеграмму: „Объявите всем волостным и сельским комитетам, что недопущение к уборке жатвенных машин, а также снятие рабочих и военнопленных является деянием уголовно наказуемым. В случае обнаружения таких действий со стороны председателей и членов волостных комитетов привлекайте их по 341 статье уложения о наказаниях; отдельных лиц или группы селян, позволяющие себе

¹⁾ Дело полтавского губернского комиссара Временного Правительства по описи 1917 года, № 70, л. 27.

²⁾ 31 июля после назначения Корнилова верховным главнокомандующим им бы издан приказ № 737, в котором приказы от 8/VIII и 13/VIII распространяются на все фронты, „для всех местностей, включенных в район театра войны“. (Архив Киевской уездной земельной управы, дело № 5, л. 239).

такие самоуправные действия, привлекайте по первой части 269 статьи. Возлагаю на вас ответственность за неприменение самых энергичных мер. Прошу о принятых мерах и привлеченных к ответственности лицах незамедлительно сообщать¹⁾).

Была ли случайной эта тесная связь между наведением порядка на фронте и попытками усмирения крестьянского аграрного движения?

Нет, связь была самой тесной. Мы здесь не можем останавливаться на причинах июньского наступления в целом, так как это выходит за рамки данной статьи. Отметим только, что „аграрные“ причины, непосредственные интересы помещиков были далеко не последними среди них. Не наведя „порядка“ в армии, нельзя было усмирить ни революционных рабочих, ни бунтующих крестьян. „Оборона“ от внешнего врага, интересы родины, „общегосударственные“ интересы были единственными идейными, моральными аргументами, которые еще оставались у идеологов буржуазии и помещиков.

Война до победного конца была необходима в 1917 году не только буржуазии, но и помещикам. Пока продолжалась война, была почва для уговоров „ждать“ до Учредительного собрания. Пока шла война, можно было мотивировать оттягивание решения вопроса о земле до ее окончания²⁾).

„Земля“ и „мир“ были лозунгами, органически связанными между собою, так как окончание войны в сознании крестьянства было связано с возвращением солдат домой и разрешением земельного вопроса. Затяжка войны во что бы то ни стало, отодвигая возвращение солдат домой (а возвращались они в значительной части с оружием в руках), нужна была помещикам и буржуазии, между прочим, и для того, чтобы получить „передышку“ для организации своих сил.

Июльское поражение питерского пролетариата развязало руки буржуазии и командному составу армии. Временное Правительство победило с помощью казаков, введенных в революционную столицу. Значение и роль командного состава, вождей казачьих войск и им подобных усилилось. Комиссары Вр. Пр-ва на местах были бессильны справиться с крестьянским движением. Помещики обращались непосредственно в военным властям, к Корнилову и др. генералам. Корнилов так и начал свой приказ: „Ко мне поступают многочисленные

¹⁾ Архив Киевской уездной земельной управы, дело № 5, л. 72.

²⁾ В известной степени повод к такой аргументации давали и сами крестьяне. Так, например, в селе Бабушках, Пятковской волости, Житомирского уезда, крестьяне собрались на сход. „На сходе приехавший матрос разъяснил, что теперь и без согласия пана землю можно взять и убедил выезжать с плугам и ипать. Мужики поверили и начали было землю делить, но воспротивились этому жены запасных, напуганные кем-то, что земля останется на веки вечные у тех, кто ее теперь возьмет. Рышло несогласие, и крестьяне от захвата отказались“. Газета „Трудовая Волянь“ № 153.

заявления сельских хозяев и землевладельцев "... Командиры корпусов, дивизий, имея широкие часто родственные связи с помещичьими кругами, получали от последних непрерывные жалобы, просьбы помочь в „тяжелую годину“. Организации помещиков, союзы землевладельцев - собственников обращались к высшим чинам армии. [Это можно видеть, например, из типичной жалобы полтавских хлеборобов - собственников, посланной на имя главнокомандующего: „Полтавским губернским земельным комитетом 7 июля, вопреки 4—5 п. положения земельных комитетов, вынесено незаконное постановление: 1) о представлении уездным и волостным комитетам принудительно отбирать у обрабатывающих землю не своим трудом владельцев и арендаторов земли мертвый и живой инвентарь для передачи во временное пользование безземельным и малоземельным на арендных началах... 2) о признании недействительными существующих арендных договоров с арендаторами - посредниками, 3) о предоставлении всем права выпаса на нетолочных землях и снятых хлебных полях...]

Постановлениями этими Комитет незаконно лишил землевладельцев и арендаторов дохода и права распоряжения своей землей и инвентарем.

У владельцев отбирают землю, скот, хлеб, сено... Положение очень серьезное... Настоятельно просим принять спешные меры отмены принятых постановлений губернского земельного комитета¹⁾.)

Военные власти, конечно, шли навстречу помещикам и проявляли энергичную деятельность в подавлении аграрного движения. В прифронтной полосе, из стоящих в тылу войск, на помощь помещикам отправлялись кирасирские и казачьи сотни, эскадроны и т. д.

Об этом недвусмысленно свидетельствует следующий ряд типичных документов: „Приказанию Снабюз сообщаю гражданским властям: в деле поддержания порядка спокойствия тылу армии, ограждение частных владельцев от насилий произвола сельского населения при сборе урожая, при прекращении всякого рода беспорядков насилий действовать решительно арестовывая зачинщиков подстрекателей передавая их гражданским или военным властям по принадлежности; случаях сопротивления действовать силою оружия. Частям Снабюз приказать занять следующие пункты: Штаб дивизии Житомир, стрелковый полк Житомир, 49 Донского полка Штаб одна сотня Житомир одна сотня Изяславль, 2 сотни Коростень, одна сотня Фастов, одна сотня Казатин. 7 Донского полка Штаб 2 сотни Умань одна сотня Жашков Таращанского уезда Киевской губернии одна сотня станция Христиновка одна сотня Гайсин Подольской губернии

¹⁾ Дело Полтавской губернской земельной управы № 24, л. 10.

одна сотня Ольгополь Подольской губернии, 40 Донского полка Штаб и 2 сотни Жмеринка одна сотня Староко-
 нстантинов одна сотня Летичев одна сотня Винница
 одна сотня Хмельник Литинского уезда, 53 Донского полка
 Штаб и три сотни Каменец-Подольск 2 сотни Кремен-
 чуг одна сотня Бахмач, 4050.

Полковник Шлегель¹⁾.

„В средних числах июля... по распоряжению начальника снабжения армий Юго-Западного фронта охрана города и уезда возложена на командира бригады 6-й Донской Казачьей дивизии, которому поручено... защита землевладельцев от насилий со стороны крестьянства. При всяком сопротивлении командиру бригады поручено принимать решительные меры, действуя оружием, арестуя зачинщиков и подстрекателей“²⁾. (Курсив наш—М. Р.).

„Управляющий имением Чаплина, Михельсон, телеграфирует: „Крестьяне оставили себе 3-й сноп за покос 300 десятин при селе Демидовке... Главкомандующий приказал, в виду нарушения его обязательного постановления от 8-го июля и приказа министра продовольствия Пешехонова 18-го июля № 18, немедленно водворить порядок, восстановить нарушенные права владельцев... Накаснабюз Полковник Шлегель“³⁾.

„Приказанию командвойск,—получает телеграмму 29 июля Полтавский губернский комиссар,—прошу принять меры к возвращению помещику Огоневу расхищенных крестьянами Абазовской волости хлеба и травы, составляющих собственность государства. Одновременно сделано распоряжение начальнику. Полтава, командирования Огоневу военной части № 13365. За начштаб подполковник Пашковский“⁴⁾.

Ми привели лишь типичные выдержки, а их в делах имеются десятки и сотни, особенно по Киевской и Подольской губерниям, где высшее командование выступило в защиту помещиков еще до корниловских приказов.

II

Поражение питерского пролетариата в июле месяце и временное торжество реакции непосредственно отразились на развитии аграрной революции. Вслед за корниловскими приказами

¹⁾ Дело Подольского губернк. ком-та Врем. Пр-ва по описи 1917 г. сб. 96 ч. 1-ая.

²⁾ Дело канцелярии Подольского губ. комиссара Вр. Пр-ва № 40.

³⁾ Дело Полтавск. губ. зем. управы № 24, л. 12.

⁴⁾ Там же, л. 11.

министры — „социалисты“ начали посылать из Петрограда телеграммы, ничем по существу не отличавшиеся от корниловских приказов. 19-го июля министр внутренних дел, Церетелли, шлет грозную телеграмму в Харьков: „Из многих мест поступают сведения, что населением допускаются захваты, запашки и засева чужих полей, снятие рабочих и предъявление непосильных для сельских хозяйств экономических требований. Племенной скот уничтожается, инвентарь расхищается, культурные хозяйства погибают, чужие леса вырубаются... частные хозяйства оставляют свои поля незасеянными и посевы и сенокосы необранными...“

Такие условия ведения сельского и лесного хозяйства грозят неисчислимыми бедствиями армии, стране и угрожают существованию самого государства... Попытки самочинного осуществления земельной реформы на местах, решениями местных комитетов и крестьянских съездов должны быть признаны недопустимыми, о чем населению и должно быть объявлено.

Постановления о захвате и распределении частно-владельческих земель наносят явный ущерб революции, расстраивают хозяйства и ведут к междуусобице, а потому допущены быть не могут... Призывы к земельным захватам должны преследоваться со всей строгостью закона...“¹⁾.

Другой министр — „социалист“, Пешехонов, 23-го июля телеграфирует по тому же поводу: „Принять немедленно самые энергичные, решительные меры недопущению и прекращению всяких самовольных незаконных действий со стороны населения, препятствующих землевладельцам уборке полей и посевов.“

Никоим образом не выносить постановлений и резолюций, дающих повод населению проявлению насильственных и преступных действий против землевладельцев. Объявить землевладельцам, что они обязаны приложить все усилия к тому, чтобы поля, покосы были убраны, озимые пашни засеяны...

Объявить населению, что за самовольные незаконные действия, препятствия землевладельцам правильно вести хозяйства, виновные, помимо возмещения причиненных убытков, подлежат строгой законной ответственности...²⁾.

Все эти телеграммы имели одну и ту же цель — подавить крестьянское движение. Создалась трогательная коалиция: Корнилов, Церетелли, Пешехонов. „Министры - социалисты“ верно служили помещикам. Характерно, что корниловский приказ, местами, слово в слово совпадает с министерскими телеграммами.

1) Дело Харьковск. губ. комиссара Вр. Пр - ва, распоряд. отд. № 1.

2) Дело Киевской уездн. земельной управы № 5, л. 73.

Земельные комитеты, получив все эти распоряжения и приказы, оказались в затруднительном положении. В начале революции крестьяне, не разобравшись в подлинной сути Временного Правительства, верили, что оно пойдет навстречу крестьянским требованиям, верили, что правительство является революционным. Нужно вспомнить, что февральская революция приобщила к политической жизни новые миллионы людей, политически безграмотных. Родзянко, Милуков, Гучков, все время хлопотавшие в процессе февральской революции об оставлении конституционной монархии, для широких масс (особенно в провинции) первое время были революционерами. Массы не знали закулисной работы лидеров, с самого начала революции контр-революционной буржуазии. Первое время массы видели внешность, а Милуков, Гучков, Львов были во главе Временного Правительства, рожденного революцией. Меньшевики и эсеры старательно помогали буржуазии скрыть от масс ее контр-революционное содержание. Руководя в первый период революции советами, они своим „доверием“ Врем. Пр-ву мешали рабочим и крестьянам разобраться в действительном положении. Первые месяцы революции внесли уже значительное разочарование. Крестьянство начинало убеждаться, что ждать земли сверху нечего. Однако, когда Временное Правительство стало коалиционным и в него вошли министры — „социалисты“ — Чернов, Церетелли, Пешехонов, надежды опять возродились. Теперь, мол, министры „свои“. Даже председатель — эсер Керенский. Эсеры умоляли крестьянство не действовать самолично. Крестьянские съезды еще выражали доверие Временному Правительству, но уже повсеместно требовали передачи земли в распоряжение земельных комитетов.

Чернов, наиболее левый, „свой“, „крестьянский“ министр земледелия упрасивал буржуазию и помещиков уступить, пугая их крестьянскими волнениями. Но, после поражения питерских рабочих 4—6 июля, буржуазия и помещики не склонны были идти на уступки, им нужно было дезорганизовать крестьянские организации, разложить их, оборвать связь между земельными комитетами и крестьянскими массами, а стихийные вспышки крестьянских волнений подавить карательными экспедициями.

Верные лакеи буржуазии — Керенский, министр внутренних дел, Церетелли, министр продовольствия, Пешехонов, посылали соответствующие циркуляры и телеграммы, угрожая расстрелами. После введения смертной казни для солдат на фронте помещики попытались организовать карательные экспедиции против бунтующих крестьян. Производились аресты непокорных. Земельные комитеты попали между молотом и наковальней.

С одной стороны — крестьяне, уже вплотную ухватившиеся за помещичью землю, с другой — помещики, Корнилов, министры — „социалисты“, угрожающие всеми карами земными и небесными.

Яркий пример в этом отношении дает Полтавский губернский земельный комитет.

Подчиниться приказам Корнилова и корниловских „социалистов“ он не мог, так как его подталкивали снизу представители уездных земельных комитетов, нежелавших даже слушать о приостановлении постановления от 7-го июля. Но не подчиниться было опасно, так как это угрожало преданию суду. А время было военное, и Полтавская губерния находилась на военном положении. Министерство внутренних дел, получив постановление Полтавского земельного комитета, конечно, предложило немедленно отменить его. Главный земельный комитет, куда Полтавский губземком обратился за защитой, ничего определенного ему ответить не мог, упрекнул в радикальности и посоветовал применять принудительную аренду только в самых исключительных случаях. Полтавский губернский земельный комитет обратился тогда со специальной докладной запиской к Временному Правительству, Центральной Раде и ряду других центральных органов с изложением сути своих постановлений и положения, создавшегося в Полтавской губернии после корниловских приказов:

„Когда в июне месяце вполне выявилось стремление селян к уборке хлеба на землях помещиков не за денежную плату, а за вознаграждение натурой — „уборка со снопа“, губернский земельный комитет, учитывая, с одной стороны, невыгоду для государства распыления хлеба по мелким хозяйствам, а с другой — вполне естественное желание безземельных и малоземельных получить этим путем хлеб для себя на зиму и особенно невозможность избежать этого способа расплаты там, где это практиковалось раньше, постановил: . . . Предоставить право на получение оплаты за труд натурой лишь безземельным и совершенно малоземельным селянам, которые не смогли бы получить на своей собственной земле нужное для семьи количество хлеба . . .

„С весны еще обнаружилось стремление селян, — продолжает земельный комитет в своей докладной записке, — к снятию с работ в крупных экономиях военнопленных, в целях использования их для обработки земель семей солдаток, лишившихся глав семьи и тем самым рабочих рук. Учитывая, с одной стороны, полную справедливость такового требования, с другой — опасность для продовольствия государства, если все военнопленные будут сняты с работ в крупных экономиях, губернский земельный комитет разрешил снимать $\frac{1}{3}$ военнопленных, поставив условием создание артелей из них для обработки мелких хозяйств, в которых, благодаря их малости, единичная рабочая сила военнопленного не может быть использована полностью.

Низкая заработная плата сельско-хозяйственным рабочим в некоторых местах, вызывавшая постоянные забастовки . . .

с другой стороны, слишком большие требования, иногда предъявленные сельско-хозяйственными рабочими... вызвало нормирование заработной платы. Крайнее малоземелье селян во многих уездах губернии и возбуждение среди них, вызванное нежеланием владельцев или совсем отдавать им землю в аренду, или хотя бы и отдавать, но по крайне высокой цене, могло выразиться под влиянием земельной нужды непосредственно в захватных действиях... В целях удержания сельского населения от самочинных захватов пленарные заседания губернского комитета 5—7 июля выработали ряд постановлений, вводящих институт принудительной аренды...

Между тем, 8-го июля Корниловым издано постановление, противоречащее постановлению пленарного заседания губернского комитета. По постановлению губернского комитета можно было снимать с работы помещиков $\frac{1}{3}$ работавших у них пленных для перевода их для работы к крестьянам,— Корнилов распорядился не снимать совсем с работ пленных у помещиков... Комитет постановил установить в известной части уборку хлеба за сноп,— генерал Корнилов распорядился не принуждать помещиков к уборке хлеба за сноп...

Излагая дальше противоречия посыпавшихся распоряжений, Полтавский земельный комитет пишет: „вследствие жалобы хлеборобов-собственников на постановления Полтавского земельного комитета, Полтавский губернский комиссар получил распоряжение проверить изложенные в жалобе данные и привлечь земельную управу к законной ответственности. Получено распоряжение от военных властей рассматривать судебные дела по земельным вопросам вне очереди... Предъявлен к земельным комитетам ряд гражданских исков о взыскании убытков, явившихся последствием постановлений земельного комитета...“

На местах создалось угрожающее положение, необходимо произвести полевые работы, и ни одна сторона не приступает к ним. С одной стороны — владельцы, с другой стороны — селяне ждут разрешения вопроса, кому же из них придется засеять землю...“

Дальше, аргументируя необходимость утверждения своих постановлений, Полтавский земельный комитет пишет: „Отменить все решения уездных комитетов об отдаче части земель в принудительную аренду значило бы не только вызвать сильнейшее возмущение селян и нарушить интересы беднейших из них, но было бы действием, провоцирующим селян к массовому насильственному и бесплатному захвату помещичьих земель“¹⁾. (Курсив наш — М. Р.).

¹⁾ Дело Полтавской губернской земельной управы № 1 (70), л. 30 — 36.

Полтавский земельный комитет, состоящий в значительной части из умеренных украинских эсеров, пытался примирить непримиримое. Он думал мирным путем разрешить аграрный вопрос мирным путем разрешить огромные классовые противоречия, накопившиеся веками.

„В том-то и состоит самообман социалистов-революционеров и обман ими крестьянства,— писал Ленин в конце Августа 1917 года,— что они допускают и распространяют мысль, будто такие преобразования (требования крестьянства, изложенные в 242 наказах), будто подобные преобразования возможны без свержения господства капиталистов, без перехода всей государственной власти к пролетариату, без поддержки беднейшим крестьянством самых решительных революционных мер пролетарской государственной власти против капиталистов.

В том-то и значение выделяющегося левого крыла „социалистов-революционеров“, что оно доказывает рост сознания этого обмана внутри самой этой партии“ (том. XIV, II часть, стр. 7—9).

На собравшемся вновь 6—8—августа пленуме земельного комитета (с представителями уездов) развернулись исключительно интересные прения, полностью характеризующие создавшееся положение: „Представитель Миргородского уезда, Крапивный, заявляет—если считаться с приказом Корнилова, то вся Россия должна претвориться в арестантское отделение. Верить в эти циркуляры, принимать во внимание 10 заповедей (пункты Корниловского приказа—М. Р), которые нам со всех сторон присылают, могут только хлеборобы-собственники, в интересах каких эти приказы изданы“.

Камишалов.—„Грустно и тяжело делается, когда слышишь эти приказы и циркуляры,—говорит представитель Совета Крестьянских Депутатов.—Неужели народ сам не знает, как строить свою жизнь, как ее улучшить? Нам только приказывают, как и раньше приказывали, еще говорят, что это циркуляры издаются во имя спасения страны... Нам угрожают прокурорами и штыками... Мы не хотим обворовывать, не собираемся резать кого-то, говорим только—дайте нам жить, у тебя ж лишнее есть, а у нас ничего нет, зачем же такая несправедливость? “

Мы люди бедные, необразованные, так много страдали. За что? У него поля широкие, а кто ему их обрабатывает?—Мы, народ. Кто на позицию?—Мы. Кем погоняют?—Нами. Кто армию кормит?—Мы же. Все нашими мозолистыми руками обрабатывается, кормится и над нами еще издеваются“.

Олейник (представитель Совета рабочих и солдатских депутатов).—„Циркуляры и приказы Корнилова и отдельных

министров ярко показывают, что контр-революция подымает голову... Мы не можем спокойно смотреть на ее подготовку, на мобилизацию ею своих сил. Крестьянство еще сильно, оно не утомилось в борьбе и оно не отступает от своего пути... Мы должны в корне пресечь все шаги хлебобобов-собственников, этих контр-революционеров, и прямо заявить, что мы стоим в своей работе на почве постановлений 5—7 июля и ни на шаг от них не отступим“.

Орел.— „Собственники, какие до сих пор молчали попрятавшись, теперь, услышавши за спиной своей „законные“ приказы Корнилова, начинают воружиться, чтобы пойти на борьбу с трудящимся крестьянством“.

Литвин.— „Если губернский земельный комитет признает постановление Корнилова и министров для себя обязательным, но это не обозначает, что их признает село; так как принять на бумаге — это одно, а осуществить — это другое. Я уверен, что если мы нарушим наши постановления от 5—7 июля (принудительная аренда, натуральная оплата снопами) на селе, над помещичьими имениями будут летать „красные петухи“¹⁾).

На заседании выявились две группы — одна, признающая постановления Корнилова, Церетелли и т. д. обязательными для исполнения, и другая, находившая, что с этими постановлениями считаться не следует, поскольку они противоречат интересам крестьянства.

Прения при обсуждении резолюции продолжались два дня. Наиболее острые расхождения вызвал § 6 резолюции, являвшийся „формулой перехода“, где говорилось: „считаю, что распоряжения высших военных и гражданских органов Временного Правительства, приостанавливая постановления губернского земельного комитета, имеют для него обязательный характер, благодаря чему исполнительный орган комитета — губернская земельная управа — лишена возможности в данный момент регулировать земельные отношения, согласно постановлений пленарного заседания губернского земельного комитета, осуществление которых единственно могло бы предохранить губернию от самовольных захватов земель...“ Дальше предлагалось „воздержаться от всяких постановлений по регулированию земельных отношений“ и спешно обратиться к Временному Правительству и Центральной Раде с просьбой, чтобы „постановления Полтавского земельного комитета были признаны соответствующим интересам государства и армии и подлежащими проведению в жизнь“.

¹⁾ Архив Полтавской губернской земельной управы. Дело № 1 (70), л. 55, 31, 33, 74, 77.

После горячих прений представитель Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, Олейник, внес следующую поправку к шестому пункту резолюции: „постановления Корнилова и отдельных лиц, министров, которые тормозят работы земельных комитетов, Полтавский губернский комитет считает для себя необязательными“.

Сначала был поставлен на голосование первый проект, предложенный от имени земельной управы. За него голосовало — 19, против — 16, воздержалось — 3. Потом голосовался второй проект (Олейника). За этот проект голосовало — 20, против — 14, воздержалось — 4. Таким образом оказались принятыми обе резолюции. После этого, — как отмечает секретарская запись, — „после кратких, но горячих дискуссий пункт 6-й резолюции в редакции управы ставится на голосование, при чем за принятие оказалось — 22, против — 9, воздержалось — 9“. Олейник опять настаивал на переголосовании, но собрание не согласилось с этим, оставив в силе последнее решение.

Но на этом дело не кончилось.

На второй день, — как только открылось заседание, Орел, делегат Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, внес внеочередное заявление :

„Так как пункт 6-й принятой вчера резолюции есть очень серьезный и от этого будет зависеть то или иное направление работы земельных комитетов, я от имени группы членов пленарного собрания комитета прошу поставить его на обсуждение на сегодняшнем заседании“.

Двадцатью тремя голосами против десяти, при трех воздержавшихся, вопрос опять был поставлен на обсуждение. Вновь была зачитана поправка Олейника, смягченная и заново отредактированная: „считая, что вмешательство высших военных и гражданских властей распоряжениями, которые идут в разрез с задачами главного земельного комитета и министерства земледелия, нарушает на местах работу земельных комитетов, которые работают в интересах трудового народа и государства, регулируя земельные отношения и не допуская земельных беспорядков, но беря во внимание, что это вмешательство носит ультимативный характер и проводится под угрозой разных наказаний“ . . .

Олейник в защиту поправки заявил : „Мы собрались сюда не для того, чтобы от первого же крика ген. Корнилова разбежаться во все стороны. Мы имеем определенные обязанности, наложенные на нас крестьянством . . .“

После прений поправка опять была поставлена на голосование и принята 22-мя голосами против 9, при 5-ти воздержавшихся.

Принятая поправка хотя прямо и не заявляла о неподчинении, но в ней не говорилось и о подчинении приказам

Корнилова. Подчеркивая, что последние приказы Корнилова и циркуляры „социалистов“ Церетелли и Пешехонова „идут в разрез“ с интересами крестьянства, резолюция давала известное основание местам действовать по-своему.

Не случайно, конечно, то, что руководителями крестьянских делегатов от уездов выступили представители Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Пусть они были недостаточно решительны, но они выступили за крестьянство, за революционные требования. Пролетарское влияние и здесь толкало крестьян к более решительным действиям.

Правое меньшинство земельного комитета, боясь репрессий за неподчинение, подало, конечно, особое мнение, в котором, между прочим, отметило, что „новый текст пункта 6-го резолюции... может породить на местах самые различные и произвольные толкования... о степени юридической обязательности постановлений органов Вр. Пр-ва и высших военных властей...“

Кто же был в этом меньшинстве?

Здесь был и председатель губернской земельной управы, и представители общественного комитета, земства, окружного суда, агрономов, землемеров, один представитель совета крестьянских депутатов и 5 представителей от уездов.

* * *

Корниловские приказы, как это видно из документов земельных комитетов, начиная с губернских и кончая волостными, широко рассылались по всей сети комиссаров Временного Правительства продовольственных и земельных комитетов, вплоть до волостей и сел. Везде, во всех организациях и учреждениях, мало-мальски связанных с крестьянскими земельными делами, эти приказы явились предметом страстного и подробного обсуждения. Приказы эти были, конечно, на руках у всех землевладельцев. Все жалобы помещиков и кулаков на действия земельных комитетов, начиная со середины июля, пестрят ссылками на те или иные параграфы корниловских приказов и телеграмм министров „социалистов“.

Остались ли они только на бумаге? Крестьянство, конечно, в большинстве им не подчинилось, но приказы эти бесспорно, на известное время затормозили развитие аграрной революции — земельные комитеты и часть крестьянства были запуганы угрозами преследований. Об этом свидетельствуют многочисленные документы.

Так, например, 13 июля 1917 года, т.-е. через два-три дня после издания первого приказа Корнилова, киевская уездная земельная управа, заслушав „заявление землевладелицы Головиной о самоуправстве селян“ постановила: „раз'яснить селянам караемость уголовным судом всякого рода самовольных захватов сена, хлебов и проч., согласно обязательного

постановления главнокомандующего юго-западным фронтом от 8 июля с/г“.

На том же заседании слушался ряд дел (§§ 3, 4, 7, 15, 16) о „захватах“ и „самоуправствах“ крестьян, и почти все решения по этим делам ссылаются на корниловский приказ: „предложить Обуховскому земельному комитету разъяснить обязательное постановление главнокомандующего юго-западным фронтом и закончить уборку хлеба...“

„Предложить волостной общественной управе (другой уже) о немедленном прекращении самоуправства и объявлении обязательного постановления главнокомандующего ю-з. фронтом. Обратиться к Киевскому уездному комиссару и начальнику уездной милиции с просьбой принять меры к прекращению самоуправств“¹⁾. Киевский уездный земельный комитет, состоящий в большинстве из украинских эсеров, как видим, сразу „испугался“ и подчинился корниловским приказам. В Полтавской губернии дело обстояло немногим лучше.

„Ввиду распоряжений верховного главнокомандующего, — читаем мы в протоколе Борковского волостного земельного комитета от 16 августа, — относительно прекращения работ по земельным вопросам, так как земельные комитеты своими постановлениями в некоторых районах вносили нежелательные разногласия среди населения... — все вопросы, намеченные для проведения в жизнь, приостановить впредь до особого распоряжения и надлежащего указания губернского и уездного земельных комитетов“²⁾.

Прямое и непосредственное влияние корниловского приказа на развитие аграрного движения в Полтавской губернии можно видеть, например, из типичной жалобы крестьян Зиньковского уезда, Камышанской волости, которым земельным комитетом была уже выделена помещичья земля: „Между тем, на второй день после отвода нам земли, — жалуются крестьяне в Полтавский губернский земельный комитет 12 августа 1917 года, — явился в село Малую Павловку Зиньковский уездный комиссар, который объявил жителям села Малой Павловки, чтобы они не приступали к посеву отведенной земли, угрожая им арестантскими ротами, если они будут засеивать эту землю. Ввиду таких угроз со стороны уездного комиссара жители приостановили посев хлеба на отведенной земле. Затем 18 августа дело разбиралось в Уездном земельном комитете под председательством того же уездного комиссара, где постановление Камышевского волостного комитета от 23 июля признано правильным, но, ввиду постановления генерала Корнилова, приостановлено исполнение...“

¹⁾ Архів Київської повітової земельної управи, справа № 1. л. л. 25, 27, 28.

²⁾ Архив Полтавской губернской земельной управы № 19 (4), л. 28.

Уполномоченные крестьян, критикуя далее действия Зиньковского земельного комитета, прямо заявляли в своей жалобе, что „последний, подверженный страхом корниловского постановления, не разобрался с этим делом-по существу“¹⁾.

Имел ли „страх“ перед корниловскими приказами реальные основания?

То, что эти основания были, можно видеть из ряда документов. Когда, например, Сумской земельный комитет отдал в начале августа в аренду малоземельным крестьянам 139 десятин земли, то весь комитет, во главе с председателем, был предан суду. В резолюции по этому поводу, принятой объединенным заседанием волостных комитетов и Совета Крестьянских Депутатов, мы читаем:

„Признавая, что все эти действия являются показателем контр-революционных стремлений сплотившихся помещиков, оказавших, бесспорно, давление на судебную власть“... Мы заявляем, что: „если правительство не пойдет навстречу нашим требованиям, то этим будут подорваны роль и значение земельных комитетов в глазах революционного народа“²⁾.

В Полтавской губернии преследования земельных комитетов приняли широкие размеры. Прокурор Полтавского окружного суда, в ответ на запрос Полтавского губернского земельного комитета, сообщил, „что в производстве судебных следователей округа Полтавского окружного суда имеются следующие дела, возникшие на почве нарушения уездными и волостными земельными комитетами, общественными организациями и частными лицами установленных законом земельных отношений“... и изложил 23 таких „дела“. Среди них были, например, такие: дело „о превышении власти Бродщанским волостным земельным комитетом...“ „О превышении власти председателем Хомуецкого сельского комитета...“ „По обвинению председателя Миргородского уездного земельного комитета Крапивного, по 338 и 341 ст. ст. Улож. Наказ.“ „По обвинению Полтавского губернского земельного комитета по 341 ст...“

Эти 23 „дела“ были уже окончательно готовы, но, кроме них, как сообщал прокурор, были еще дела, находящиеся „в производстве“: ... „К изложенному считаю долгом присокупить, что, кроме упомянутых дел, в производстве моем имеется значительное количество прошений и переписок, возникших на почве тех же правонарушений“...³⁾

Таким образом, к судебной ответственности были привлечены в Полтавском округе земельные комитеты, начиная с сельских и волостных и кончая самим губернским. То же было и

1) Архив Полтавской губернской земельной управы. Дело № 43, л. л. 2, 3.

2) Архив Харьковской губ. зем. управы. 1917 г. наряд № 4, ч. 1. л. 546.

3) Архив Полтавск. губ. зем. комитета, д. № 117. л. л. 28, 29.

в других губерниях, особенно на правобережьи, недалеко от фронта. Но там дело начиналось прямо с арестов.

Мы привели типичные примеры и образцы влияния корниловских приказов на деятельность земельных комитетов и развитие аграрного движения. Бесспорно, влияние это было значительно, особенно в августе м-це, когда эти приказы, сопровождаемые многочисленными местными распоряжениями, докатились до низовых органов¹⁾. Однако, нельзя переоценивать значение этих приказов в отношении уменьшения общих размеров аграрного движения. Крестьянство в большинстве случаев их и слушать не хотело и им не подчинялось²⁾. Земельные комитеты, которые „дрейфили“, теряли авторитет.

¹⁾ Влияние корниловских приказов можно проследить по сведениям о „земельных правонарушениях“, составленных по данным Главного управления по делам милиции (мы познакомились с ним уже после того, как статья была написана). Хотя эти сведения весьма несовершенны и не отражают, по нашему мнению, и десятой доли общей массы фактов аграрного движения, однако, как правильно в данном случае замечают составители, это пока единственный сводный материал. И вот по этим сведениям в 9 губерниях старого деления Украины имелось „земельных правонарушений“: в апреле 21, в мае — 32, июне — 76, июле — 190, августе — 121, сентябре — 118. Даже в милицеских сведениях общее число „правонарушений“, в августе падает по сравнению с июлем. Здесь, очевидно, отражается влияние корниловских приказов и общей карательной политики Временного Правительства. Мы оговариваемся, что сводка милицеских данных по степени полноты чрезвычайно неудовлетворительна, и поэтому выводы о динамике аграрного движения, которые можно по ней сделать, могут быть сугубо условны. (Цифра для сентября является явно неправильной, так как после поражения корниловщины и после жатвы аграрное движение получило необычайно широкий размах по всей Украине, и 118 правонарушений — это в десятки раз преуменьшенная цифра). См. „Крестьянское движение в 1917 году“ Централхив РСФСР, стр. 364 — 400.

²⁾ Судебные преследования крестьян нередко кончались неблагоприятно для помещиков. Так, например, 26 августа 1917 г. Харьковский губернский комиссар телеграфировал: „Купянск. уездному комиссару. Примите решительные меры восстановлению порядка имении Ширенковых“.

31 августа Купянский уездный комиссар доложил, что 29 августа он лично, совместно с представителями милиции и продовольственного комитета, выезжал в имение Ширенко и застал „в нем полнейшую тишину и порядок“. Выяснилось, что 23 августа в имение „явилась толпа крестьян хутора Александровки, Никитовки, Голубовки и Невского, Терновской волости и просили с угрозами приостановить начатое Ширенком дело против означенных крестьян за снятие ими с работ приказчика Ширенко. Когда хотела вступить с ними в объяснение жена брата Ширенко, то толпа набросилась на нее и избила ее палками, также толпа затребовала от Я. Д. Ширенко, чтобы он заплатил полностью жалованье уволенной им до окончания срока найма прислуге Ульяне Саенко. Это он исполнил. Толпа разошлась...“

Между крестьянами означенных хуторов и Ширенко обострены отношения в виду того, что Ширенко представляет крестьянам в наем около 300 десятин земли не в тех местах, где хотят крестьяне. Мною было предложено сторонам добровольное соглашение... но достигнуто не было, так как Ширенко предлагает крестьянам аренду в одном месте, а крестьяне просят в другом...“ (Архив Харьк. губ. ком-ра Вр. Пр-ва, дело № 11, т. IV). Можно с большим основанием предположить, что после поражения Корнилова крестьяне взяли ту землю, которую они хотели.

Аграрное движение шло мимо них и против них. Влияние партии эсеров катастрофически падало.

Произошла великая проверка. Крестьяне на практике видели, кто их друг, а кто враг. Кто решительно защищает их интересы и кто ограничивается разговорами. Крестьяне увидели, как „социалисты“ вместе с Корниловым, вместе с генералами защищают помещичью землю. Увидели, как „социалисты“ — комиссары Временного Пр-ва — арестовывают крестьян, членов земельных комитетов. Крестьяне на практике убеждались, что такое „коалиция“, — кто на ком в ней ездит. Это был предметный урок, который сыграл большую роль. Речи, которые раздавались в Полтавском губернском комитете, еще в более резкой форме повторялись на сотнях, тысячах заседаний и собраний по всей Украине.

Корниловские приказы сузили движение, но лишь в первые недели после их издания. В августе положение уже начало резко изменяться. Крестьянство убеждалось, что без борьбы оно не добьется удовлетворения своих требований: „В жнива підчас видання постанови Корнілова, — доносить Гайсинский комиссар, — піднявся великий рух селянства проти заборони брати плату натурою, і нам дуже трудно було стримати селянство від самочинства“¹⁾.

Попытки вооруженного подавления крестьянства нередко кончались печально. На фронте, в июле, первое время удавалось разоружать непокорные, большевистски настроенные палки, но для этого нужны были целые казачьи дивизии, многочисленные батареи артиллерии, броневики... Однако для десятков тысяч сел военной силы не хватало, да и — что самое главное — против крестьян солдаты отказывались выступать. В прифронтовой полосе происходили исключительные по драматизму эпизоды, когда крестьянская пехота, переходя на сторону крестьян, обстреливала казачьи части, приезжавшие прекращать „самоуправство“ крестьян²⁾.

¹⁾ Архив подольского губ. комиссара Вр. пр-ва, д. № 96, ч. 5, л. 361.

²⁾ В одной из следующих глав „Армия в аграрной революции“ мы подробно опишем участие солдат в аграрном движении.

Разницу в отношении к казачьим частям и пехоте можно видеть из телеграммы группы помещиков Подольской губернии:

„По слухам, второй Верхнеудинский казачий полк будет заменен пехотой. Если это верно, покорнейше просим и настаиваем, защищая интересы государства (разве могут сказать помещики, что речь идет о собственных шкурных интересах — М. Р.), оставить в нашем районе тот же второй Верхнеудинский казачий полк. Без надежной защиты, не говоря уже о возможности лишения жизни нашей, но хлеба в наших экономиках и сахар Старосиняевского сахарного завода... будут разграблены и уничтожены погромщиками, ожидающими только отхода казаков. Ради Бога, просим надежной защиты.“

Землевладельцы: Александр Погорский, Залеская, граф Сципиодель Сампо... Франц и Станислав Дорожинский, граф Казимир Стадницкий... и т. д. (Архив Подольского губ. ком-ра Вр. пр-ва по описи 1917 г., № 96, часть 8, л. 141).

„Применение вооруженной силы в деле прекращения лесных и земельных беспорядков не только не вносит успокоения, но часто способствует их укреплению“— телеграфировал 8-го августа Временному Правительству Волынский губернский комиссар. Таким образом, через короткий срок корниловские приказы и корниловская политика Временного Правительства начали достигать обратных результатов.

Полтавские хлеборобы-собственники бьют тревогу. В телеграмме председателю совета министров они заявляют: „обязательное постановление Корнилова от 8 июля не исполняется комитетами, у владельцев отбирают насильственно земли и инвентарь, их принуждают платить разорительные платы рабочим, увозят хлеб в снопах, на полях пасут бесплатно, с разрешения комитета, скот... Землевладельцы терпят убытки и разорение...“¹⁾

Крестьяне, убедившись, что за угрозами военных властей в большинстве случаев нет реальной принудительной силы, еще больше начинали напирать на помещиков. Поражение корниловского восстания дало новый огромный толчок углублению аграрной революции. Крестьяне увидели, что бояться нечего, что карта помещиков бита.

В дальнейшей борьбе крестьянство выступает против Временного Правительства. Крестьяне на практике не видели никакой разницы между арестованным Корниловым и стоящим у власти Керенским, который полностью и целиком подтвердил приказы Корнилова. Характерно, что приказ Керенского от 8 сентября, через несколько дней после ликвидации корниловского мятежа, дословно копировал приказы Корнилова. Начальник снабжения Юго-Западного фронта, рассылая новый приказ Керенского, не стесняясь подчеркивал: „приказ верховного главнокомандующего (Керенского) от 8 сентября за № 911, изданный в подтверждение и дополнение приказа 31 июля № 737“ (т.-е. приказа Корнилова).

„Ко мне с мест все время поступают сведения о непрекращающихся насильственных действиях и самоуправстве,— пишет уже Керенский, заменивший на посту Верховного главнокомандующего Корнилова,— направленных к разрешению самоличным путем различных сельскохозяйственных вопросов... Обязываю всех землевладельцев, как крупных, так и мелких, произвести сбор принадлежащего им урожая и обработку полей при полном напряжении своих сил и средств и безусловно воспрещаю...“ и дальше следует девять пунктов, почти дословно повторяющих приказ Корнилова (даем их в сноске)²⁾.

¹⁾ Архив Полтавск. зем. управы № 19 (4). л. 28.

²⁾ „... Безусловно запрещаю:

1) насильственно захватывать посевы или собранный хлеб, кормовые травы и сено;

„Лица, виновные в неисполнении сего постановления, подвергаются...“ и дальше идет точное перечисление наказаний.

„Вменяю в обязанность обращаться в случае надобности к главным начальникам снабжения с ходатайством о представлении воинских команд для охраны полей, урожая и лесных угодий...“

Верховный главнокомандующий Керенский

Начальник штаба генерал от инфантерии Алексеев¹⁾

Как видим, разница между приказами Корнилова и Керенского разве только в оттенке. Если Корнилов угрожает прямо: „я буду предавать полевому суду, я буду без колебаний применять воинскую силу“, то Керенский говорит то же, но несколько мягче: „вменяю в обязанность обращаться... с ходатайством о представлении воинских команд для охраны полей, урожая и лесных угодий“.

„Не умер, так змерз“, — говорят крестьяне в таких случаях.

Разница была в другом. Корнилов в июле — августе в отдельных местах имел еще кое-какую реальную силу и мог применить ее. Керенский же и его комиссары на местах никакой реальной силы уже не имели.

Крестьяне это видели и чувствовали. Поражение Корнилова, разбитого без боев организованностью пролетариата, показало, что бояться помещиков уже нечего.

„Необходимо не допустить крушения частной собственности, доколе она не отменена, и не останавливаться перед самыми энергичными мерами, — писал в докладе Змиевской

2) отбирать насильственным, незаконным путем живой и мертвый инвентарь и препятствовать уборке хлебов сельско-хозяйственными машинами;

3) снимать незаконным путем с работ в казенных имениях у частных владельцев и в других хозяйствах военнопленных и всех постоянных и пришедших в хозяйствах рабочих; незаконно снятых военнопленных приказывать возвращать;

4) препятствовать подготовке полей к озимым посевам и производству этих посевов;

5) принуждать владельцев и арендаторов платить военнопленным за труд более установленной правительственными органами платы;

6) принуждать постоянных и пришедших рабочих повышать договоренные ими ранее цены за труд;

7) принуждать владельцев платить за труд по уборке урожая не деньгами, а хлебом в натуре;

8) мешать теми или иными способами сбору хлебов и сеяных трав, равно молотье и свозу хлебов и

9) производить самовольно порубки в чужих частновладельческих и казенных угодьях, а равно препятствовать производству леса владельцами заготовок дров и лесных материалов, так как лесные материалы и топливо нужны жителям армии и отечественному производству.

Лица, виновные в неисполнении сего постановления, подвергаются по двадцать девятой статье Устава о Наказаниях, налагаемых мировыми судьями...“

¹⁾ Архив Киевской уезд. земельной управы, дело № 5, л. 239.

уездный комиссар еще 9-го июня, — и бо если крестьяне увидят, что незаконные их действия не наказываются, то захват земель неизбежен¹⁾.

Сама истина глаголила устами Змиевского комиссара. Крестьяне в конце августа и в начале сентября увидели бессилие помещиков и правительства. Принудительная аренда, которой прикрывались крестьяне в борьбе с помещиками, начала перерастать в прямой открытый захват помещичьих и кулацких земель.

Аграрное движение 1917 г. в своем развитии перешло на высшую ступень, превращаясь в аграрную революцию.

Но об этом далее.

(Продолжение следует)

---

¹⁾ Архив харьковского губ. ком - ра Вр. Пр - ва по описи 1917 г., дело № 29, т. 1 - й.

АГРАРНИЙ РУХ ЗА ЧАСІВ ГЕТЬМАНЩИНИ

1. ЗЕМЕЛЬНЕ ЗАКОНОДАВСТВО ГЕТЬМАНА

Переможена в боротьбі з радами Центральна Рада звернулася за допомогою до Німеччини. Це був ризикований крок, в тому значінні, що проводирі Центральної Ради добре розуміли, що німці за подану допомогу будуть вимагати насамперед дорогої розплати хлібом, цукром та іншими с.-господ. продуктами, яких до того часу на Україні було не так то вже багато.

Проте, виявляючи класову волю селянської верхівки, яка боялася поглиблення аграрної революції й розгортання фронту класової боротьби на селі, ЦР основне своє завдання бачила в боротьбі з радами, шукаючи для цього у Німеччини допомоги. Але запрошення німців не могло, звичайно, не збентежити широкі селянські маси. Навіть заможна частина села й та виявила деякий неспокій за майбутнє.

Це викликало таку відозву від 11 лютого 1918 року „До громадян Української Народньої Республіки“:

„Вороги нашої волі почали лякати людей, що тепер, як німці йдуть на Україну, то це кінець української волі, кінець свободам, знов будуть панувати пани, а селянам землі не буде. Але це неправда. Українська Центральна Рада, яка проголосила своїм четвертим універсалом незалежність і самостійність Української Народньої Республіки, так при тій самостійності й незалежності стоїть і буде її боронити від усякого замаху. Як віддала вона всю землю робочому народові земельним законом, так на тім вона й стоїть. В усе це німці не вмішуються і ніякої зміни в тім не мають робити. Вони приходять як наші приятелі й помічники на короткий час.

А тепер усіх громадян української землі закликаємо: подбати особливо про те, щоб земля, яка перейшла до рук трудящого народу, була б засіяна, бо в хлібі все наше багатство“.

Проте, дуже швидко сами керівники Центральної Ради переконалися в тому, що „наші приятелі й помічники“ не особливо соромляться „дружньої держави“. Вже на третій сесії всеукраїнського головного земельного комітету, що відбувся в половині квітня 1918 р., доповідачі з місць розповіли про

сумне становище, що утворилося на місцях. Найбезцеремонніше втручання німців та гайдамаків до переведення засівної кампанії, відбирання зерна, коней — все це зразу ж після приходу німецького війська на Україну стало побутовим явищем. Сесія ухвалила резолюцію, де вимагала: „Негайно видати розпорядження про те, що ні чужоземні, ні українські військові влади не мають права втручатися до діяльності земельних комітетів і що всі видані ними до цього часу розпорядження в земельних справах повинні бути скасовані, як незаконні“.

Але провадити боротьбу проти господарювання німців було вже запізно. Центральна Рада, звичайно, і не ставила перед себе такого завдання. Її становище до цього часу стало ясно безнадійним. Прихід німців, природно, викликав підвищення активності куркульства, поміщиків і взагалі всіх буржуазних класових сил. Куркуль і поміщик завжди шукали й находили в представників німецького військового командування потрібну їм допомогу. В той же час Центральна Рада, як видно з зазначеного вище витягу відозви її до населення, примушена була стверджувати те, що революційні завоювання трудящих залишаються непорушні, що земля залишається в трудового селянства, що німці не повинні й не можуть втручатися до внутрішніх справ України. Але ці декларації, проте, різко розходилися з фактичним станом. Широкі селянські маси бачили, що утворюється складне й небезпечне для здобутків революції становище. Біднота та середняки бачили, як швидко піднімав голову куркуль, як заметушилися поміщики та їх довірені, як з'являвся табір контрреволюції. З другого боку, ця ж сама частина селянства бачила безсилля Центральної Ради, її безпорадність перед німецьким командуванням. Все це надавало незаможним та близькій до них частині середнякам упевненості, що Центральна Рада, яка покликала німців на Україну, не зможе оборонити їх від натиску куркульської контрреволюції.

Разом з цим куркульство й та частина заможного середняцтва, що жадала „порядку“ також міняла своє відношення до Центральної Ради. Коли до приходу німецького війська ця частина середняцтва та куркульства підтримували Центральну Раду й вважали її за надійну оборону від поглиблення революції, то тепер становище змінилося. ЦР була вже непотрібна для цього.

Таким чином, Центральна Рада зразу ж утратила ту соціальну базу, що на ній трималася. Відбулося пересування соціальних сил. Незаможницька частина села побачила цілком ясно найближчу перспективу панування куркуля та поміщика. Середняцтво відчуло безсилля Ради провадити боротьбу проти свавільства німців і її нездатність обороняти його земельні права.

Оскільки ж середняцтво само собою не здатне до активності, до захисту завоювань революції — більша частина середняцтва, швидко відступивши, навіть ціною відмови від

„прирізків“ землі, ладна була купити „порядок і спокій“. Що ж до куркульства, то, природно, воно в німецьких загонах бачило символ повороту „твердої влади“, що має за своє завдання розгромити „революційний бунт“ і забезпечити його розвиток. Рада, лишившись своєї соціальної бази, без конкретного соціального змісту, доживаючи свої останні безславні дні, сходила з історичної арени, щоб дати місце новій смузі в історії боротьби селянства України за землю.

Для того, щоб з'ясувати легкість гетьманського перевороту, потрібно урахувати значіння просування німецького війська по Україні. Як відомо, німецьке військо прийшло на Україну в березні місяці 1918 року. 8 квітня перші німецькі колони були вже біля Харкова й до травня місяця окупація України закінчилася цілком. Таким чином, німецьке військо було по всіх районах України ще за Центральної Ради. В квітні Рада ще розсилала на місця розпорядження про засів усіх поміщицьких земель силами селян під керівництвом земельних комітетів, і у квітні ж німецьке командування стало втручатися до земельних справ, виразно стаючи на бік куркульства та поміщиків. Правда, цього ж місяця 1918 р. представники Німеччини ще не „орієнтувалися“, бо, приглядаючись до оточення, вони ще провадили боротьбу з червоними загонами, просуваючись вперед. Але навіть в цей період, як видно це нижче, вони вже розпочали „наводити порядок“ з усією категоричністю й простотою. За приклад (що куди не поодинокий) наведемо такий факт.

Полтавський губерніяльний земельний комітет одержав таку телеграму з повіту. „23 квітня в колишній маєток поміщика Шейдемана, коло села Абазівки Натальїнської волости прибув озброєний німецький загін з двома кулеметами на чолі з офіцером. Цей загін, заїхавши у слободу, поставив кулемети по селянських дворах і наказав, щоб майно, що було взято з маєтку, за чотири години було звезено. Перелякані громадяни зробили це за дві години“. Наведений приклад „невтручання“ до взаємовідносин селян та поміщиків, природно, справляв глибоке вражіння на селян. Абазівські селяни за дві години (замість призначених чотирьох) повернули поміщикові живий та мертвий інвентар і, мабуть, ладні були підписатися в тім, що не тільки не будуть користуватися з урожаю поміщицької землі, яку засіяли сами селяни, але й виплатять ще „контрибуцію“. Зрозуміло, що таке вражіння не лишалося в одному селі чи одній волості, бо таких заходів впливу німецька військова влада вживала в багатьох випадках. Тому, не дивлячись на швидке просування німецького війська, ще швидше „селянський телеграф“ передавав звістки про те, як німці відновлюють „порядок“ на користь поміщикові й куркулям.

Харківський губерніяльний комісар Центральної Ради 26 квітня телеграфував міністрові внутрішніх справ: „Німецькі коменданти станцій Готня й Токарівка відновляють у правах

колишніх землевласників. Населення хвилюється. Порушується планомірний засів цукрової свекли та яровини. Німці одночасно провадять реквізиції засівного матеріалу й племінної худоби“. Губерніяльний комісар, природно, був безсилий проти таких дій „наших приятелів та помічників“ німців. Так саме був безсилий що-будь зробити і міністр внутрішніх справ, а також і Центральна Рада. Німці не забували й куркулів. Так, у Сумському повіті на Харківщині, з повідомлення народньої управи, 8 квітня в селі Миколаївці „німецький загін разом з місцевим куркулем Матерієм обходив визначені двори й відбирав у селян коней, овес та інші продукти й повертав їх за вказівками Матерія“.

Таке „відновлення“ куркулів викликало не тільки обурення селян, але й спробу дати німцям одсіч. Маючи, одначе, значні сили, німці після таких спроб швидко „наводили порядок“, підносячи дух куркульства та поміщиків і допомагаючи їм мобілізувати свої сили.

З другого боку, ця окупація паралізувала активність середняцтва й заставляла його або, відійшовши, геть мовчки спостерігати за ходом подій, або виразно ставати на бік тих, хто в даний момент сильніший і хто обіцяє „порядок і спокій“.

В умовах 1918 року, коли на селі мобілізувалися, беручи різні напрямки, дві основні сили — біднота, з одного боку, і куркулі — з другого, стояти осторонь було трудно, чому значна частина в момент приходу німецького війська, коли не фізично, так морально фактично підтримувала куркулів.

Мобілізація куркульства на весні 1918 року провадилася швидким темпом. Куркульство та їхні прихильники зразу ж були розпочали атаку на земельні комітети та інші органи, що їх установила ще Центральна Рада, одночасно підготовляючи село до гетьманського перевороту й до повороту поміщика. В квітні 1918 р. голос куркульства на селі відчувався імпозантно. Разом із цим процесом зростання активності (під охороною німецьких загонів) куркульства на селі весною 1918 року відбувався й другий процес — підготовки бідноти й батрацтва до боротьби з наступом контрреволюції, з навислою загрозою повороту старого режиму.

Заклик II Всеукраїнського З'їзду Рад провадити боротьбу за радянську Україну найшов відгомін по всіх закутках країни. Прихід німців прискорив процес організації бідноти. Значна частина незаможників ще на весні, покинувши села, згуртувалася в партизанські загони, які потім усе літо й осінь 1918 року провадили уперту боротьбу з гетьманською контрреволюцією. Перед самим приходом німців по багатьох повітах України відбулися селянські з'їзди, що в своїй більшості відбили настрої незаможної й близької до неї середняцької частини села, де ці настрої бідноти виявились цілком виразно. Значіння цих з'їздів було дуже велике, коли зважити на те, що

вони підготовляли селянство до майбутньої боротьби з навислою контрреволюцією. До речі, — зазначити характеристику органу Центрального Виконавчого Комітету рад України, „Вісника Української Народньої Республіки“ на початку березня 1918 року, про один з таких з'їздів — селянський з'їзд Коноптиського повіту.

„В Конотопі відбувся селянський з'їзд, що являв собою великий інтерес, як показчик настрою селянства. Переважна більшість делегатів цілком ясно розуміла події, що відбуваються, й стояла на необхідності оборони радянської влади від контрреволюційних гайдамацько-австро-німецького війська. Настрій з'їзду виразно показує, який прийом матимуть на селі гайдамаки та німці. Селянство не менш виразно, ніж робітники, розуміє, що сп'ялка буржуазно-поміщицької Ради з Вільгельмом скерована проти всіх завоювань робітничо-селянської революції, і що тільки рішучою, нещадною боротьбою, що не спиняється ні перед чим, боротьбою не на життя, а на смерть, зможуть селяни боронити свій хліб, землю та волю. Коноптиський з'їзд, безсумніву, правильно відбиває настрої українського селянства. Значіння таких з'їздів дуже велике. Вони сприятимуть організації селянської партизанської війни й підготують для гайдамаків і німців прийом по селах, од якого їм не поздоровиться“.

„Вісник“ правильно оцінював значіння з'їздів, як показчиків настроїв незаможної й частково середняцької маси села та організаторів майбутньої боротьби з контрреволюцією.

Українське село дійсно готувалося зустріти гетьманщину боротьбою за хліб, землю та волю, і таки справді ця боротьба розгорнулася, хоч і значно пізніше. Тепер же, весною 1918 року, німецька окупація утворювала умови, за яких бідноту примушено було скоритися перед озброєною силою. Оскільки ж середняки ще не спробували всіх солодощів німецької окупації й ще в деякій мірі йняли віри Центральній Раді біднота була ізольована, залишившись сама собі перед злістю куркульства й поміщиків. Правда, вона робила спроби повстати проти навислої контрреволюції. Так, на весні 1918 р. по багатьох селах України траплялися озброєні сутички селян з гайдамаками Центральної Ради й німецькими загонами, які, одначе, в умовах німецької окупації України закінчувалися розгромленням селян і спаленням цілих сіл.

Німці повинні були гостро поставити питання про роззброєння селянства, що його вони вжили в широких розмірах за допомогою, так гайдамаків, як і різних „вільних козаків“, загони яких організовувалися з куркульської молоді. Роззброєння селянства провадилось, звичайно, головним чином шляхом одбирання зброї в незаможників, батраків, „сумнівних“ (з погляду куркулів, що були за „осведомителів“ при німцях) середняків. Куркульство, навпаки, в цей період посилено озброювалось і, таким чином, підготовляло гетьманський переворот.

В міру того, як німці все виразніше натискали на селянство й вимагали від села хліба для вивозу до Німеччини, становище Центральної Ради ставало все більше хитливим. Вона не могла ні протестувати проти господарювання німців, ні задовольнити їх в потрібній мірі.

Німецьке командування дуже швидко зрозуміло той простий і очевидний факт, що Центральна Рада на весні 1918 р. вже втратила свою соціяльну базу. На весні 1918 року Центральна Рада фактично стала нікому непотрібна політична цяцька, і німецьке командування, урахувавши все це, 27 квітня розігнало її, вдершись озброєним загоном до помешкання, де засідала Мала Рада і зробивши спробу заарештувати Генеральний Секретаріат. Зусилля Ткаченка, Порша та інших видатних керівників Ради умовитися з німецьким послом Муммом нічого не дали. І хоча Порш обіцяв від імені Ради запровадити закон про відновлення приватної власності на землі дрібних власників, німецькі генерали вже рішуче вирішили зробити ставку на гетьмана.

29 квітня з'їзд хліборобів обрав був на гетьмана України Павла Скоропадського. Про цей з'їзд, який зібрався з відомою Центральної Ради, газета „Народное Дело“ повідомляє в замітці так:

„Після привітальних промов, підчас яких аудиторія з піднесенням сприймала все те, що було проти Ради, соціялізації та земельних комітетів, розпочалася ділова частина засідання. Великий землевласник Кістяківський виступив з доповіддю на пекучу для з'їзду тему: про земельний закон Центральної Ради. Саме згадування доповідача про Центральну Раду викликає тисячні голоси: „Геть Центральну Раду! Розігнати її!“ Згадування про земельні комітети викликає викрики: „Геть земельні комітети!“

Доповідач вимагав, щоб: „Земельний закон Ради повинен бути негайно скасований (бурхливі оплески). Ми, землевласники, не бажаємо опіки земельних комітетів. Досить над нами панували. Вони пограбували садиби, худобу. Ви повинні сказати міністрам: награбоване ніби - то за законом повинно бути повернено, спалене — оплачено“ (бурхливі оплески).

Ця газетна інформація не зовсім точно переказує обставини з'їзду. По-перше, з'їзд розколовся на дві частини, причому меншість — селяни - середняки — покинули з'їзд. По-друге, та „аудиторія“, яка з захопленням слухала виступи землевласників, з селянськими масами мала спільного мало. По-третє, вся ця хліборобсько - гетьманська комедія відбувалася під охороною німецьких багнетів. Що ж до незаможно - середняцької маси села, то вона пробувала була давати одсіч установленню диктатури поміщика. Та ж сама газета „Народное Дело“ інформує, що:

„10 травня повинен був розпочатись з'їзд справжніх хліборобів - селян Київщини, але зранку великий загін війська,

зайняв всю Терещенківську вулицю, де повинен був відбуватися з'їзд, виставив панцерник біля під'їзду будинку й заарештував мандатну комісію з'їзду. На з'їзд прибуло 2.000 селян. Пароплавами та потягами приїздили ще делегати, але їх не впускали до вокзалу й пристани, а затримували. Вранці затримано було 3 пароплави з делегатами. Протягом усього дня панцерники роз'їздили по Фундуклівській та інших вулицях. Делегати-селяни весь час товпилися коло виходу на Терещенківську вулицю. Настрій неспокійний. Чимало делегатів незадоволеного всеукраїнського з'їзду безземельних селян після подій 9—10 травня не встигли ще роз'їхатися додому, zostалися поки в Києві. Як і напередодні, великими групами вони блукали по вулицях міста. На пішоходах і майданах коло них збиралися імпровізовані мітинги. Особливо багато спілчан вчора ополудні зібралося в одному сквері коло Михайлівського монастиря. На місце прибуло військо й міліція. Зроблено було декілька пострілів у повітря, після яких селяни поспішно розбіглися з скверика“.

Так розпочався гетьманський період у розвиткові аграрної революції на Україні. Гетьманщина дала цілком категоричне й виразне своєю контрреволюційною суттю розв'язання земельного питання. В першій же своїй грамоті „до всього українського народу“, що опублікована 29 квітня 1918 року, гетьман Павло Скоропадський відновив приватну власність на землю з усіма від цього висновками. В цій грамоті говориться:

„Права приватної власности, як фундаменту культури й цивілізації, відбудовуються в повній мірі і всі розпорядження бувшого українського уряду, а рівно Тимчасового Уряду російського, відмінюються і касуються. Відбудовується повна свобода по зробленню купчих по куплі—продажу землі. Поруч з цим будуть прийняті міри по вивлащенню земель по дійсній їх вартості від великих власників для наділення земельними участками малоземельних хліборобів“. В цій же грамоті гетьман оголосив про те, що всі земельні комітети ліквідуються. Як бачимо з вищезазначеного, гетьман Скоропадський свій перший виступ в земельній справі оповив деяким туманом. Що приватна власність на землю відновляється, про це гетьманова грамота говорить цілком виразно й яскраво. Але зате питання про викуп поміщицьких земель поставлено дво-значно. До того ж грамота обіцяє „наділення земельними участками малоземельних хліборобів“.

Ця обіцянка, звичайно, була даниною гетьмана духові часу. Хоча він і одержав свою владу з рук німців, які замість себе примусили говорити й діяти на авансцені „союз хліборобів землевласників“, все ж таки різко поставити питання про цілковиту відмову розглядати проблему малоземелля на Україні гетьман не наважився (та й німці цього не бажали). Гетьман не міг скинути з рахунку значного шару середняків, які гостро

ставили питання про додаткову прирізку землі і, у крайньому разі, ладні були за неї платити поміщикам викупне. Для цієї частини середняцтва й кинуте було обіцянку наділяти землею малоземельних хліборобів. Що це так, видно з „Правительственного повідомлення“, що його підписав 10-го травня 1918 року прем'єр Лизогуб та міністр хліборобства Соколовський. „Несправедливі, — читаємо в повідомленні, — обвинувачення правительства, що воно служить інтересам великих власників при повному забутті необхідних потреб селянства. Селянство є підвалиною народнього добробуту в такій хліборобській країні, як Україна, і правительство приступило вже до вироблення плану земельної реформи, поставивши собі неодмінною метою задоволити потреби малоземельних та безземельних хліборобів. Правительство не зупиняється перед ніякими жертвами, аби утворити на Україні селянство здорове, забезпечене землею, здатне піднести до найвищої міри її добробут. Ті землі приватних власників, які необхідно для цієї мети відмежувати без порушення с.-г. культури, будуть викуплені державою та передані по необтяжній ціні потребуючим хліборобам“.

В цьому документі, по суті, уже намічені принципи земельного законодавства гетьманського уряду. Принципи ці можна звести до такого: 1) право власности на землю відновлюється, але разом із цим запроваджується примусовий порядок викупу державою землі в великих землевласників, 2) курс береться на сильного, забезпеченого землею хлібороба-власника, при чому середнякам можна сподіватися на те, що через купівлю землі й вони попадуть до цієї категорії, 3) безземельні також можуть сподіватися де що одержати від „пожертов“ держави й через купівлю шматка землі ввійти до складу хліборобів.

Декларація Лизогуба обіцяла, що подробиці земельної реформи, підставою якої є принципові засади, які оголошуються, будуть „уважно розроблені при участі фахових діячів, що користуються пошаною населення“.

Таким чином, і гетьманова грамота, і декларація кабінету взяли цілком виразний курс на „заспокоєння“ середняка. Гетьман та його сподвижники добре знали, що куркульство стоїть за ними. Вони розуміли, що, відновлюючи власність на землю, гетьманська влада цілком відповідає інтересам куркульства, не говорячи вже нічого про поміщика. Але, крім куркульства, на Україні був значний прошар середняків, про яких варто було згадати гетьманському урядові, оскільки він хотів ізолювати сільську бідноту, безнадійно „заражену більшовизмом“. Цим з'ясовуються обіцянки перед малоземельними й жертвування всім, щоб утворити „здорове селянство“. В момент закріплення контрреволюційного перевороту гетьманський уряд, звичайно, не міг ризикувати втратою середняка. Час був тоді бурхливий, село кипіло, по багатьох місцевостях селяни із зброєю в руках виступали проти гетьманців. В цих

повстаннях брало участь і середняцьке селянство, оскільки воно боялось повороту поміщика й відновлення старого земельного устрою. Гетьманський уряд повинен був в такому разі шукати шляхів завоювати або хоч би нейтралізувати середняцтво. Цим і викликано поставлення питання про примусове вивласнення приватно-власницьких земель та передачу їх „по действительной стоимости“ найміцнішим середнякам. Ось така була суть земельної політики гетьманщини першого періоду.

Обіцяючи розв'язати земельну справу, гетьман не поспішався виконувати свою обіцянку. З'ясовувано це складністю обставин і відсутністю засобів у держави для організації примусового викупу земель у поміщиків та передачу їх на кредитових умовах середнякові й куркулеві. Тому протягом півроку земельне питання не мало жодного руху. Правда, ще 14 червня 1918 р. гетьманський уряд видав закона „про право продажу й купівлі землі за межами міських осель“. В цьому законі висунуто такі основні засади: 1. Кожний власник землі, а також той, хто користується надільним участком, має право продавати цю землю без якого-будь обмеження в розмірі. 2. Одначе сама фізична або юридична особа має право купувати лише не більше, як 25 десятин. 3. Товариства мають право купувати землі з розрахунку 25 дес. на кожного з своїх членів. При чому товариство, яке купило землю, повинно продати її не пізніше, як через два роки після купівлі. 4. Державний Земельний Банк (який, до речі сказати, за того часу не існував) купує землю, не обмежуючи числа, але з умовою своєчасного її продажу дрібними участками.

Як бачимо, в цьому законі гетьманський уряд додержав своєї обіцянки, порушивши питання про наділення малоземельних тільки частково. Дійсно, жодного примусу вивласнення земель цей закон не передбачає, хоча справа ходила лише про відновлення права купівлі—продажу землі. З другого боку, Державний Земельний Банк в червні місяці лише передбачався й купувати через цей банк землю селяни не могли. Відносно ж права купівлі землі безпосередньо в поміщика, то таке „право“ завжди існувало, і тому зазначений закон гетьманського уряду був актом, що відновлював дореволюційне „право“ купівлі землі—і тільки. Правда, цей закон дозволяв купувати не більше, як 25 десятин на одну особу, але, по-перше, пункт про купівлю землі товариствами (не обмежуючи утворення фіктивних „товариств“) давав змогу обійти ці вимоги закону, а по-друге, куркульство й найміцніше середняцтво задовольнялося й цією нормою, маючи можливість купувати по 25 дес. на кожного члена сем'ї.

Коли гетьманський уряд не міг розв'язати питання про земельну реформу, то, роблячи спробу реставрувати царське земельне законодавство, воно пішло геть далеко. Так, законом 15 липня 1918 року гетьманщина відновила в силі „Положение

о „землеустройстве“, вироблене ще за Столипіна й опубліковане в „своде законів“. Крім того, цим же законом були запроваджені земельні комісії типу царських часів, а також особливі тимчасові земельно-ліквідаційні комісії, де по суті й відбилася вся творчість гетьманщини в земельному питанні. На земельно-ліквідаційні комісії покладалися такі обов'язки:

1. Відновлення порушеного володіння й користування землею й різними угіддями.
2. Повернення відібраних підприємств, рибних уловів, інвентарю й різного рухомого майна.
3. Відшкодування збитків і установлення платні за користування майном.
4. Розрахунки за ті засіви, що були зроблені після 1 березня 1917 року на чужих землях без дозволу власників чи орендарів цих земель.

Як бачимо, земельно-ліквідаційні комісії повинні були переводити не тільки повернення власникам експропрійованих в них революцією землі, інвентарю, то-що, але також і винагороджувати за „заподіяні збитки“.

В зв'язку з тим, що гострий момент минув, селянство загального повстання не зняло, а німецьке військо за допомогою гетьманської варті все більше „наводило порядок“, і протягом найближчих тижнів небезпека не загрожувала — гетьманський уряд за три місяці своєї влади взявся переводити свою головну справу, яка полягала в цілковитій реставрації поміщицького господарства й побуту.

В цьому напрямкові й провадилась земельна політика гетьманської влади влітку 1918 року.

Однак зростання революційного руху на селі не давало можливості до краю витримати такого напрямку в земельній політиці. Вже 15 серпня новий міністр хліборобства гетьманського уряду Колокольцев (поміщик з м. Вовчі на Харківщині) в особливому обіжникові зазначає: „Маючи на увазі, що заспокоєння села далеко ще не відбулося, буде доцільно тимчасово не висувати першими питань внутрішньо-надільного земельного устрою, бо останній в багатьох випадках може мати зв'язок з раціональним використанням земельного фонду“. Тому міністр пропонує комісіям: „Брати до розгляду лише такі справи, що відносно них заздалегodi можна передбачити добросусідське розв'язання“. Все це, звичайно, не допомогло. Революційний рух, що знявся селянськими повстаннями, вибиванням і вигнанням варті та нападом на економію, в українському селі де-далі зростає. Гетьманській владі, що вже захиталась і загрожувало повалитися, треба було шукати інших способів утихомирення, хоча б деякої частини села. Виходячи з такого становища, гетьманський уряд, нарешті, 14 вересня опублікував статута „Державного Земельного Банку“, що ставлючи загальні завдання: 1. Організації сталого дрібного господарства й 2. Допомоги розвиткові й підвищенню продуктивності сільського господарства — проектував такі операції: 1) Видачу позик на купівлю землі. 2) Видачу позик під заклад землі.

3) Купівлю землі самим банком і поділом її на дрібні участки (парцеляція) і продаж селянам. 4) Видачу позик під заклад землі на меліорацію.

Таким чином, зазначеним статутом гетьманський уряд пробував був показати середняцтву й куркульству серйозність заходів і пеклування про купівлю землі у поміщиків для перепродажу селянам.

Зростання селянських повстань, партизанських загонів, походів на поміщицькі маєтки, спадання настрою солдатів німецької армії в зв'язку зі зростанням революції в Німеччині то-що — все це говорило, що „допомога“ виявлена пізно і що урядові треба поспішати виконувати опубліковану півроку тому назад обіцянку „розв'язати земельне питання“. 29 жовтня 1918 р. опубліковується грамота гетьмана „до народу українського“ з відзначенням того, що він пам'ятає весь час про земельне питання й увесь час вважає його „найголовнішим завданням“. „Тепер — пише Скоропадський, — підготовчі роботи наближаються до кінця, і через це ми находимо тепер можливим почати здійснення земельної реформи. Але для того, щоб питання такої першорядної ваги було вирішено найбільш згідно з потребами людности, ми вважаємо за потрібне запросити до вироблення головних основ земельної реформи й інших законодавчих заходів, котрі повинні бути її доповненням і розвитком, представників всіх клас людности, заінтересованих в цих справах. Ми порішили з цією метою скласти особливу нараду, в котрій ми особисто будемо головувати“. Далі гетьман, зазначаючи основи майбутньої земельної політики і відзначаючи, що вона повинна базуватися на грамоті від 29 квітня, оголошує, що: „1) Правительство бере в свої руки переведення земельної реформи на Українї. 2) З цією метою повинно бути утворено державний земельний фонд за кошт земель скарбових, церковних і частини приватних власників. 3) Ця реформа повинна бути переведена без порушення інтересів приватних осіб, з оплатою по належній оцінці всього майна, що поступає в державний земельний фонд. 4) За мету земельної реформи повинно бути постачання — через продаж землі — малоземельним селянам і козакам України і утворення дрібних, але економічно міцних селянських і козацьких господарств на Українї. 5) Реформа не повинна зробити шкоди цукровій промисловості, цьому головному джерелу багатств України, і повинна як можна менше понизити загальну продуктивність і культуру всього сільського господарства Українї“.

Як видно з наведеного, знову повторені в грамоті старі обіцянки потурбуватися про малоземельних (безземельні вже не згадуються) селян і козаків, знову повторені турботи про інтереси приватних власників.

В той же час провадила підготовку земельної реформи особлива аграрна комісія, утворена при міністерстві хлібороб-

ства з буржуазних економістів, товаришів міністра й двох німецьких учених. Виробивши проєкта загальних підстав майбутньої земельної реформи, комісія передала його для обмірковування обіцяній гетьманом особливій нараді. Основні засади цього проєкту такі¹⁾:

1) Земельна реформа має своїм найближчим завданням здійснення необхідного в загальнодержавних інтересах розширення землевласництва хліборобського населення за рахунок земель державних, бувших удільних, державного земельного банку і земель приватних власників (належаних як до осіб фізичних, так і до юридичних) шляхом купівлі цих земель господарями.

2) В першу чергу для вказаної мети й на вказаних підставах підлягає продажеві селянам і другим хліборобам дійсний запас земель державного земельного банку, державних і бувших удільних, за винятком тих земель, котрі признано буде необхідним залишити в розпорядженні держави.

3) Зі складу приватно-власницьких земель обов'язковому відлученню в метах здійснення земельної реформи підлягають: а) участки, необхідні для позбавлення тяжкої залежності хліборобського населення від власників тих участків, виникаючої з відсутності в володінню зазначеного населення постійних присельних пастівників (в межах необхідного їх розміру), прогонів для скота, доступу до водопойлів і т. и.; б) землі запольні, а саме розположені окремо від підставного господарства власника, якщо вони не виявляються необхідною частиною цього господарства в тім його складі, який виясниться після застосовання до даного маєтку норм земельного закону; в) землі, котрі здаються (безпосередньо або шляхом передання) в оренду селянським спілкам, товариствам чи окремим дрібним з'ємщикам (за гроші, за половину, або за відроблення). а також ті, котрі оброблюються цілком або переважно селянським інвентарем — якщо такий спосіб використання зазначених земель не виявляється тимчасовим і випадковим; г) землі, що їх хоч обробляється коштами власників (або великих орендарів) і їх інвентарем, але по характеру господарства, що провадиться на них, істотно не відрізняються від місцевого селянського господарства; г) перевишки земель проти максимальних розмірів в маєтках; д) землі, котрі признано буде можливим відлучити в маєтках, обслуговуючих цукрові заводи.

4) Землі, що рахуються в розпорядженні державного земельного банку, і знову поступають до його розпорядження по самохітнім згодам і примусовому відлученню, а також інші землі продаються по приватним згодам окремим покупникам і товариствам їх, а в необхідних випадках — сільським товариствам;

¹⁾ Даю вибірку пунктів: тому нумерація їх не відповідає нумерації пунктів у документі — В. К.

при цьому покупниками землі можуть бути тільки дійсні хлібороби, маючі вже власне хліборобське господарство і необхідний для того обзавід, при чому кількість набуваної землі, разом з перше мавшоюся у них не може перевищити встановлених для того законом, по рахунку на господарство, порайонових норм.

5) Зазначені в попередньому артикулі граничні норми для кількості набуваної землі встановлюються в відповідності з звичайним в даній місцевості розміром господарств, живучих виключно з власного хліборобського господарства і трачучих в це господарство всі свої робочі сили, але, у всякому разі, не повинні перевищити 25 десятин на господарство“.

Одначе, гетьманському урядові не вдалося здійснити свого проєкта земельної реформи, бо поширення селянських повстань по Україні й повалення гетьманщини, а також після неї Директорії, зірвало досвід розв'язання одного з основних питань нашої революції — земельного — шляхом окупації країни чужоземним військом. Заходи, щоб хоч не остаточно перетягти на свій бік середняцтво, то лише нейтралізувати, не дали жодних наслідків для гетьманського уряду. Очевидно, українське село до того часу остаточно виявило всі класові угруповання й визначило питому вагу кожної з них з явною перевагою незаможницько-середняцького союзу. Тому гетьманщина й загинула, що, не порушуючи інтересів великих землевласників і виходячи завжди з їхніх інтересів, бралася розв'язувати за допомогою чужоземної армії таке складне для українського села питання, як питання аграрних відносин.

Варто тут відзначити, що окупанти керували не тільки загальною політикою гетьманського уряду, але вони безпосередньо приймали участь у розробленні основ земельної реформи. Так, наприклад, в українських газетах від 22 травня було вміщено таке повідомлення: „До міністерства хліборобства надійшов проєкт земельної реформи, що його склав німецький посол Мумм, за яким аграрна реформа на Україні повинна досягнути три мети: 1. В галузі аграрно-політичній — господарчо-доцільного перерозподілу земельної власності на підставах справедливих і простих. 2. В галузі фінансово-політичній — дати українській державі великі грошові засоби. 3. Повернути до загального обігу величезне число платіжних знаків, що перебувають у селян“.

Хитромудрий барон Мумм на Україні замітив лише одно — величезну кількість грошей, особливо у селян. На цім своїм „відкритті“ він і збудував свій прекрасний проєкт земельної реформи „на підставах справедливих і простих“.

Але нешляхетне українське селянство на всі проєкти відповіло збройним повстанням і скинуло ненависну йому гетьманщину.

(Далі буде)

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАДЫ С ВРЕМЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

(Окончание ¹)

Как было выше указано, июльская капитуляция Центральной Рады послужила исходным пунктом, началом процесса отхода от Центральной Рады поддерживавших ее солдатских и крестьянских масс.

Вместе с тем июльские дни дали возможность Центральной Раде на деле, на практике продемонстрировать перед Временным правительством свою „лояльность“, свою преданность, свою готовность душить и расправляться со всяким массовым движением, в той или иной степени направленным против Временного правительства и Центральной Рады.

С этой точки зрения известный интерес представляет так называемое выступление „полуботьковцев“ в Киеве 5—7 июля 1917 года.

Считаем необходимым оговориться, что по поводу выступления „полуботьковцев“ в литературе существует несколько различных версий и толкований, подчас друг другу противоречащих. И по настоящий день мы располагаем столь незначительным документальным материалом, освещающим это событие, что оно в известной степени остается „темным“ местом истории июльских дней на Украине.

Попытаемся сначала остановиться на изложении фактической стороны этого события, анализируя попутно тактику Центральной Рады, затем изложим существующие в литературе толкования его и, наконец, остановимся на нашем понимании и оценке этого выступления.

С фактической стороны история „полуботьковского“ выступления рисуется следующим образом.

В начале июня на ст. Киев остановился эшелон солдат в количестве 700 чел., отказавшихся ехать на фронт до окончания войскового с'езда. Генеральный Войсковый Комитет двукратно предлагал солдатам отправиться на фронт, но солдаты

¹) См. „Лет. Рев.“ № 3, 4 и 5 — 6 за 1927 г.

отказались выполнить его предложение, пред'явив со своей стороны (19 июня) следующие требования: 1) признать формируемую часть полком имени гетмана Полуботко, 2) признать выборное начальство полка, 3) снабдить полк пищей, обмундированием и оружием. Генеральный Войсковый Комитет отказался удовлетворить эти требования и снова предложил солдатам отправиться на фронт, угрожая, в случае отказа, считать солдат дезорганизаторами (1)¹⁾.

Таким образом, между солдатами и Генеральным Войсковым Комитетом возник серьезный конфликт. Генеральный Войсковый Комитет, как видим, желая поддержать накануне готовившейся сделки свой престиж перед Вр. пр. и военным командованием, настойчиво гнал солдат на фронт.

Сообщение об отказе солдат ехать на фронт и об агитации, проводимой ими в других эшелонах, было заслушано 21/VI на заседании Центральной Рады.

Винниченко на этом заседании, в ответ на заявление представителя солдат о том, что „ими руководят идейные побуждения и что они не уйдут из Киева, пока Временное правительство не утвердит Центральную Раду“, заявил, что он „протестует против того, что тысяча людей берется решать волю Украины по-своему“²⁾.

Ц. Рада решила послать специальную делегацию для переговоров с солдатами.

22-го июня на заседании Ц. Рады³⁾ был заслушан отчет делегации, из которого выяснилось, что солдаты встретили ее недружелюбно и в ответ на убеждение подчиниться требованиям Генерального Войскового Комитета и Центральной Рады, заявили, что они поедут на фронт тогда, когда их накормят и выдадут обмундирование.

Выступивший на этом же заседании Центральной Рады представитель полка заявил, что „солдаты хотят защищать украинский народ, но просят им дать в первую очередь пищу, так как они четвертый день голодают, сидят без хлеба, без обмундирования, обуви и медицинской помощи“. Представитель солдат опровергал слухи о том, что в полку, якобы, собрались бывшие каторжане и полицейские, указывая, что небольшая группа ненадежных людей без документов была из полка исключена⁴⁾.

Ряд выступавших ораторов убеждал делегатов солдат отказать от дезорганизаторского „анархического“ пути.

Петлюра говорил, что Генеральный Войсковой Комитет „потерял свой авторитет в глазах военного округа, получая

1) Все эти факты привожу из сообщения Петлюры на заседании 5-й сессии Центральной Рады 22/VI 1917 г. („Вісті з укр. Ц. Рады“ № 11 — 12).

2) „Вісті з укр. Ц. Ради“ № 11 — 12.

3) В это время происходила 5-я сессия Ц. Рады.—В. М.

4) „Нова Рада“ № 72 от 24/VI.

упреки в том, что он не может отправить на фронт тысячу своих украинцев“.

В ответ на все эти убеждения солдаты отказывались подчиниться, настаивая на своих требованиях.

После дебатов Центральной Радой принята была следующая резолюция, предложенная фракцией у. с.-р.

„Ц. Р., заслушав доклады делегации товарищей солдат, живущих в Грушках¹⁾, и членов Центральной Рады, посланных 21-го июня на об'единенное заседание представителей украинских частей местного гарнизона, постановила призвать товарищей-солдат, живущих в Грушках, к национальной общественной дисциплине, которой особенно должна руководствоваться вооруженная революционная демократия. В интересах украинского национального дела Ц. Рада предлагает товарищам-солдатам немедленно исполнить приказ и выступить в указанный комитетом украинский запасный полк“²⁾.

Конфликт солдат с Генеральным Войсковым Комитетом и Центральной Радой принимал затяжной характер. Все попытки затушить его „семейным“ путем и угрозами кончались неудачей. Предстояли переговоры с Вр. правительством в Киеве и ждали „высоких“ гостей, а тут солдаты продолжали „бузить“...

21-го июня для „ограбтки“ первый украинский полк им. Б. Хмельницкого принял резолюцию, в которой отказывался помочь полку, именуемому себя „полуботьковцами“, и советовал немедленно „исполнить приказ Центральной Рады“, угрожая, в противном случае, не допустить солдат к „учинению беспорядков“.

На следующий день командующий войсками КВО издал приказ, в котором выражал уверенность, что Генеральный Войсковый Комитет применит немедленные меры к отправке солдат на фронт. А солдаты не „слушались“.

Что же из себя представляла эта многотысячная масса солдат, насчитывавшая к началу июля, по некоторым сведениям, до пяти тысяч человек? Несомненно, что она состояла из разношерстных элементов. Значительная часть солдат состояла из так называемых дезертиров. Дезертирство с фронта в этот период, особенно в связи с начавшимся 18 июня наступлением, приняло массовый характер. Оно являлось со стороны солдатской массы, не желавшей воевать во имя интересов русской буржуазии, определенной формой пассивного стихийного протеста против продолжавшейся империалистической войны.

На дезертиров устраивались массовые облавы по всем правилам военного искусства, за ними охотились буквально

¹⁾ Очевидно, к этому времени солдаты были расположены в казармах ст. Грушки (предместье Киева). Число их дошло, по некоторым данным, до пяти тысяч.— В. М.

²⁾ „Нова Рада“ № 72 от 24/VI 1917 г.

как за дикими зверьми, при чем после облав их тысячами собирали на сборных пунктах и томили неделями полуодетых, голодных, в ожидании отправки на фронт, в горнило империалистической бойни... Такие действия еще больше озлобляли солдатскую массу, делая ее способной на так называемые „эксцессы“, а более разложившуюся часть толкая на чисто уголовные поступки.

Известная часть солдат, стремившаяся освободиться от тягот многолетней окопной жизни, видела в создавшихся украинских частях, формирование которых было связано с известным периодом пребывания в тылу, средство избавления на некоторое время от опостылевшей фронтовой обстановки.

Такие элементы, несомненно, в значительном количестве находились в составе так называемых „полуботьковцев“. Можно предположить, что среди пятитысячной массы было также известное количество полууголовных элементов. Очевидно, значительная масса солдат считала себя украинцами, но навряд ли разбиралась в тонкостях политической обстановки. И в солдатской массе, вначале, очевидно, доверявшей Центральной Раде, постепенно начало нарастать недовольство ею, во-первых, на почве того, что Центр. Рада и Генеральный Войсковый Комитет упорно и настойчиво гнали солдат на фронт, куда они идти, конечно, не хотели, и, во-вторых, на почве отказа признать „полуботьковцев“ полком, что связывалось у них с надеждами на улучшение материального положения.

А материальное положение солдат было действительно очень тяжелым. Тысячи солдат были раздеты, босы, не получая ни содержания, ни довольствия... Санитарное положение было невыносимым. Кириенко и Оберучев не хотели и слушать о требованиях солдат¹⁾. Как мы видели выше, в Ген. Войск. К-те солдаты также не встречали никакой поддержки и в ответ на свои требования слышали лишь одно — „на фронт!“.

Такое положение, естественно, создавало благоприятную почву для неорганизованных стихийных вспышек в изголодавшейся и измученной массе.

Весьма интересно выяснить причину отрицательного отношения Ген. Войск. Комитета и Ц. Рады к „полуботьковцам“.

Ведь существовал уже сформированный и находившийся в полном, так сказать, достатке 1-й украинский полк имени Богдана Хмельницкого, происходило формирование и других полков. Очевидно, у „полуботьковцев“ было „нечто“, заставлявшее Ген. Войск. Ком. и Ц. Раду отрицательно к ним относиться и желать поскорее от них избавиться. Нам думается, что известное влияние в данном вопросе оказывало то обстоятельство, что состав „полуботьковцев“ был, в известном

¹⁾ Микола Падалко.— „Виступ полуботьковців 4—6 липня 1917 р. в м. Києві на фоні політич. ситуації того часу“ (Друкарня „Діло“, Львов, накладом автора).

смысле, более „демократическим“, нежели в других украинских полках. Полк им. Богдана Хмельницкого был привилегированной воинской частью, типичной „кулацкой гвардией“, на какую опиралась Ц. Рада, не имевшая еще своих вооруженных сил.

Очевидно, рассчитывать на превращение „полуботьковцев“ в такую часть Ц. Раде не приходилось и поэтому она стремилась поскорее избавиться от компрометирующих ее перед лицом предстоящего соглашения с Вр. правительством бунтующих солдат. Отсюда такое различие в отношении Ц. Рады к „богдановцам“ и „полуботьковцам“. Первых всячески подкармливали и „подмасливали“, вторых морили голодом.

Как видно из приведенной выше резолюции „богдановцев“, они вполне оправдали в смысле „благонадежности“ надежды, возлагавшиеся на них Ц. Радой.

Автор цитированной выше книжки¹⁾ так объясняет причину отрицательного отношения Ц. Рады к „полуботьковцам“: „Заходи організаторів полку перед Ц. Р. теж не досягли своєї мети Там бачили вони що-дня ігнорування ідеї утворення української армії, взагалі чисто вороже ставлення до вже утворених частин і віру в справедливість та ласку Керенського... Оганьблені Московським урядом, вони виявлялись непотрібним, небажаним, навіть шкідливим елементом в очах свого українського Уряду Центральної Ради, на захист якої вони щиро поспішали...“

Автор брошюры, очевидно близко стоявший к делу „полуботьковцев“ и примыкавший к группе „самостийников“, со своей точки зрения объясняет факт недовольства солдат Центральной Радой... Но факт остается фактом.

Перейдем к вопросу о той политической и организаторской работе, какая велась среди солдат. Несомненно, что среди командной верхушки „полуботьковцев“ (старшин) известное влияние имели „самостийники“, группировавшиеся вокруг военного клуба им. гетмана Полуботко²⁾. У этой группы „самостийников“ - военных были серьезные расхождения с Центральной Радой. Они, выдвигая идею создания постоянной украинской армии, не встречали в этом вопросе поддержки ни в Центральной Раде, ни в Ген. Войсковом К-те.

1) М. Падалко.— „Виступ полуботківців“.

2) О взглядах членов клуба им. Полуботко мы находим следующие сведения в цитированной брошюрке М. Падалко:

„Клуб им. Полуботко состоял из украинцев - военных, преданных патриотов, которые не возлагали надежд на милость Керенского и вообще скептически относились к попытке разрешить украинский вопрос путем взаимного дружного соглашения между московским правительством и Центральной Радой. Клуб полуботьковцев считал единственным верным путем к возрождению Украины — путь немедленного создания собственной могучей армии. Не находя поддержки в Ц. Раде, он по своей собственной инициативе приступил к подготовительной работе по организации воинских частей“.

По сведениям, какие сообщает в своей брошюре М. Падалко, „самостийники“ решили использовать для своих целей настроения, имевшие место среди полуботьковцев. „Таким станом,— читаем мы в указанной брошюре,— хотіли скористатися політичні діячі, невдоволені нерішучою політикою Ц. Ради до уряду Керенського, а також її негативним ставленням до справ військових... Сюди належали деякі члени клубу Полуботька, як, напр., п. Міхновський, Лук'янів, Повелка, деякі члени генер. комітету та Ц. Ради... Ці особи, а також деякі старшини „Полуботківського“ полку були ідейні організатори, які накинули думку виступу „полуботьковцям“... З очевидністю, спостерігаючи всю хибність і шкідливість політики Ц. Ради, вони хотіли силою подій, силою фактів повернути історичний руль, направити діяльність Центральної Ради по інших шляхах і тим самим прискорити визнання її з боку Тимчасового правительства, як уряду України. Вони гадали, що поставлена перед фактом Ц. Рада відкине попередню тактику і піде по бажаному для організаторів повстання напрямку, сама стане на шлях рішучої політики“¹⁾.

Таковы были взгляды и планы группы „самостийников“, которая сделала попытку использовать настроение солдат для реализации своих политических планов.

„Самостийники“, конечно, не были в такой степени революционными, как это кажется на первый взгляд при ознакомлении с их планами. Это было самое правое, самое реакционно-черносотенное, если можно так выразиться, крыло украинского национализма. Проникнутые зоологическим национализмом и глубочайшей ненавистью ко всему русскому, „московскому“, они лозунг „самостийности“ Украины понимали именно как отделение от „Москвії“, недовольство политикой Керенского у них об'яснялось лишь тем, что это правительство „москалей“, с которым по одной только этой причине надо бороться, и т. д. и т. п.

Однако, как это часто случалось в борьбе политических партий и группировок, позиция крайне правых и крайне левых в отношении к политике Центральной Рады с внешней стороны совпадала.

Можем с полной уверенностью предположить, что 70 оппозиционных голосов, поданных в Центральной Раде против политики соглашения с Временным правительством, складывались из представителей, как крайне правых („самостийники“), так и крайне левых оттенков мнений, боровшихся в Центральной Раде.

Вот этот - то внешний радикализм лозунгов „самостийников“ и ввел в заблуждение солдатскую массу „полуботьковцев“, стоявшую на очень низком уровне политического развития...

¹⁾ Мик. Падалко — „Виступ полуботьковців“.

Как видно из приведенной выше цитаты, „самостийники“, группировавшиеся вокруг клуба им. Полуботька, имели сторонников среди небольшой группы старшин „полуботьковцев“, через которых они и вели свою работу.

Насколько нам известно, никакая другая политическая организация не вела систематической работы среди солдат-„полуботьковцев“ и поэтому вполне понятно, что „самостийники“, не встречавшие никаких конкурентов в своей агитации, явились, так сказать, монопольными организаторами выступления солдат, в массе своей имевших очень мало общего с „самостийниками“, выступления, вызванного другими обстоятельствами и причинами.

Киевская большевистская организация не вела никакой работы среди „полуботьковцев“ и как будто не имела с ними никакой непосредственной связи...

Но что среди громадной пятитысячной массы солдат известная часть была, так сказать, стихийно-большевистски настроена — это несомненно. В пользу этого говорят такие факты: 1) „полуботьковцы“ еще до выступления имели связь с солдатами 3-го авиапарка, который являлся оплотом большевистского влияния в киевском гарнизоне. Солдаты 3-го авиапарка поддерживали голодавших „полуботьковцев“, делясь с ними своим пайком и т. д.; 2) сейчас же после выступления, как мы ниже увидим, большая группа „полуботьковцев“ направилась в 3-й авиапарк, прося у него поддержки; 3) в день выступления „полуботьковцы“ сделали попытку связаться с большевистским комитетом и в ответ на вопрос прибывшего представителя к-та об их требованиях заявили, что они хотят „пищи, оружия и... власти Советов“¹⁾; 4) среди „полуботьковцев“ были солдаты, перешедшие потом на сторону большевиков и даже погибшие, как большевики, в дни январского восстания.

Из приведенных фактов следует сделать вывод, что состав участников готовящегося выступления был необычайно пестр. С одной стороны, существовали определенные противоречия между „самостийниками“, которым удалось овладеть руководством выступления и массой солдат, с другой стороны, в составе самой массы, при общем низком уровне политического сознания, была часть солдат, проявлявшая несомненное тяготение к большевикам. Но в то же время общим колоритом всего движения, призмой, через которую преломлялись все события, были националистические настроения и разочарование в политике Центральной Рады, которая материально ощущалась солдатами, как политика, мало отличающаяся от политики Керенского.

¹⁾ Следует отметить, что большевистский комитет отверг всякие попытки со стороны „полуботьковцев“ с ним св-заться, так как считал их очень ненадежным и даже „грабительским“ элементом. Конечно, никакого участия в подготовке и организации выступления он не принимал.

Підготовка к виступленію, которое мыслилось, очевидно, в виде вооруженной демонстрации, велась уже с конца июня. Делались попытки связаться с воинскими частями не только Киева, но и других городов Украины. 3-го июня, почти накануне самого выступления, была сделана последняя попытка сговориться с Центральной Радой и найти общую платформу. О подробностях этого заседания мы находим некоторый материал в цитированной брошюре М. Падалко: „3-го липня (ст. ст.) в Києві на Злотоустівській вул., в помешканні початкової школи відбулось історичне засідання з ініціативи полуботківців. На це засідання біля 9 год. веч. прибули представники полуботківців: поручики Романовський, Бунчужний, Бондаренко та інші старшини й козаки; старшини Богданівського полку, на чолі з командиром того полку полк. Капканом, який був разом з тим членом генерального комітету, ад'ютант полк. Капкана — поручик Шаповал, шт.-кап. Ластовченко, прап. Калиниченко, пор. Демущкий та інші.

Прийшли представники інших частин м. Києва. Полуботківці нарікали на Центральну Раду та на Генеральний Комітет за їхнє недбальство до полку й домагались, щоб було запрохано на засідання голову й членів Ц. Р. і Генерального Комітету. Їхнє бажання було задоволено. Біля 11 год. в залу засідання прибули голова Ген. Ком., С. Петлюра, Винниченко, Шульгин і предст. фронту. Після відкриття-засідання виступили промовці, які обвинувачували Ген. Комітет та Ц. Раду в байдужому ставленні до страждань полуботківців, яких голих та босих полк. Оберучев хотів вислати на фронт... Особливо обурено виступав прап. Калиниченко, далініше життя якого закінчилось трагічно: під час боїв під арсеналом у Києві в січні 1918 р. він перейшов на бік більшовиків. (курсив мой — В. М.) і взятий в полон своїми ж був порубаний на шматки. В касарнях Богданівського полку прапорщик Калиниченко загрожував Ген. Комітету народньою помстою. Коли засідання трохи заспокоїлося виступив з відповіддю голова Генерального Комітету, Петлюра. Далі виступив Винниченко й Шульгин.

Винниченко розповів за свої страждання за часів царату... Шульгин показував на свій старенький піджачок і говорив, що треба бути обережним та економним. Полуботківцям радив бути також терпеливими. Нарешті запропоновано було полуботківцям виступити на фронт, позаяк їх охорона непотрібна Ц. Р., бо на її захист в любий момент може прийти з фронту півтора мільйона українських вояків (!?).

О 2-й годині ранку 4-го липня члени Ц. Р. і Ген. Комітету покинули залу... Єдності думки не було досягнуто. На свої пекучі питання „полуботківці не нашли співчуття“...

Очевидно, неудача переговорів с Центральною Радою окончательно убедила організаторов в необхідности вооруженного

выступления. Был разработан соответствующий план, намечены цели и лозунги, которые выясняются из следующего документа, под названием „План работы 2-го укр. полка им. Павла Полуботко с 3-го на 4-е июля 1917 г.“, цитируемого Милюковым во II выпуске первого тома его „Истории второй русской революции“¹⁾.

„Рассматривая современное положение народов, которые населяют Россию, мы видим, что украинский народ не имеет тех прав, которых домогается каждая особая нация и которые должны принадлежать каждому особому народу. Выставленный российской революцией лозунг самоопределения народов остается только на бумаге. Мы, украинцы-казаки, которые собрались в Киеве, не хотим иметь свободы только на бумаге или полусвободы. После провозглашения первого универсала (второго мы не признаем) (курсив мой—В. М.) мы приступаем к заведению порядка на Украине. Для этого всех россиян и ренегатов, которые мешают (гальмуют) работе украинцев, мы смещаем с их постов силой, не считаясь с российским правительством. Признавая Украинскую Центральную Раду своим высшим правительством, мы, пока что, выгоняем изменников Украины без ее ведома. Когда мы все займем силой, тогда целиком подчинимся Украинской Центральной Раде. Тогда она должна будет распоряжаться как в Киеве, так и на всей Украине, как в своей хате. Теперь же, когда производится восстание в Киеве, мы выставляем своих шесть человек, которые должны всем заведывать и вести восстание. Эти люди: младший урядник Осадчий (автор плана), „голова“—Квашенко, секретарь—поручик Романенко, прапорщик Майстренко, прап. Стреленко. Это есть Исполнительный Комитет. Он выработал такую программу: „1) Особыми листовками оповестить все украинские части Киева в час ночи, что 2 укр. полк им. Полуботко выступает, 2) в 3 часа ночи занять все важнейшие пункты г. Киева, для чего: а) занять главное местожительство Оберучева: тут будет находиться весь наш Исполнительный Комитет, б) штаб, крепость-цитадель, в) Совет рабочих и солдатских депутатов, г) штаб КВО, д) товарную станцию, е) казначейство, ж) банк, мосты на Днепре и т. д.“.

Милюков пишет: ... „нити предприятия шли дальше полковой организации полуботковцев. Эта организация была осведомлена о „плане“ лишь в последнюю минуту. Из десяти членов полкового комитета пятеро высказались против предложения Майстренко арестовать Оберучева²⁾ и Лепарского³⁾,

¹⁾ П. Милюков — „История второй русской революции“ — т. 1, вып. II. София, 1921 г. Насколько нам известно, цитируемая книга Милюкова является единственной, где приводится этот документ, при чем сам автор поясняет, что он мог воспользоваться этим документом благодаря тому, что он попал „не в те руки, для которых предназначался“. — В. М.

²⁾ Командующий войсками КВО.

³⁾ Начальник милиции г. Киева.

занять все учреждения и потом передать власть Центральной Раде... Затем, выработав „план“ и воззвание к гарнизону (недошедшее, впрочем, по адресу), комитет пригласил всех сотенных командиров и распределил между сотнями различные поручения“.

Документ этот, в подлинности которого нет оснований сомневаться, носит на себе печать очень слабой политической грамотности.

Есть в нем и изрядная доля „зоологического национализма“, особенно в той части, где говорится о снятии с постов всех „россиян“, он пропитан „самостийническим“ духом, но он интересен тем, что в нем все же частично отразилось настроение украинской солдатской массы.

Эта масса к тому времени еще не разуверилась окончательно в Центральной Раде, но она жила в ее сознании уже только как форма национальной украинской власти, на смену которой пока никто не приходит. С существом политики Центральной Рады масса уже не была согласна. Она чувствовала необходимость внесения какого-то корректива мерами решительного вооруженного воздействия, предполагая, очевидно, что это окажет влияние на Центральную Раду, заставив ее изменить курс своей политики. Политическая незрелость массы „полуботьковцев“, разношерстный ее состав, отсутствие твердого политического и организационного руководства, известное влияние „самостийников“, — все это переплеталось в пестрый клубок, придавая самому выступлению неопределенный характер и создавая парадоксальное, на первый взгляд, положение, когда объективно направленное против Центральной Рады выступление шло под лозунгом передачи всей власти Центральной Раде... Что касается военно-стратегической стороны документа, то, как видим, план предполагал захват всех основных командных высот местной власти. Этой своей частью документ отразил другую сторону выступления, которое объективно было направлено как против Центральной Рады, так и против власти Временного правительства.

Выступление началось в ночь с 4 на 5 июля 1917 г. Пятитысячная масса солдат, расположенная в Грушках, всполошилась еще с 12 час. ночи. Часть солдат раздобыла грузовики и оружие в расположенном по соседству 5-м коренном железнодорожном парке и двинулась в город. Сведения о движении вооруженной массы солдат были немедленно переданы командиру первого украинского полка им. Богдана Хмельницкого, который с тремя сотнями двинулся навстречу „полуботьковцам“. Недалеко от „Караваевских дач“ встретились „богдановцы“ и „полуботьковцы“. Последние сделали попытку присоединить к себе „богдановцев“, клеймя их изменниками, увещевая и агитируя... Командир „богдановцев“ пытался преградить выступившим солдатам путь в город силой оружия,

но не оказалось патронов. К пяти часам утра „богдановцы“, частично под влиянием агитации, частично под давлением огромной массы солдат, двинувших на них грузовые автомобили, дрогнули и отошли. „Полуботковцы“ небольшими вооруженными группами стали просачиваться в город. В городе „полуботковцы“ рассыпались по всем направлениям и приступили к захвату учреждений. Был занят штаб милиции и арестован находившийся там нач. милиции, Лепарский. Когда последний при аресте спросил солдат известно ли им об универсале Центральной Рады, солдаты ответили: „Этого не знаем и знать не хотим. Если нужно будет—арестуем и Центральную Раду“¹⁾ В милиции „полуботковцы“ захватили оружие и патроны. Затем сделана была попытка захвата казначейства и государственного банка, но последние уже оказались занятыми караулами юнкеров.

Около семи часов утра солдаты разгромили квартиру командующего Киевским военным округом, Оберучева, захватили комендантское управление и добрались к Печерску, где произошла небольшая стычка с юнкерами...

Очевидно, штаб КВО узнал о готовящемся выступлении еще с вечера и принял предупредительные меры.

В телеграмме штаба округа от 5/VII мы читаем следующие подробности: „Благодаря сделанным накануне распоряжениям, телеграф, арсенал, банк, казначейство, продовольственные склады не были заняты, все прочее было занято ... С семи часов стали прибывать ко дворцу вызванные школы прапорщиков, депутаты от военных училищ и т. д. ... Принятыми мерами освобождены все арестованные и занятые учреждения, кроме крепости и склада.

Все распоряжения делались при постоянных сношениях и в согласии с исполнительным комитетом общественных организаций, Советом рабочих и солдатских депутатов и Центральной Радою. (Курсив мой—В. М.).

По соглашению с Центральной Радой генерал Трегубов возложил водворение порядка в бунтующих частях на генерала Кондратовича, к усмирению привлечен полк имени Богдана Хмельницкого“²⁾.

Как видим для подавления выступивших солдат наладилось дружное сотрудничество между Центральной Радой и штабом Киевского военного округа. (Курсив всюду мой—В. М.).

Центральная Рада вполне оправдала надежду, которую возлагал на нее генерал Брусилов, когда писал в телеграмме на имя Оберучева: „Надеюсь, что Рада отдает себе отчет

1) „Русское Слово“ № 153 от 7/VII 1917 года.

2) Архив штаба киевского военного округа за 1917 г. Дело № 29, „О полуботковцах“, стр. 1—2.

в положении дела и приложит все усилия помочь вам сохранить порядок в столь грозную минуту 1) ...“.

Генерал Корнилов по поводу выступления решительно предлагал: „Не входя ни в какие переговоры с бунтовщиками, потребовать безусловно их сдачи, назначив кратчайший срок, и, если это требование не будет выполнено, применить силу, не исключая пулеметов и артиллерии“ 2). Эти решительные телеграммы Корнилова, а также телеграмма Керенского, в которой он предлагал „в случае необходимости действовать решительно, сообразуясь с обстановкой и не ожидая дальнейших указаний“ 3), показывают, что выступление „полуботьковцев“ рассматривалось, как угрожающее Временному правительству. Тем большие надежды возлагались им на Центральную Раду.

С точки зрения характеристики некоторых черт выступления „полуботьковцев“, большой интерес представляет их попытка связаться 5-го июля с большевистски настроенными солдатами 3-го авиопарка, расположенного на Печерске.

Настроение солдат 3-го авиопарка стало повышаться еще с вечера 4-го июля, когда в Киеве стало известно о событиях в Петрограде. Авиопарковцы потребовали у командира выдачи пулеметов и оружия. О событиях 5-го июля, когда значительная часть „полуботьковцев“ явилась в 3-й авиопарк, из рапорта командира парка мы узнаем следующие факты: „В девятом часу утра, идя в парк, я увидел, что артиллерийский склад, в котором хранится оружие и который находится рядом с казармами парка, осаждается громадной толпой солдат, требовавших выдачи оружия. Весь двор парка был переполнен солдатами парка и, главным образом, других частей, которых было свыше 2000 человек. В парке настроение было очень повышенное и тревожное. Комитет парка заседал, однако никакого определенного решения не вынес, обсуждался вопрос о том, что 3 парковых автомобиля, на которых уехали лидеры большевиков, арестованы во дворце и что нужно предпринять для их освобождения... С утра склад с оружием был открыт и без разрешения моего по требованию комитета оттуда выдавались патроны, винтовки и пулеметы“ ... Далее в этом же рапорте командир 3-го авиопарка объясняет, почему „полуботьковцы“ пришли к парку и рассчитывали на его поддержку: „29-го июня солдаты парка, отказавшись от ужина, решили все продукты передать бунтовщикам для довольствия, т. к. эта банда довольствия казенного не получала, а лишь в лице солдат 3-го авиопарка встретила поддержку и видела как бы своих единомышленников, посему, явившись к арсеналу за оружием, они сейчас же заполнили

1) Цитированное дело штаба КВО.

2) Цитированное дело.

3) „Русское Слово“ от 9/VII 1917 г.

двор парка, рассчитывая встретить поддержку¹⁾.
(Курсив мой. — В. М.).

... Вскоре среди солдат, собравшихся во дворе авиопарка, разнесся слух, что на них ведется наступление. „Полуботковцы“, сообщая с авиопарковцами, вооружившись винтовками и пулеметами, рассыпались по крепостным валам, готовясь отразить наступление. Комитет парка приказал солдатам разбиться на взводы и не предпринимать ничего без его распоряжений.

Выяснилось, что действительно со стороны скакового поля наступают цепи 2-го запасного телеграфного батальона. Неизбежное столкновение было предотвращено тем, что „полуботковцы“ были дезорганизованы провокационным заявлением представителей Центральной Рады, приехавших в парк заявивших, что полуботковцы признаны Центральной Радой 2-м украинским полком им. Полуботко.

Приведенные факты характерны как показатель того, что среди частей киевского гарнизона, особенно тех, которые поддерживали большевиков, по получении первых известий о событиях в Питере начало прорываться стихийное стремление к выступлению для поддержки питерских рабочих и солдат. В связи с этим перед Киевской организацией большевиков во всю ширь встал вопрос о тактической линии. У нас нет достаточных материалов, на основании которых можно было бы судить о тех точках зрения, какие были в комитете большевиков по вопросу об отношении к июльским событиям. Мы знаем только, что часть членов комитета была за поддержку питерского выступления, часть против. Тов. Кулик пишет в своем „огляді“: „Не маючи точних відомостей про характер повстання в столиці, Київський Комітет більшовиків не знав ще, як поставитись до його і в той самий час була спроба спровокувати більшовиків з боку повставшого в Києві українського полку „імені“ гетьмана наказного Павла Полуботка“²⁾. Нам думается, что вряд ли в данном случае действительно имела место такая попытка. Скорее всего, отношение большевистского комитета к выступлению „полуботковцев“ определялось принятым уже решением не выступать в поддержку Питера в виду безнадежности этого выступления, и поэтому всякое выступление, возникшее вне связи с большевистским комитетом, могло расцениваться как провокационное потому, что могло вызвать присоединение взбудораженных солдатских масс и тем самым сорвать работу комитета.

В другой статье тов. Кулик пишет по поводу июльских дней: „Июльские события своеобразно отразились в Киеве. Точных сведений о том, что происходит в Питере — не было.

¹⁾ Цитированное дело штаба Киевского военного округа.

²⁾ И. Кулик. — „Огляд революції на Україні“. — ДВУ. Харків. 1921 г., стр. 20.

Слухи носились самые фантастические. Солдаты и рабочие были настроены тревожно и склонны к стихийным выступлениям. (Курсив мой.— В. М.). Киевский комитет занял сначала выжидательную позицию, заявляя, что может солидаризироваться с питерским восстанием лишь в том случае, если узнает достоверно, что восстанием руководит ЦК нашей партии. В этой позиции киевских большевиков поддерживали т. т. Крыленко и В. Осинский, временно находившиеся тогда в Киеве¹⁾.

Конечно, Киевский комитет большевиков не только по указанным выше причинам считал выступление „полуботьковцев“ провокационным. Он учитывал наличие среди них массы разношерстного, даже отчасти полууголовного элемента, а также то обстоятельство, что движением солдатской массы пытались руководить „самостийники“.

„Самостийники“ не сумели организовать выступления солдат; большевики, по указанным выше причинам, от „полуботьковцев“ резко отмежевались, несмотря на то, что в отдельных их группах, как это мы видели на примере событий в 3-м аэропарке, известное тяготение к большевистски настроенной солдатской массе было; движение, не имея организующего центра, зашло в тупик и расплылось.

Какова же была тактика Центральной Рады и Генерального Войскового Комитета по отношению к этому выступлению? Любопытна та характеристика, какую дала выступлению „Робітничя Газета“ — орган у. с. - д.: „Как выясилось, эти беспорядки не были сознательной, а тем более намеренной попыткой внести дезорганизацию в организованность украинских революционных сил... Движение это не имело политического характера и действительной его причиной была хозяйственная неурядица... Нельзя закрывать глаза на то, что такие неожиданные взрывы могут дальше повторяться и неизвестно к чему привести. Позавчера в Петербурге, вчера в Киеве, сегодня неизвестно где...“²⁾. Таким образом, укр. с. - д. пытались, с одной стороны, представить выступление как абсолютно аполитичное, с другой — ставили его в непосредственную связь с июльскими событиями в Питере, представляя, как выступление большевистского характера. Такая постановка вопроса нужна была укр. с. - д. для того, чтобы замазать другую сторону выступления — движение масс, объективно направленное против Центральной Рады.

Поэтому-то деятели Центральной Рады так быстро нашли общий язык со штабом Киевского военного округа и сообща принялись расправляться с „бунтовщиками“. Вот что мы читаем по этому поводу в официальном сообщении Генерального

¹⁾ И Кулик. — „Киевская организация от февраля до октября 1917 г.“ — „Летопись Революции“, № 1 (6) за 1924 г.

²⁾ „Робітничя Газета“, № 78, от 6/VII.

Секретариата: „...Коли про подію з донесеннів командира полку ім. Богдана Хмельницького довідались Генеральний Секретаріат і Український Військовий Генеральний Комітет, то зразу ж вжито було відповідних заходів, щоб припинити бешкет... Однодушно вчинок авантюриків був засуджений. О д н о с т а й н о українці вояки разом з іншими частинами (курсив мой — В. М.) гарнізону виступили в оборону революції та порядку (?!)... Але, порозумівшись між собою, скупивши сили в одному центрі — Центральній Раді, куди приїхав з дворця заступаючий начальник округи, Генеральному Секретаріатові і громадським організаціям удалось зразу ж спинити небезпечний рух збаломученої юрби... З огляду на стан речей, по згоді з Генер. Секр., для зведення порядку; командуючий Київської Воєн. Округи призначив члена Генерального Військового Комітету генерала (!) Кондратовича“.

„Генеральний Секретаріат повідомляє громадян м. Києва, — читаем мы далее в официальном сообщении, — що він, беручи після універсалу У. Ц. Р. і декларації Російського Тимчасового Уряду в свої руки владу і обороняючи інтереси революції на Україні, не допустить, щоб волю і громадський лад ким би то ні було порушувано“¹⁾.

Мы привели эту довольно длинную выдержку из официального сообщения Генерального Секретариата, чтобы показать, как последний стал организующим центром для подготовки подавления восстания „полуботковцев“, как Генеральн. Секретариат спешил доказать свою „лояльность“ и верность третьейюльскому соглашению с Временным правительством, как он стремился выслужиться перед русской буржуазией, показав, что у себя на Украине, в своей „рідній хаті“ он будет также ретиво, если понадобится — „пулеметами и артиллерией“, по совету генерала Корнилова, справляться с массовым движением, если оно хотя бы в некоторой степени будет направлено против Временного правительства и Центральной Рады. Выступление „полуботковцев“ представило Центральной Раде и Генеральному Секретариату прекрасный случай показать на деле, что и они тоже „не лыком шиты“ и не отстают от своего союзника. Забыты были все „обиды“ и распри. Заключен был трогательнейший союз со штабом Киевского военного округа, с полковником Оберучевым, который недавно клеймился, как самый лютей враг украинского движения. Центральная Рада превратилась в штаб по подавлению восстания, для охраны Центральной Рады вызывались юнкерские части, член Генерального Войскового Комитета, генерал Кондратович, стал во главе всех частей (в том числе и Богдановского полка), предназначенных для подавления

1) „Рабочая газета“, № 79, от 7/VII 1917 г.

восстания. Центральная Рада солидаризировалась с генералом Корниловым, требующим применения против „бунтовщиков“ самых решительных мер, вплоть до „пулеметов и артиллерии“...

Приведем некоторые дополнительные подробности, характеризующие деятельность Центральной Рады по подавлению восстания: „Проснувшийся город застал милицию и отчасти военные учреждения уже во власти „полуботьковцев“. Начали приниматься меры к подавлению беспорядков. Первой в этом отношении выступила Центральная Рада, которая мобилизовала полк украинцев имени Богдана Хмельницкого (курсив мой.—В. М.), а затем и революционные (!) войска... Ранним утром полк имени Богдана Хмельницкого находился у Педагогического музея. В это время сюда прибыли члены Генерального Секретариата и члены комитета Рады...

...У Педагогического музея полк Богдана Хмельницкого расположился в боевом порядке с пулеметами... В это время в Секретариате начал обсуждаться вопрос о борьбе с бунтовщиками. В музей прибыл генерал Трегубов. Члены Украинского Генерального Комитета на автомобилях с отрядами богдановцев отправились снимать „полуботьковцев“. К музею начинали приводить обезоруженных солдат... Около 2-х часов дня состоялось совещание членов Генерального Секретариата при участии членов Войскового Генерального Комитета, генерала Трегубова и киевского коменданта... На этом совещании ликвидация бунта была поручена члену Украинского Генерального Войскового Комитета, генералу Кондратовичу...

...В 3 часа дня по киевскому гарнизону, за подписью исполняющего обязанности командующего К. В. О., генерала Трегубова, издан был следующий приказ: Члену Украинского Войскового Комитета, состоящего при Центральной Раде, генерального штаба генерал-майору Кондратовичу поручено, с согласия Украинской Центральной Рады, водворить нарушенный порядок в некоторых частях гарнизона г. Киева. В случае необходимости, обращаться к коменданту за нарядом войск¹⁾.

В этот же день Генеральный Секретариат поспешил засвидетельствовать перед Временным правительством свою верность в официальном сообщении за подписью Винниченко, где, между прочим, писалось:

„В ответ на Ваш запрос об откликах в Киеве на события в Петрограде сообщаем: Центральной Радой и исполнительными комитетами послана в Петроград телеграмма с заявлением о полной готовности всеми силами (!) поддерживать Временное правительство

¹⁾ „Киевская Мысль“, № 164, от 6/VII 1917 г.

и с осуждением выступления безответственных групп". (Курсив мой.—В. М.). Как видим из приведенных выше фактов, это были не одни только слова...

Между тем, как указано выше, выступление „полуботьковцев“, оставшись без всякого руководства перед лицом об'единившихся против них во главе с Центральной Радой и штабом военного округа контр-революционных сил, зашло в тупик и стало расплываться.

К вечеру 5-го июля часть „полуботьковцев“, не пожелавшая сдать оружие, возвратилась в Грушки, незначительная часть была обезоружена, а человек около 500 (может быть даже около тысячи) засело на Печерске в штабе крепости. Среди этой части солдат, вследствие явно провокационных предательских действий Центральной Рады, стало нарастать стремление к активному вооруженному выступлению против нее. Центральная Рада, узнав об этом, обратилась за помощью к юнкерам. Об этом мы узнаем из показаний капитана 3-й школы прапорщиков, приложенных к цитированному делу штаба Киевского военного округа:

„В ночь с 5 на 6-е я получил снова приказ явиться в школу и там получил приказание от начальника школы со взводом (40 чел.) отправиться к Центральной Раде и поступить в распоряжение подполковника Павленко (член Ц. Р.). Там, у Центральной Рады, я получил задание охранять Центральную Раду и здание Секретариата от вторжения толпы („полуботьковцев“) со стороны Бибиковского бульвара...

Высланный мною дозор предупреждал „полуботьковцев“ о том, чтобы они не сворачивали к Центральной Раде, в противном случае будут встречены пулеметным огнем... При прохождении „полуботьковцев“ цепь по моей команде изготовилась и с заряженными ружьями пропустила мимо себя толпу приблизительно в 1000 человек.

Когда толпа прошла, минут через 5—10 прибежал дозор и крикнул: „полуботьковцы вернулись и идут обратно“... В это время из-за угла, с правой стороны Бибиковского бульвара, ринулась толпа...

В цепи кто-то выстрелил, и вся цепь начала стрелять... Стрелял и пулемет... В результате толпа убежала назад, оставив одного убитого и двух раненых¹⁾. (Курсив всюду мой.—В. М.)

Итак, отряд юнкеров, посланный по просьбе Центральной Рады для охраны последней от солдат-украинцев, расстреливал их из ружей и пулеметов, доблестно выполняя полученное

¹⁾ Цитированное дело штаба КВО о восстании „полуботьковцев“.

от полковника Павленко, члена Центральной Рады, задание ¹⁾. Таков был логический шаг Центральной Рады, твердо вступившей, в союзе с реакционной военщиной, на путь контр-революции...

Происшедшие события вызвали огромное возмущение даже среди значительной части солдат Богдановского полка... Их недовольство грозило также направиться против Центральной Рады... При таком положении, боясь окончательно подорвать авторитет даже среди богдановцев, лидеры Центральной Рады колебнулись и попытались стать на путь „примирения“. Однако им пришлось ткнуться лбом в глухую стену ошетинившейся штыками контр-революции, которую они сами вызвали к жизни, с которой они заключили союз, которую они сами „освятили“ авторитетом Центральной Рады, проделывая всю операцию подавления восстания под своей „фирмой“.

Так предательская политика мелко-буржуазной Центральной Рады расчищала путь генеральско-юнкерской контр-революции, волна которой начинала подыматься все выше и выше...

7-го июля по всем правилам военного искусства началась подготовка к „осаде“ засевших в Грушках „полуботьковцев“. Для того, чтобы показать, что командовавшим всеми назначенными „для приведения в покорность „полуботьковцев““ отрядами членом украинского Генерального Войскового Комитета, ген. - майором Кондратовичем, готовилось действительно кровавое (по совету Корнилова!) подавление восстания, я приведу небольшую выдержку из его секретного приказа: „Войскам, переданным в распоряжение генерала Кондратовича. Согласно приказам войскам Киевского Гарнизона от 5-го сего июля за № 10 и 11, а также предписания командующего войсками КВО от 7-го июля с. г. за № 1, приказываю обезоружить неповинующихся солдат, собравшихся в районе казарм Грушки, и отправить их эшелонами на фронт“ (!).

Далее следуют указания отдельным отрядам, предназначенным для подавления „полуботьковцев“.

„1. Ген. - майору Пролетову (3-я школа прапорщиков — 1 рота, 1 батарея (4 орудия) Николаевского Артил. училища, 1^{1/2} эскадрона Кирасирского полка).

К 17-ти часам 7-го июля батарее Никол. артиллерийск. училища, под прикрытием роты юнкеров школ прапорщиков, заняты позиции к югу от фермы Политехнического института. Кирасирам оцепить участок от лагеря рот 7-го железнодорожного батальона к западу до связи с подготовительной командой...“ и т. д. и т. п. ²⁾.

¹⁾ Каким-то образом оказалось, что в бою убит был солдат Богдановского полка.

²⁾ Цитированное дело штаба КВО.

На этом приказе командующий КВО, Оберучев, наложил следующую резолюцию: „Сдавшихся на фронт не отправлять. Зачинщиков особенно упорных отправить в Лукьяновскую тюрьму... Остальных оставить в Грушках под усиленным конвоем, где содержать до распоряжения. Офицеров, которые окажутся в рядах „полуботьковцев“, арестовать и направить в „Косой Копонир“¹⁾.

Как видим, „бравые генералы“, подбодренные поддержкой Центральной Рады, действовали энергично, подготавливая для „непокорных“ солдат пули и казематы „Косого копонира“...

Днем 7-го июля началась „осада“ „полуботьковцев“. Со всех сторон к Брест - Литовскому шоссе стягивались войска. Грушки со всех сторон были окружены цепями. Полк Богдана Хмельницкого занял линию Караваевских дач. Тут же расположились юнкера 5 - й школы прапорщиков, саперн. батальон, со стороны железной дороги находилась конно - горная артиллерия... По линии цепей были установлены пулеметы... К пяти часам Грушки были охвачены сплошным кольцом.

В павильоне святошинского трамвая находились ген. Кондратович, полковник Капкан, член Генерального Войскового Комитета подп. Поплавко, генеральные секретари — Стешенко, Мартос и другие... Как указывалось выше, Центральная Рада и Генеральный Секретариат, боясь окончательно потерять авторитет среди масс, колебнулись, попытавшись уладить дело „мирным порядком“. „С утра Генеральный Секретариат вел переговоры с представителями „полуботьковцев“. Около 3¹/₂ часов дня на совещание прибыл генерал Кондратович и сообщил, что, по приказу Оберучева, войска Киевского гарнизона уже начали действия в Грушках. Сейчас же Винниченко с Кондратовичем поехали к Оберучеву, чтобы прекратить наступление, ссылаясь на согласие „полуботьковцев“ сложить оружие“²⁾.

О подробностях этих переговоров мы узнаем из телеграфного сообщения Оберучева военному министру: „Ко мне после 16 - ти часов явились члены Центральной Рады Винниченко и прапорщик, фамилии которого не знаю, и заявили, что Центральная Рада в 12 часов дня вошла в переговоры с „полуботьковцами“, и те согласились сдать оружие при удовлетворении некоторых требований, в числе которых имеется признание этой толпы полком имени Полуботко. Члены Рады сообщили мне, что они по этому поводу вошли с Временным правительством в сношение и ожидают от него ответа в субботу восьмого. Поэтому они просят отменить распоряжение о направлении вооруженной силы к хутору Грушки. Я ответил, что раз отданное боевое приказание не может быть отменяемо, а в особенности за полчаса

1) Цитированное дело штаба КВО.

2) Цитирую по № 82 „Робітничої газети“.

до его выполнения. Кроме того, я указал представителям Рады, что вступление в переговоры с Временным правительством о формировании и признании новых полков без предварительного соглашения с органами революционной демократии в Киеве и с командующим войсками вносит дезорганизацию в армию "...¹⁾). (Курсив мой—В. М.).

Как видим, полковник был непреклонен. Политиканы Центральной Рады тщетно пытались приостановить приведенную в действие при их же помощи военную машину контр-революции.

Господином положения была уже не Центральная Рада, а штаб Киевского военного округа. Генералы диктовали свою волю, а лидеры Центральной Рады, прикованные прочными цепями третьейюльского соглашения к колеснице контр-революции, поднявшейся к власти при их помощи, тщетно пытались приостановить ее безудержный бег. В Грушках гремели выстрелы... Среди „полуботьковцев“ были убитые... Окруженные со всех сторон превосходными силами, они начали сдавать оружие...

А в городе тем временем контр-революция начала распоясываться во всю. Под шум борьбы с „полуботьковцами“ началась расправа с большевиками и рабочими. Уже 5-го июля фракция большевиков вынуждена была опубликовать следующее заявление: „События нынешнего дня приняли такой оборот, что экстренное заседание Исполнительного Комитета является крайне необходимым. По распоряжению властей дворец занят разнузданной компанией юнкеров. Двое наших товарищей (Горовиц и Каплан) были арестованы. Во дворец и из дворца никого не пропускали. Гражданин Фрумин заявил при свидетелях, что он распорядился арестовать большевиков. Председатель Исполнительного Комитета Совета раб. деп., Незлобин, не стесняясь, заявил Майорову, что таких „мерзавцев“, как большевики, следует арестовывать“... В городе водворилась диктатура контр-революционной военщины, действующей, повидимому, в полном согласии с партиями меньшевиков и народников...

Как естественное и неизбежное следствие этих возмутительных мер, среди солдат и рабочих нарастает недовольство. С часу на час отдельные части войск могут выступить на улицу, дабы прекратить всю эту контр-революционную работу. Мы требуем немедленного созыва Исполнительного Комитета и водворения в Киеве свободы собраний, передвижений и агитации. Дворец должен быть очищен от юнкеров и прапорщиков... Все „господа“, отдавшие распоряжения, противоречащие законам революции, должны быть немедленно арестованы и

¹⁾ Цитированное дело штаба КВО.

переданы революционному суду рабочих и солдат. В случае, если Исполнительный Комитет откажется принять соответствующие меры, мы не ручаемся за спокойствие в Киеве и снимаем с себя всякую ответственность за могущее произойти кровопролитие"...¹⁾).

А через два-три дня толпы контр-революционеров громили и жгли большевистские киоски, арестовывая и избивая на улицах заподозренных в большевизме... Воцарилось временное господство контр-революции. Она пришла к власти при прямой и непосредственной поддержке Центральной Рады, „лояльно“ и „честно“ выполнявшей взятые на себя соглашения с Временным правительством обязательства, помогавшей ей душить рабочее и солдатское движение, укрепляя власть самых махровых, отявленных элементов генеральской контр-революции...

Продельывая „генеральную репетицию“ своего октябрьского предательства, Центральная Рада все больше и больше разоблачала себя в глазах масс, как мелкобуржуазная агента империалистической русской буржуазии и реакционного генералитета, и если выступление „полуботьковцев“ только до известной степени было показателем начавшегося отхода от Центральной Рады поддерживавших ее масс, то в дальнейшем этот процесс стал разворачиваться все быстрее и быстрее в сторону вооруженного низвержения рабочим классом, под руководством большевистской партии, господства мелкобуржуазной Центральной Рады и установления советской власти на Украине...²⁾).

---

¹⁾ „Голос Социал - Демократа“, № 64 от 6/VII — 1917 г.

²⁾ Мы заканчиваем наш обзор истории взаимоотношений Центральной Рады с Временным правительством июльскими днями, рассчитывая дальнейший период осветить в последующих статьях, которые являются сейчас предметом нашей работы.— В. М.

РУМЧЕРОД І РАДНАРКОМ ОДЕСЬКОЇ ОБЛАСТИ В БОРОТЬБІ ЗА ЖОВТЕНЬ

(Закінчення¹)

I

Після встановлення радянської влади в Одесі перед партією постало завдання перевести низку заходів, які б налагодили порушене виробниче життя, підупале до того ж через різку й гостру грошову кризу. Переведення цих заходів на-трапляло на надзвичайний опір буржуазії, яка стояла на чолі антирадянських партій та організацій.

По-перше, треба зазначати, що радянські органи в Одесі не стали зразу на шлях переведення націоналізації промисловости й банків. За того саботажу капіталістів, що тоді був, здійснення робітничого контролю, звичайно, не могло дати істотних наслідків, хоча з технічним персоналом через деякі поступки й невтручання до виконання їхніх технічних функцій, можна було б умовитися; про це свідчать, між иншим, резолюції технічного персоналу на різних підприємствах, де є заяви про свою згоду працювати з радянською владою.

Трохи дивною на перший погляд була позиція партійних органів що до оборончеських організацій. Причини відмови вжити репресій до цих організацій треба шукати в міжпартійних стосунках, що склалися тоді. На Україні й зокрема в Одесі не спостерігалось того загострення відносин поміж партіями, яке було в РСФРР. Не менш важливою помилкою було те, що одеські партійні організації не виділили необхідних сил для праці в самій організації й не повели боротьби так за оволодіння радою профспілок, як і окремими профспілками, які були під впливом меншовиків. Помилкою було ще й те, що керівничі кола головну увагу звертали не на питання внутрішньої політики, а на питання політики міжнародньої. „Президія Румчероду й президія Раднаркому цілком були втягнені в справи зовнішньої політики“²). І наслідки неправильної

¹) Див. „Л. Р.“ № 5 — 6, 1927 р.

²) Стенограма споминів одеської групи при Істпарті ЦК.

політики партії не могли в скорах не відбитися. Робітнича класа в значній своїй частині наприкінці існування радянської влади виявила своє відношення до неї тим, що відмовилася вступати до Червоної армії і тим, що виставила цілу низку економічних вимог, які за того моменту радянська влада не могла виконати.

Приплив робітників до партії зовсім припинився. В організованих комісаріятах робітнича маса участі не брала. Партія, виділивши нйкращих й найвідповідальніших робітників для праці в органах радянської влади, по суті відірвала їх цілком від повсякденної партійної роботи. Якраз із-за цього діяльність партійної організації підупала й вона не мала змоги провадити агітації й пропаганди в робітничих масах за заходи радянської влади, коли це потрібно було.

Ці обставини привели до діяльності дезорганізаторських елементів, як „Ради безробітних“, „матроської вольниці“ і кінець - кінцем — до Муравйовщини. Угодовці, вміло використовуючи помилки радянської влади, знову поширили свій вплив на робітничі маси, що й стало безумовною причиною того, що радянська влада не могла організувати належного опору проти наступу спочатку румунської, а потім і австро-угорської армії¹⁾.

II

Не дивлячись на тяжкий економічний стан, спочатку утворились цілком сприятливі умови для роботи радянської влади. Робітнича класа відносно останньої виявила своє доброзичливе відношення підчас переобрання складу ради зразу після перевороту тим, що абсолютна більшість представників до Ради була обрана з більшовиків та лівих с.-р. Селянство, пославши до міста продукти для потреб армії й потерпілим підчас перевороту, теж цим виявило своє сприятливе відношення до радвлади.

Коли говорити про антирадянські організації, то вони були дезорганізовані. Одеська Дума, не дивлячись на те, що в ній антирадянські партії мали абсолютну більшість, все-таки не наважилася ухвалити постанови, що заперечувала б події 13—17 січня, а лише обмежилася прийняттям до відому декларацій різних партій. Рада профспілок, де був сильний більшовицький вплив, після всебічного обмірковування внесеної меншовиками декларації ухвалила була, що, зважаючи на настрої робітничих мас „в інтересах професійного руху, жодних постанов не ухвалювати, а передати декларацію на розгляд професійних спілок“²⁾. Навіть, Виконавчий Комітет Ради Військових депутатів, що тоді ще був під впливом укр. с.-р. та с.-д., і той висловив згоду, не дивлячись на засудження в принципі

¹⁾ Автор тут, звичайно, перебільшує значіння помилок більшовицької організації й належну силу меншовиків та подібних до них. — Р е д.

²⁾ „Южный Рабочий“ від 20, I — 18 р.

захоплення влади, працювати з революційною владою в Одесі з умовою додержання нею контакту з усіма соціалістичними партіями й демократичними організаціями¹⁾.

С.-р. під натиском групи робітників, які приймали участь у роботі органів радянської влади, стали на більш чи менш доброзичливу позицію до радянської влади. На своїй конференції, підтверджуючи свою попередню позицію, що лише Установчі збори здатні відновити в повній мірі єдиний демократичний фронт, викрити контр-революційну змову й оборонити Росію від зовнішніх ворогів, вони все ж ухвалили постанову увійти в радянські організації для органічної роботи в них, в зв'язку з тим, що активна частина демократії не зрозуміла ще ролі Установчих зборів і що це не повинно бути перешкодою для відновлення єдиного революційного фронту²⁾.

Що ж до відношення меншовиків до радянської влади, то вони зразу стали на різко ворожій позиції. В резолюціях з приводу перевороту, оголошених в Думі і в раді професійних спілок, меншовики висловились за зосередження влади в руках міського самоуправління, хоча й у них малась також група, яка стояла на радянській платформі³⁾.

Інші партії й угруповання, що зачисляли себе до інтернаціоналістів, теж ухвалили працювати в контакті з радянською владою. Бунд, напр., який мав за того часу великий вплив серед єврейського пролетаріату, ухвалив був постанову працювати в контакті з новою владою в Одесі, взяти участь у боротьбі з контр-революцією й румунською небезпекою, а також і в розв'язанні тих завдань, що стоять перед радянською владою, як перед робітничо-селянською організацією⁴⁾.

III

Зараз же після перевороту розпочато було організацію постійних органів радянської влади. Спочатку з ініціативи рад, а не Революційного К-ту, як зазначають доповідачі про діяльність Румчероду й РНКому Одеської області, було організовано міські комісаріати. На засіданні об'єднаних президій рад були обрані тимчасові Народні Комісари, фінансів, харчових справ, праці й друку⁵⁾. В опублікованій тимчасовими Народними Комісарами спільній декларації говорилося: „не вважаючи поки за можливе перевести всі необхідні заходи в усьому обсязі й масштабі, що вимагають санкції повновладного органу, але, беручи до уваги необхідність невідкладного відновлення нормального

¹⁾ „Одесский Листок“ від 24/1 — 18 р.

²⁾ „Известия Одесского Совета“ від 25/1 — 18 р.

³⁾ Ця група майже не мала жодного впливу на керівництво меншовицькою організацією. — А. К.

⁴⁾ „Одесские Новости“ від 26/1 — 18 р.

⁵⁾ „Известия Одесского Совета“ від 18/1 — 18 р.

життя в місті й зважаючи на волю ради, ми вважаємо за потрібне екстренним порядком взятися до виконання своїх обов'язків“¹⁾).

Трохи пізніше виникли обласні комісаріяти, об'єднавшись з міськими, при чому початками їх були секції Виконавчого К - тету Румфронту й області.

Що до Військово - революційного Комітету, то він існував ще деякий час, як орган, що стежив за порядком у місті й провадив ліквідацію гайдамаччини, і лише 24 січня оголосив про свою ліквідацію. Місцева влада в Одесі, згідно з постановою, ухваленою на об'єднаному засіданні Румчероду й Військово - революційного К - тету, повинна була перейти до Виконавчих Комітетів Рад робітничих, салдатських та селянських депутатів і до Ради Народніх Комісарів, відповідальної перед Виконавчим К - том Рад і Румчеродом²⁾). Здійснюючи цю постанову, Виконавчий Комітет Румфронту й області організував був Раду Народніх Комісарів у складі: голови Раднаркому, комісарів Держконтролю, Юстиції, Народньої Освіти, Фінансів, Військових справ, Земельних, Друку, Праці, Закордонних справ та Фронту³⁾). Пізніше організовано комісаріяти — Почти та телеграфу й Шляхів. Спеціально для російсько - румунських справ існувала друга урядова організація — Найвища Колегія⁴⁾), що мала в питаннях про боротьбу з Румунією необмежені уповноваження. Коли простежити за партійним складом Раднаркому, то представництво партій складалося з 1 с.-р., 1 лів. с.-р., всі ж останні були більшовики або ті, що їм співчували.

В процесі своєї роботи Раднарком Одеської області став не тільки виконавчою владою, але й єдиним органом законодавчої влади. Румчерод же в той час виконував лише функції органа контролю, й актів законодавчого порядку в його практиці ми майже зовсім не подибуємо. Секції Румчероду, що за планом Виконавчого К - ту Румфронту й області повинні були стати колегіями комісаріатів (до речі, Народні Комісари повинні

1) „Известия Одесского Совета“ від 19 I — 18 р.

2) „Одесские Новости“ від 25/I — 18 р.

3) „Голос Революции“ від 30/I — 18 р. й від 15/II (н. с.) — 18 р. Склад Раднаркому: голова РНКОму — Юдовський, комісари: Держконтролю — Обуховський (с.-р.), Юстиції — Хмельницький, Народньої освіти — Берн, Фінансів — Рузер, Військових справ — Зайцев, а вскоріх після нього Раузе, Земельних справ — Балдин (лів. с.-р.), Друку — Абраменко, Праці — Старостин, Закордонних справ — Брошеван, Фронту — Серебренніков, Почти й телеграфу — Ачканов, Шляхів — Лисовський і морськими комісарами — Кривошеїн та Кондренко.

4) „Одесские Новости“ від 19/II — 18 р. Склад Найвищої Колегії: голова — Раковський, члени колегії — Воронський, Брошеван, Спіро (лів. с.-р.), Бужор, представники центрального Уряду: від Румчероду — Юдовський, від штабу фронту — Серебренніков, від Одеського РНКОму — Рузер, від моряків — Кондренко, від спілки металістів — Старостин, від залізничників — Мізікевич, від більшовиків — Хмельницький, від анархістів — Рит. В колегії були також представники лівих с.-р. і укр. більшовиків.

були бути лише простими виконавцями волі секцій), на практиці стали Радами при Народніх Комісарах, і, таким чином, замість колегіяльного правління, що відповідало планові Румчероду, залишилось одноособове правління Народніх Комісарів. Оскільки ж Румчерод після перевороту перестав бути органом влади, об'єднане засідання президій його Рад ухвалило скасувати Румчерод, як окремий орган влади¹⁾. І вже на засіданні Ради Наркомів, де стояла справа про розмежування компетенції громадянської та військової влади й де ухвалено те, що влада в Одесі й по всій області належить Раднаркомові, який відповідає перед Радою робітничих, селянських та солдатських депутатів²⁾, за Румчерод в цій постанові вже зовсім і не згадується. Бо дійсно, із демобілізацією фронтних частин він, цілком природно, утратив своє значіння. Одначе, як це далі сталося, його остаточно не ліквідовано, крім численних комісій та і ще й обрано нову президію³⁾.

Більшу участь, ніж Румчерод, в повсякденній роботі брала Одеська Рада. Всі кепучі питання так практичні як і політичні обов'язково обмірковувалося на пленумах Ради, при чому президії Рад приймали безпосередню участь у адміністративному управлінні. Крім зазначених організацій і органів, ще активно провадила працю в будівництві радянської влади Центральна Рада фабрично-заводських комітетів.

Тимчасом розлад транспорту й викликана цим затримка одержання необхідного палива й сировини для виробництва, саботаж капіталістів, збільшення безробіття в звязку з демобілізацією армії — все це утворювало тяжкий економічний стан. Робітники, шукаючи виходу з беспорядного становища, вимагали переведення націоналізації виробництва; так, у наказі делегатів спілки „Иглы“ на Всеросійський з'їзд профспілок виставлено вимоги, що на випадок саботажу промисловців негайно муніципалізувати виробництво. Робітники цукрорафінадного заводу вимагали від місцевого фабрично-заводського к-ту взяти в своє завідування завод, розпочавши на ньому працю.

Робітнича маса зразу ж була взялась здійснювати свої вимоги, що їх вона висловлювала давно перед цим у численних резолюціях. Перш за все робітники взяли в своє управління транспорт, установи звязку й найбільші підприємства. Так, напр., з'їзд моряків торгової флоти Чорного й Озівського морів та річок обрав Раду з 9 чол. для управління націоналізованим водним транспортом⁴⁾, а одеський залізничий районний комітет,

1) „Одесский Листок“ від 26/II — 18 р.

2) „Голос Революции“ від 27/II та „Одесские Новости“ від 1/III — 18 р.

3) „Голос Революции“ від 26/II. До складу президії Румчероду входили від більшовиків — Юдовський, Юхимець, Карпенко, Христов, Рогов, Гохтліб, Томас і Лагайде, від лів. с.-р. — Лазарев, Зеленін, Цариков, Кривошеїн і від с.-р. центровиків — Александров і Терзеев.

4) „Одесский Листок“ від 24/I — 18 р.

що перейменувався на районну Раду, тимчасово взявся керувати одеським відділом Південно-Західніх залізниць¹⁾). Управління майстернею телеграфа станції Одеса - порт, згідно з односторонньою постановою робітників, майстрових та службовців, перейшло до Ради майстерні²⁾). Загальні збори профспілки робітників пекарів, „визнаючи в принципі за бажане передання всіх підприємств профспілці, доручає правлінню спілки разом із представниками Рад, соціалістичних партій та заводських комітетів виробити загальний план такого передання. Пекарні, що не підлягатимуть правилам спілки, повинно бути негайно реквізовано й передано в завідування спілки“³⁾). Держава також взяла була в своє управління цілу низку заводів (секвестр, завод Белліно - Фенд⁴⁾). Вимоги робітників взяти управління виробництвом до своїх рук відзначає й Центральна Рада фабрично-заводських комітетів, заявляючи, що „соціалізація заводів охоплює іноді й дрібні майстерні з одним або двома робітниками“⁵⁾).

Як бачимо, справу націоналізації промисловости й банків висувало саме життя в той час, як керівничі органи з свого боку не виявили належного розуміння й не внесли жодних роз'яснень в цю справу. Як наслідок такого стану, сталося, те, що одна частина заводів, здебільшого великі підприємства, перейшли до управління робітників, друга ж — більшість підприємств, що виробляли предмети масового споживання — залишилася в руках господарів; дрібна промисловість частково перейшла до робітників, а значна частина її взагалі закрилася через відсутність сировини й палива.

Про становище промисловости почасти освітлює т. Старостин на зібранні одеської організації більшовиків, де він зазначає, що до всіх його заходів робітники відносяться спочутливо, але дуже заважає його роботі неправильно зрозуміла робітниками „соціалізація“, яка часто призводить до того, що в першу ж суботу нема звідки видавати платні й через це „соціалізатори“ просять Комісаріят Праці дати їм замовлення, інші ж вимагають, щоб колишні хазяї „соціалізованих“ підприємств відпущали кошти на дальше ведення справи.

Цілком зрозуміло, що наявність такого стану не могла не відбитися на продукційності праці робітників, яка надзвичайно підупала. Про це висловилася нарада Центральної Ради фабрично-заводських комітетів, яка вбачала причини промислової руїни, крім військових обставин та демобілізації, ще й у тому, що „продукційність праці робітників не відповідає розцінці, установленій колективною угодою“⁶⁾).

1) „Голос Революции“ від 1/II — 18 р.

2) „Голос Революции“ від 1/II — 18 р.

3) „Голос Пролетария“ від 19/II — 18 р.

4) „Известия Одесского Совета“ від 13/1 — 18 р.

5) „Голос Революции“ від 20/II — 18 р.

6) „Голос Революции“ від 20/1 — 18 р.

IV

Було організовано Комісаріят Торговлі й Промисловости, якому й доручено керування торговими справами й промисловістю. На практиці це керування поділялося з Комісаріятот Праці, а саме — останній відав найбільше справами внутрішнього життя заводів, як то: переведенням обліку матеріалів на заводах, демобілізацією заводів то-що. Комісаріят Торговлі й Промисловости фактично виконував розподіл замовлень, провадив облік матеріалів, що перебували в торговельних підприємствах, стежив за фінансуванням заводів та переводив демобілізацію фронтних установ. Наслідки роботи, як і сама робота Комісаріятот Торговлі й Промисловости, хоч і корисні були, але далекі від того описування дійсности, яку дають доповідачі про діяльність Румчероду й Раднаркому Одеської області...¹⁾.

Виконуючи покладені на Комісаріят Торговлі та Промисловости обов'язки, останній організував був демобілізаційний комітет, який перевів величезну працю що до ліквідації установ Румфронту, „Земсоюзу“ та „Согора“, передав майстерні й заводи, пристосовані до праці за мирного часу, до завідування промисловому комітетові, а харчові крамниці — Комісаріятоті Харчових справ. Він ліквідував був усі установи, призначені для потреб війни, організував був дружини для збору майна, кинутого на фронті, які за 2 тижні роботи зібрали 140 вагонів різного майна й харчування; за останній час своєї роботи демобілізаційний комітет поширив свою працю до обласного масштабу, командировавши своїх представників до Миколаєва, Херсону, тодішн. Єлисаветграду, й до інших міст.

Треба ще відзначити, що Комісаріят Торговлі та Промисловости вжив заходів, щоб уникнути кризи палива для одеських фабр.-заводських підприємств²⁾, зробивши для них позику з запасів флоти; за його допомогою розпочалася праця на підприємствах, що їх покинули хазяї; він же, крім того, і організував громадські роботи для ламання каменю на будинок Політехнічного інституту, якого тоді будовано, й перевів засів на вільних землях навколо Одеси.

Що до роботи Комісаріятоту Фінансів, мусимо відзначити, що в справі фінансовій зроблені були величезні помилки, які, звичайно, залишили тяжкі наслідки для радянської влади. До речі тут відмітити, що й для Центральної Ради неперемога фінансової кризи була великим політичним іспитом, що був одною з причин її занепаду.

Вступивши до виконання своїх обов'язків, Народній Комісар Фінансів застав у банках і скарбниці суму коштів майже

¹⁾ Доповідь про діяльність Румчероду й Раднаркому Одеської області, стор. 12—13.

²⁾ „Голос Пролетарія“ від 28/II—18 р.

в 20 разів меншу, як того було треба для найневідкладніших потреб. Комісаріятові Фінансів необхідно було негайно видати зарплатню робітникам та службовцям, які приблизно з місяць нічого не одержували, дати асигнування установам на держбюджеті (шпиталі то-що) й найголовне фінансувати заводи.

Вийти з такого стану можна було б, перевівши негайно цілковиту націоналізацію банків і організацію друкування паперових грошей. Хоча офіційно націоналізації оголошено й не було, але ж деякі кроки в цьому напрямку фактично були зроблені. Так, наприклад, провадився облік коштів і контроль над видатками їх, видача коштів із скарбниці відбувалася за дозволом Комісаріату Фінансів, а з банків за дозволом комісарів, був проведений облік усіх біжучих рахунків і контроль над сейфами, припинено операції по всіх банках з цінними паперами, банки послали були відраховання для зміцнення готівки в Держбанкові.

Говорити про бездоганість у переведенні цієї роботи не доводиться, бо досвідченість банківських робітників, які здебільшого працювали в інтересах буржуазії, дозволяла обходити ці постанови.

Щоб уникнути грошової кризи, Комісаріат Фінансів перевів цілу низку заходів у цьому напрямку. Насамперед запропоновано було оподаткованим внести в визначений термін прибутковий податок і певним особам патентний збір; зобов'язано було власників усіх підприємств з патентом 1 й 2 розряду вносити що - дня 50⁰/₁₀₀ гуртової виручки на біжучий рахунок¹⁾, всім фабрично - заводським комітетам підприємств, які перебували в завідуванні робітників, запропоновано було вносити до банків щоденне уторгування. Не дивлячись на переведення цих заходів, все - таки загальна сума каси Держбанку не збільшувалася, про що в своїй відозві зазначав і Центр. Комітет фабрично - заводських комітетів²⁾.

З інших заходів Комісаріату Фінансів, які слід відзначити, це переведення ревізії приватних сейфів, що оглянені були в останні дні існування радянської влади (22/II). В оголошеній інструкції з приводу цього говорилося, що ревізія буде провадитись в присутності власників того чи іншого сейфа спеціальною комісією в складі представників тої кредитової установи, де перебуває сейф, і комісара фінансів; зазначено було, що дорогоцінні метали в монетах і зливки належать конфіскації, російські паперові й срібні гроші повинні бути внесені на біжучий рахунок власника, який міг одержувати з цієї суми по 500 крб. раз у два тижні. Цінні папери повинні були здаватися на сховання до кредитових установ, при чому цінності великої вартості повинні залишитися в сеймах до розпорядження³⁾. Що ж до

1) „Известия Одесского Совета“ від 23/І й від 27/І — 18 р.

2) „Одесские Новости“ від 23/II — 18 р.

3) „Известия Одесского Совета“ від 21/II — 18 р.

сейфів, які належали чужоземним підданам, вирішено було російське золото в них реквізувати, російські грошові знаки внести на біжучий рахунок власника, чужоземні ж гроші й золото, зареєструвавши, теж залишити в сейфах до окремого розпорядження. З сейфів чужоземних місій вирішено було реквізувати лише російські грошові знаки¹⁾. Підводячи підсумки ревізії сейфів зазначимо, що оглянені 250 сейфів у п'яти банках дали понад 18 тисяч крб. грошовими знаками й багато цінних паперів, анульованих декретами радянської влади²⁾; ревізія 30 сейфів румунських підданих у Ліонському кредиті виявила силу румунських цінних паперів і 400 тисяч крб. грошовим³⁾ знаками³⁾. Мусимо також сказати, що переведення ревізії сейфів істотних наслідків, які б полегшили фінансову кризу, не дало.

В справі ліквідації фінансової кризи взяв участь і Румчерод, який утворив комісію для самообкладання буржуазії, до складу якої увійшли: по два представники від банків, біржового Т-ва, купецького Т-ва „Сопроюга“, Рантьє, Т-ва домо-власників, Т-ва землевласників, і по одному представникові від вільних професій⁴⁾. Не дивлячись на організацію такої комісії, органам радянської влади все ж таки довелося вжити арештів видатних представників буржуазії, і лише після цього комісія внесла 1 міл. крб. на біжучий рахунок Раднаркому⁵⁾. Правда, вже за останні часи перебування радянської влади в Одесі ще переведені були у видатної буржуазії труси грошей що дали досить великі кошти. Стояло питання про стягування з буржуазії контрибуції, з приводу якого виникли були серйозні суперечки серед робітників Комісаріату Фінансів. Вороги цього заходу вважали, що переведення контрибуції заставить буржуазію утаювати гроші⁶⁾, й дезорганізує грошовий обіг. Насправді ж буржуазія все рівно сховувала їх, і єдиний засіб добути в буржуазії кошти були труси й арешти.

До всього сказаного вище, щоб полегшити фінансову кризу, оголошено було наказа про обов'язкове приймання, як грошей, штапованих облігацій позики, купонів до них⁷⁾ і купонів всіх облігацій державних позик⁸⁾; тим, кому треба було мати справу з великою купівлею, запропоновано розплачуватися чеками або регулювати рахунки через банківський апарат⁹⁾; видано декрета під загрозою суда й конфіскації майна про здачу лишків

1) „Голос Революции“ від 26/II — 18 р.

2) „Одесские Новости“ від 23/II — 18 р.

3) „Одесские Новости“ від 3/III — 18 р.

4) „Голос Революции“ від 26/I — 18 р.

5) „Одесские Новости“ від 6/III — 18 р.

6) Доповідь про діяльність Румчероду й Раднаркому Одеської області стор. 24.

7) „Известия Одесского Совета“ від 27/II — 18 р.

8) „Одесские Новости“ від 17/II — 18 р.

9) „Одесские Новости“ від 26/II — 18 р.

понад 2 тисяч крб.¹⁾ й оголошено конфіскацію за місяць лютий квартирної платні.

За наявності такої грошової кризи Комісаріят Фінансів на нашу думку, допустив у фінансових справах певне марнотратство, коли не сказати більше. Досить того, що банкам дозволено було видавати з біжучих рахунків усім вкладчикам до 500 крб. у два тижні²⁾, і коли виходити з того, що в гуртовій ціні фунт хліба коштував 26 коп.³⁾, то треба визнати, що сума видачі була надзвичайно велика.

В дуже малій мірі була використана можливість друкування паперових грошей, реалізація якої могла усунути фінансову кризу. А ми знаємо, що технічно одеські друкарні мали змогу виготовити потрібну кількість паперових грошей. До речі треба зауважити, що й представники інших міст (колишн. Єлисаветград, Акерман та інші) провадили переговори з міським самоуправлінням про постачання їх одеськими міськими грошима, а представники з м. Миколаєва так навіть склали були угоду з ним про надрукування 5 міл. крб. одеських грошей для потреб миколаївського ринку⁴⁾.

І в цій важливій, для радянської влади, справі Комісаріят Фінансів до педантизму додержувався принципу повного забезпечення паперових грошей вкладками в банках, в той час, коли одержання грошей з тодішнього Петрограду надзвичайно перешкождалося. Зазначити треба, що грошова розмінна криза збільшувалася ще й тим, що селянство не брало сурогатів грошей — купонів то - що — й спекуляцією на розміні⁵⁾. Наприкінці лютого приватні особи й навіть установи платили за розмін чеків на різні банкноти до 25⁰/₁₀⁶⁾.

Таке становище, коли на ринкові бракувало розмінних грошей і робітники не одержували платні, призводило до незадоволення останніх, чому траплялись випадки, навіть за часів існування Центральної Ради, коли робітники приходили всім заводом до Воронцовського парку, де містився Раднарком, і вимагали від уряду негайної видачі платні.

Після всього вищенаведеного доводиться заперечувати оцінку фінансової практики відповідних радянських органів, згадуваних уже раніш авторів доповіді про діяльність Румчороду й Раднаркому Одеської області, де вони відзначають, що зазначені вище заходи в фінансовій справі полегшили фінансову кризу.

Переходячи до огляду роботи радянських органів в земельних справах, мусимо констатувати, що в цій галузі був

1) „Голос Революции“ від 26/II — 18 р.

2) „Известия Одесского Совета“ від 25/I — 18 р.

3) „Известия Одесского Совета“ від 2 /I — 18 р.

4) „Одесский Листок“ від 31/I — 18 р.

5) „Одесский Листок“ від 28/I — 18 р.

6) „Одесские Новости“ від 21/I — 18 р.

твердо взятий курс на наділення землею та інвентарем бідняцької частини селянства. Щоб перевести це, було об'явлено соціалізацію земель, яку запроваджено в життя, установивши порівняльне землекористування. Виконавчий Комітет селянських депутатів виробив був правила наділу землею всіх чоловіків після 15-літнього віку повною трудовою нормою й членів семей до 15 років — харчовою (напівтрудовою). Установлено, що живим та мертвим інвентарем, повинні користуватися за половину вартости в першу чергу салдати й їхні сем'ї які не мали жодного інвентаря, й у другу — всі останні; коли інвентар діставався підчас захоплення в господарство, де дещо з інвентаря вже малося, то його одбирано було на користь тим, що не мали зовсім. Всі будинки й будівлі економії були об'явлені громадською власністю й до розподілу не належали; ліси, надра й води стали вважатися за загальнонародне добро¹⁾.

За практичне переведення розподілу земель та інвентаря взявся Виконавчий Комітет Ради селянських депутатів разом із місцевими земельними комітетами. Розподіляючи землю та інвентар на селах, частенько траплялися сутички бідняків із заможною частиною селянства; по багатьох селах підчас наділу землею заможне селянство виступало об'єднано й часто їм доставалася найкраща земля. Траплялися випадки руйнації маєтків, мали місце по селах і самосуди. Бували випадки ще й такі, коли село йшло на село само або в об'єднанні з іншими; так, наприклад, в Ананієвському повіті село Греково сусідні села цілком розграбували, а села Гандрабути й Липецьке, об'єднавшись між собою, оповістили війну с. Кондрацькому²⁾. В своїй роботі на селі радянська влада, допомагаючи біднякам, утворила з них селянські заголи й озброїла земельні комітети.

Слід згадати, що переведення соціалізації в багатьох місцевостях натрапляло на перешкоди великих землевласників, які відмовлялись видавати списки живого й мертвого інвентаря й зазначати кількість землі. Довелося було організувати комісії із селян, які і взяли до складання цих списків, затримавши через це на деякий час розподіл земель та інвентаря³⁾.

Одним із головних заходів Комісаріату Земельних Справ було опублікування наказу, в зв'язку з ухвалою з'їздом Рад закону про соціалізацію, організаціям, що відали землею в Херсонській, Таврійській та Басарабській губернях, про скасування орендної платні на землю й знулювання всіх угод на оренду з поверненням по належності орендних сум, що поступили після 15 січня⁴⁾.

Таке переведення земельної справи, а також зваживши й те, що радянська влада з села нічого не брала, а, навпаки, навіть

1) „Известия Одесского Совета“ від 21/II — 18 р.

2) „С десские Новости“ від 17/II — 18 р.

3) „Голос Пролетария“ від 24/II — 18 р.

4) „Голос Революции“ від 15/II — 18 р.

постачала село (напр., кіньми демобілізованої армії), не могло не задовольнити селянства, яке ставилося до неї всі часи добре.

Галузь харчових справ цілком була в віданні харчового комітету при міському самоуправлінні. Свого апарату налагодити так і не вдалося. Комісаріят вжив був заходів що до надіслання хліба до Москви; запровадив сталі ціни на деякі продукти й проектував заведення нових карток. Через млявий довіз продуктів з села всі часи відчувалася недостача в харчах.

Важливу роботу в справі охорони праці перевів Народній Комісаріят Праці, установивши нові взаємини між робітниками й хазяями. Перше розпорядження Наркомпраці зобов'язувало всіх власників підприємств визнати фабрично-заводський комітети за уповноважені організації робітників підчас переговорів і улагоджування конфліктів¹⁾. Їм же (власникам підприємств) запропоновано було виплатити за нормою відповідних профспілок компенсацію всім демобілізованим, які працювали до призова на військову службу, в тому разі, коли вони їх не зможуть прийняти на роботу²⁾; встановлено було порядок розв'язування конфліктів між власниками і робітниками, за яким усі конфлікти повинні розглядатися відповідними профспілками і лише на випадок непогодження переноситися на розгляд Комісаріату Праці. Останнє обумовлено було в той спосіб, що за наслідки конфлікту на користь робітникам хазяї зобов'язані були платити Комісаріатові 10⁰/₁₀₀ тієї суми, що її вимагали робітники, а також за витрату часу представниками Комісаріату при розгляді конфліктних справ³⁾, видатки ж по конфліктах не на користь робітників оплачувалось з сум Комісаріату.

Дальшою роботою Наркомпраці було введення 8-годинного робочого дня по всій окрузі й на всіх без винятку підприємствах, зачислюючи сюди й, домових, служниць; заборонено було надурочні роботи на підприємствах, навіть артільного характеру, за винятком, звичайно, тих підприємств, де надурочні роботи конче потрібні в зв'язку з умовами виробництва, якщо підтвердить заводський комітет. Стояло ще питання про скасування акордних робіт, відрядних і робіт від штуки, але, зважаючи на те, що воно зв'язані з питанням продукційності праці на підприємствах, вирішено було передати його на розгляд профспілкам та заводським комітетам.

Що до захисту жіночої праці й праці підлітків та дітей — Наркомпраці заборонив перебувати на роботі вночі жінкам та підліткам до 18 років, а дітям до 16 р. взагалі на роботі, зобов'язавши власників підприємств виплатити звільненим відповідну компенсацію й дати гарантії прийому до 15-літніх підлітків, коли їм вийдуть належні літа.

1) „Известия Одесского Совета“ від 25/1 — 18 р.

2) „Одесский Листок“ від 27/1 — 18 р.

3) „Одесские Новости“ від 19/11 — 18 р.

Зазначений декрет про малолітніх опротестувався був як самими звільненими підлітками, так і профспілками картонажних робітників, тютюнового виробництва та мішково-паперового¹⁾).

З метою забезпечення робітників на випадок старости Комісаріят Праці видав був декрета, за яким увесь чистий прибуток від курортів, грязелікарень і лазень м. Одеси повинен віддаватися Комісаріатові для утворення фонду на видачу пенсій робітникам, які мають престарілий вік²⁾).

Щоб дати роботу демобілізованим, які поверталися з армії дано було розпорядження звільнити жінок демобілізованих салдатів заборонено було доглядачам будинків суміщати свої посади з роботою на заводах. Оголошення такого наказу не могло, звичайно, не викликати протестів з боку звільнених робітниць. Останні на численному зібранні залізничних робітниць, протестуючи проти звільнення жінок, ухвалили були вимагати від Комісаріату Праці відновлення їх на посадах; на цьому ж зібранні було обрано комісію для організації комітету оборони соціальних та економічних інтересів жінок, і делеговано до участкових та районних комітетів, а також і до бюро нормального розподілу праці своїх представників з правом ухвального голосу³⁾).

Що до охорони робітників-ремесників Наркомпраці звільнив був їх від виплати податків Одеській ремесничій Управі, а саму Управу реорганізував.

Слід відзначити, що Наркомпраці проти інших наркоматів перевів величезну роботу в справі налагоджування господарчого життя, і особливо вирішення конфліктів, що звязані були з несвоєчасним одержанням зарплатні в умовах фінансової кризи.

І, нарешті, треба зазначити роботу ще Комісаріату Юстиції, який теж провадив велику працю в своїй галузі паралельно з Революційним трибуналом, якого організували були моряки до встановлення радянської влади.

В процесі роботи між Нарком'юстом і Ревтрибуналом виникли були суперечки в справі використання старого судового апарату й судових організацій. Революційний трибунал додержувався погляду обов'язкового скасування судових організацій і установ, що раніш існували. Нарком'юст же вважав за неохідне тимчасово залишити їх з тим, щоб повільно перетворювати їх. Не відкладаючи справ надалі, Ревтрибунал закрив був комерційний суд, зробив був спробу закрити з'їзд мирових суддів, округовий суд та судову палату й всупереч інструкції радянського уряду, де докладно зазначалося про його компетенцію, почав був приймати на розгляд громадянські й загальнокарні справи. Розгляд цих справ, особливо коли взяти на увагу, що справи контр-революції й саботажу, які лише Ревтрибунал

1) „Известия Одесского Совета“ від 24/II — 18 р.

2) „Одесские Новости“ від 23/II — 18 р.

3) „Одесские Новости“ від 19/II — 18 р.

розглядав, були рідко в його практиці, утворив йому велику популярність¹⁾.

Комісаріят Юстиції, обстоюючи свої погляди що до судового апарату й організацій, виходив з того, що „судовий апарат, не так як інші, залишився майже цілий, і без порівняння з іншими апаратами мало був дезорганізований стихійним процесом загальної розрухи, що не було відповідних робітників судової справи і що малося на увазі, увівши до цього апарату щось нове, радянське, налагодити роботу в цій галузі²⁾).

Додержуючись своїх принципів у роботі, Комісаріят Юстиції увів інститут судових засідателів по всіх мирових судових установах м. Одеси і розпочав був спробу заміни старих суддів на нові, яка, між іншим, не вдалася через відсутність кандидатів на судові посади. Лише половина осіб з 40 заяв, поданих до Комісаріату після опублікування про посади, мали більш-менш відповідну політичну фізіономію, але й цих через непридатність на зазначені посади довелося використати, як народніх засідателів. Угодовські партії й адвокатура бойкотувала судові органи радянської влади й жодного кандидата на посаду судді вони не запропонували, хоч, проте, за 2 тижні до встановлення радянської влади від них до міської думи подано було силу заяв у кандидати на зазначені посади³⁾.

За того часу в м. Одесі провадилося чимало свавільних арештів, з якими Комісаріатові Юстиції довелося повести боротьбу. Постановлено було всіх заарештованих доставляти до слідчої комісії Ревтрибуналу, де відбувався допит, і дальше перебування під вартою чи у в'язниці повинно бути обумовлено відповідними формальностями⁴⁾.

Крім цього, Нарком'юст взяв участь у поалагодженні житлової справи в місті; по-перше, запропоновано було припинити свавільне виселення із квартир⁵⁾, видано декрети про звільнення робітників та салдат від платні за помешкання, про квартирний мораторіум і про організацію примиренних камер⁶⁾. Запропоновано було виконання вирішень на позовні громадянські справи й ухвалені вироки на карні справи що до громадянських позовів — не провадити без окремого на кожний випадок дозволу Комісаріату Юстиції⁷⁾.

Розходження Ревтрибуналу й Комісаріату Юстиції, що виникли з самого початку їхньої рівнобіжної діяльності, кінець-

1) Серед галасливих справ треба відзначити процес газети „Южный Рабочий“.

2) Доповідь про діяльність Румчероду й Раднаркому Одеської області, стор. 13.

3) Доповідь про діяльність Румчероду й Раднаркому Одеської області, стор. 13 і 16.

4) „Известия Одесского Совета“ від 24/І — 18 р.

5) „Известия Одесского Совета“ від 27/І — 18 р.

6) „Голос Революции“ від 18/ІІ — 18 р.

7) „Известия Одесского Совета“ від 15/ІІ — 18 р.

кінцем, коли стало питання про розмежування функцій поміж ними, обернулося в конфлікт.

Ревтрибунал, маючи за собою підтримку матроських мас, видав наказа, за яким Комісаріят Юстиції повинен припинити самостійне існування. На такий акт Виконавчий Комітет Ради робітничих депутатів повідомив Ревтрибунал про те, що обраний відповідними організаціями Нарком'юст припиняти діяльності своєї не може, аж доки зазначені організації не ухвалять про це сами, і що скарги на різні неправильні дії й учинки відповідальних робітників Комісаріату повинні оскаржуватися до тих установ чи організацій, які обрали цих відповідальних робітників¹⁾.

Загальні збори матросів команд кораблів „Синопа“, „Ростислава“ та „Алмаза“ опублікували заяву в оборону Ревтрибуналу: „Ми вважаємо, — писали матроси, — за обов'язок нагадати, що судова влада належить не тільки самому Комісаріату Юстиції зокрема, а тому накази можуть опублікуватися Ревтрибуналом разом із Комісаріатом Юстиції“²⁾.

Врешті Ревтрибунал скорився Комісаріатові Юстиції й усі справи як громадянські, так і карні, що перебували у відданні Ревтрибуналу, повернуто по належності. Коли оцінювати роботу Ревтрибуналу, треба не поминути позитивного в роботі, а саме — великого виховального значіння його прилюдних, масових засідань і відзначити негативне, яке полягало у відсутності належних гарантій у судочинстві та в наявності часто випадкових і не відповідних тодішнім загальним обставинам вирішень, яких не було в роботі Комісаріату Юстиції, і який, переводячи свої заходи в життя, більше вважав на загальне становище й скеровував свою діяльність у той спосіб, щоб вона не розбігалася з загальною політикою радянської влади.

V

Перейдімо тепер до взаємовідносин радянської влади в м. Одесі з союзними державами.

Взаємовідносини ці складалися під впливом, з одного боку, намагання союзних держав підтримати румуно-німецький фронт, а з другого — загальною політикою радянської влади що до союзних держав добитися ліквідації конфлікту з Румунією. Незабаром після перевороту Румчерод, звертаючись до консульського колективу в Одесі, запропонував був утворити міжнародно-паритетну комісію з представників Виконавчого Комітету Румчероду та представників Румунського уряду з участю також інших держав, щоб розслідувати події, що трапилися в Басарабії, на місці й розпочати офіційні переговори³⁾.

1) „Одесские Новости“ від 20/II — 18 р.

2) „Одесский Листок“ від 21/II — 18 р.

3) „Известия Одесского Совета“ від 21/II — 18 р.

Союзні держави, побоючись що рос. - румунський конфлікт може наштовхнути Румунію на згоду з Німеччиною — вживали всіх зусиль для ліквідації конфлікту.

Так, представники Франції провадили переговори з Найвищою Колегією в рос. - румунських справах про те, щоб до розв'язання конфлікту ввести до Басарабії нейтральне військо, звичайно, не з тією метою, щоб ліквідувати конфлікт, скільки з тим, щоб „зайняти місце румунських військ у найближчому тилу до румунського фронту“¹⁾, для того, щоб, з одного боку, подати допомогу румунському військові й, з другого — коли треба натиснути на Румунію, на той випадок, якби остання забажала скласти сепаратну угоду з Німеччиною.

Представники Англії прохали провезти до Румунії харчування, щоб постачати хлібом румунський фронт і населення. На це прохання Раднарком відмовив тим, що офіційно поставив вимоги вивести румунське військо з Басарабії. Ще поступило прохання канадського полковника Поелля — відправити певне число продуктів для голодного населення Румунії. Комісаріят Закордонних Справ, принципово ухваливши задовольнити прохання Поелля, поставив вимогу дати попередні гарантії, що відправлені продукти дійсно будуть роздані голодному населенню Румунії, а не буржуазії.

Нарешті, за допомогою аташе французької місії капітана Бойля почато було переговори з Румунією, які закінчилися складанням мирної угоди, що її остання так і не додержала.

В зв'язку з таким станом виникло питання про дальші стосунки з Румунією. В обговоренні цього намітилося дві течії. Деякі робітники Комісаріату Закордонних Справ вважали, що провадити боротьбу з Румунією у радянської влади не вистачить сил, надії ж на румунський пролетаріят не виправдаються, й тому вони стояли на тому, щоб скласти мирну угоду на умовах попередньої; друга ж частина робітників настоювала провадити війну з Румунією до скинення влади румунської буржуазії й до остаточної перемоги румунської революції. Поки - що на території, де перебувала радянська влада, відносно румунської буржуазії вжито було репресивних заходів.

Всіх видатних представників буржуазії булоза арештовано; капітали, що перебували в їхньому розпорядженні — секвестровано й увесь склад румунського консульства вислано.

Стосунки з іншими представниками чужоземних держав, а також з підданими, які перебували під їхньою охороною, склалися досить коректні. Румчерод вжив заходів що до охорони майна й особи чужоземних підданих. Характерно, що французькому консулові видано було охоронну грамоту, яка починалася словами: „Во ім'я свободи, рівності й братерства, вперше проголошених французькою революцією, цим оголо-

1) „Одесские Новости“ 19/II — 18 р.

шуємо, що громадяни французької республіки, які мешкають у Одесі, перебувають під виключною охороною Виконавчого Комітету Румчероду¹⁾. Треба відзначити, що декретів проти буржуазії виділена спеціально для обміркування цього питання комісія, вирішила була до чужоземних підданих не вживати²⁾. І лише заборона консулам вільного доступу до сейфів та надсилання шифрованих телеграм були одними з репресивних заходів що до представників союзних держав³⁾.

VI

В звязку з наступом румунської армії на Басарабію, а пізніше вторгненням австро-угорської армії на Україну особливо гостро постає питання про організацію військових сил радянської влади. Ті військові частини, які лишилися від старої російської армії, не могли вже протиставити жодного опору, і радянській владі за таких обставин довелося формувати нову армію спочатку. Малося на увазі утворити нову боєздатну армію з матроських загонів, Червоної гвардії і з т х частин старої російської армії, які були корисні підчас перевороту, вливши до них мобілізованих робітників. Але ж, розпочавши організацію такої важливої справи, як військова, вжито було таких заходів, які жодних позитивних наслідків не дали, чому цілком можна погодитися з оцінкою роботи в цій справі товариша Юдовського, що: „чогось реального для оборони Одеси в справі організації військових сил зробити не вдалося“...

По-перше, великою помилкою було утворення величезного штабу фронту з різними відділами, розрахованого приблизно на мільйонну армію, в чому, звичайно, зовсім не було жодної потреби. Ми вже не говоримо про те, що штаб організований був за демократичним принципом із представництвом од військової секції Румчероду та інших організацій, і замість запровадження одноособового управління як це було по інших комісаріятах, установлено було колегіальність.

Розбухлий апарат штабу потребував чималого числа робітників для всіх його відділів, а дати добрих робітників не було змоги. Не дивно, що різні елементи, просунувшись до апарату штабу, перешкоджали роботі й усяко, дискредитували радянську владу.

По-друге, помилкою, що викликала великі нарікання робітників, була також постанова про поголовну мобілізацію робітників, до Червоної гвардії. Вийшло це так, що об'єднане засідання демократичних організацій або вірніше засідання пред-

1) „Одесский Листок“ від 26/І — 18 р.

2) „Одесские Новости“ від 29/І — 18 р. Так, напр., кафе Лібмана, що його передбачали реквізувати, через те, що власник виявився чужоземним підданим, вирішено було залишити.

3) „Голос Пролетарія“ від 31/І — 18 р.

ставників Червоної гвардії, заводських комітетів та бойових дружин ухвалило постанову, де говорилося, що „всі робітники, які працюють на заводах, фабриках, в майстернях і профспілках, повинні, не відмовляючись, взяти рушницю й вступити до лав Червоної гвардії, ставши в обороні завойованої волі. Ті, хто unikнуть цього, вважатимуться за помічників буржуазії й їх звільнено буде з підприємств¹⁾).

Не дивлячись на вказівки робітників про недоцільність цієї постанови, чи як вони писали, що „примусова мобілізація може бути допущена тільки як остаточний захід перед безпосередньою небезпекою й незадовольняючими наслідками агітації“²⁾, Румчерод постанову представників Червоної гвардії та заводських комітетів підтвердив, видавши свого наказу про поголовну мобілізацію. В цьому наказі зазначалося, що : „в зв'язку з загрозою Одесі вступом румунських банд потрібно організувати їм опір, озброївши всіх робітників м. Одеси. Тому наказуємо всім заводським комітетам 27/1 о 8 годині вранці доставити списки робітників за підписом і порукою комітетів до штабу Червоної гвардії для негайного озброєння і вступу до робітничих загонів, що перебувають у розпорядженні штабу Румчероду“³⁾.

На всіх скликаних з приводу цього робітничих зборах робітники висловили своє незадоволення цим наказом, і запровадити його цілком у життя якраз саме через це так і не вдалося. Нема чого казати, що така невдача в надзвичайній мірі дискредитувала заходи радянської влади що до організації військових сил і це саме значно сприяло агітації угодовських партій, які провели на робітничих зборах разом з протестом проти цього наказу й вимоги об'єднання всіх політичних партій на якій-будь хоча б тимчасовій платформі, тоб-то по суті вимоги утворення коаліційної влади, не говорячи вже про те, що ці невдалі заходи стали причиною припинення самоорганізації робітничих загонів.

По-третє, помилкою треба вважати допущення організації добровільних загонів. З цього скористувалися не тільки партійні організації, але й окреми групи та особи⁴⁾. Виникли самоправно військові організації, що не підлягали нікому, але діяли від імені радянської влади й своїми безладдями, проведенням поборів, самоправних ревізій то що підкопували авторитет її, не виключаючи частеньких випадків тероризування представників радянської влади.

1) „Известия Одесского Совета“ від — 24/1 — 18 р.

2) „Известия Одесского Совета“ від 26/1 — 18 р. (резолуція зборів робітників - чоловіків заводу Вальтух).

3) „Известия Одесского Совета“ від 27/1 — 18 р.

4) Характерна з приводу цього замітка в „Голос Революции“ від 15/II — н. ст., де читаємо, що: „партизанський комітет 12-ти закликає т-шів без рішучі чинів і звань організуватися в партизанські загони проти Каледіних та Щербачових“.

По - четверте, слід вважати також за помилку нероззброєння нейтральних частин, які особливо за останні часи перешкождали переведенню деяких важливих заходів радянської влади¹⁾.

Також помилковим було опублікування наказу про те, що всі салдати, які не бажали записатися до народньої соціалістичної армії, повинні бути представлені в списках для звільнення їх від військової служби²⁾. Не дивлячись на скасування цього наказу, більшість частин армії, що залишилися, все - таки демобілізувались (охтирці та інші).

Наявність зазначених помилок ще не говорить про бездіяльність відповідних радянських органів що до поліпшення становища організації військової справи.

Раднарком, бачучи, що якісний склад зформованих загонів, через малу кількість робітників у загонах, незадовольняючий, що по багатьох загонах був сильний злочинний елемент, що не вдавалося запровадити військової дисципліни й що єдиною бойовою силою, на яку радянська влада могла цілком поклатися, була Червона гвардія — вжив був деяких заходів поліпшення становища організованої армії. Розформовано було отой неукладистий апарат штабу й організовано замість останнього штаб Червоної армії. І все ж таки, не дивлячись на це, а також на численні відозви Раднаркому, можна було організувати лише невеликі загони числом до 500 чоловіка, з якими ставати до оборони Одеси не було чого й гадати.

VII

Розглядаючи діяльність Одеської Ради безробітних, дехто вважає її діяльність контр-революційною, хоч проте цей погляд і неправдивий. Звичайно, що в справі зміцнення радянської влади рух безробітних відіграв дезорганізаторську роль, але в цьому русі дещо було й позитивне. Почнімо з того, що анархісти, які керували Радою безробітних, вважаючи, що настав час здійснення їхньої програми, писали: „настає момент загальної експропріації не тільки засобів виробництва, але й засобів споживання з тим, щоб розподілити їх рівно... Рада робітничих депутатів з органу політичної влади в ході революції повинна негайно стати органом, який мусить організувати виробництво, обмін та розподіл і стати радянською комоною“³⁾.

Не дивлячись на такі радикальні програмові вимоги анархістів, загальні збори безробітних, що тяглися три дні, найістотніших пунктів програми анархістів не ухвалили. Досить того, що пропозицію про соціалізацію засобів споживання на цих

¹⁾ Так, напр., єврейська бойова дружина не допустила була евакуації цінностей Держбанку.

²⁾ „Известия Одесского Совета“ від 24/1 — 18 р.

³⁾ „Голос Революции“ від 20/II — 18 р.

зборах відхилено¹⁾, хоч інші запропоновані ними питання ухвалено цілком. Так, ухвалено резолюцію про господарче життя, де бачимо вимоги націоналізації банків, фінансування промисловости (що було в великій мірі правильним), передачу всіх підприємств заводським комітетам або, як вони (анархісти) висловлювалися, „комунізації фабрик“ і прийняття всіх без винятку безробітних на підприємства²⁾.

В житловій справі збори запропонували оголосити будинки спільною власністю мешканців. Квартирна платня повинна братися на підставі довідок про заробіток, при чому безробітних від внесення платні звільнити зовсім. Варто відзначити, що в резолюції, між иншим, застережено й інтереси домовласників³⁾. Ці ж самі збори безробітних дали директиву Раді безробітних взяти на себе ініціативу організації районних дум, утворення центральної думи за комуністичним принципом і взяти під свій захист усіх обездолених.

Що до стосунків з Радою робітничих депутатів, збори були ухвалили працювати з нею в контакт і вимагати передачі справ харчування Раді безробітних⁴⁾, яка оголошувалася автономною установою, що працює рівнобіжно з иншими організаціями в галузі чисто економічній⁵⁾.

Хоч як вимагали збори безробітних проведення різних справ, хоч які радикальні директиви й постанови зборів були — Рада безробітних всього цього не змогла перевести в життя. Ні „комунізації фабрик“, ні прийняття всіх безробітних на роботу — все це не здійснилося.

Що було видно з роботи Ради безробітних, так це проведення ревізії кімнат та харчування. Жодних заходів установити правильну реєстрацію безробітних по профспілках не вжито було.

До речі тут відзначити характерну рису в діяльності Ради, що, коли їй запропоновано послати людей на громадські роботи — Рада затребувала для безробітних автомобілів, добре впорядкованих помешкань то-що⁶⁾, не говорючи вже про те, що іноді буливи падки нацькування безробітних на робітників.

Виконавчий Комітет Ради робітничих депутатів, бачучи таку дезорганізаторську діяльність Ради, безробітних пробував був провадити переговори з нею що до утворення при Виконавч. Комітет Раді роб. деп. „Ради в справі боротьби з безробіттям“ куди б увійшли представники від обох організацій,

1) „Одесский Листок“ від 31/І — 18 р.

2) „Одесский Листок“ від 31/І — 18 р.

3) „...Платня призначається для оплати доглядачів помешкань, і на виплату ренти домовласникам, які живуть з цих прибутків“. — А. К.

4) „Одесский Листок“ від 31/І — 18 р.

5) „Голос Революции“ від 14/ІІ — (н. ст.).

6) „Голос Пролетария“ від 19/ІІ — 18 р. з повідомлення т. Старостина на зборах більшовицької організації.

але з умовою ліквідації Ради безробітних. Остання на таку пропозицію не погодилась, і спроба залишилася без наслідків. Відповідні радянські органи обмірковували різні проекти в цій справі, як - то: переведення чистки безробітних (Старостин), переведення відправки не міських безробітних до своїх країв та приписки місцевих безробітних до профспілок (Муравйов), але чого - будь реального в цьому напрямку зробити не вдалося й президії об'єднаних Рад довелося обмежитись тим, що ухвалити таку постанову: „до визнання Радою безробітних себе загальнорадянською організацією поставитися до неї так, як вона поставилася до об'єднаних Рад, тоб - то визнати її організацією не радянською, а тому й зняти з себе відповідальність за політику й постанови Ради безробітних. В цей же час об'єднана президія Рад вважає за потрібне, щоб у справі боротьби з безробіттям розпочав працю відповідний орган радянської влади¹⁾. Президія також ухвалила установити контроль над видаванням грошей Радою безробітних. І коли трапилася затримка Рада, загрожуючи великими заколотами, добилася постанови Раднаркомом про недоторканість фонду безробітних²⁾.

Центральна Рада заводських комітетів теж було ухвалила утворити об'єднаний комітет із профспілок, які повинні були взятися до планомірної й систематичної боротьби з безробіттям, яке набрало величезних розмірів³⁾.

Такі неприязні взаємовідносини між Радою безробітних і рад. органами залишилися аж до останніх днів існування радянської влади.

VIII

Що до взаємовідносин з буржуазією та угодовськими партіями, то треба зазначити, що відносно буржуазії не було вжито жодних серйозних репресивних заходів ні в галузі економічній, ні в галузі політичній.

Коли багат. фабрик та заводів перейшло до управління робітників, то це було цілком за їхньою ініціативою, а не за декретами радянської влади. Всі економічні організації буржуазії, а саме: об'єднання промисловців „Сопроуг“, купецького товариства і т. ин., лишилися існувати й не без успіху провадити свою контр - революційну роботу, зриваючи заходи радянської влади. Триденне (23 — 25 січня) закриття торговцями магазинів сприяло дезорганізації грошового обігу. Видаючи платню чеками, буржуазія нацьковувала робітників на радянську владу (заява Рузера⁴⁾), духовництво провадило антирадянську агітацію.

1) „Известия Одесск. Совета“ від 27/II — 18 р.

2) „Известия С десск. Совета“ від 28/II — 18 р.

3) „Известия Одесск. Совета“ від 24/II — 18 р.

4) Засідання Виконавчого Комітету від 22/II — 18 р.

Настрій буржуазії був очевидно небезнадійний, коли представники Т-ва домовласників, незадоволені житловими декретами радянської влади, наважувалися в дуже підвищеному тоні говорити з комісаром Юстиції¹). Буржуазії вдалося навіть спантелечити декого із несвідомих робітників, і траплялися випадки, коли робітники вимагали звільнити декого із заарештованих капіталістів.

Буржуазні партії в цей період нічим себе особливим не виявили. Значно активнішими за них були дрібно буржуазні партії — есери, с.-д. меншовики та інші. Вплив цих партій на робітничі маси на час встановлення радянської влади був незначний, а на салдатів і матросів його зовсім не спостерігалось. А до кінця існування радянської влади (1 періоду), використовуючи вдало помилкові заходи (останньої), ці партії надзвичайно поширили сферу свого впливу.

На спільній нараді всіх угодовських партій про питання румунської небезпеки було ухвалено взяти участь в боротьбі з Румунією разом з Румчеродом тільки в тому випадку, коли влада прийме запропоновані ними умови, а саме: 1) утворення комітету оборони з представників усіх соціалістичних партій без огляду на відтінки й течії; 2) допущення формувати частини за принципом партійної належності; 3) додержання що до Центральної Ради нейтралітету. Звичайно, на цій основі погодження не могло бути. Зважаючи на безрезультатність переговорів, угодовські організації вирішили взяти на себе „функції нейтрального органу, що турбується про забезпечення інтересів міста й недопущення агресивних дій, як з того, так і з другого боку, що можуть відбитися на безпеці мирного населення²). Найсильнішою з цих партій безперечно була меншовицька організація; вона мала в своєму розпорядженні значний кадр професіоналів і майже на всіх підприємствах своїх прихильників, які хоч і не були організовані в осередки, бо їх було дуже мало, але якісно вони стояли досить високо що до свого розвитку і по суті були функціонерами меншовицької організації. Рада професійних спілок, спілка радторгслужбовців, друкарів, харчовиків, чинбарів перебували цілком під їх впливом.

Щоб підтримати нижчезазначені постанови наради соціалістичних партій, меншовики на багатьох робітничих зборах провели резолюції, основними пунктами яких були: вимагання — об'єднати всі політичні партії на будь-якій, хоч би тимчасовій платформі для боротьби з Румунією і участь в боротьбі з Румунією тільки при умові об'єднання всіх політичних партій. Коли ж вияснилося, що переговори з більшовиками не вдалися, загальні збори Одеської організації РСДРП ухвалили

¹) „Одесские Новости“ від 24/II — 18 р.

²) „Одесские Новости“ від 30/I — 18 р.

резолуцію, що поклала відповідальність за інтервенцію румун на радянську владу та вимагала передати державну владу Установчим зборам, а на місцях міському самоуправлінню і заявляла рішучий протест проти примусового набору, „що носить характер покладання на робітників повинности крови“¹⁾).

Характер резолюції, що провели меншовики на робітничих зборах, змінився. Провідною думкою через усі ці резолюції проходив протест проти громадянської війни, проти примусового озброєння й вимагання скликати Установчі збори. Кожному робітникові говорили — меншовики, — треба надати право зробити так, як йому підказує його революційне сумління²⁾).

Меншовики своєю агітацією сприяли зриву мобілізації. В своїй газеті „Южный Рабочий“, пізніше названій „Рабочее Слово“, вони провадили як - найганебнішу агітацію проти радянської влади.

Есерівська організація в Одесі була надзвичайно слаба. В робітничих масах за винятком залізничників вона майже не мала жодного впливу. Згодом у есерівській організації про питання тактики партії сталися великі розходження. Впливова частина організації на чолі з Обуховським, комісаром Держконтролю, доводила необхідність і припустимість участі в роботі радянських установ, де не доводиться поступатися своїм сумлінням і політичними поглядами. Друга частина організації висувала вимогу відкликати всіх членів, що мають відповідальні пости. Фракція есерів при Румчероді і одеські комітети есерів ухвалили заборонити членам займати відповідальні пости, але фактично цієї ухвали не провели в життя. Деяку активність виявляли українські партії.

Радянська влада виявляла велику терпимість що до угодовських партій. Ні один член організації не підпадав переслідуванню за свою діяльність. Причини такого ставлення треба шукати в партійних взаєминах, що встановилися в Одесі, а також і в тому, що робітники не зрозуміли б репресивної політики що-до угодовських партій.

Єдиним відступленням від цієї політики було притягнення редакторів газети „Южный Рабочий“ до суду Ревтрибуналу й закриття самої газети.

Питання про закриття газети „Южный Рабочий“ обмірковувалося зараз же після встановлення радянської влади. Раднарком не зважився, не дивлячись на контр-революційний характер цієї газети, закрити її, і тільки після протесту кулетного батальйону „Кольт“, що звернув увагу комісара друку „на ганебну газету „Южный Рабочий“, який, прикриваючись заголовком РСДРП, провадив суто чорносотенну пропаганду, нацьковуючи салдатів на робітників і навпаки“, і протесту

1) „Южный Рабочий“ від 16/II — 18 р.

2) „Южный Рабочий“ від 21/II — 18 р.

Виконавчого Комітету Ради міського району, — президія Ради ухвалила її закрити. Наказом народного комісару друку газету „Южный Рабочий“ було закрито з таких мотивів: „газета „Южный Рабочий“, що являє собою орган контр-революційних сподівань та бажань верств одеської буржуазії з 25-го цього лютого закривається: 1) за систематичне нацьковування радянської влади в цілій низці чисел; 2) за явні заклики виступати проти влади; 3) за систематичне провокування громадянської війни; 4) за ганебну кампанію брехні та інсинуації“.

Закриття газети було цілком доцільним кроком, треба пожалкувати тільки, що на цей шлях радянська влада не стала раніше. Але утворення процесу проти газети, вважаючи на зміну в настроях робітників, було помилкою. Меншовики підняли цілу кампанію на захист друку й усі угруповання, що вважали себе „за інтернаціоналістів“ і раніше заявляли про своє бажання працювати в контакті з радянською владою, приєдналися до угодівців.

Процес газети „Южный Рабочий“, як правильно відзначають автори доповіді про діяльність Румчероду, став оглядом меншовицьких сил і виявив настрої робітничих мас на користь угодівців. В останній тиждень існування радянської влади угодівські партії з своїми вчинками, що носили характер прямого заклику до повстання, одверто чинили перешкоду, що до заходів радянської влади в справі оборони міста. Боротьба з цими діями не була успішною, бо агітація угодівських партій більше або менше відповідала тимчасовим настроям широким верств робітничої класи.

Організуючим центром опозиції була без сумніву Дума й розгон її, зараз же після встановлення радянської влади, був би цілком доцільним кроком і не викликав би ніякого протидіяння. Тим більше, що на протязі своєї піврічної діяльності Дума не користувалася особливою симпатією робітничих мас. Резолюції робітничих зборів вимагали від центральних органів негайного переобрання міського самоуправління; так об'єднане засідання 4-х заводських комітетів шкляної промисловости характеризували Думу, як теплу компанію дільців, якій автори резолюції „ні на паперову копійку не довіряють“¹⁾. На жаль цього не було зроблено своєчасно, через те що в Раднаркомі була сильна група, що була проти розгону Думи. Автори доповіді про діяльність Румчероду пишуть: „Що до розгону міської Думи, то треба мати на увазі, що розгон фактично викликано не міркуванням принципового характеру і не ставленням міської Думи, до радянської влади в Одесі, а виключно тисненням робітничих мас“²⁾.

1) „Известия Одесского Совета“ від 1/1 — 18 року.

2) Доповідь про діяльність Румчероду та Раднаркому Одеської області, стор. 20.

Це не так. Розгон Думи було викликано не тисненням робітничих мас, у яких до того часу змінився настрій, а якраз міркуванням принципового характеру. Думу розігнали тоді, коли вона почала протиставляти себе радянській владі. В даному питанні Рада робітничих депутатів, що настояла, кінець - кінцем, на розгоні Думи, виявила свою політичну далекозорість.

Цілком неправильно уявляють автори доповіді про діяльність Румчероду роботу Думи, за винятком декількох днів перед падінням влади. „Міське самоуправління — пишуть вони — не робило жодного виступу навіть суто адміністративного, проти радянської влади і взагалі рішуче ні в чому не пробувало гальмувати роботу радянської влади“¹⁾. Факти говорять про инше. Що до питання боротьби з Румунією — Дума відхилила резолюцію єврейської соціалістичної партії, що пропонувала запис до формованих революційних частин. Дума провадила переговори з румунами, минаючи владу, через французьку місію про нейтралізацію Біляевки, де є водопровід²⁾. Комісар фінансів на засідання Виконавчого Комітету Ради робітничих депутатів від 15/II скаржився на Думу, що витратила без відома Комісаріату 1¹/₂ мільйона карбованців, призначених для виплати пенсій дружинам салдатів.

Але міську Думу не було остаточно ліквідовано. Міська Управа залишилася й продовжувала свою роботу на колишніх підставах. Негайно скасувати Управи не можна було, через брак робітників, які могли б взяти на себе управління всіма галузями міського господарства. Було встановлено лише контроль над діяльністю Управи. Той факт, що апарат міського самоуправління залишився, свідчить про фактичне переведення цієї постанови. Це звичайно сприяло підриву авторитету радянської влади. Міська Управа перевела кампанію проти радянської влади в останні дні її існування.

Радянській владі, не зважаючи на суворі накази, за якими злочинці оголошувалися поза законом, не вдалося цілком налагодити в місті лад. Частіше траплялися наскоки та грабунки. В якій мірі злочинці почували себе господарями міста ілюструє такий факт. Команда корабля Синопа, влаштуовуючи 13-го лютого вечір на користь культурно-освітньої секції звернулась, до злодіїв грабіжників і нальотчиків Одеси з проханням не робити цієї ночі наскоків та грабунків, як на публіку, що була на вечері, так і на їхні квартири та магазини. Прохання було підсилено загрозою нещадно розправитися. У відповідь на заклик команди Синопа на корабель прибули представники „профспілки кешенькових злодіїв“, які зробили Комітетові судна таку заяву: „Ми представники злодіїв міста Одеси даємо Вам обіцянку, що ми в цей день жодного грабунку не зробимо; ми

¹⁾ Доповідь про діяльність Румчероду та Раднаркому Одеської області, стор. 20.

²⁾ „Одесский Листок“ від 24/І — 18 року.

сами будемо патрулювати в місті й попереджати грабунки. Ми просимо Вас дозволити трьом із нас бути на вечері, щоб підтримувати лад¹⁾.

І дійсно за цю ніч в комісаріятах не було складено жодного протоколу про будь які наскоки та вуличні грабунки²⁾.

Другим джерелом безладдя були свавільні вчинки різної військової влади; досить згадати справу про начальника загону Рейєва, який розстріляв декілька громадян, зводячи з ними особисті рахунки. З цими вчинками було надзвичайно тяжко боротися. Щоб підтримувати лад довелося притягти до виконання міліційних обов'язків нейтральні частини й відновити міліцію, при чому і ті й другі були дуже ненадійні й являли собою деяку небезпеку для радянської влади.

В якій мірі питання про охорону міста було гостре й важливе, свідчить утворення при Раді робітничих депутатів і Румчороді секції для боротьби зі свавільними трусами.

IX

Відсутність ладу в місті і неналагодженість роботи органів радянської влади примусили Раднарком поставити питання про встановлення диктатури.

З приїздом Муравйова і з підпорядкуванням йому всіх загонів особливо моряків, Раднарком примушений був погодитися на встановлення персональної диктатури Муравйова.

Легковажні й безсистемні накази Муравйова викликали негативне ставлення до радянської влади з боку всіх громадських угруповань. Наказ Муравйова, що пропонував всім військовим, які не належали до одеського гарнізону виїхати з міста й оголошував осіб і окремі частини, що зайняли нейтральне положення ворогами народу, з загрозою вчинити з ними так, як з особами, які перебувають поза законом, викликав велике обурення звільнених салдатів³⁾.

Мітинг 3000—4000 салдатів, що відбувся тоді відправив делегацію до Муравйова. Муравйов, відмовившись прийняти її, заявив, що він відрядить козаків і направить морські гармати на театр, в якому відбувався мітинг. Тільки завдяки запевненню представників Ради, що це питання буде розглянуто, мітинг розійшовся й не відбулося жодних сутичок.

Що до безробітних Муравйов видав наказа вислати всіх безробітних, не мешканців міста Одеси і не приписаних до професійних спілок. Він скасував також внесення буржуазії на безробітних, але Виконавчий Комітет Ради робітничих депутатів цю постанову скасував, при чому в резолюції було підкреслено, що „жодних репресивних заходів, що до Ради

1) й 2) „Одесские Новости“ від 17/II й 19/II — 18 року.

3) „Голос Революции“ от 20/II — 18 р.

безробітних ніхто не може вжити без санкції Виконавчого Комітету та Рад¹⁾).

До речі тут навести уривки промов Муравйова, в яких виявлено всю нескладність програми його діяльності. На зібранні представників фабрично-заводських комітетів та професійних спілок Муравйов заявив: „Я не допущу Вас, робітників, не стати під рушницю. Це ще не все. У мене є ескадра. Коли ми примушені будемо здати Одесу, я спалю її, я висаджу її в повітря, я залишу попіл ворогові. Стискаю всім руки. По заводах до станків“...

На зібранні представників буржуазії Муравйов заявив: „Я Одеси не здам. Тут скупчено всю Чорноморську флоту і в разі потреби від ваших палаців, від вашого життя нічого не залишиться; протягом трьох днів, ви мусите внести 10 мільйонів карбованців, горе вам, якщо ви гроші не внесете, з камінням я вас в воді втоплю й ваші сем'ї віддам на розтерзання. Не кажіть, що у банках немає грошей. Є гроші у вас у скринях. Зробімо це мирним шляхом, бо сваритися небезпечно“. При цьому він обіцяв встановити лад: „всі грабіжники, що прикриваються іменем анархістів-більшовиків, максималістів, будуть знищені... по-російському „рука руку моє“.

Запровадження Муравйовим стану облоги, віддало місто в розпорядження матроських загонів. Склад матросів Чорноморської флоти, в зв'язку з мобілізацією, мав значні зміни. Як вільно-наємні на судна попали, здебільшого знайомі з обов'язками матросів, портові робітники, що з політичного погляду дуже низько стояли, і серед яких було дуже багато з кримінальним минулим. Улюбленим ділом матросів була боротьба з контр-революцією і в цій галузі вони чинили за власною ініціативою, не додержуючись будь-яких правил, встановлених радянською владою.

Дні стану облоги в Одесі були рекордними, що до числа грабунків, реквізицій і наскоків. В ці дні траплялися випадки обеззброєння червоноармійців, міліціонерів матросами. Все це довело робітників до того, що представники заводів на Пересипу заявили Виконавчому Комітету Ради, що коли робітників не захистять від грабунків, то вони влаштують демонстрацію і що вони вже організували Червону гвардію, яка не допустить трусів на території Пересипу. Сутичка між робітниками й загонами була неминуча і з вимоги Виконавчого Комітету Ради робітничих депутатів, Раднарком скасував стан облоги. В справі уповноважень Муравйова було визначено, що головному командувачеві належить повна влада, що до бойових операцій на фронті, при чому штаб Одеської округи розглядається, як штаб, що не перебуває безпосередньо на театрі військових дій і через те, діючи за наказом і нарядами головного коман-

¹⁾ „Известия Одесского Совета“ від 28/II — 18 р.

дувача ¹⁾, цілком самостійний у виконанні своїх дій. Тим самим Муравйова було усунуто від будь-якого втручання в діяльність радянської влади в Одеській області.

Діяльність Муравйова дала привід до перелому в настрої робітничої класи щодо радянської влади, дала привід угрупованням, що вважали себе за інтернаціоналістів і раніше заявляли про свою згоду працювати в контакті з радянською владою на об'єднання з угодовцями.

Заходи, що їх вжили провідні кола радянської влади, щоб виправити цей стан, не могли вже дати значних наслідків, а тимчасом почався наступ німців, якого, звичайно, не могли затримати слабкі радянські загони. Раднарком приймаючи на увагу цю ситуацію, прийшов до правильного висновку, що радянська влада в Одесі доживає останні дні, і вжив заходів до евакуації цінностей та майна.

Цим заходам чинили перешкоди матроси, які заявляли, що вони міста не здадуть. Евакуація цінностей з держбанку і скарбниці не вдалася, бо цього не дала зробити єврейська бойова дружина, моряки торговельної флоти й робітники заводу Анатра. Комісара праці Старостина і заступника комісара фінансів Карценка, що були при перевозі цінностей заарештовано. Довелося перевезти назад до скарбниці евакуовані цінності, щоб урятувати життя комісарів.

Міське самоуправління пробувало взяти управління містом у свої руки. І тільки репресивні заходи вжиті радянською владою, а саме — закриття оборонських газет, арешт гласних Думи на короткий час віддалили падіння радянської влади. Одержавши повідомлення від Муравйова, що його загони відступають на схід від станції Бірзула, залишаючи тим самим Одесу неприкритою з боку німців, Рада робітничих та селянських депутатів оголосила примусову мобілізацію, а Раднарком передав всю військову владу утвореній тоді Найвищій Колегії.

Оборонські організації, відповідаючи на примусову мобілізацію організували мітинги протесту. Мобілізація загалом невдалася. Делеговані представники, які між іншим пройшли без усяких перешкод фронт, запропонували такі мирні умови: 1) роззброєння всіх радянських військ; 2) передача охорони міста німецькій і австрійській владі, а, коли встановиться лад — ступнева передача охорони міста до рук радянських частин; 3) цілковита недоторканість радянських і партійних організацій та їх членів ²⁾. Умови ці були обмірковані на спільному засіданні президії Румчероду, Раднаркому та представників флоти.

Представники моряків та командувач військ Лазарев висловилися проти того, щоб вступати в мирні переговори з ворогом. Деякі народні комісари висловились за бажаність встановити

¹⁾ „Голос Революції“ від 1/III — 18 р.

²⁾ Доповідь про діяльність Румчероду та Раднаркому Одеської області стор. 31.

замирення з ворогом, щоб без перешкод закінчити евакуацію. Раднарком ухвалив внести пропозицію німцям встановити триденне замирення для того ніби, щоб детально обміркувати умови миру.

Цю постанову не вдалося здійснити, бо того самого дня з різних боків у місто ввійшли німецькі загони. Увесь склад Раднаркому, більшість членів Виконавчого Комітету Румчероду та Виконавчого Комітету Ради переїхали на судна, частина загонів також сіла на судна, а друга частина стала відступати суходолом на Миколаїв. Всі судна, які стояли в порту були виведені й відправлені до Севастополя та Керчі. Румчерод ще деякий час існував, як біженська організація, а потім ліквідувався.

Радянська влада в Одесі впала виключно під натиском німецької армії. Навіть коли б політика радянської влади цілком була правильна, то й тоді вона не могла б удержатися через відсутність тих військових сил, які могли б відбити наступ регулярної німецької армії.

Цілком неправильні міркування авторів доповіді про діяльність Румчероду, що зводяться до того, що причини падіння радянської влади в Одесі обумовлені не німецько-гайдамацьким наступом, а буцім-то вони полягають в умовах виникнення радянської влади і що радянська влада не мала достатнього опору з самого моменту народження її¹⁾.

Цю оцінку заперечує факт здобуття влади за ініціативою робітників, бо організований ними „Військово-революційний Комітет“ був виявленням величезного революційного піднесення одеських робітників. Він виник, можна сказати, стихійно поза будь-яким впливом з боку інших організацій. Робітники становили із собою той осередковий рух, навколо якого групувалася решта революційних елементів“ (Юдовський²⁾).

В Одесі не було серйозної контр-революційної сили. Перевага збройних сил, що обстоювали радянську владу була цілком очевидна. Селянство в той період було дуже доброзичливо настроєне що до радянської влади. Можна сміливо сказати, що більша частина робітників майже весь час, крім останніх часів, співчувала радянській владі. Правда, це співчуття було позбавлене ентузіазму, в ньому не почувалося особливого бажання перенести будь-які жертви, щоб захистити владу, але ці моменти можна пояснити лише неправильною політикою радянської влади в основних і пекучих для робітничої маси питаннях.

Чи вдержалась би радянська влада, коли б не було наступу німців? Без сумніву вдержалася б і накреслила правильні шляхи своєї дальшої роботи.

1) Доповідь про діяльність Румчероду, стор. 25.

2) Стенограма споминів Одеської групи сприяння при Іспарті.

ЖОВТНЕВИЙ ПЕРІОД НА ЧЕРНІГІВЩИНІ ¹⁾

V. НАСТУП ЧЕРВОНОГО ВІЙСЬКА ТА ПЕРЕБУВАННЯ ЧЕРВОНО-ГВАРДІЙСЬКИХ ЗАГОНІВ НА ЧЕРНІГІВЩИНІ

Ще до того, як Рада Народніх Комісарів поставила ультиматум Центральній Раді, червоному військові не раз доводилося стикатися з петлюрівськими частинами на території Чернігівщини. На початку грудня на станції Сновська трапився такий епізод.

19 стрілкового полкові дано завдання перекинутись на Дін для боротьби з білогвардійщиною. В зв'язку з тим, що петлюрівські частини, зайнявши Бахмач, не пропускали війська через станцію, в Сновській скликано було екстренні збори ротних комітетів з представниками від салдатів щоб вирішити питання про взяття станції Бахмач. На збори запрошено було представників місцевих громадських організацій. Керував зборами Військово-революційний комітет полку. Командир полку Валуєв, доповівши зборам, що військові частини Центральної Ради вирішили не пропускати радянського війська через територію України і що на пропозицію прийняти делегатів для переговорів петлюрівський полковник Менза спочатку відмовився, а потім запропонував останнім від станції Мени піти пішки до станції Бондарівки, звідки делегацію з зав'язаними очима буде приведено до штабу війська Центральної Ради, — став вимагати від полку виконання наказу ставки й здобуття станції Бахмач боєм. Відповідаючи Валуєву, низка промовців висловлюється проти війни з військовими частинами Центральної Ради. Член Головного Виконавчого комітету Ліваво-роменської залізниці Ласовський закликає салдатів не проливати братньої крові й заявляє, що на випадок насильного просування більшовицьких частин, залізничники застрайкують. В такому ж дусі висловлюється голова Сновської Ради Ніколаєвський. Після гарячих дебатів збори ухвалили резолюцію відмовитись від наступу на Бахмач і погодитись на відправлення 19 полку на Дін через Брянськ ²⁾).

¹⁾ Див. „Л. Р.“ — № 5 (26) — 6 (27) — 1927 р.

²⁾ Чернігівська земська газета № 98 — 99.

Червоне військо розпочало наступ проти Центральної Ради лише після того, як вона відмовилася виконати ультиматум радянського уряду й стала на контр-революційний шлях. Перші частини Червоного війська вступили на територію Чернігівщини на початку 1918 року. Наступ розпочався трьома напрямками: з боку Ворожби, Брянську і з півночі, з боку Гомеля. Без ніякого майже опору передові загони т. Берзина займають Городню, Сновську; за ним загін під командуванням Дюкова, забирає Козелець. До Чернігова вступає червоногвардійська частина на чолі з т. Порадієвим. Невелика сутичка з петлюрівськими частинами трапилася на станції Сновська після чого петлюрівці відступають аж до самого Бахмачу. З боку Ворожби й Брянську провадили наступ Замоскворіцький червоногвардійський загін і ще інші частини армії Рємєва. Раніш за всіх, в цьому напрямкові, було взято Глухів і потім Ворожбу й Кролевець.

Проти петлюрівського війська провадився наступ не тільки зовні, але й з середини. Швидкому просуванню червоного війська по території Чернігівщини допомагало ще й те, що відбувався ускоренням темпом розпад війська Центральної Ради. Це ми спостерігаємо, насамперед, на тих частинах, що стояли за того часу в Ніжині. Офіцєрство, бачучи як серед ніжинської залоги швидко ширяться симпатії до радянської влади й добре знаючи, що боротьба з червоним військом не під силу Центральній Раді — однієї прекрасної ночі втекло. Чимало з частин петлюрівського війська ніжинської залоги перейшло після цього до червоних. Генеральний бій петлюрівці вирішили вчинити червоним під Крутами, але, зазнавши й тут поразки, майже безупинно відступали після цього до самого Києва. Так територію Чернігівщини було звільнено від війська Центральної Ради.

Характерно, що петлюрівське військо майже ніде на Чернігівщині не мало підтримки від населення, коли не мати на увазі певного спочутливого відношення і навіть своєрідної допомоги від окремих угруповань інтелігентсько-шовіністичного типу. Зовсім інше відношення було до радянського війська: не тільки робітники подавали йому серйозну підтримку й поповнення, але й селянська біднота та салдати, що поверталися з фронту в окремих випадках організовували невеликі загопи для допомоги червоному військові.

Деякі червоногвардійські загопи, взявши міста Чернігівщини залишалися бути там до кінця існування радянської влади, тоб-то до приходу німців. Перебуваючи по містах, загопи ці сприяли й брали безпосередню участь у формуванні революційних органів радянської влади на місцях, провадили боротьбу з різними контр-революційними виступами, несли охорону відповідних місць. Треба тут же відзначити, що не всі червоногвардійські загопи блискуче виконували своє призначення. Визнаючи в цілому величезну історичну роль

за Червоною гвардією в боротьбі за Жовтневу революцію й радянську владу треба відзначити, що серед гвардії були окремі загони, які своїми вчинками творили дуже багато негативного. Із архівних документів виявилось вже тепер, та мабуть і раніш було відомо, що на чолі багатьох загонів стояли скрізь і всюди елементи з анархістів, лівих есерів, які п'янствували, тероризували без ніякої потреби населення, підривали на місцях усяку роботу органів революційної влади. Були такі загони й на Чернігівщині, що на них треба спинитися.

В місті Чернігові після звільнення його від петлюрівського війська й до приходу німців стояв загін на чолі з Порадином. Наведемо думку про нього деяких товаришів — учасників подій того часу.

В січні 1918 р., — пише в своїх споминах тов. Стерлін. — прибув червоногвардійський загін під командуванням Михайла Порадина, який назвав себе лівим есером. Поміж радою та командуванням розпочалися великі суперечки. Виконком вимагав, щоб йому передано було громадянську владу в місті. Командування цього загону не погоджувалось. На одному засіданні Виконкому, Порадин на вимоги останнього відповів, що, мов, Ленін і Троцький од революції відстали, що декрети він не вважає за потрібне приймати до керування і, що він являє собою владу і військову, і громадянську.

Ось спомини другого товариша — Кобця, який пише в своїх спогадах про те, як він, здобуваючи в Чернігові зброю звернувся до Міськради: „тов. Соколовська, справа стоїть так-то й так... мені треба 25 рушниць. Вона відповідає: „йдіть до тов. Стерліна й поговоріть з ним“. Пригадую, Стерліна звали Льовкою, він був член ЄКП й завідував складом. Приходжу до нього й починаю провадити переговори, але він мені зразу ж повідомив, що в них є тільки дробовики. Я його разом з ними послав к чорту, як нараз мені назустріч — командир кулеметної команди червоногвардійської частини, що стояла в Чернігові. „Йди — говорить — в Гранд-готель до нашого командира він дасть зброю“. Я туди... три доби бився, поки зміг поговорити з ним. На прізвище він, пригадую, Порадин (потім наші його розстріляли). Три дні він був п'яний „вдрезину“ й коли я з ним розпочав розмову, він зразу ж відмовив“.

Ми маємо не тільки спомини товаришів, але й офіційні документи. Перед нами протокол засідання партійного комітету чернігівської організації більшовиків разом з фракцією Ради робітничих депутатів. На цьому засіданні був присутній і сам Порадин. На засіданні обмірковувано питання про взаємовідносини поміж Міськрадою й начальником залоги, Порадином. За доповідача в справі цього питання від комітету була тов. Листопад. Виступивши, вона заявила про те, що склад чернігівської Міськради й Виконавчого Комітету здебільшого

з більшовиків, і тому передача влади Раді на думку Комітету цілком можлива й необхідна. Крім того, — доповідає т. Листопад, — Комітет вважає, що й військова влада теж не може бути одноособовою й безконтрольною¹⁾ й тому комітет вирішив послати комісара від Ради для координації дій її й військової влади. Після виступу низки товаришів, які підтримували пропозиції Комітету, слово забрав Порадин. Він сказав: „мене призначила ставка не для того, щоби бути за льокая Ради. Коли б на Вас лежала відповідальність, ви б також так чинили. Мої дії може обмірковувати тільки ставка. Питання про владу поставлено неправильно: найвища бойова, оперативна й громадська влада в моїх руках .. треба обрати селянську Раду. Після цього Раді буде довір'я. Сотні селян загрожують не дати хліба й скотини“...²⁾).

Наприкінці досить бурхливих дебатів, на тому ж зібранні від частини комітету одержано таку резолюцію: 1) Чернігівський комітет додержується погляду Народніх Комісарів, що його санкціонували останні два з'їзди Рад ро ітничих, салдатських та селянських депутатів; 2) Комітет ні в якому разі не може примиритися з військовою диктатурою, тим паче в місті, де Рада в своїй більшості має представниками більшовиків; 3) досвід інших міст, а також всього фронту показує, оскільки корисний і потрібний контакт у роботі військової влади й представників революційного народу. Тому: Визнаючи, що цілковитій компетенції військової влади належить чисто (і тільки) оперативна галузь, комітет вважає за потрібне, щоби координувати діяння (на перший раз), прикомандирувати до військового начальника комісара від Ради“.

Тоді тов Аристратов, що прибув зі ставки, запропонував другу резолюцію: Приймаючи до уваги утворення стану дво-влади й потребу порозуміння між Радою й начальником залоги, ми вважаємо за потрібне організувати Військово-революційний комітет з семи чоловіка: 4-х від Ради й 3 від загону. Представники від Ради обираються на загальних зборах Виконавчого Комітету, а представники від загону — на загальних зборах загону. Військово-революційному комітетові належить вся громадська влада³⁾.

Зібрання ухвалило цю резолюцію.

Аналогічні конфлікти траплялися й по інших містах Чернігівщини. До міста Козелець, як зазначувано вище, підчас наступу червоного війська, вступив загін під командуванням Дюкова. Останній проголосив себе за громадянського комісара міста Козельця й його околиць, включаючи й Остерський

¹⁾ Партійний комітет, очевидно, тут мав на увазі неблагонадійність Порадина — В. Ц.

²⁾ Цитую з протоколів Чернігівського комітету більшовиків від 28/І — 1918 р. — В. Ц.

³⁾ Там же — В. Ц.

повіт. Дюков, правда, подавав допомогу революційним організаціям міста Козельця в організації місцевої радянської влади; але в своїх руках все ж таки зосередив і військову й громадянську владу...

Дуже показний один епізод, що трапився в м. Острі. Про нього тов. Лідждвой, безпосередній учасник в подіях в Острі, пише ось що: „Рада¹⁾ охоплює крок за кроком всі галузі роботи, але коштів на утримання наших установ та на озброєну силу не малося. Допомоги з центру чекати не доводилось. На місцеву буржуазію було накладено контрибуцію. Коли почали стягати її, частина обкладеної буржуазії виділила з себе делегацію й послала до міста Козельця, де стояв військовий загін під командуванням Дюкова, з скаргою на те, що на Остерщині з'явилися якісь бандити, назвали себе комісарами й грабують народ. В одну ніч на грузових автомобілях приїхав до міста сам Дюков з частинами свого загону заарештував всю Раду Народніх Комісарів, при чому деяких з них побив. Справа стояла так, що команда Дюкова не підпускала навіть перебалакати з нашими товаришами. Це загрозувало тим, що арештованих, як дійсно бандитів, вивозачи з міста — а для цього вже все було готове, — могли позбавити життя. Отже, решта товаришів зібрали з ближчих до міста сіл населення з тим, щоб заперечити виїзду їх. Коли це було зроблено, тоді можна було з цим загonom з'ясувати дійсну справу. Звичайно, дуже скоро загін і командир їхній були переконані що їх обдурено. Заарештованих було випущено, та було заарештовано тих, що ходили скаржитись“.

Про безладдя червоногвардійських загонів на місцях пише й тов. Табаков: „Ми наклали на нетрудовий елемент контрибуцію, здається, тисяч п'ятьсот. Зіравши найзаможніших обивателів, ми запропонували їм, за їхньою особистою відповідальністю, в тижневий термін зазначену суму зібрати; сами ж ми призначили ставку платежу для найбагатших буржуїв, щоб останні не перенесли контрибуції на плечі міської дрібної буржуазії й міщан. Але справа з контрибуцією посувалась поволі, особливо після того, як загін максималістів (так він звав себе), що прибув на станцію, без нашого відома теж наклали контрибуцію на місто й заарештував, знову, таки без нашого відома, декількох буржуа, як заложників. Ці обставини поплутали все. Довелося з загonom умовлятися (загін був значний) про порядок користування контрибуції й про порядок її накладання. Цей загін, за час пробування в Конотопі, заподіяв чимало клопіт, як своїми надмірними вимогами, так і методами реквізиції скотини в селян по повіті, методами, що ледве не викликали повстання в двох селах, селяни яких заспокоїлись лише тому, що ми, дізнавшись про ці реквізиції

¹⁾ Рада Народніх Комісарів в Острі. — В. Ц.

лише тоді коли нам донесли про це з волости, заявили, що реквізиція переводиться з нашого відома“.

Не менш цікаві події, підчас перебування червоногвардійського загону, трапилося й у місті Кролевеці. 31 березня 18 року, за вимогами начальника 2 загону Тузевича, було екстренно скликано зібрання міської Думи м. Кролевеця в зв'язку з накладанням контрибуції на місто в 100.000 крб. Гроші, згідно з заявою начальника, повинні були бути внесені протягом декількох годин. При чому начальник в своїх вимогах покликувався на наказ командувача окремої армії південного фронту, Ремнева. Міська Дума, а разом з нею й голова кролевецької Ради робітничих, салдатських та селянських депутатів, послаючись на те, що на Кролевець накладували уже три рази контрибуцію й реквізували мануфактуру в крамарів на 100 тисяч карбованців, прохали зменшити розмір її, але начальник загону з усією „авторитетністю“ заявив, що „місто Кролевець, в зв'язку з наближенням німецького війська, доживає останні дні свободи й контрибуція, що її накладено, як видно, буде для нього останньою, а тому про пониження суми контрибуції не може бути й мови. Гроші надто потрібні для виплати платні салдатам, що обороняють країну від німців“. Дума згодилася виплатити контрибуцію, але, вказуючи представникові загону на безупинну стрілянину з панцерних автомобілів і на паніку населення, в зв'язку з цим прохала припинити зазначену стрілянину, а також не провадити у населення безупинних трусів. Начальник, відповідаючи на це, зробив другу заяву: „стрілянина по місті—говорив він—робиться з метою певного впливу на психіку населення, а труси провадяться за наказом командувача південної армії Ремнева, з метою відібрання у населення зброї, реквізиції запасів харчування й знищення спирту“¹⁾.

Всі ці епізоди показують, що окремі командири червоного війська поводили себе не зовсім тактовно, що до місцевої влади.

VI. ОРГАНІЗАЦІЯ ЧЕРВОНОЇ ГВАРДІЇ

Чернігівщина, як селянська губерня, не може похвалитися якими-будь особливо визначними подіями, зв'язаними з організацією Червоної гвардії за період Жовтневої революції. Це зовсім не значить, що організація самої Червоної гвардії на території губернії не провадилася. Вже в листопаді в Добрянці, коли там організовано Раду робітничих депутатів і був уже Військово-революційний комітет, почалося формування загону Червоної гвардії з ініціативи групи більшовиків і загальним керуванням Ради. За зовсім недовгий час до загону завербовано до 35 товаришів. Надалі на цю збройну силу спиралася місцева Рада.

¹⁾ Архів міських та земських самоуправлень Чернігівщини, справа № 144, л. 19.

В самому місті Чернігові червоногвардійський загін Рада була організувала наприкінці 1917 року. До загону було набрано до 100 чоловіка. До складу його приймали робітників та селян за рекомендаціями членів партії й видатних робітників Ради. Загін добре був озброєний: у кожного червоногвардійця була рушниця й револьвер; загін мав і кулеметну команду, а також кінноту. Головним керівником та організатором загону був більшовик, Олексій Соколовський. Підчас свого пробування в Чернігові, загін, крім охорони міста, робив виїзди за межі його ліквідувати виступи проти рад. Так, наприклад, був виїзд грузовиком для втихомирення заколотів у Добрянці. В своїх споминах тов. Бистрюков пише про цей випадок таке: „Одного разу натовп до 500 чоловік підійшов до Ради, загрожуючи її розігнати. Почувся крик з вимогами вчинити самосуд не тільки над більшовиками але й над тими, хто „продався“ їм, тоб-то всіма тими, хто співробітничав у Раді депутатів. Збудження натовпу було остільки сильне, що він став натискувати на замкнені ворота подвір'я Ради. Буйні голови серед червоногвардійців, після довгої сварки з натовпом, крізь щілини замкнених воріт ледве було не почали стріляти у натовп. Кінець-кінцем, після двох пострілів угору, натовп відлинув од будинку Ради, де в цей час відбувалося засідання президії. Цими пострілами було попереджено криваву сутичку.

На ранок у Добрянці з'явився грузовик із загonom більшовиків, що прибули з Чернігова для підтримки місцевої Ради депутатів. Заарештувавши контр-революціонерів, загін частину з них повіз з собою до Чернігова. Така швидка й несподівана для місцевої контр-революції „операція“ так налякала „публіку“, що до самої німецької окупації вона зовсім не показувалася не тільки на зборах, але й на вулиці“.

Чернігівський загін закінчив своє існування за досить несприятливих умов. Як виявилось, в самому червоногвардійському загоні було декілька офіцерів, що тримали звязок і інформували місцеве офіцерство про становище загону. За декілька днів до приходу німців офіцерський загін чоловіка з 50, знявши в місті пости, вчинив напад на червоногвардійців. Частина червоногвардійців, в тому числі й кулеметчики вирішили оборонятися за всяку ціну, але колишній тут-же керівник загону — Олексій Соколовський заборонив стріляти. Червоногвардійці були беззброєні. керівники загону заарештовані, причому роззброєння та арешт провадили офіцери, що були в складі червоногвардійського загону.

Організація Червоної гвардії провадилася й у Конотопі. Перша спроба озброєння робітників і утворення з них загонів була за першого періоду існування в Конотопі Військово-революційного комітету. Але успіх з цієї роботи мали не так більшовики й у цілому Військово-революційний комітет, як

анархісти, що мали тоді великий вплив серед пролетарської молоді. Друга спроба конотопського ревкому в справі організації озброєних загонів робітників припадає на кінець січня й початок лютого 1918 року. Коли в Конотопі стало відомо про готування наступу на Україну німців, конотопська Рада розпочала організацію Червоної гвардії. Був організований невеликий кінний загін. „До цього часу — пише тов. Табачков — ми уже організували невеликий кінний загін Червоної гвардії, що виконував, головним чином, завдання, що їх у майбутньому виконувало військо ВНК (ЧК). Формування загонів з робітників майстерень провадилася не так успішно. Один із таких загонів, під керівництвом тов. Вакуленка відправився на південь з Конотопу наприкінці січня. Загін цей загинув в боротьбі з гайдамаками біля станції Бобринська; зосталося з нього лише декілька чоловіка, що прибули до Бахмачу перед нашим відходом. Другий загін організували ми, але через недостачу зброї справа з його організацією посувалася поволі“¹⁾.

Кінний загін Червоної гвардії підчас наступу німців, 26 лютого разом з конотопськими робітниками й робітниками Ради депутатів виїхав з міста. На початку березня конотопчани зформували вже в Курську перший конотопський загін Червоної гвардії, що провадив військові дії в ворожбянському напрямку.

Крім зазначених червоногвардійських загонів майже при кожному Виконавчому комітетові повітових рад були революційні загани, що їх склад був геть чисто незадовольняючий. Учасники цього загону були малодисципліновані й дуже часто не хотіли виконувати відповідних розпоряджень, як виконавчих комітетів, так і самих керівників загонів. Ось що ми читаємо в протоколах I з'їзду рад Стародубського повіту: „тов. Фомічов робить позачергову доповідь з'їздові про те, що салдати села Тарасівки, що перебувають у революційному загоні Виконавчого комітету поведуться надто анархічно, проводять свавільно труси, свавільно конфіскують спиртні напої, які й розпивають, знімають безладну стрілянину в місті й не підлягають Виконавчому комітетові“²⁾.

Разом з існуванням червоногвардійських загонів по містах Чернігівщини за перший період існування радянської влади провадилася активна робота в справі організації бойових загонів в селах.

З селянської молоді та демобілізованих салдатів швидко утворювались бойові одиниці на яких не раз спиралися органи радянської влади в своїй боротьбі з куркульською контр-революцією.

1) „Летопись Революции“ № 1 за 1922 рік.

2) Протокол I з'їзду рад Стародубського повіту.

VII. ЛІКВІДАЦІЯ СТАРОЇ ВЛАДИ Й УТВОРЕННЯ ОРГАНІВ
ДИКТАТУРИ ПРОЛЕТАРІЯТУ

Після того, як Червоне військо вигнало з території Чернігівщини петлюрівські банди було розпочато організацію в губернії органів радянської влади. Майже по всіх містах були організовані Військово-революційні комітети, що в свою чергу працювали над утворенням рад робітничих та салдатських депутатів. Через слабкість партійних більшовицьких організацій в губернії, відсутність в більшій частині повітових центрів місних кадрів робітників, через наявність вельми короткого терміну існування радянської влади на Чернігівщині за її першого періоду — природно, що завдання поставлені перед органами диктатури пролетаріату не могли бути виконані цілком.

Перед Військово-революційним комітетом і міськими думами, насамперед, постало питання про те, як бути з тими органами старої влади, що ще продовжували існувати на місцях. Це були передусім міські думи, земські самоуправління. По деяких містах ці місцеві органи були зразу ж скасовані. Так, наприклад, після приходу більшовицьких частин до Глухова там зразу ж була розігнана міська Дума. Конопотська міська Дума ще в січні місяці (14 січня 1918 року) обміркує IV універсал Української Центральної Ради й ухвалює з приводу цього питання таку резолюцію: „Вітати справжній універсал... але Дума вважає, що остаточне вирішення справи про соціально-політичний устрій на Україні й її федеративний зв'язок належить українським Установчим зборам¹⁾).

Тільки через деякий час Дума, після втечі українських есдеків — лідерів своїх — касується.

Стародубська міська Дума й земські збори було ліквідовано за постановою повітового з'їзду Рад, що відбувся 26 лютого — 11 березня. Замість цих установ було ухвалено організувати при Виконавчому комітетові Рад такі відділи: земельний, харчовий, міліцію, відділ земського міського й посадського господарства. Дізнавшись про цю постанову, стародубська земська управа скликає екстренне зібрання земських гласних і ухвалює постанову: „Зважаючи на те, що земське самоуправління обране загальним, рівним, прямим і таємним голосуванням,— не підлягати вимогам Рад і пропонувати земській Управі припинити роботу лише під загрозою озброєної сили, але самим не лишати своїх постів“.

Далі зібрання підтверджує свою попередню постанову про приєднання Стародубського повіту до України.

Самоуправління інших повітів не було зразу скасовано, а поки вони існували, при чому низка з них пробує пристосуватися до радянської влади. Так, 10 лютого остерська міська

¹⁾ Архів міських та земських самоуправлінь Чернігівщини, справа № 79, л. 67 — В. Ц.

Дума запроує на своє засідання представника Ради робітничих та салдатських депутатів і на цьому ж засіданні ухвалює постанову про те, щоб запитати Раду Народніх Комісарів (Остерську, звичайно, — В. Щ) про видачу субсидії на потреби земської міської гімназії. Ще раніш, 24 січня, дума ухвалює постанову про визнання влади Народніх Комісарів у Острі.

7 лютого Путивльське земське зібрання також визнає владу Ради робітничих депутатів, а 23 березня асигнує 6000 карб. на потреби повітового Виконавчого комітету. Крім того, земське зібрання бере участь в реорганізації військово-революційних комітетів. Те ж саме робить і Путивльська міська Дума.

Новгород-сіверське земське зібрання на початку „ніби-то пробує обстоювати свої „права“, але потім ухвалює постанову йти з органами радянської влади повіту в контакт і звертається до них за порадами“. „Земське зібрання, — читаємо ми в ревізійному акті, — засуджує погроми, складає відозву до населення, доручає військові, що перебуває на території повіту вживати проти погромщиків збройної сили“, й разом з цим без згоди власників постановляє: помістити ветеринарний пункт в хуторі Шотт, асигнуючи 2000 карбованців, для впорядкування його; реквізує під лікарню садибу в селі Протопівці, не виконує зобов'язань, що до Судненка, тоб-то не вносить йому арендних грошей за землю, взяту для питомника й провадить господарство цілком ігноруючи власників¹⁾.

Всі ці заходи, що їх запроваджувала значна частина міських та земських самоуправлінь Чернігівщини, їхня підтримка радянських органів і визнання в особі рад та військово-революційних комітетів радянської влади були, само собою розуміється, не щирі, а примушені обставинами, умовами. Думи й земські зібрання ладні були на все, лише б залишити своє існування. І як тільки утворилися інші обставини, як тільки з'явилися перші ознаки занепаду радянської влади на Чернігівщині за перший її період, — міські й земські самоуправління роблять крутий поворот на бік контр-революції. Та це й зрозуміло: міські думи й земські зібрання за керенщини були твердинями дрібнобуржуазних елементів міст та куркульської верхівки села й своєї натури вони, звичайно, переробити не могли.

ПРАЦЯ ОРГАНІВ РАДЯНСЬКОЇ ВЛАДИ

Після організації установ радянської влади вони повинні були розпочати свою діяльність. Наводжу тут витяг з доповіді про діяльність Стародубського повітового Виконавчого комітету I з'їздові Рад. Вона є вельми показна й яскраво характе-

¹⁾ Архів міських та земських самоуправлінь Чернігівщини, справа № 84, л. 4. — В. Щ.

ризує діяльність органів радянської влади за перший період її існування. „Зруйнувавши стародубське гніздо буржуазії за допомогою глиньських товаришів, повітовий селянський з'їзд 14 січня 1918 року, ухваливши свою резолюцію — виділив з себе Виконавчий комітет, для охорони інтересів народу, для утримання влади в руках трудового народу й виконання народної волі представниками якої були ради. За тяжких умов нашому Виконавчому Комітетові довелося взятись до цієї важкої й відповідальної справи. З одного боку — загальна розруха й неприязне відношення всієї буржуазної класи — з другого, неорганізованість салдатів та робітничої класи. І ось перш за все нам, селянам, довелося розпочати організацію робітників і селян, самим призначати їхні збори, керувати ними, утворювати їхні ради та Виконавчі комітети й зливатися з ними, щоби спільними силами взятися до братньої справи, за зміцнення соціальної революції та проведення її в життя.

Цього ми досягли без особливих труднощів, бо товариші робітники та салдати давно чекали того моменту, коли, нарешті й наш Стародуб прокинеться, покаже свою народню міць для перемоги над буржуазією. Як тільки нам, селянам, робітникам та салдатам удалося з'єднатися в одну сем'ю, нашим першим завданням була демократизація всіх місцевих установ, де благоденствували та й тепер почасти перебувають вовки в овечій шкурі. Вперше нам довелося демократизувати повітову міліцію, бо начальник її був Сердюков, зять „Ваньки Каїна“ — Щегловітова, колишнього миколаєвського міністра юстиції, а також довелося послати до комісаріату свого члена, бо там колишній комісар Солодовніков чомусь - то все касував постанови земельних комітетів не дивлячись на погодження їх з законоположеннями. Демократизація інших установ була затримана, бо життя висувало на порядок денний інші питання, як, наприклад, організацію волосних, посадських і сільських рад та Виконавчих комітетів. Це організація нам коштувала куди дорожше, ніж організація робітників та салдатів, бо для цієї мети довелося членам Виконавчого комітету виїздити на місце й відриватися від справи. Треба відзначити, що організація пройшла досить успішно. Разом з цим довелося переобирати самих себе, бо повітовий з'їзд обравши Виконавчий комітет назвав його тимчасовим.

Таким чином, перші часи нам довелося взятися до праці, виключно організаційного характеру. Багато, звичайно, гальмували справі виїзди членів на місце для урегулювання різних питань з лісом, поміщицьким інвентарем то-що і лише два тижні пізніше, коли переобиралися члени всіма волостями й посадами, ми, перейшовши з колишнього дворянського клубу до окружного суду розпочали внутрішню організацію, а потім і взялися до розв'язання складніших питань. Для плідної роботи Виконавчого Комітету ми розбилися на групи, утворивши

відділи : фінансово - економічний, військовий, загальний, адміністративно - юридичний, робітничий, селянський та культурно - освітній. Ці відділи, за винятком культурно - освітнього, що через відсутність коштів не міг розпочати своєї праці, працювали що - дня, доставляючи свої доповіді на затвердження комітету. Не дивлячись на декрети Народніх Комісарів про націоналізацію капіталів, у нашому Стародубі все ще (до нас) капіталісти почували себе, як повноправні господарі...

Довелося нам накласти свою руку... Скільки нарікань, скільки каверз та протестів з боку буржуазії викликало це розпорядження. Далі, коли нам для існування комітету довелося накласти на капітали 10⁰/₁₀ податку, буржуазія, з нетями від скаженіння, в знак протесту скликала зібрання міської Думи...

Довелося, звичайно, заарештувати деяких, і тільки тоді буржуазія почала капітулювати й приносити внески. Крім того кошти здобувалися підчас боротьби з спекуляцією шляхом податку, а також від продажу деякого майна. Таким чином, Виконавчий Комітет мав прибутки з початку свого існування по 10 березня нового стиля, виручені від продажу коней, взятих від колишнього в Стародубі місцевого див'їзйону й проданих селянам повіту та іншим - разом на суму 43.413 крб. 14 коп.

Видатки за цей час на утримання Виконавчого Комітету та Військово-революційного загону становили суму в 23 037 крб. 54 коп. Було готівкою в касі Виконавчого Комітету 20.375 крб. 60 коп. Відзначити треба, що на долю нашого молодого Виконавчого Комітету випала ліквідація польських легіонів, що ними керували буржуазія; для того доводилося організувати загопи й самим членам з ними разом їздити на станції Унеча та Мглін, хоч стикатися з легіонами так і не вдалося, бо вони були ліквідовані без нас. Але на цей час на арену класової боротьби вже виступила німецька буржуазія... Тут за закликом командувачів арміями й загонами довелося організувати свої власні загопи й направляти їх на Унечу, трохи не всім членам роз'їздити по волостях і селах і не покладаючи рук працювати...

За всієї цієї складної атмосфери нам удалося розробити таксу на лісний матеріял та порядок його відпуску, який розіслано було по волостях і посадах, та виробити інструкцію охорони майна і інвентаря економії, яку теж розіслано. Крім того проведено переобрання волосних земельних комітетів за новими принципами. В робітничому питанні довелося немало попрацювати нашому робітничому відділові в справі урегулювання відносин між робітниками й підприємцями. Наслідком з цього було утворення робітничих комітетів, установлення 8-годинного робочого дня й запровадження мінімальної добової платні в 14 карбованців.

Оце ця праця, що її Виконавчий Комітет виконав за півтора місяці свого існування за найнесприятливіх умов“...¹⁾

З цього витягу та й з цілої низки інших документів можна бачити, які величезні зусилля доводилося напружувати органам радянської влади в справі вишукування матеріальних засобів і утворення для себе хоч будь-якої матеріальної бази. Ця праця була особливо важкою, коли взяти до уваги, що каси старої влади на місцях на цей час були вже пусті. Майже по всіх містах запроваджується контрибуція на буржуазію з дорученням технічно її переводити міським думам там, де вони ще залишилися. „Після того як більшовики взяли місто Стародуб — пише присяжний повірений, відповідаючи на запитання повітового старости вже 1918 року.— в наслідок величезних контрибуцій, що вони під загрозою конфіскації всього майна наклали на мешканців, з відому й дозволу міської Думи обрана була комісія, якій для задоволення вимог більшовиків надано було, справедливо оцінюючи маєтковий стан мешканців, оподаткувати заможних деякими грошовими внесками. Протягом декількох місяців комісія ця, маючи прикрі неприємності, зібрала понад 40.000 крб., які й передала стародубській Раді депутатів“²⁾.

Багато міських дум охоче брали на себе технічні обов'язки збирання контрибуцій з мешканців. Але вони це робили не тому, що солідаризувалися з більшовиками, а виключно для того, щоби контрибуцію, яку установляли ради стягувати не з буржуазії, а зо всіх мешканців. Цим вони, по-перше, врятували капітали великих власників, а по-друге, нацьковували міське міщанство на ради й більшовиків. Про ці наміри ради, звичайно, знали й даючи накази міським думам про стягання в відповідного розміру контрибуції, давали разом же й указівки — скільки й серед когь та чи інша контрибуція повинна бути стягнена.

В низці міст стягувалася контрибуція не тільки в грошовій формі; провадилася, наприклад, конфіскація майна й, насамперед, по великих крамницях. Контрибуція не дивлячись на всі хиби, що траплялися підчас її переведення мала надзвичайно велике значіння, вона не тільки утворювала по-первах матеріальну базу для рад та Військово-революційних комітетів, але й послабляла саму буржуазію.

За цього періоду відбувається й переобрання міських рад робітничих та салдатських депутатів. Наслідком з проведеної кампанії склад рад різко змінився: замість меншовицьк - есерівського впливу й їхньої переваги, що тривали до 6 місяців, керівництво радами переходить до більшовиків. Переобраний

¹⁾ Протоколи з'їзду рад робітничих, салдатських та селянських депутатів Стародубського повіту. — В. Ці.

²⁾ Архів міських та земських самоуправлінь Чернігівщини, справа № 146, лист. 49.

на початку лютого 1918 року Виконком Чернігівської Миськради становить такий склад: 6 більшовиків, 3 члени Поалей-Ціон і останні 6—від різних груп. Миська Рада в Козельці була організована за принципом представництва від громадських та політичних організацій. До її складу ввійшли представники повітової Ради салдатських депутатів, робітничого клубу, українських есерів, Бунду, кустарів та професіональних організацій. На чолі президії Ради був український есер, Володимир Попов. На початок лютого було закінчено вибори до конотопської Ради робітничих депутатів. Кампанія виборів провадилася за самими демократичними основами. Всі партійні організації міста провели найширшу передвиборчу агітаційну кампанію. Не дивлячись на все це в складі Ради перше місце посідали більшовики.

Так помітно зміцнювалася радянська влада, що її опірними пунктами стали новообрані й переобрані ради, які енергійно взялися до роботи. „Життя в повіті—пише тов. Бистрюков,—пішло по-новому. Відчулася тверда робітничо-селянська влада. Негайно було розпочато організацію рад на периферії. В повіті по всіх установах були призначені комісари, почато видавати газету; проведено чистку установ і звільнено буржуазний елемент з них; проведено податок на користь Ради. В селах були організовані озброєні загони селян, що співчували більшовикам, які були твердою підпорою рад Розшаровування села де-далі поглиблювалося. Експропріяція поміщицької землі й розподіл її поміж селянами провадилися стихійно. Поміщиків остаточно вигнано з села. Здавалося, що після організації радянської влади життя в повіті піде швидко вперед, маючи дійсну підтримку селянських мас“¹⁾.

Чернігівська Рада виділяє з себе низку комісарів для проведення практичної роботи в місті. Виділено комісара фінансів, в'язниці й харчування. Видано наказу про здачу населенням зброї. До Ради прибуває сила рушниць, револьверів та іншої зброї. Але праця Чернігівської Миськради, як зазначувано вище, надто ускладнялася через ненормальні відносини його з загоном Порадина. Так, приміром, траплялися такі випадки: загін подав вимогу до Ради на конфісковану зброю в мешканців, переважно на револьвери. Миськрада перший раз задовольняє ці вимоги. Після виявляється, що роздану червоногвардійцям зброю, останні продають мешканцям міста. Ще більше од того: Порадин наказує Раді повернути зброю деяким офіцерам. Наслідком з цього було те, що зброя, яку рада конфісковувала поверталася назад населенню через загін Порадина. Другий випадок: одного дня Порадин з своїм загоном без ніяких причин і приводів почав був заарештовувати по вулицях усіх прохожих, що своєю поставою нагадували

1) Городнянщина в 1917—18 р.р., „Летопись Революции“ № 4 за 1925 г.

військових. Заарештованих у в'язниці було повно. Виконком примушений був делегувати туди своїх представників, які після допитів повипускали заарештованих на волю.

Подібні явища цілком підривали працю місцевої влади і, звичайно, не давали можливості Чернігівській Міськраді проробити всього того, що на неї покладали обставини.

Конотопський Ревком за перших часів провадив працю безладно. Правда, зразу ж для вишукування потрібних коштів було виділено комісара фінансів, але праця його була незадовольняюча. Після самоліквідації міської Думи провадження справ міського господарства було покладено на тов. Дубовика. Через деякий час було скасовано повітове земство й на його місце утворено повітовий земельний комітет. Значну працю провела була Рада та Ревком в справі розвантаження на 6 версті величезного гарматного складу, шляхом формування маршрутів та вивозу зброї й військового спорядження з Конотопу. Розпочав був Ревком і працю на селі, але розгорнути її він уже не зміг. План, переведення в повіті мобілізації молодого віку, що її намітив Ревком і переобрана Міськрада, через недостатнє підготування, напружені обставини в зв'язку з наступом німців та петлюрівців не був закінчений і жодних наслідків практичних не дав.

Таким чином, ради й ревкоми, не дивлячись на цілу низку добрих починів, великих досягнень у своїй практичній роботі за першого періоду існування радянської влади на Чернігівщині не мали, а деякі ради цієї роботи майже і не розпочинали.

VIII. З'ЇЗДИ ЗА РАДЯНСЬКОЇ ВЛАДИ ТА ЇХ ПОСТАНОВИ

З метою зміцнення радянської влади на місцях і притягнення широких шарів селянства до революції, Військово-революційні комітети за допомогою міських рад та інших революційних організацій скликають в низці повітів Чернігівщини селянські з'їзди та з'їзди рад. Протягом, приблизно, півтора-місячного існування радянської влади в губернії відбулися з'їзди рад в Стародубському, Кролевецькому у Новгород-Сіверському повітах. По інших повітах селянські з'їзди збиралися стихійно.

Коли переглянути ті питання, що обмірковувалися на з'їздах, то доводиться насамперед дивуватися з величезної кількості їх. Не дивлячись на це, обміркування питань мало виключно діловий характер. З'їзди не могли, звичайно, обійти мовчанкою питань загально-політичного значіння, але вони в їхній роботі мали не так-то вже велике місце. Для характеристики цих з'їздів і для загального уявлення про ті питання, що на цих з'їздах обмірковувалися, наводжу порядок денний I-го з'їзду рад Стародубського повіту. Ось ці питання: 1) Питання

про політичний момент в зв'язку з замиренням. 2) Про харчову справу в повіті та заслухання доповіді про голодні сем'ї слободи Андрейковичі. 3) Доповідь голови Стародубського повітового Виконавчого комітету тов. Коголя про діяльність Виконавчого комітету. 4) Про з'єднання повітової земської управи та інших повітових органів з Виконавчим комітетом рад.

5. Про непідлягання розпорядженням Виконавчого комітету деяких сіл та слобід. 6) Організація Військово-революційного трибуналу та реорганізація з'їзду мирових суддів. 7) Доповідь про земельне питання та основний закон про соціалізацію землі. 8) Розподіл земельного фонду. 9) Розподіл живого й мертвого інвентаря, придбаних сільсько-господарських машин та пристосування пивовареного заводу Фрилендера для будівлі сільсько-господарських майстерень. 10) Про земську оплату. 11) Про хижачьке рубання лісу. 12) Про диктаторські вчинки проти Виконавчого комітету колишнього Військово-революційного загону й видатки на його утримання. 13) Про нагороду членів Виконавчого комітету за обладнання господарчої частини Виконавчого комітету. 14) Про муніципалізацію аптек. 15) Поточні справи: безборонний обіг облігацій позик свободи.

Обмірковуючи загально-політичні питання, з'їзди стають рішуче на шлях підтримки радянської влади та боротьби з контр-революцією. На доповідь Виконавчого комітету Стародубського повіту про його діяльність з'їзд рад ухвалює таку резолюцію: „ухвалити діяльність Виконавчого комітету; висловити йому довір'я; побажати в дальшій трудовій роботі комітету успіху та прохати на далі: 1) твердо захищати інтереси трудового народу від посягнень буржуазних елементів та темних мас, що ще мають надію підняти свою злочинну контр-революційну голову й знову віддати в неволю трудовий народ..., а 2) окремим особам, що входять до складу Виконавчого комітету, які не вважають на інтереси народу, що їх послав і плямують цим роботу комітету — з'їзд висловлює недовір'я й догану, пропонуючи волосним радам таких осіб негайно відкликати з комітету“¹⁾.

Цей же з'їзд виносить резолюцію про поточний момент. Вона — вельми характерна. З неї видно що не тільки робітники але й селянство, усвідомлюючи труднощі майбутньої ще боротьби з буржуазією, звертають свої погляди до західно-європейської і зокрема, до німецької, робітничої класи, чекаючи з її боку рішучих наступів. „Німецький пролетаріят — говориться в резолюції — в найближчому майбутньому, з усіх ознак німецьких подій, на ристі скине з себе царат, так, що ми не будемо самотою. Але контр-революція в нашій країні може підняти голову. Російський пролетаріят з початку військових дій може мати ще з боку буржуазії в тилу

¹⁾ Протокол I-го з'їзду рад Стародубського повіту. В. Ц.

зраду й саботаж. I-й Стародубський повітовий з'їзд рад та земельних комітетів підтримує постанову Петроградської Ради робітничих, салдатських та селянських депутатів від 20 II (нов. ст.) в справі замирення з німцями і продовження поглиблювати завоювання соціальної революції в Росії, знищуючи остаточно контр-революцію всіма засобами, що в нас є, сподіваючись, що в боротьбі з зовнішнім капіталом нам допоможе західно-європейський пролетарят¹⁾.

З'їзд рад Кролевецького повіту було скликано явочним порядком вже напередодні відходу радянського війська коли в Кролевіці ще залишався повітовий староста. Цей з'їзд рішуче висловився за передачу всієї землі селянству. Одночасно було внесено резолюцію, що ганьбила, так звану, „демократію“.

Наприкінці січня з ініціативи української партії соціалістів-революціонерів, „Селянської спілки“ та земства в Конотопі скликається з'їзд делегатів з волостей і сіл. Установи та організації, що скликали цей з'їзд гадали використати його для своєї мети, але з'їзд не виправдав їхніх надій і став підпорою радянської влади на Конотопщині. З'їзд ухвалив резолюцію про негайну організацію ревкомів по волостях, про скликання в найближчий час повітового з'їзду рад Конотопщини для розв'язання цілої низки питань, і в першу чергу земельного. II з'їзд рад Конотопщини відбувся вже наприкінці лютого перед приходом німців і пройшов під знаком боротьби з ними.

З усіх питань, що їх обмірковували з'їзди скликані за першого періоду існування радянської влади на Чернігівщині найбільшу увагу звернено, як треба було чекати, на земельну справу. З'їзди вже не обмежувалися загальними постановами про потребу передачі всієї землі трудящим. Обмірковуючи земельне питання з'їзди висували цілу низку практичних заходів. Ось характерна постанова з цього приводу того ж Стародубського з'їзду рад.

„Заслухавши доповідь т. Коголя про основний закон соціалізації землі, що його ухвалив III Всеукраїнський з'їзд, одноголосно постановили: основний закон про соціалізацію ухвалити в усьому його обсязі, бо тільки соціалізація землі може задовольнити трудове селянство, що працювало так довго на землі...“

Крім того палко вітаємо III Всеросійський з'їзд за ту важку працю, що він провів, розробляючи основний закон про соціалізацію землі“...

В зв'язку з ухваленням законом про соціалізацію землі з'їзд висловлює побажання заслухати доповідь про розподіл земельного фонду, що після його обміркування з'їзд ухвалює таку резолюцію: „Приймаючи до уваги, що через місяць почнеться весінний сезон... щоб уникнути тяжких наслідків.

¹⁾ Протокол I з'їзду рад Стародубського повіту — В. Щ.

в зв'язку з присвоєнням багатьма селами землі колишніх поміщиків, з'їзд постановив: 1) Розподілити всю землю, що належала Стародубському повітові за порівняльно-споживчою нормою; 2) облікові картки негайно заповнити й доставити до земельного відділу Виконавчого Комітету для точного статистичного обліку, 3) Повітовому, волосним, посадським, міським та сільським виконавчим комітетам негайно розпочати розроблення планів розподілу земельного фонду так, щоб на кожне село, слободу та окремі особи була зазначена окрема ділянка землі, за споживчо-харчовою нормою; 4) Обрати зі складу з'їзду комісію, що повинна розпочати розроблення плану розподілу земельного фонду в повіті, після чого негайно скликати повітовий з'їзд рад, якому й доставити увесь опрацьований матеріал для остаточного затвердження; 5) після виявлення наявності всіх земель та сінокосів у повіті, за недостачі як землі, так і сінокосу, звернутися до найближчих сусідніх сіл з клопотанням про виділення лишків землі та сінокосу нашому повітові". А далі: „Заслухавши доповідь голови повітової земельної управи тов. Славкіна про розподіл живого й мертвого інвентаря, конфіскованого в поміщицьких маєтках і приймаючи до уваги, що інвентар уже розібраний місцевими хліборобами. і зважаючи на те, що він не попав тим, хто дійсно відчуває в цьому надто велику потребу, з'їзд ухвалив: негайно взяти місцевим виконавчим комітетам увесь розібраний і нерозібраний ще інвентар на облік і розподілити його на місці всім волосним сходам, оцінивши його справедливо. Суми, виручені від продажу інвентаря повинні бути призначені для земельного фонду й витратитися тільки за постановою повітових з'їздів. Ту скотину, що було взято самовільно з колишніх поміщицьких маєтків і віддано на заріз, волосний комітет повинен оцінювати й суму грошей за належною оцінкою повинен стягти з того, хто самовільно взяв, і здати до повітового земельного фонду при повітовому Виконавчому комітетові рад"¹⁾.

На підставі всіх резолюцій і постанов, що відбулися за розглянений період з'їздів можна дати певний висновок, що настрої трудящих мас Чернігівщини за того часу виразно були на боці радянської влади й більшовицької партії. Навіть в тих повітах, де більшовицьких організацій не було, а були лише окремі одиниці більшовиків, маса йшла за більшовиками. Що до цього вельми показним є місце з споминів тов. Лазарця, де він говорить про IV повітовий селянський з'їзд Козельщини, що тоді відбувся. Назовжу це місце цілком:

„Що до влади в Козелецькому повіті, то Дюков (комісар загону, що зайняв місто Козелець) сказав, що треба організувати владу на місцях. Для цього було скликано старий склад

¹⁾ Протоколи I з'їзду рад Стародубського повіту — В. Ц.

повітової Ради селянських депутатів. На це засідання запрошено було також і представників волостей. На цьому пленумі Ради більшість висловилося за організацію радянської влади й за скликання 4 селянського з'їзду. Останній було призначено на 3 березня, коли радянської влади, як такої, на Козелещині не існувало. Чекали всі приходу німців. Німці зайняли вже Бобровицю й підходили до Ніжина. В цей момент зібрався 4-й селянський з'їзд. На цьому з'їзді домінуючий стан мала партія більшовиків. За керовника фракції більшовиків на з'їзді був тов. Павло Волошин. Президія цього з'їзду була більшовицька... Цей з'їзд ухвалив був резолюцію, що підтримувала Народний Секретаріат України в його боротьбі з німцями та Центральною Радою й вимагала збройного повстання. Компромісну резолюцію українських соціалістів-революціонерів на цьому з'їзді провалено, а також було провалено й усі інші анти-більшовицькі резолюції. Таким чином, на цьому з'їзді цілковиту перемогу одержала партія більшовиків, не вважаючи на те, що вона ні свого комітету, ні організації, ні взагалі будь-якого апарату не мала. З'їзд справив велике враження на голови селян“.

Ціла низка з'їздів, що відбулися в інших місцях губернії, також рішуче стали на шлях підтримки радянської влади.

ІХ. СТАНОВИЩЕ БІЛЬШОВИЦЬКИХ ОРГАНІЗАЦІЙ НА ЧЕРНІГВІЩИНІ ЗА ЦЕЙ ПЕРІОД

Процес формування органів радянської влади й зміцнення її відбувався на Чернігівщині все ж з великими різнобоями. Не було єдиної чіткої лінії в переведенні тих завдань, що стояли перед радами та військово-революційними комітетами.

Утворення губерніяльного центру за перший період існування радянської влади на Чернігівщині не було й розпочато. Сами ревкоми й ради працювали в різних місцях по-різному. Серед робітничих мас праця провадилась кволо, серед селянства ж майже ніякої не було, коли не рахувати тих з'їздів, що відбувалися в низці повітів за цей час. За радянської влади на Чернігівщині, що його ми розглядаємо, було ще дуже багато безладдя, безглуздя та несистемности. Всі ці негативні явища до деякої міри з'ясовуються недостатньою міццю, оформленістю партійно-більшовицьких організацій Чернігівщини за того часу. Внутрішньо-партійна робота в організаціях провадилась кволо або її зовсім не було; масова робота провадилась хаотично. Але що особливо кидается в вічі, вивчаючи діяльність і становище цих організацій, так це — відсутність якого-будь зв'язку поміж ними. З тих матеріалів, що ми маємо в себе, видно, що за цей період на Чернігівщині існували не більше як 3—4 оформлені партійні організації. Вони були: в Чернігові, Конотопі, Новозибкові й дуже

слабенька в Добрянці. З деяких догадок більшовицька організація була й у Шостці, але про неї жодних матеріялів нема. Що ж до інших міст і зокрема повітових центрів, то там оформлених більшовицьких організацій не було.

Як тільки зайняло Чернігівщину червоне військо, утворилася невелика група більшовиків в Ніжині. Невелика група була й у Городні. В цілій низці інших міст Чернігівщини більшовики нараховувалися одиницями. Одна з найміцніших більшовицьких організацій на Чернігівщині була Конотопська. Остання сильна була не тільки що до кількості, але й наявністю цілої низки старих більшовиків-робітників. Конотопська організація відогравала керувальну роль в справі утворення органів радянської влади й боротьби з петлюрівщиною в повіті.

Досить сильна більшовицька організація була й у Новозибкові. До Жовтня оформилася організація більшовиків і в Добрянці Городнянського повіту. За організатора її був більшовик Костилюв. Завдяки його енергійній праці, а потім і праці інших товаришів, партійна організація в цьому глухому містечку швидко росла й міцніла. З великим успіхом вона розпочала рішучу боротьбу за радянську владу в Добрянці, відогравши пізніше велику роль в організації радянської влади в усьому Городнянському повіті.

Декілька слів про Чернігівську організацію. Офіційно в цій організації нараховувалося за того часу до 100 чоловіка. Не вважаючи на наявність відносно значного числа членів організації, діяльність її була дуже й дуже квола. Організація провадила, головню, дискусію в справі питання про Жовтневую революцію. В її лавах малася група членів, що зовсім инакше дивилися на революцію, наближаючись своїми поглядами фактично до інтернаціоналістів. Група вважала Жовтневую революцію в Росії за передчасну, до діяльності Ради Народніх Комісарів ставилась скептично, обстоюючи Установчі збори¹⁾.

Комітет Чернігівської організації працював квола й безупинно переобирався. Для ілюстрації наведемо витяг з протоколу загальних зборів організації від 13 січня 18 року, де стояла доповідь про діяльність партійного комітету. Доповідач від комітету, тов. Урин, повідомляв: „Комітет, обраний у грудні, був непрацездатний, з 7 членів лишилося тільки 3. Права частина організації і комітету не бере участі в роботі. Треба добрати комітет“. На цьому ж зібранні обмірковувано питання про сучасний момент Доповідь робила тов. Листопад, що визнавала Жовтневую революцію за закономірно-історичний акт. Але ось уривки з виступів деяких членів організації, в яких дуже добре можна бачити їхній правий опортуністичний ухил. „Тов. Шафранович, — читаємо ми в протоколі, — зазначає те, що

¹⁾ Про це див. мою статтю в № 3 „Летописи Революции“ під назвою: „Черниговская большевистская организация в период войны и в 1917 году“.

вся сила революції (тоб - то нашої Жовтневої революції) у військові, військо ж (селянство) бажає припинити спроби соціальної революції... Відмова від дальших кроків і передача влади Установчим зборам не значить цілковита відмова від влади. Відступати можна й не будши розбитим. Доки відбудеться соціальна революція на Заході, російський робітничий клас буде розгромлено. Рада Народніх Комісарів сама почуває себе слабою й неміцною¹⁾. Також приблизно виступала Є. Соколовська й інші.

Ця права опозиційна група, правда, своїм числом невелика, в складі якої були відносно сильні члени, своїми виступами й відповідною роботою перешкоджала організації в цілому розпочати практичну повсякденну роботу. Я гадаю, що в боротьбі двох течій в Чернігівській організації і була одна з основних причин того, що в Чернігові довгий час було безладдя, не говорячи про те, що половинчата влада Міськради, що жодної роботи перевести не могла, нічого не зробила в справі організації влади в губерніяльному масштабі.

Оце деякі дані партійних організацій Чернігівщини за Жовтневого періоду. Як бачимо, організації були ще надто кволі, як ідейно, так і числом, для того, щоб відогравати за того часу надто велику роль.

Х. КІНЕЦЬ ПЕРШОГО ПЕРІОДУ ІСНУВАННЯ РАДЯНСЬКОЇ ВЛАДИ НА ЧЕРНІГЕЩИНІ

В десятих числах лютого на Чернігівщині стало відомо про складення угоди між петлюрівцями й німцями в справі їхнього наступу на Україну. Чутки про це почали швидко ширитися серед широких кол населення, посіявши, з одного боку, панічний настрій у масах і в деяких радах, а з другого, підбадьоривши темні контр - революційні елементи міст та сільських куркулів. Серед населення повелася сильна агітація, спрямована проти більшовиків та радянської влади. Почалися намови проти місцевих робітників. В деяких містах Чернігівщині ще до відходу радянського війська вже малися антирадянські виступи. Так, наприклад, в Козельці загін молоді, що звав себе „вільним козацтвом“, організований з гімназистів та куркульських синів, учинив напад на комісара Дюкова й заарештував його. За нього вступилася міська біднота, що за допомогою зброї й визволила Дюкова з в'язниці.

В Добрянці також був виступ місцевого міщанства під керуванням монархістів. Подібні виступи траплялися й у Конотопі. Там „обивательщина“ в зв'язку з трудовою повинністю й контрибуцією під керуванням петлюрівських бандитів зриває мітинг, нападає на Ревком і на деякий час захоплює владу в місті.

1) Протокол міської Чернігівської організації більшовиків від 31/І 18 р.

На другий день після відходу загону Порадина, в Чернігові, вночі з 16-го на 17-е лютого, офіцерський загін, обеззброївши червоногвардійців, нападає на Раду й розгромляє її. Багато з робітників та членів партії покидають місто. Ті, що залишилися, знищивши по-можливості архіви, пішли в підпілля.

Після того, як загін червоного війська залишив Чернігів, підіймається „обивательщина“ найближчих поселень. В протоколі Борзенської міської Думи (Борзна — містечко за 25 верстов од Чернігова) від 18 лютого 18 року ми читаємо: „Після відкриття зборів Дума обмірковувала питання в звязку з подіями, що відбулися в м. Борзному 16/II. В наслідок чого скинули місцеву Раду робітничих та селянських депутатів, що вважала себе за найвищу владу в місті? Приймаючи до уваги те, що влада міської Думи, ідучи в контакт з населенням міста, бажання якого винесено 18/II на загальному зібранні і уважаючи себе за владу, Дума ухвалила: 1) запропонувати колишньому голові Ради робітничих та селянських депутатів здати все майно, зброю й гроші, що є в наявності, в розпорядження міського самоуправління; 2) звернутися з відозвою до населення міста про спокій і лад“¹⁾.

В Ніжині, коли стало відомо про наближення німців, Виконком, розігнаний після прибуття червоного війська, знову потихеньку організувався. Він організує гімназистів, студентів та учнів фельдшерської школи з тим, щоб захопити Ревком. Але Ревком устигає виїхати з міста разом з харчовими частинами, взявши з собою скарбницю.

На станції Конотоп провадиться поспішну евакуацію всіх загонів, що там стояли. Знімається безпідставна паніка, що викликає хоробрість міщанства та петлюрівщини. 26 лютого останні ешелони робітників, членів рад та червоногвардійців покидають місто. 16—17 лютого самоліквідується Городнянська та Сновська ради робітничих та селянських депутатів. Пізніше затрималася Рада в Добрянці. Нарешті й вона вночі з 23/II на 24/II складає свої справи.

Так відбувалося „очищення“ від більшовизму території Чернігівської губернії. Німці просувалися майже без бою. Тільки в окремих місцевостях червоні загони чинили опір кайзерівській армії. За доказ цього служить така переписка:

„Стародуб із Унечі Раддеп. Німецькі банди перейшли біля Дубраша в наступ. Революційне військо відбиває напад. Потрібно негайне вислання можливо більшої кількості революційних загонів. Вживте терміново всіх заходів що до організації добровільних загонів, направляючи їх до мого штабу — станції Унеча, де вони будуть озброєні, обмундировані, розподілені на спеціальності й направлені на поповнення першої

¹⁾ Архів міських та земських самоуправлінь Чернігівщини, справа № 158, л. 84.—В. Ц.

армії. Платня стрільцям — 20 крб., гарматчикам і кулеметчикам — 75 на місяць. Потрібно також надіслати членів ради. Організуйте широку агітацію про утворення загонів Червоної армії, на що сьогодні переказано в розпорядження кожної повітової ради по 100 000 карб. Потрібно всім товаришам взяти що-найенергійних термінових заходів¹⁾.

Міські та земські самоуправління святкують перемогу. Вилізають із своїх нор меншовики та есери. Прихід німців та петлюрів ів відзначився масовими арештати, репресіями та розстрілами. Настав період революційного підпілля.

---

¹⁾ З переговорів телеграфом. — В. Ц.

А. ГРИНБЕРГ

КИЕВСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РСДРП(б) В ЭПОХУ ВОЙНЫ

(1914 — 1916 г.г.)

Настоящий очерк имеет целью на основании еще неопубликованных архивных материалов, главным образом, охранного отделения, проследить деятельность большевистской организации в Киеве в годы мировой войны.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Объявление войны застало киевских рабочих бастующими в знак солидарности с петербургским пролетариатом. Но с объявлением мобилизации 19 июля и, далее, с открытием военных действий забастовки прекратились, и уж до самой февральской революции в Киеве не было рабочих выступлений, которые имели бы политический характер.

Что касается экономических забастовок, то, особенно в первые два года войны, они большей частью вспыхивали стихийно, как бы с отчаяния, часто дальше „брожения умов“ не шли и затихали скоро, иногда через несколько часов, после одного только обещания администрации удовлетворить предъявленные ей требования. Вызывались забастовки, с одной стороны, усиливающейся капиталистической эксплуатацией, с другой — растущей дороговизной, за которой никак не могла угнаться заработная плата, несмотря даже на некоторое частичное повышение ее.

Во второй половине 1914 года, идущей уже под знаком войны, в Киеве не было даже и такой нерешительной экономической борьбы. И только с 1915 года она начала проявляться в различных отраслях производства, вовлекая, однако, небольшое число участников, отдельные заводы, фабрики или мастерские.

Вот перечень этих вспышек борьбы по Киеву за 1915 г. 17 января начальник Киевского охранного отделения доложил губернатору, что „между членами“ союза булочников и кондитеров г. Киева“ идет глухое брожение, могущее, по

некоторым сведениям, к концу месяца привести к общей забастовке пекарей“.

„Брожение“ вызывалось тем, что еще с 1914 г. союз тщетно добивался нормировки рабочего дня пекарей и регулярного праздничного отдыха для них (киевским пекарям приходилось работать по 12 — 13 часов в сутки круглый год, исключая только два дня — рождество и пасху). И в виде меры воздействия об щее собрание союза постановило явочным порядком ввести отдых в предпраздничные дни с 25 января, предупредив об этом хозяев и послав соответствующее разъяснение губернатору.

Свое донесение об этом начальник охранного отделения заканчивает:

„Недовольством пекарей и булочников могут воспользоваться неблагонамеренные лица, чтобы вызвать брожение среди рабочих профессий для подготовки их к противоправительственным выступлениям, что при обстоятельствах настоящего военного времени совершенно недопустимо“.

14 сентября рабочие Демиевского сахара рафинадного завода потребовали улучшения пищи и увеличения поденной платы на 30 коп. в день — „в виду дороговизны жизни“. Правление завода прибавило по 20 коп. на каждого взрослого рабочего и 10 к. на женщин и подростков.

27 октября отмечается „брожением“ на почте и телеграфе. Охранка приводит такие разговоры: „... бедствуем из-за чрезвычайной, все увеличивающейся дороговизны... не бастуем только в виду войны, но крайняя материальная необеспеченность может вызвать забастовку...“

11 ноября на табачной фабрике акционерного об-ва „Спилиоти“ работницы в количестве 100 человек пред'явили требование об увеличении заработной платы. На это им была только обещана в будущем прибавка на „улучшение быта“, и работа не прерывалась.

В 1916 г. особые опасения властей вызвали предприятия, работающие на оборону. В мае департамент полиции потребовал представления ему специальных ежемесячных ведомостей о всякого рода забастовках, имеющих место на этих предприятиях. И с конца июня 1916 г. охранные бюллетени констатируют целый ряд таких забастовок.

В киевской военнообмундировочной мастерской, изготовлявшей для армии рубашки, шинели, мундиры и пр., работницы в количестве до 400 человек с утра 27 июня прекратили работу, требуя выдачи им суточных, как работающим в военном ведомстве. Правда, второго июля они приступили к работе на прежних условиях, но в сентябре работницы вновь пред'явили те же требования. Им, однако, отказали по той, дескать, причине, что в штате они не состоят и работают сдельно; кроме того, 17 работниц были уволены, как „подстрекательницы“.

Такого же рода волнения, опять - таки вызванные низкой заработной платой, были в этот период на заводах Гретера и Демиевском снаряжном. На последнем прекратили, было, работу военнопленные австрийцы; на заводе Гретера застрельщиками тоже были военнопленные, но к ним присоединились и другие рабочие завода: они требовали увеличения заработной платы на 50% (месяца четыре назад им было уже прибавлено 30%). Забастовка на обоих заводах длилась два часа и прекратилась, когда была обещана надбавка.

В конце сентября охранка была осведомлена о том, что „сильное брожение, готовое каждую минуту перейти в забастовку“, наблюдается во всех отделах Южно-русского завода. И снова бросается в глаза уже отмеченная нами выше боязнь властей обострить конфликт и довести дело до открытого выступления.

Охранное отделение пишет: „Дороговизна жизни... вызывает раздражение рабочих, возбужденно обсуждающих тяжелые условия, открыто высказывающих недовольство по адресу правительственных чиновников, бессильных в борьбе с дороговизной и спекулянтами“.

И добавляет:

„...Принимая во внимание, что лучший мастер не может выработать при наибольшей интенсивности труда свыше 70 р. в месяц, следует признать в наблюдаемом недовольстве рабочих наличие основательных причин“.

Наиболее внушительным и организованным выступлением в Киеве в период войны была забастовка печатников в 1916 г.

17 июня забастовали все 150 рабочих типографии Яковлева, потребовав увеличения заработной платы на 75%. В этом им было отказано на том основании, что прибавка во время войны уже была. Того же числа вспыхнула забастовка в типографии Неймана: требовалась надбавка в 40%¹⁾.

Хотя эти две забастовки кончились соглашением, но уж тогда охранное отделение предупреждало, что союз печатников предлагает воспользоваться этим, чтобы провести надбавки в других типографиях Киева.

1 сентября 1916 г. союз печатников выработал требование о 50%-й прибавке к существовавшей тогда зарплате. Хозяева отказались выполнить это требование, и в течение ближайшей недели забастовка охватила почти все киевские типографии. Бастовало около 800 человек.

Охранное отделение бьет тревогу. В предвидении „беспорядков“, в полицейских участках были установлены наряды городских и надзирателей, вызваны солдаты и казаки. Охранное отделение было вынуждено признать, что положение

¹⁾ В обеих названных типографиях была наиболее отсталая заработная плата, даже сравнительно с другими киевскими типографиями.— А. Г.

печатников тяжелое: „... при настоящей дороговизне жизни хороший типографский рабочий получает в Киеве не более 50—60 руб. в месяц...“

И, конечно, не из сострадания к рабочим, а из-за все той же боязни, „в предупреждение могущих в противном случае возникнуть рабочих волнений“ начальник охранного отделения писал губернатору:

„... Я полагал бы справедливым повлиять в благоприятном для рабочих смысле на хозяев типографии...“

Забастовка тянулась около двух недель и кончилась ком-промиссным соглашением. Она вызвала живейший отклик в местной рабочей среде. В ее стойкости и длительности, несмотря на военное положение, уже чувствовалось влияние приближавшейся революции... Недаром в гектографированной прокламации, выпущенной по поводу забастовки печатников с призывом поддержать последних в материальном отношении, говорилось:

„... Мы молчали, нас слишком придавила тяжесть военной бури, гроза военных положений. Нам грозили всякими карами, если мы посмеем хотя бы пискнуть... Но тьма не может царить без конца! Всякому терпению приходит когда-нибудь конец! Недостаток всего, нужда, бедствия пробили, наконец, стену нашего молчания. Рабочий начинает протестовать против невыносимого положения. И первый шаг здесь сделали печатники“ . . .

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОРГАНИЗАЦИИ

К началу войны Киевская большевистская организация оказалась разгромленной... 24 июля 1914 г., как раз накануне открытия военных действий, были арестованы наиболее видные местные работники вместе с вернувшимся незадолго до этого из ссылки Василием Андронниковым. Однако арестованная группа успела выразить свое отношение к войне, свой протест против нее, подготовив небольшую листовку, которую распространить не удалось вследствие провала группы. „Арест сходки,— как доносит охранное отделение,— был произведен в день najwyżшего проявления населением патриотических чувств, когда улицы были запружены народом...“

Это обстоятельство охранное отделение отмечало, конечно, не из любви к историческим параллелям, а просто в доказательство трудности „наблюдения“, но сейчас это придает еще один яркий штрих картине того времени, когда на фоне всеобщего патриотического угара только большевики боролись „против течения“ . . .

Арестованные товарищи были первыми в Киеве, протестовавшими против начавшейся всеевропейской бойни; отпечатанная ими листовка была первой киевской антиоборонческой

листовкой. В ней ясно и отчетливо охарактеризована война, как империалистическая, как война, затеянная в интересах капитала; констатируя, что „сотни тысяч“, миллионы рабочих и крестьян оторваны от семей, от мирной работы и посылаются на верную смерть, листовка призывала не к „гражданскому миру“, а к прежней, прерванной войной борьбе с самодержавием.

„... Только революция, только свержение этого кровавого правительства, конфискация помещичьих земель и наделение землей крестьянства, только восьмичасовой рабочий день и демократическая республика дадут возможность России развиваться и без кровавых завоеваний...“

Заканчивалась листовка лозунгом:

„Долой войну!“

Это было как бы завещанием оставшимся, кто должен был продолжать работу и восстанавливать разбитую организацию...

В деятельности организации и в структуре ее на протяжении 1914—16 г.г. можно проследить следующие черты:

1. В атмосфере, долго еще отравленной патриотическим угаром, пропаганда пораженческих идей вначале медленно пробивает себе дорогу в широкие массы, дезорганизованные разбродом в социалистических рядах и скованные в своей активности военным положением и милитаризацией промышленности, когда увольнение грозило отправкой на фронт. Работа организации облегчается со второй половины 1915 г., когда начавшиеся неудачи на фронте и все увеличивающаяся внутренняя неурядица облегчили борьбу рабочих с самодержавием.

2. Характерной особенностью Киевской большевистской организации периода войны является то, что в ней руководящей группой были рабочие, вступившие в организацию на грани 1914—1915 г. и позже — в 1915 г.

3. Основное ядро большевиков рабочих в организации обростает социал-демократами иных более или менее близких к большевизму течений. Это были в большинстве случаев с.-д.-интернационалисты и другие вступившие в большевистскую организацию, так как с последней их объединяло отрицательное отношение к войне. Такие попутчики были в организации и в 1914 и в 1915 годах; они численно возрастают в 1916 году, когда все больше и больше развязываются силы революции, а рабочий актив сильно поредел из-за предшествующих арестов.

4. Большевистская организация, являясь в Киеве подпольным центром антиоборончества, связывалась с рабочими массами не только через нелегальные кружки, ячейки и пр., но использовывала также и так называемые „легальные возможности“: профсоюзы, просветительные общества, клубы, рабочие кооперативы и т. д.

ИЮЛЬ 1914 г.— ФЕВРАЛЬ 1915 г.

После июльского провала лишь в середине декабря вновь создалась инициативная группа, которая должна была заменить арестованный ранее комитет. Известное будирующее воздействие оказали ноябрьская конференция под Петроградом и арест большевиков-депутатов Государственной Думы вместе с т. Каменевым. Местные жандармы еще задолго до конференции имели сведения о том, что где-то (якобы в Финляндии) должно состояться что-то (нечто вроде с.-д. съезда) с участием членов думской с.-д. фракции... И они усилили наблюдение за киевскими большевиками.

Через месяц после ареста конференции — 5 декабря — во дворе того дома, где происходила конференция, дворник нашел в выгребной яме записную книжечку и прокламацию. Вслед за дворником жандармы, поискав основательнее, нашли при осмотре ретирата еще одну прокламацию, а также отдельные листки из той же записной книжки. На отдельных листках ее¹⁾ имелись адреса и явки, кроме того, содержался подробный конспект о поездке т. Муранова по партийным делам на Урал. К Киеву относились несколько адресов и по ним, по приказанию департамента полиции, местные жандармы произвели ряд обысков. В результате последних был взят Иван Богданов — портной, член правления союза портных²⁾. Хотя против него не было никаких данных, кроме „агентурных“, и несмотря на то, что при обыске у него было найдено только несколько запрещенных брошюр, он был все же выслан в Сибирь.

Арест Богданова имел место тогда, когда в полном разгаре было наблюдение за местной организующейся группой. Известную роль в деятельности группы играл „Научно-художественный клуб“ открывшийся летом 1914 г. Он представлял собою легальную возможность для нелегальной работы. Клуб сменил собою общество „Самообразование“, которое, в свою очередь, возникло вместо „Общества распространения образования в народе“, тоже прикрытого за „вредное“ направление. Каждое из этих обществ, в том числе и „Научно-художественный клуб“, имело свой легализованный устав, по которому ему представлялось право устраивать лекции, рефераты, вечера, разрабатывать вопросы педагогики, профессиональных знаний и пр.

За кулисами этой просветительской работы группа вела пропаганду своих взглядов в отношении войны, текущих задач революционной с.-демократии и т. п.

Как при закрывшемся обществе „Самообразование“ существовало (нелегальное) Ц. Б. союзов, так и приемственно

1) Книжка принадлежала депутату Муранову.

2) Союз портных представлял тогда наиболее большевистски настроенную часть киевского пролетариата.

при „Научно - художественном клубе“ образовалась, тоже нелегально, „комиссия“, которая имела такое же назначение. В комиссию входили в числе других Белла Лейкина, Вера Сапожникова, Петр Дегтяренко. Профсоюзы представляли собой тогда несомненно революционные организации. Всякий рабочий в тот тяжелый период за одно пребывание в рядах союза рассматривался как политически неблагонадежный и рисковал поэтому получить ссылку, арест и пр.

Это обстоятельство заставляло идти в профсоюзы только революционно - настроенного пролетария. Однако оборончество и здесь свило себе гнездо, и лишь в отдельных профессиональных союзах было сильно большевистское влияние. К ним относились: союз портных, где была сильная группа большевиков, союзы деревообделочников и сапожников, у которых вовсе не было оборонцев¹⁾.

Большевистская группа проводила пропаганду своих идей в союзах.

В группу входили: Владимир Коссиор, Филипп Безуглый, Виктор Капранов, Дегтяренко у Абрамов.

По инициативе союза портных была послана, между прочим, делегация к гостившему тогда в Киеве Максиму Горькому, которому был преподнесен адрес.

В делегацию входили члены группы, которые в то же время являлись представителями союзов. Так, от металлистов был виднейший работник группы — Дегтяренко, от сапожников — шорник Абрамов и т. д.

П. М. Дегтяренко в своих воспоминаниях „В гостях у Максима Горького“²⁾ пишет:

„Перед тем как уходить, мы стали просить Алéксея Максимовича стать на время связью между Киевом и Петербургом.

Он охотно согласился и просил дать ему кого - нибудь из нас наиболее устойчивого в смысле ареста“.

Несмотря на то, что группа не имела своей налаженной техники, она выпускала время от времени прокламации.

Охранное отделение пишет:

„Арест в ноябре месяце 1914 г. под Петроградом депутатов с.-д. фракции Гос. Думы вызвал со стороны местной Киевской организации усиленную деятельность в целях протеста, и в середине декабря ей удалось организовать и выпустить прокламации против войны и ареста депутатов, каковые прокламации, отпечатанные типографским способом, не имели пометки, что исходят от комитета“.

К 9 января 1915 года группа снова выпустила прокламацию, при чем на этот раз от имени „Комитета Киевской организации РСДРП“.

¹⁾ См. у Майорова „Из истории рев. борьбы на Украине“, стр. 10 — 11.

²⁾ Хранятся в Киевском Истпарте.

Каким образом группе удавалось выпускать прокламации — из дел не видно.

Охранка „ликвидировала“ всех выслеженных членов группы в ночь на 16 февраля 1915 г., „приняв во внимание (как она доносила), что сходки членов местной эсдековской организации участились, что утром уже вынесен приговор по делу членов с.-д. фракции Гос. Думы и что приближается годовщина празднования „женского дня“.

Всего было арестовано до 19 человек; из них после допроса остались под стражей, кроме названных выше Владимира Коссиора, Безуглого, Капралова, Дегтяренко, также Толстова, Надежда Полуян, Ливек, Магидов, Слуцкая, Вейнберг, Добкина, Баскир. Отдельно от них, по связи со своей арестованной сестрой, был взят и препровожден в Киев Ян Полуян, уехавший из Киева в середине января на сахарный завод Бобринских при ст. Капитоновка, Чигиринского уезда. У всех арестованных были обнаружены в большом количестве брошюры с.-д. направления и рабочие газеты. У Толстой и Безуглого, кроме брошюры и газет, найдены несколько десятков прокламаций, озаглавленных: „К киевским работницам“, отпечатанных Толстой на машинке¹⁾; одновременно взяты несколько экземпляров тоже воспроизведенной на машинке резолюции большевистского ЦК о войне. У Яна Полуяна „компрометирующей“ находкой при обыске оказалось письмо партийного содержания из Екатеринодара от 2/II 1915 г. о ведущейся там подпольной с.-д. работе.

Из арестованных было восемь рабочих и работниц, семь интеллигентов; многие с известным революционным стажем (Магидов успел уже вернуться из ссылки; Вейнберг еще в 1911 году привлекался за принадлежность к РСДРП; Слуцкая, Лейкина, Сапожникова, Баскир — все портнихи, арестовывались еще в 1912 г. на нелегальном собрании в „Научно-художественном клубе“ и т. д.).

В результате обыска у Толстой, Безуглого и Полуяна, они были привлечены к формальному дознанию по 51 и 1 ч 102 ст. и судимы Киевским военно-окружным судом 7 августа 1915 г. Безуглый и Полуян были присуждены к каторге на пять лет каждый, а Толстова — к двум годам крепости. Остальные были высланы в Енисейскую губернию. Иссаак Крейсберг успел своевременно скрыться из Киева и избежать на этот раз ареста.

ФЕВРАЛЬ — СЕНТЯБРЬ 1915 ГОДА

В апреле 1915 года началось отступление русских войск из только что захваченной ими Галиции. Одновременно с этой катастрофой на фронте, в тылу увеличивалось расстройство

¹⁾ Толстова служила машинисткой 7-го земского госпиталя.

транспорта, росли продовольственные затруднения, приводившие к недостатку, а иногда и вовсе к отсутствию продуктов первой необходимости, развивалась спекуляция и в результате непомерно росла дороговизна.

„Гражданский мир“, о котором так ратовала буржуазия, а вслед за ней и оборонцы, силою вещей взрывался в своей основе, и нищавшие массы вновь возвращались к борьбе с ними. В такой обстановке, после февральского разгрома, возобновила свою деятельность Киевская большевистская организация. Актив, взявший на себя восстановление ее, состоял почти исключительно из рабочих¹⁾.

Так было не только в Киеве, но и в других городах России в годы войны. Ядро организации почти всюду тогда состояло из рабочих. Невский в своей книге „История РКП“ так характеризует последних:

„Это была стойкая молодежь, полная силы, веры в свое дело и энтузиазма. Она строила организацию в невероятно трудных условиях реакции, и очень часто им приходилось самим, без помощи старых профессионалов - большевиков, выработать тактику своей организации, руководить ею, заниматься агитацией и пропагандой“.

Политическая платформа Киевской организации в тот период была резче, ярче выражена, чем в предшествовавший. Не только провозглашался общий лозунг „долой войну!“, но намечались также и пути к его осуществлению. В захваченном жандармами среди других документов черновике прокламации, которую не удалось распространить говорилось:

„... Товарищи - рабочие! Заявите по примеру московских и петроградских рабочих свой протест митингами и стачками... Товарищи - солдаты! Обратите ваше оружие против правительства, посылающего вас на гибель“ (курсив мой. — А. Г.).

Платформу организации характеризует также следующая резолюция, принятая на „совещании организованных рабочих марксистов“.

„... Принимая во внимание, что война вызвана не интересами народа и не в его интересах ведется она, признаем необходимым:

- а) мир во что бы то ни стало;
- б) созыв Учредительного собрания для осуществления демократической республики;
- в) восстановление рабочего интернационала.

Для осуществления вышеизложенного признаем необходимым:

¹⁾ Ицковский — токарь, Рудинский — столяр, Маргулис — заготовщик обуви, Ластовский — печатник, Реут — портной, Цивлина — белошвейка, Факторович — портниха, Чудновский — портной, Голод — переплетчик. И только двое было служащих: Кресберг и Ротлейдер — конторщики.

а) широкую агитацию среди рабочих масс и армии для 2-ой российской революции;

б) ни одной копейки, ни одного солдата для ведения позорной войны“.

Приняв эту резолюцию за основу своей деятельности, совещание наметило ряд практических мер: оно предлагало „руководящему коллективу“ ... „созвать все имеющиеся группы и кружки, а также организовать ряд массовок для разъяснения точки зрения организации на текущий момент“; для этой же цели организовать группу докладчиков и выпускать листовки... „с указанием мер борьбы вплоть до забастовки“, а также... „расширить и укрепить влияние организации в ЦБ“.

Наконец в виде пожеланий были рекомендованы:

а) периодический выпуск листков с освещением злободневных политических событий с марксистской точки зрения;

б) связь с центром;

в) возобновление переговоров с Екатеринославом относительно газеты;

г) усиление финансовых средств организации путем систематического взимания членских взносов;

д) созыв областной южной конференции.

„Руководящий коллектив“, которому поручалось осуществление этой программы, обладал в то же время только временными полномочиями, впредь... „до восстановления всех организационных групп, после чего должна быть созвана „общегородская конференция для выборов ответственного комитета“. (Из постановлений совещания).

В жандармских донесениях имеются отдельные летучие указания на работу „коллектива“.

„... В средних числах июня м-ца, — говорится в донесении об аресте „коллектива“, — стало известно, что „Боря“¹⁾ состоит в близких отношениях с активным социал-демократом „Рувимом“²⁾, и что он провел 17 июня собрание где-то на острове по Днепру и что „Боре удалось завязать сношения с русскими рабочими“.

„Коллектив“ не упускал и легальных возможностей; широко используя все тот же „Научно-художественный клуб“, он укреплял свое влияние в профсоюзах.

Вот отрывочные данные о выступлениях членов „коллектива“: „... В первых числах сентября Миша Ротлейбер... выступал в „Научно-художественном клубе“ с речью по поводу войны, указывая на ее вред и необходимость скорейшего заключения мира“...

Насколько преобладало большевистское течение в ЦБ видно из того, что „коллективу“ удалось там провести свою резолюцию:

¹⁾ Партийная кличка Маргулиса.

²⁾ Партийная кличка Ицковского.

„... 8 сентября в „Научно - художественном клубе“ состоялось собрание... ЦБ., в котором протестовали, в числе других, Рувим, Боря, М. Реут¹⁾, при чем обсуждалось отношение марксистов к войне и текущему моменту, и решено было добиваться: а) заключения немедленного мира; б) созыва Учредительного собрания; в) учреждения в России демократической республики“.

Далее идут сведения о выступлениях членов „коллектива“ в профсоюзах:

„... 13 сентября в союзе столяров состоялось небольшое собрание, на котором... Ицковский выступал с речью по поводу войны, призывая к протесту и требованию заключить мир“.

„... 15 сентября Ицковский выступал с таким же докладом в союзе портных“.

„... 16 сентября такой же доклад прочел известный жандармскому Управлению Ластовский, наборщик, видный деятель среди рабочих г. Киева“.

Что касается связи с другими городами, то жандармское донесение упоминает вскользь о Петрограде, откуда в Киев к первому мая „должно было привезти неизвестное лицо“ соответствующего содержания прокламации²⁾.

Более отчетливо вырисовывается связь с Екатеринославом. Обратив внимание на то место в приведенной выше резолюции, где говорится о возобновлении переговоров с Екатеринославом об издании нелегальной газеты, киевские жандармы запросили Екатеринослав и получили оттуда следующий ответ:

„... Сообщаю, что в апреле с/г. (1915.— А. Г.)... были получены... сведения, что проживавший в г. Екатеринославе и принимавший активное участие в с.-д. работе... Эммануил Ионов Квиринг предполагает издавать в г. Екатеринославе нелегальную с.-д. газету. Но затем выпуск этой газеты был отложен на неопределенное время, так как хранившийся для этой цели у одного рабочего местных заводов типографский шрифт имелся в малом количестве.

В виду изложенных обстоятельств... постановление совещания киевской с.-д. организации о возобновлении переговоров Киева с Екатеринославом относительно газеты, несомненно, касается издания Квирингом названной выше нелегальной с.-д. рабочей газеты“³⁾.

Далее сообщается, что, после высылки Квиринга вместе с другими партийными работниками в Иркутскую губернию под

¹⁾ Председатель союза портных. член „коллектива“.

²⁾ В Петроград осенью ездил Майоров; ранее, в мае, ездил Миша Грабовский, который ничего не привез.

³⁾ Для переговоров относительно издания нелегальной газеты приезжала из Екатеринослава Лия Полонская; газета должна была быть поставлена в Киеве.

гласный надзор полиции, вопрос об издании нелегальной газеты больше не поднимался.

Особой заботы требовал у „коллектива“ выпуск прокламаций. Не успев еще поставить своей техники, последний попытался выпустить листовку к годовщине Ленского расстрела. Она была изготовлена Ицковским на какой-то частной квартире в количестве 200 штук, но вышла плохо, поэтому пришлось ее уничтожить¹⁾.

Такой „кустарный“ способ печатания совершенно не удовлетворял „коллектив“; необходимо было поставить хорошо оборудованную, правильно функционирующую нелегальную типографию. Забота об этом была возложена на Маргулиса и Ицковского, которые и начали выяснять, где находится шрифт, который имелся у ранее арестованной группы.

Это не осталось незамеченным охранкой, которая в своем донесении от 15/VIII пишет, что „Боря“ и „Рувим“ озабочены в настоящее время постановкой нелегальной типографии, для которой у них имеется типографский шрифт.

Та ая осведомленность охранного отделения, по словам тов. Ицковского, объясняется близостью к „коллективу“ предателя Айзенберга²⁾, лично принимавшего деятельное участие в партийной работе. В июле или в августе, по поручению „коллектива“, Ицковский поехал в Васильков, где были закопаны части типографии, о которых знал и Айзенберг. В темном сарае, заваленном дровами и другим лесным материалом, оказалось до двух пудов шрифта, железная рама для закрепления набора, деревянный пресс для получения оттисков прокламаций, железный валик для смазывания набора и пр. Все это было извлечено глухой ночью.

Мысль о Василькове, как о месте устройства типографии, была отвергнута. Это был маленький городишко, и всякое появление в нем нового человека тотчас же обращало на себя внимание. Пришлось перевезти типографию в Киев. Одна перевозка вызвала немало затруднений. По железной дороге перевозить было рискованно, пришлось подумать о другом способе. В этом деле помог брат Ицковского, который жил недалеко от Василькова и занимался скупкой зерновых продуктов и перепродажей их в Киеве. Он-то, неведомо для себя, в мешке перевез части типографии. Вначале они хранились в комнате Ицковского (теперь на Советской, 19), где организовывать типографию представлялось опасным, так как квартира Ицковского считалась устроиметированной. В то же время приходилось спешить с устройством типографии, так как необходимо было

1) Об этом рассказывает Ицковский в своих воспоминаниях, хранящихся в Киевском Истпарте. В дальнейшем мы пользуемся ими при описании постановки и провала типографии.

2) Рассреляч в Киеве в 1919 г., см. об этом тоже книгу Майорова „История рев. борьбы на Украине“.

откликнуться на текущие события, как призыв ополчения 2-го разряда, отступление русских войск и пр. Выбора не было, поэтому решили поставить технику в квартире, занимаемой столяром Рудинским по Златоустовской ул., 30, кв. 9. Рудинский был недавно завербован в партийные ряды¹⁾. Его квартира, состоявшая из одной комнаты и кухни, была изолирована и имела отдельный ход, совершенно несвязанный с другими квартирами. Кроме того, квартира могла считаться вне поля жандармских наблюдений, так как она была использована для нелегальных собраний два раза и слежки не было заметно.

Таким образом, все было за то, чтобы в этой квартире оборудовать „технику“. Привезенные из Василькова небольшими частями материалы были постепенно доставлены на Златоустовскую.

Однако типография успела выпустить только одну прокламацию — к годовщине войны, и 19 сентября при попытке отпечатать вторую — по поводу призыва ополченцев — была раскрита.

Наблюдение за квартирой столяра Рудинского было, по официальным данным, установлено лишь 17 сентября, т. е. за два дня до ареста. Между тем, еще за неделю до этого, по воспоминаниям Ицковского, в названной квартире собирался два вечера подряд киевский актив, на котором обсуждался вопрос о войне.

Был вечер. Готовились отпечатать прокламацию по поводу призыва ополчения 2-го разряда. В типографии находились Ластовский, Скачко, Ицковский и Маргулис. Когда набор был готов, бумага нарезана и оставалось только приступить к печатанию, Ластовский, весь насторожившись, призывая жестами к молчанию, вдруг произнес: „Провал“, и, потушив быстро лампу, бросил набор на пол. В это время с шумом распахнулась дверь и в комнату ворвались с револьверами в руках полицейские во главе с околоточным надзирателем.

Далее официальное донесение рисует следующую картину: „Когда была зажжена свеча, то на полу, на кровати и на столе был обнаружен рассыпанный типографский шрифт в количестве, приблизительно, около одного пуда... Кроме того, на столе было найдено три исписанных листка, разорванных на несколько частей; один из них оказался напечатанным на пишущей машине, а два — написанных от руки. Там же в комнате Рудинского... оказались... типографские принадлежности, составляющие в общей совокупности вполне оборудованную ручную типографию. Найденные листки представляют собой оригинал воззвания РСДРП...“.

1) Охранное отделение, в донесении об аресте типографии, очевидно, с целью усиления значения этого ареста, характеризует Рудинского, как видного с.-д., обладающего большими партийными связями.

Все захваченные в квартире были арестованы, и когда их вывели на улицу, было отдано распоряжение: в случае попытки к побегу — стрелять без разговоров!

Рудинского в квартире не оказалось; он был арестован в бакалейной лавке в том же доме.

По делу того же „коллектива“ были арестованы Ротлейдер, Крейсберг, Реут, Цивлина, Факторович, Маргулис, Чудновский¹⁾, Голод. Все они, кроме застигнутых в типографии и Крейсберга, были высланы в Иркутскую губернию. Крейсберг же был привлечен по делу о типографии на следующем основании:

Взятый в квартире Рудинского черновик прокламации к солдатам был отпечатан на пишущей машине, у которой отсутствует буква „н“, вследствие чего малое „н“ было заменено заглавным. Той же особенностью отличались и найденные на квартире Ицковского резолюция и постановление совещания (цитировались выше). В связи с этим 23 сентября был произведен осмотр пишущих машин в конторе кинематографических лент, где служил Крейсберг. Там, действительно, была обнаружена пишущая машинка „Смис Премьер“ с отмеченным выше дефектом. Отсюда охранка делала вывод, что Крейсберг сам и печатал „преступные“ черновики.

Как Крейсберг, так и остальные арестованные в „типографии“ были судимы военно-окружным судом 8 и 9 февраля 1916 года и приговорены к каторжным работам:

Рудинский и Скачко — 4 г.; Ицковский — 6 лет; Ластовский — 5 л., Маргулис и Крейсберг — 2 г. и 8 мес.

1916 ГОД

Конец 1915 и весь 1916 годы создают наиболее благоприятные для большевистской пропаганды условия. Окончание войны все больше и больше отодвигалось в туманное будущее, созданная же войной разруха все углублялась. В связи с этим пораженческие идеи находили в этот период более сочувственный и широкий отклик. В профсоюзах большевики значительно укрепили свои позиции. Кроме того, укрепилось их влияние и в студенчестве.

Интеллигенты, которые шли к большевикам в 1916 году, состояли, главным образом, из студенчества. Первый провал этого года, имевший место 28 апреля, отдал в жандармские руки студентов Тарногородского, Лейтеса и братьев Инденбаумов. Они были застигнуты в квартире последних за печатанием первомайских прокламаций. По связям с ними был взят еще ряд лиц — опять-таки, главным образом, студентов²⁾.

¹⁾ Чудновский в то время не был членом нашей партии. Он был в „Бунде“.

²⁾ Среди них и Евгений Эдельштейн. Погиб в борьбе с бандитизмом на Подолии в 1919 г.

После допроса власти выслали в Орел, как политически неблагонадежных, семь человек: Абрамова — рабочего, студентов — Урина, Шредера, Иванова, Кефели и курсисток — Гуревич и Гинзбург. Большинство из них принимало участие в студенческих выступлениях периода войны. Но они были связаны и с большевистской организацией.

Работа проводилась в кружках, которые быстро стали расти, как среди рабочих, так и среди студенческой молодежи. Скванность, инерция, разброд первых годов войны прошли.

Показательны воспоминания киевского большевика Майорова об этом времени:

„... Долго сидеть без дела я не мог. Приходили рабочие звать на собрания. Начали создаваться кружки без нас (курсив мой. — А. Г.). Результаты работы для нашей партии были довольно положительные“...

Это в равной мере относится не только к рабочим, но и к студентам, которые, по свидетельству того же Майорова, отличались тогда революционным настроением. Одним из студенческих представителей — и виднейшим — в организации был Тарногородский. Охранка аттестует его как руководителя студенческого движения в Киеве, обладающего обширными партийными связями. Через него была установлена связь и с Петроградом.

„... В апреле сего года вместе со студентом Эдельштейном ездил (Тарногородский) к левым депутатам Гос. Думы с ходатайством о предоставлении студентам-евреям равных прав с русскими по отбыванию воинской повинности... В Петрограде оба эти лица... участвовали на каком-то собрании рабочих, где большинство присутствовавших выказало себя пораженцами, стремящимися свергнуть правительство, а затем уже защищать страну от врага... Из Петрограда Тарногородский привез в Киев несколько с.-д. прокламаций „Петроградского комитета“, приуроченных ко дню Ленских событий. Тарногородский, как уже отмечалось выше, был застигнут за печатанием первомайской прокламации. В прокламации от имени с.-д. рабочей группы г. Киева требовалось заключения мира во что бы то ни стало, а рабочие призывались к гражданской войне. Прокламацию составил Евгений Эдельштейн, передавший черновик Тарногородскому, у которого он и был найден в кармане. Для характеристики боевого настроения арестованных приведу следующее место из жандармского „постановления“.

„... Из показаний Эдельштейна усматривается, что Тарногородский отклонил его помощь в деле размножения указанного выше воззвания, но если бы в помощи этой явилась необходимость, то, по словам Эдельштейна, он с радостью помог бы ему в этом“.

Тарногородский, Эдельштейн, братья Инденбаумы и Лейтес были привлечены к формальному дознанию по 1 ч. 102 ст. Уг. Ул.

Но арест этой группы не надолго прервал партийную работу.

Охранное отделение доносило:

„... Изъятие этих интеллигентных сил нанесло существенный ущерб работе подполья, но оставшиеся на свободе отдельные с.-д. тотчас же занялись организацией кружка, который взял бы на себя руководство работой по г. Киеву“...

Вновь созданная организация была не чисто большевистская, о чем говорит и т. Майоров:

„... В то время в Киеве появилась группа студентов, которые вступили к нам в организацию и которые именовали себя меньшевиками, но желали работать у нас, поскольку они считали себя сторонниками Циммервальдской конференции. Наша организация решила их принять. Тогда вошли к нам: Дмитрий Чижевский, Вайнцвайг¹⁾. Эта группа впоследствии решила выделиться из нашей организации, но вскоре была арестована“.

Возможности работы становились шире. Организация связывалась с массами не только через профсоюзы и кружки, как раньше, но также через рабочий кооператив „Жизнь“. Особого внимания требовал к себе продовольственный вопрос. Вот как рисуется положение той киевской прокламации, которая была выпущена по поводу забастовки печатников в 1916 году.

„... Тяжелые времена переживает теперь рабочий. Сахара нет, хлеб стоит 10—15 к. фунт, мяса нигде не достать... А им, капиталистам, все еще мало, все выше вздувают они свои твердые цены да думают о все новых и новых миллионах, которые они выжмут из нашего труда, из нашего пота и крови“.

Были созданы, якобы для смягчения кризиса, так называемые продовольственные комиссии. В Киеве их было двадцать. О выработке действительных мер этими комиссиями к усилению притока продуктов нельзя было и думать; речь могла только идти о более правильном распределении уже имеющихся продуктов. Следует отметить, что в эти комиссии приглашали представителей рабочих, чтобы и их связать ответственностью за продовольственный кризис.

Большевистская организация в отношении этих комиссий, как ранее в отношении военно-промышленных комитетов, заняла позицию бойкота.

В наказе от имени организованных рабочих г. Киева говорилось:

„... Что могут дать нам, рабочим, продовольственные попечительства? Они не устранят продовольственного кризиса, они не улучшат сообщения по железным дорогам, они не уменьшат количества бумажных денег, не отменят косвенных

¹⁾ Кроме них, вошли еще Гершевич, Маршак, Ида Амханицкая, Белицкий и другие.

налогов, не уменьшат дороговизны, не улучшат беспорядка рабочих, не заключат мира“.

Продержалась организация до десятого декабря, когда было арестовано до двадцати человек. Но это была последняя массовая „ликвидация“ организации, произведенная жандармами и не доведенная ими до конца. Меньше чем через три месяца самодержавие было свергнуто.

К СТАТЬЕ ТОВА. ГРИНБЕРГА: „КИЕВСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РСДРП(б) В ЭПОХУ ВОЙНЫ“

Очерк т. Гринберга страдает целым рядом неточностей в виду того, что автор целиком ссылается на архивные данные охранного отделения, к которым следует относиться с большой осторожностью.

Например, в целом ряде случаев роль отдельных товарищей в организации преувеличена, а о других вовсе ничего не упоминается. Так, ни слова не говорится о руководителях организации того периода после ареста группы Вейнберга, Магидова и друг. В то время работали Каганович, теперешний секретарь ЦК КП(б)У; Майоров, стоявший во главе ЦБ профессиональных союзов; Дора Погуляева, она же Иткина, член Киевского Комитета до январских событий 1918 г. в Киеве; Гриша Приворотский, который был арестован с группой Андронникова, играл немалую роль в организации; кроме того, Маня Иткина, Волков, Сивцов, Сухарев, Абрам Мартиновский, Витковский, Перепечко, Кудрик, Белохвостиков, Кутузов. Все перечисленные товарищи составляли Киевский коллектив, начиная с 1915 г. до революции 1917 года. В статье Гринберга они совершенно не упоминаются, несмотря на то, что эти товарищи являлись руководителями и активными участниками партийной организации и профессионального движения в Киеве.

Затем следует отметить, что подпольную типографию на Златоустовской улице провалил не Лева Айзенберг, как говорится в статье, так как он стоял далеко от партийной организации (он в то время находился на военной службе), а провокатор Ида Лесова¹⁾, которая была два раза на квартире, в которой был провал типографии.

Далее следует упомянуть о роли молодых товарищей, впоследствии организовавшихся в Коммунистический Союз Молодежи. Во главе стояли следующие товарищи: Мальчиков, Самуил Биберман, Белокриницкий, Шура Ситниченко и др. Более подробно о движении молодежи того периода описано в книжке М. Майорова „Исторические очерки революционной борьбы на Украине“ и в брошюре Ш. Ситниченко.

Кроме того, совсем не сказано о с.-д. движении на заводах и фабриках; в то время через кооператив „Жизнь“ удалось —

¹⁾ Расстреляна в 1925 г.

правда, с трудом — наладить связь с заводскими рабочими и железнодорожниками. Также была сделана попытка организовать союз металлистов. На первом общем собрании металлистов присутствовало 200 человек заводских рабочих. Члены партийной организации на этом собрании активно выступали и произносили пораженческие речи. Такие же политические выступления имели место осенью 1915 года на общем собрании швейников, где участников было до 500 человек... Это собрание целиком приняло резолюцию большевиков об отношении к войне. Подобное выступление имело место и на с'езде Союза Городов в Киеве. Организации удалось провести на с'езд своих представителей от профессиональных союзов, и т. Ластовский, при шумном протесте участников всего с'езда, прочитал декларацию от революционных рабочих, излагавшую их взгляд на войну.

Впоследствии эта декларация была положена в основу для выработки платформы революционных марксистов, в сентябре 1915 года. Платформа принималась на собрании активных работников в количестве 26-ти человек на квартире Рудинского по Златоустовской улице, где была подпольная типография. Это собрание продолжалось два вечера; на собрании присутствовала Лесова. Надо полагать, что она провалила типографию.

Несомненно, что техническая комиссия состояла из несерьезных товарищей. Хозяин квартиры, Рудинский, был довольно подозрительный человек. Во время революции в 1918 году он стал в Екатеринославе главарем анархистской шайки, занимавшейся грабежами.

В заключение следует выразить сожаление, что работа Киевской организации за военный период не освещена кем либо из непосредственных участников движения. Слабо проверенные материалы охранного отделения полной картины дать не могут.

Данный очерк освещает поэтому лишь отдельные стороны деятельности Киевской организации, главным образом постольку, поскольку они отразились в материалах охраны. И в этом его ценность.

II

СПОГАДИ

ПЕРШИЙ ПЕРІОД РАДЯНСЬКОЇ ВЛАДИ НА УКРАЇНІ. ЦВКУ ТА НАРОДНІЙ СЕКРЕТАРІЯТ

(Спогади)

Члени першого Всеукраїнського з'їзду Рад, що примушені були покинути Київ, де Центральна Рада зірвала їхню роботу, приїхали до Харкова 20 грудня 1917 року¹). Оскільки мені відомо, точного списку цих делегатів ніде не заховалося. Загальна кількість їх виносила з сотню чоловіка, бо чимала частина з різних причин до Харкова не доїхала, а повернулася на місця, куди їх викликала потреба особисто керувати революційними подіями, або й просто забарилася в Києві, відставши від основної групи своїх товаришів за того безладдя та поспішливості, підчас яких стався самий від'їзд. Як відомо, у нас, у провідної більшовицької групи, план, що далі робити, був уже остаточно встановлений: притягти до участі в з'їздові делегатів Донецько-Криворізького обласного з'їзду, поставити перед таким об'єднаним з'їздом основні питання, пророблені вже на Всеукраїнській партійній конференції — про оголошення України радянською республікою, про скасування Центральної Ради та обрання єдиного Всеукраїнського радянського центрального органу влади.

У процесі короткої часом, але надзвичайно інтенсивної спільної роботи, ми добре познайомилися між собою, і в нас утворилася певна психологічна єдність, що робила з нас щільно зв'язаний дисциплінований колектив. А той факт, що всі ми були не місцеві, харківські, а приїхали з інших місцевостей українських і раніш у Харкові не працювали, це ніби-то абстрагувало нас од усяких місцевих, локальних інтересів та настроїв і примушувало підходити до всіх питань із загальноукраїнською точкою погляду, дбати про цілу Україну. Згадуючи себе й рівняючи свої настрої з настроями інших товаришів, мені здається проте, що кожний з нас того часу був великим патріотом своєї місцевості — свого міста, губернії. Це пояснювалося тою великою роботою, що кожному довелося

¹) В цій статті всюди числа місяця за новим стилем. — Р е д.

проробити від перших днів революційних саме там, де його революція спіткала та тим великим революційним ентузіазмом, що кожний пережив підчас першої революційної хвилі разом з широкими народними масами тієї місцевости. Але всі ми, приїхавши до Харкова, опинилися відрізані від своєї, так би мовити, революційної „отчизни“ — десь там, на Правобережжі або на Полтавщині чи Чернігівщині, на той день захоплених ворожими силами Центральної Ради; звільнити їх, повернути там владу робітникам та селянам, радам їхнім — кожному з нас якось суто інтимно, особисто бажалося. Але ми вже бачили, що це є можливе лише у всеукраїнському масштабі, спільними силами знищивши спільного ворога.

Я не думаю, звичайно, що це була єдина, або навіть головна причина, чому ми раніш, ніж, скажемо, харків'яне або донбасці, дійшли розуміння, що в інтересах революції конче потрібно політично об'єднати цілу Україну. Я лише зазначаю, що на ґрунті таких настроїв до певної міри в емігрантському становищу, ми гостріше відчули, що ми територіально є українці, що Україна є окремий, своєрідний край із своїми особливостями, все те, до чого ми почасти були вже підготовлені, працюючи в специфічних умовах селянського оточення правобережних, аграрних районів.

Цілком протилежні були настрої в харківських товаришів. Вони були в себе вдома й цілком заглиблені в свої, харківських, місцевих справах. Вплив Центральної Ради та українських партій, що її підтримували, був у самому місті надзвичайно малий. Ані зросійщена обивательщина, що на виборах до Установчих зборів дала 25% всіх голосів кадетам, ані робітники, що в значній мірі ще не позбавилися її впливу — через меншовиків та есерів, ґрунту для національного українського руху не давали. Харків увесь час тримав звязок безпосередньо з Петербургом. З цілком українським селянством слобожанським харківські більшовики звязані майже зовсім не були. Отже, вони мали абсолютно наївну уяву про національні завдання революційного пролетаріату на Україні — вони були певні, що, принаймні, Харківщина, Донбас та Криворіжжя ніякісінького відношення взагалі до України не мають, що всі претензії Центральної Ради на ці землі є фантастичні й до того безґрунтовні, що навіть жодної небезпеки для них не становлять.

Переїзд до Харкова групи товаришів, що претендували стати за Всеукраїнський партійний центр (Головний Комітет), що пропонували створити всеукраїнський радянський центр, а потім таки й створили його, — страшенно дратувало це все харківських товаришів, абсолютно не доходючи до їхнього розуміння революції на Україні.

Крім того, треба пам'ятати, що й тоді, і далеко ще пізніш, до кінця майже 1918 року, панувала скрізь по радянській землі якщо не теорія, то практика: „всю владу місцям“. І харків'яни

дуже завзято захищали свої прерогативи, настоювали, щоб ніхто в місті, крім Харківської Ради, не порядкував, — дарма що сама ця Рада тієї пори ще не розквітлася як слід з меншовіками та есерами. Виходячи з таких позицій, харків'яни весь час конфліктували й із ВЦВК та Народнім Секретаріатом — з одного боку, і із штабом тов. Антонова — з другого. Не малу роль, як мені тоді здавалося, відігравали в цьому ще й моменти персонального честолюбства, а головне — відсутність ще тієї суворой дисципліни та організованости, що лише згодом і поволі утворилися в комуністичній партії України.

В найгостріших конфліктах між харківськими товаришами та представниками всеукраїнського центру мені особисто не довелося брати участі. бо я покинув Харків уже 20 січня 1918 року, пробувши там лише один місяць, але та повсякденна глуха опозиція й недоброзичливість, що їх відчували на кожнім кроці перші організатори Всеукраїнської радянської влади в майбутній столиці УСРР, залишили в мене прикру пам'ять.

Одразу після нашого приїзду з Києва почалася низка нарад Головного Комітету з Обласним Донецьким та Харківським; відбувалися вони в будинку „Присутственных мест“, де містилися тоді партійні комітети, а нині й Харківський Округкомком. Там же в кількох кімнатах і ночували члени Головного Комітету та з'їздівські делегати, покотом лягаючи на долівку, а кому пощастить — умощуючися на твердих лавах та стільцях, хоч вже стояла зима й було дуже холодно. Харківська місцева радянська влада або не хотіла, або не вміла дістати для приїжджих якогось кращого помешкання¹⁾.

Абсолютно неможливо тепер понювати в пам'яті всі перипетії тих переговорів, що довелося вести нам із харків'янами та донбасцями. Знаю лише, що після директиви, яку Центральний Комітет партії дав Артемові з Петербургу, той нарешті погодився з нами й вплинув на інших харків'ян пристати до нашої пропозиції, щоб було об'єднано делегатів Всеукраїнського з'їзду з делегатами Обласного. Самий з'їзд одкрився 24 грудня і продовжувався два дні, при чому рівнобіжно з ним відбувався й з'їзд Обласний Донецько-Криворізький, на якому обговорювалося спеціально обласні справи. Підчас з'їзду одного разу чі двічі відбулися надзвичайно цікаві фракційні засідання. На них уперше виявилася та „катеринославська точка погляду“, що здобула собі таку недобру славу в дальшій історії нашої партії. Виразником її виступав т. Яковлев-Епштейн від іменикатеринославської делегації. Тоді вона полягала зовсім не в тому, як розуміти завдання робітничого класу в національній політиці на Україні, а в тому, що катеринославці вважали,

¹⁾ Як відомо, Харківська Рада запропонувала нам оселитися у в'язниці біля вокзалу й дала нам кілька кімнат, але там було так змрно, вохко й так смерділо дезинфекцією, що ми після першої ночі втікли звідти.

ніби-то Україна взагалі ще не є готова для радянської влади, а тому робітництво та його ради повинні утриматися від перевороту та заждати Установчих зборів, що мали зібратися незабаром. Позиція в катеринославців, виходить, була відносно цього питання ще не зовсім більшовицька, і це ще раз підтверджує, що ухили від справедливої більшовицької національної політики часто-густо органічно зв'язані з ухилами від більшовизму взагалі.

Друге питання, що обговорювалося на нарадах дуже детально, за яке було найбільше суперечок та незгоди, це про становище Донбасу та Криворіжжя в складі України. Дуже багато товаришів намагалися довести, що цих земель не треба включати до Української Республіки, але слід приєднати їх до РСФРР або надати їм автономії. Аргументувалося це тим, що вони мають більший економічний зв'язок з РСФРР, ніж з Україною, або ж — що робітники цих районів ніби-то щільніше зв'язані з робітництвом північним, ніж з людністю непромислових українських районів. Противні погляди обороняли здебільшого товариші, що приїхали на з'їзд з Києва або додержувались їхнього погляду, — серед них пам'ятаю виступи М. О. Скрипника, Є. Б. Бош, В. А. Авсема. Їхня аргументація була суто більшовицька: вони доводили, що в інтересах революції ніяк не можна відокремити промислові райони від аграрних, що це призвело б до того, що селянство, не маючи пролетарського проводу, відійшло б од революції, і радянська влада загубила б ґрунт на Україні. Лише М. О. Скрипник до кінця проаналізував питання: він висвітлив і історичний розвиток української економіки, і роль України в європейській революції через зв'язок її з Галичиною та іншими західно-українськими землями й відзначив соціально-природу сепаратистської теорії харківців, як ідеологію російських зайшлих робітників, що лише тимчасово, на заробітки, відвідують українські промислові райони. Таким чином, майже цілковито було висловлено в основних рисах суть справедливої більшовицької лінії в цій питанні. Лише роля міської зросійщеної інтелігенції й міщанства та їхніх шовіністичних ідеологів — меншовиків та есерів — зосталася ще темна.

Згадуючи тепер, через десять років, я не можу встановити, який настрої на цих нарадах мав перевагу. У всякому разі мені здається, що правильно зрозуміти проблему значна більшість з нас не була ще здатна. Але я дуже сумніваюся, ніби-то було ухвалено, як це стверджує тов. Ерде в своїй книжці „Революція на Україні“, вже тоді утворити з Донбасу та Криворіжжя окрему республіку. Мені здається, що по суті питання зосталося ще не розв'язане, а формально Українську Республіку ухвалено було зафіксувати в межах, що визначила була Центральна Рада, цеб-то з усіх вісьмох губерній. Бо ж на з'їзді всі ці губернії було репрезентовано, і до Ц. В. К. ввійшли

члени з'їзду так з „Київської“ частини делегатів, як і з „Харківської“. І пізніш, у нас, членів першого українського уряду, не було жодних сумнівів, що нашій владі має підлягати ціла Україна.

Що ж до „катеринославської точки погляду“, то вона не знайшла собі прихильників серед делегатів, крім певної частини катеринославців.

На самому з'їзді, звичайно, більшовики виступали солідарно. Від інших партій пригадую виступи Голубовського (правого есера) й Сандомірського (від меншовиків).

До Центрального Виконавчого Комітету, якому з'їзд доручив найвищу владу на Україні, було обрано сорок одного чоловіка, з них Медведів — лівий уесдек, Терлецький та Еріхерман — російські ліві есери й Гухман (почепський делегат з північної Чернігівщини), який визначив себе за с.-д.-інтернаціоналіста, бо репрезентував об'єднану с.-д. організацію, хоча й поділяв цілком більшовицьку платформу. Решта, здається, всі були більшовики. 24 члени ЦВК були делегати з „Київської“ частини з'їзду, 10 — з „Харківської“, про 7-ох я не маю відомостей. Таким чином 26-го грудня почав функціонувати перший центральний орган Всеукраїнської радянської влади. Місцева Харківська більшовицька партійна організація, так само, як і Харківська міська Рада, що через своїх делегатів на з'їзді брали участь в утворенні цього органу, аж ніяк не відзначили цієї найважливішої для нашої революції події: ані на робітничих та солдатських зібраннях, ані навіть у пресі не проведено було жодної кампанії, щоб з'ясувати масам значіння цього моменту, щоб пригягти їхню увагу до завдань української революції, щоб зорганізувати їх на підтримку своєї влади та на боротьбу за соціальну революцію по всій Україні.

Одразу після з'їзду відбулося перше засідання Центрального Виконавчого Комітету. Попередня фракційна більшовицька нарада проробила питання про склад і структуру президії ЦВК та уряду. Президію ухвалено було скласти з п'яти членів — голови, двох заступників, секретаря та помічника секретаря. На голову висунуто було Г. Є. Медведева — робітника харків'янина та єдиного уесдека, що був у складі ЦВК; заступники — Н. В. Артамонов (робітник-металіст з Миколаєва) та П. В. Решетько (кравець, давній підпільщик, що ще 1911 року був один з провідирів професійного руху в Петербурзі; цікаво, що на з'їзді він репрезентував Ростовську Раду). Секретар — Н. С. Данілевський, один з керівників Харківської організації, який найкраще з усіх харків'ян ставився до „Київської“ групи. Він брав участь ще у Всеукраїнській партійній конференції та на з'їзді, що зірвала в Києві Централ на Рада; він цілком добре знав українську мову й правильно орієнтувався в національному питанні; його заступником був т. Сивков. Тов. Ерде помиляється, згадуючи ще, як третього заступника голови, тов. Шелудька — його було введено до складу

президії пізніш, у Києві, здається, замість тов. Артамонова. Таким чином, у президії ЦВК було три Донецько-Криворізькі делегати. один з Миколаєва і, здається, ні одного з селянських районів (не знаю, звідки був тов. Сивков). Треба пам'ятати, що радянської конституції ще не існувало; структура центральних органів радянських у Петербурзі нам теж майже не була відома; ми керувалися виключно своїм розумінням організаційної доцільності та наслідували російські зразки з тих уривкових відомостей про них, що до нас доходили з газет. Замість народніх комісарів, ми ухвалили назвати членів Українського уряду народніми секретарями, протиставлячи їх генеральним секретарям Центральної Ради. Уряд у цілому став називатися Народній Секретаріят, а окремі відомства — Народні Секретарства. Нам важко було виставити певну кандидатуру на голову Народнього Секретаріату. Найбільш авторитетні й імпульсивні були т.т. Бош, Скрипник та Артем. Але Скрипник приїхав пізніш, Артем не виявляв жодної охоти віддатися роботі всеукраїнського масштабу, бо його цікавила тільки Харківська „область“. Є. Б. Бош була робітниця надзвичайно сильний, користувалася поміж нас великим авторитетом, але якось занадто незвичайно було б на чолі першого соціалістичного уряду українського поставити жінку, доводилося зважати на те, яке б вражіння це справило на широкі маси, і це, мабуть, була головна причина, чому на цій кандидатурі ми не спинилися. Сталося так, що раніш, ніж взагалі обговорювати питання про голову Народнього Секретаріату, В. С. Люксембург і я внесли пропозицію зовсім не встановлювати такої посади, надати всім народнім секретарям однакових прав, а організаційне погодження роботи окремих відомств та представництво Народнього Секретаріату зовні доручити спеціальному народньому секретареві, „Головному Писареві“, як ми його назвали знов таки за аналогією з Генеральним Писарем Центральної Ради — і що ми не зовсім влучно перекладали на російський термін: „Управляющий делами“. До цієї пропозиції пристали всі, бо вона виводила нас „з президентської кризи“. Народніх Секретарств було намічено тринадцять: внутрішніх справ, військових, фінансів, земельних, судових (юстиції), продовольчих (харчування), освіти, торгу й промисловости (рад народнього господарства ще не існувало й у Росії), шляхів, пошти та телеграфу, праці, міжнародних справ та управління головного писаря. Відомств закордонних справ та морських не заводилося: першого тому, що міжнародню політику ми вважали за прерогативу Центрального федерального уряду, а другого — через те, що морське побережжя та флота ще були поза межами нашої влади. Відати закордонними справами було покладено на М. О. Скрипника пізніш, після Берестейського миру, а виконувати обов'язки народнього секретаря морських справ доручено було т. Любичькому лише в Києві.

коли радянську владу встановлено вже було в Одесі і з нею налагоджено зв'язок. Народніх секретарів шляхів, праці та телеграфів спочатку так само не було призначено, — шляхів тому, що кандидатуру треба було погодити з „Вікжелем“ (за петербурзьким прикладом ми демонстрували свою готовність дійти згоди з профорганізацією залізничників), праці, пошти та телеграфу — через те, що не було ще відповідних кандидатур. Трохи згодом, першу посаду було дано тов. Скрипникові, коли він приїхав до Харкова, а другу — тимчасово доручено Мартянову, але не остаточно, бо проти його кандидатури гостро заперечували харків'яни, хоча нам він імпонував своєю енергією, агітаторським хистом та вмінням поводитися з специфічною масою поштово-телеграфних службовців. Крім того, він добре володів українською мовою, виявляв правильне розуміння української політики і в усіх конфліктах з харків'янами ставав на наш бік. Його було призначено „тимчасово виконувати обов'язки“ народнього секретаря. Народнє Секретарство шляхів було доручено С. Бакинському лише згодом, коли уряд уже переїхав до Києва. Як відомо, 1920 року, в Криму, у врангелівському підпіллі Мартянов перейшов на службу до контр-розвідки й викрив їй наших підпільних робітників. Про його долю є різні чутки — чи то його десь було розстріляно нашими карними органами, чи то він утік за кордон. До Народнього Секретаріату з „харків'ян“ вступило крім Мартянова лише два чоловіка — Артем та Лугановський — решта були з „київської“ групи, за винятком Скрипника, що приїхав безпосередньо з Ленінграду, але одразу він також пристав до „киян“. Внутрішні справи було доручено Є. Б. Бош, військові — В. М. Шахраєві, фінанси — В. Х. Авсємові, земельні — Є. П. Терлецькому, судові — В. С. Люксембургіві, освіту — В. П. Затонському, торгу та промисловости — Артемові, харчові — Є. Лугановському, міжнаціональні — С. Бакинському, головне секретарство — Г. Лапчинському. Таким чином, переважна більшість членів першого радянського уряду українського були місцеві люди — або української національності, або ті, що народилися й працювали на Україні; лише Лапчинський та Люксембург були з півночі й недавно приїхали на Україну. Але добре знали українську мову й вільно говорили по-українському лише Затонський, Скрипник, Шахрай та Мартянов.

З доручення ЦВК комісія в складі Бош, Бакинського та Лапчинського склала маніфеста до всіх робітників, салдатів та селян українських, що його того ж 26 грудня затвердив пленум ЦВК. Цей день треба вважати за перший день існування Всеукраїнської радянської влади.

В перші дні після з'їзду, коли роз'їхалися на місця делегати, коли й частина членів ЦВК поїхали додому, щоб ознайомити свої організації, де вони здебільшого були керовниками, з наслідками з'їзду, — перед товаришами, посланими для роботи

до президії ЦВК та до Народнього Секретаріату, відразу по-стала низка невідкладних завдань, а, щоб їх розв'язати, умови склалися надзвичайно важкі й несприятливі. Коли ми попе-реду планували утворити радянський уряд замість зрадницької Центральної Ради, ми уявляли його собі досить абстрактно, теоретично, головне, як принципову протипагу-урядові дрібно-буржуазному та шовіністичному. Тепер ходило вже про те, щоб реально використати ту державну нову владу, перевести рево-люційну перебудову цілого державного апарату в дусі принци-пових вимог, що вже кілька місяців як були для нас зформу-ловані. Коли в Петербурзі наші товариші зробили переворот, вони захопили стару урядову машину, центральний вузол, до якого протягом двох століть простягалися нитки з цілої імперії; в їхньому розпорядженні були багатства й засоби першого в країні великого міста, найреволюційніший пролетаріят і чис-ленна військова залага,—і сами вони стояли на чолі могут-ньої партійної та радянської організації цього міста.

Наше становище було зовсім одмінне. Україна вже кілька століть не мала власної державної організації, а Харків взагалі ніколи не був для неї центром. Для харківського пролетаріату ми були зовсім нові люди, а між нами та ним ще й навмисне ставали наші місцеві співпартійці, що до них персонально хар-ківські робітники звикли протягом попередніх революційних місяців; до того ж, ці товариші зовсім не поділяли нашої кон-цепції що до будови Радянської України і свідомо й підсвідомо на кожному кроці утрудняли нашу роботу. Залага була незначна й розкладена остаточно. Обивательщина цілком зрусифікована й зоологічно ворожа до всього українського (згадаймо, що й нині, через десять років революції, києм доводиться вибивати з неї російський шовінізм!).

Президія ЦВК та Народній Секретаріат не мали навіть при-міщення де працювати, не мали друкованого органу, щоб через пресу впливати на народні маси; члени їх та співробіт-ники не мали просто де жити; і харківські товариші відмовля-лися вжити будь-яких заходів, щоб покласти край такому неймовірному становищу. Нам доводилося самим подбати за себе, як би не хотілося нам не втручатися до місцевих справ Харківської Ради. Здається 27 чи 28 грудня, підчас засі-дання ЦВК до залі „Присутственных мест“, де ми й працювали й жили, з'явився тов. Беленкович, що командував якимись частинами Харківської Червоної гвардії та вітаючи нас по-військовому, відрепортував, що підлегла йому Червона гвардія „віддає себе в розпорядження Всеукраїнського радянського уряду та чекає на його накази“. Є. Б. Бош, подякувавши від імени Народнього Секретаріату, тут же запропонувала йому негайно відрядити команду й зайняти будинок Юзефовича, редактора кадетської газети „Южный Край“, реквізувати так помешкання редакції, як і друкарню, де та газета друкувалася.

Наказа негайно було виконано, і уряд дістав велике й добре умебльоване помешкання й прекрасну друкарню, де він міг тепер друкувати свого офіційного органа та іншу літературу. Там (на Сумській, нині Лібкнехтівській вулиці, де тепер є редакція „Вістей ВУЦВК“) ввесь час свого перебування в Харкові містився ЦВК та більшість Народніх Секретарств, там одбувалися засідання Народнього Секретаріату та Головного Комітету С. Д. України; а перший тиждень-півтора там і ночували члени уряду вже не на долівці та твердих лавах „Присутственных мест“, а на м'яких канапах та фотелях громадянина Юзефовича (лише перед новим роком (старого стилю) нарешті було реквізовано для нас кімнати в готелі, що тепер зветься „Спартак“).

Робота Народнього Секретаріату та окремих Секретарств поділялася на законодавчу, безпосередньо адміністративну та на налагодження зв'язку з провінцією й інструктування її через численні делегації, що незабаром почали приїздити до Харкова, коли до них докотилася звістка про утворення там радянського центру. Крім того, багато часу відбирали в членів уряду агітаційні виступи серед робітничих та салдаських мас у Харкові. Я особито був у Харкові після затвердження уряду лише перші три тижні, а події розвинулися за цей час так калейдоскопічно, що послідовність їх і деталі абсолютно не збереглися в пам'яті. Отже, я можу тут подати лише загальну характеристику роботи по окремих галузях та окремих товаришів і пригадати деякі подробиці, що випадково в мене скоротилися.

Законодавча діяльність першого радянського уряду була досить широка. Постанови й декрети видавав лише Народній Секретаріат, а не президія ЦВК — через неї лише проходили призначення членів уряду та деякі принципові декларації. Проекти виготовлювали окремі секретарі, їх обговорювано на засіданні Народнього Секретаріату, після ухвали підписував відповідний народній секретар, ще кілька членів Народнього Секретаріату та неодмінно головний писар, і негайно передавалися до редакції „Вісника“ для публікації.

Цікаво відзначити, що ми зовсім не розмежували своєї законодавчої компетенції й компетенції Петербурзької Ради Народніх Комісарів, хоча вважали цей уряд за загальнофедеральний, а себе за місцевий, краєвий. В багатьох питаннях ми реципували декрети, видані в Петербурзі, але часто-густо й зовсім самостійно розв'язували справи, керуючися лише загальними принципами нашої більшовицької програми. Гадаю, що на місцях це викликало не мало непорозумінь, і там з двох розпоряджень в одній справі, Харківського та Петербурзького, мабуть, виконували те, що раніш ставало відоме, а ще певніш, те, що більш подобалося представникам місцевої влади. По суті ж усі ці розпорядження мали лише інструктивно-директивне

значіння, а ради на місцях фактично були єдиною реальною владою. Згодом, уже в Києві, всі ці законодавчі акти було зібрано в спеціальних „збірниках“, що видавало Управління Головного Писаря, але їх зовсім не збереглося, і нині ніде не можна розшукати.

Коли після Директорії на Україні вдруге запанувала радянська влада, Народній Комісаріят юстиції почав видавати „Збірник Законів та Розпоряджень“. Треба зазначити, що він ігнорував у своїй кодифікаційній діяльності попередній законодавчий період радянської влади на Україні, що було, звичайно, і з юридичного боку не слушно, і з політичного. Усі закони та офіційні публікації Народній Секретаріят уважав за потрібне видавати неодмінно двома мовами, хоча частенько в Харкові перекладати на українську не було кому, і багато матеріалів було видано надзвичайно важкою, а то й просто неграмотною українською мовою.

Безпосередня адміністративна робота полягала в тому, що деякі народні секретарі почали такі утворювати в зародковій формі кадри для центрального апарату своїх відомств та персонально керувати в Харкові тими заходами, що їх вони намітили для цілої України. Бо перші тижні владу Народнього Секретаріату було обмежено дуже вузьким тереном — Харковом та частиною його губернії, решту тримали в своїх руках або Центральна Рада, або Каледін. Харківські ж товариші дуже неохоче виконували розпорядження всеукраїнських радянських органів. Отже, народнім секретарям доводилося весь час натискати на відповідних комісарів та відділи Харківської Ради, щоб ті проводили в життя видані від Народнього Секретаріату декрети. Крім того, деякі губерніяльні або взагалі місцеві харківські державні установи треба було використати, як загально-республіканські. До таких у першу чергу належали органи фінансові. Як відомо, їх найважче було прибрати до рук, а головне, примусити їхню складну формальну машину, обслуговувати нову владу, навіть і в Росії після Жовтня. Часто-густо ми, більшовики, призначивши до скарбниці, до державного банку або до „казенної палати“ свого комісара, навіть запечатавши каси та сховища, в той же час не вмiли змінити системи оплати асигновок і тому не могли примусити урядовців видавати на наші потреби гроші та завадити їм продовжувати нормально фінансувати такі установи, які вже були зовсім скасовані нашими постановами.

ЦВК України у відповідь на офіційне повідомлення Петербурзького уряду про своє обрання, дістав телеграму, де Рада Народніх Комісарів вітала його й повідомляла, що надалі всяке фінансування України, всяка посилка туди грошей з центру йтиме виключно через Український радянський уряд. У зв'язку з тим тов. Авсем, приблизно через два дні після утворення Народнього Секретаріату, офіційно, без перешкод з боку

старої адміністрації, взявся до управління Харківською конторою державного банку, призначивши в ній на комісара тов. Смолякова. Пам'ятаю, що, дійсно, після того фінансування Харківської контори з Петербургу йшло через наше Народне Секретарство фінансів. Але, мабуть, все ж таки Народне Секретарство механіку відкривати кредити не відразу опанувало, бо чомусь значні грошові суми переходилося безпосередньо в помешканні Народнього Секретаріату, в огнестійкій касі, що нам зосталася після гр. Юзефовича.

Не знаю, як провадилася націоналізація приватних банків. 15 січня Народній Секретаріат на пропозицію Народнього Секретаріату фінансів поклав на Харківську губерніяльну скарбницю тимчасові функції Державної Скарбниці Української Республіки. Того ж числа було видано декрета обкласти буржуазію одноразовим податком та асигнувати два мільйони карбованців на допомогу робітникам та селянам у тих місцевостях, що потерпіли від горожанської війни. Цікаво було спостерігати, як перехід фінансового апарату до рук нової влади є дійсно важливіший стимул для фактичного визнання цієї влади в країні; перші делегації, що звернулися до Народнього Секретаріату з місць були в справах фінансових. Якщо не помиляюся, це були представники міської Думи якогось невеличкого міста на Херсонщині, — за ними сунули всякі інші міста та повіти, а також безліч робітничих делегацій в справах заробітної платні.

Дуже енергійно від перших днів працювало також Народне Секретарство пошти та телеграфів. Март'янов зумів не допустити жодного саботажу, захопивши харківську п. - т. округу, апарат якої він також використав тимчасово для Народнього Секретарства. Це було дуже важливо для нас, бо ми здобули зв'язок з цілою Україною та іншими частинами федерації і таким чином були завжди добре інформовані. Крім того, телеграфом ми широко користувалися для агітації за радянську владу та проти Центральної Ради. Зокрема, сам Март'янов весь час полемізував з генеральним секретарем пошти та телеграфу Шаповалом, своїми циркулярними телеграмами закликаючи поштово-телеграфних робітників не виконувати розпоряджень буржуазної влади та підтримувати владу радянську.

В галузі юстиції В. С. Люксембург розробив та провів через Народній Секретаріат декрет про скасування всіх старих судових установ та про заміну їх на систему єдиного народного суду, організованого через Раду робітничих, салдатських та селянських депутатів. Під безпосереднім доглядом та керівництвом Народнього Секретарства судовий відділ Харківської Ради — на чолі його стояв тов. І. І. Метлава — цю реформу протягом січня в Харкові здійснив і ліквідував судову палату, округовий суд, мирових суддів, прокуратуру, нотаріат та присяжну адвокатуру на великий жах та обурення цілої обивательщини. До будівництва нового суду — участкових народніх

судів — було притягнуто широкі робітничі маси. Пізніш було організовано й Революційний трибунал, і перший процес, що в ньому відбувся, був процес Довбищенка, українського правого еседека, комісара Центральної Ради та редактора газети „Нова Громада“, закритої з розпорядження Народнього Секретарства внутрішніх справ. Цікаво, що заарештованого Довбищенка замкнуто було чомусь не в тюрмі, а в самому помешканні Народнього Секретаріату, в невеличкій кімнаті поруч з кабінетами голови ЦВК та народніх секретарів: нам незручно було „соціаліста“ тримати у в'язниці.

Очевидно, певну адміністративну операційну роботу провадив і тов. Лугановський, народній секретар харчування. Бо його бюро містилося окремо від Народнього Секретаріату, разом із продовольчою управою Харківської міської Думи. Я пригадую, що якісь ешелони з харчами він виряджав на північ, але за весь час мого перебування в Харкові ні одної його доповіді або пропозиції в харчових справах на засідання Народнього Секретаріату, здається, не ставилося.

Народні Секретарства внутрішніх справ, земельних, праці та міжнаціональних справ розробили декілька декларативних декретів, але в самім Харкові, мабуть, їх не проводилося в життя. Від Народнього Секретарства міжнаціональних справ тов. Кулик подав Народньому Секретаріатові на затвердження коротенького декрета про скасування на Україні державної мови і про те, що всі мови мають бути цілковито рівноправні. При Народньому Секретарстві було утворено з усіх нацменшостей, оскільки я знаю, лише польський відділ. Тов. Бакинський зовсім у Секретарстві не працював, бо його було послано для роботи в штабі Антонова, і його заступав тов. Кулик.

Головна робота т. т. Бош, Скрипника та Терлецького полягала в прийомі делегацій з місць — робітничих та селянських, що в дуже великім числі почали відвідувати Харків.

Зовсім нічого не робили Народні Секретарства освіти й торгу та промисловости. На народнього секретаря освіти було призначено тов. Затонського ще тоді, коли він був у Києві, де його разом з Леонідом П'ятаковим було zostавлено керувати партійною роботою за представників Головного Комітету. Надзвичайно характерне було для тодішніх умов та нашої психології: людину, що працювала легально на терені, підвладнім Центральній Раді, офіційно включити до складу того уряду, що цій Центральній Раді офіційно проголосив був війну та членів її поставив поза законом. Не дивно, що, коли наша газета з надрукованим списком членів Народнього Секретаріату дійшла до Києва, В. П. Затонському довелося спішно зникнути та втекти, бо йому загрожував не лише арешт, але навіть і смерть. Потайки доїхавши до Харкова, тов. Затонський з властивим йому гумором дякував нам за послугу, що ми йому зробили.

Відразу після приїзду тов. Затонського ЦВК послав його разом з Шахраєм та Медведєвим до Петербургу для участі в мирній делегації від імени України. Він мусив також ознайомити як слід петербурзьких товаришів — Раднарком та ЦК партії з українськими справами, бо там почувалася велика непоінформованість і непослідовність у політиці що до України: визнавши наш радянський уряд, Раднарком одночасно робив спроби нав'язати звязки та дійти порозуміння і з Центральною Радою, для чого навіть до Києва було послано наркома пошти та телеграфу лівого есера Прош'яна. Після того, як переговори з німцями було припинено, тов. Затонський за вказівками ЦВК України zostався в Петербурзі. Народній Секретаріат та ЦВК призначили його постановою від 19 січня 1918 року на народнього секретаря „в справах федерації“, цеб-то на нашого повпреда при Раднаркомі, а останній надав йому прав народнього комісара цеб-то члена федерального уряду. Таким чином, тов. Затонський в Народньому Секретарстві освіти зовсім не працював, аж поки після Берестейського миру не повернув на Україну, коли уряд уже був у Києві. Секретарства в Харкові так і не було зформовано.

Народній секретар торгу й промисловости, Артем, не працював тому, що взагалі негативно ставився до нашої роботи, і лише, коли він поїхав по справах до Москви і на його тимчасового заступника було призначено М. О. Скрипника, від імени Народнього Секретарства торгу та промисловости було розроблено й видано через Народній Секретаріат декрета про заведення скрізь по Україні рад народнього господарства.

Народній секретар військових справ, В. М. Шахрай, також доки не поїхав для мирових переговорів, не виявляв жодної акції для організації військового секретарства. Я вже згадував у своїй другій статті про кризу, що він переживав у своїх поглядах на нашу політику на Україні: його не задовольняла відсутність у нас ясного розуміння нашої ролі для відродження української нації в наслідок перемоги соціальної революції. харківське оточення поглибило цей песимізм. Нерозуміння харківських товаришів, майже цілковите ігнорування національного питання навіть серед нашої провідної групи, люксембургіянство—тов. Бош — все це дуже негативно відбивалося на його настроях.

„Що це за уряд український,— скаржився він мені,— що його члени зовсім не знають і не хочуть знати української мови? Що не тільки не користуються жодним впливом серед українського суспільства, але воно навіть ніколи й не чуло раніш їхніх прізвищ? Що я за „український військовий міністр“, коли всі українізовані частини в Харкові мені доводиться роззброювати, бо вони не хочуть іти за мною на оборону радянської влади? За єдину військову підпору для нашої боротьби проти Центральної Ради ми маємо лише військо, що

привів на Україну з Росії Антонов і що на все українське дивиться, як на вороже, контр-революційне?" В. М. Шахрай не зумів зрозуміти, що самий факт нашого існування як всеукраїнського уряду, що ставить собі завданням по цілій Україні встановити централізовану владу місцевих робітників та селян, неминуче приведе діячів революції на Україні — як воно дуже скоро з більшістю їх і сталося — до розуміння наших обов'язків перед розвитком революції в умовах України. Він не помічав, що від самого початку нам довелося взятися за вивчення української мови, щоб, принаймні, в урядовій практиці встановити її рівноправність з російською. Він не передчував, що скоро Радвлада просунеться з Харкова на захід, до неї прилучатимуться численні маси добровільних бійців за соціально революцію з суто українських селянських мас. Він не розумів, що донбаські та криворізькі робітники, що з них склалися сили Червоної гвардії, були суто українська сила, хоча й не вживали української мови в своєму побуті.

Лише коли В. М. Шахрай поїхав до Петербургу та виконувати обов'язки народнього секретаря військових справ було доручено Ю. М. Коцюбинському, справа відразу змінилася на краще. Було видано декрета про утворення Червоної армії, яку ми назвали „Червоним козацтвом“, старанно, хоча здебільшого не зовсім влучно, в усьому пристосовуючись до спеціально „українських“ форм, як ми їх тоді уявляли. Головним організатором нашої першої збройної сили був, як це відомо, тов. Віталій Примаков, що разом з Коцюбинським приїхав з Петербургу, де вони обидва пройшли добру школу в пітерській „военке“ — військовій організації нашої партії в переджовтневу добу.

Так за короткий час ми почали вже набувати певного досвіду в державній роботі, а головне — звикати до своєї „міністерської“ ролі, що спочатку була для нас дуже незвичайна, і нам самим инколи здавалося, що все це „не насправді“.

Але головне, першочергове завдання Всеукраїнського уряду, звичайно, було не будівництво нового ладу, не теоретична розробка форм пролетарської диктатури, а боротьба з дрібнобуржуазною владою, що посідала ще дев'ять десятих української землі, звільнення робітників та селян, що були ще під цією владою, передача українським місцевим радам робітничих, селянських та солдатських депутатів таких самих прав, що їх російським радам завоювала Жовтнева революція.

У Харкові в нашому розпорядженні збройної сили фактично не було. Військові частини українізовані там, як я вказав, нам довелося роззброїти. Харківську Червону гвардію місцеві товариші хотіли використати переважно для боротьби з Каледіном для того, щоб закріпити свій вплив у Донбасі. І взагалі, Червона гвардія була ще мало підготовлена для

походу; вона була більш придатна, головним чином підтримувати лад у себе в місті й там охороняти революційні здобутки.

Але в Харкові стояв штаб тов. Антонова - Овсієнка, посланого з Петербургу для боротьби з Каледіном, як народного комісара для боротьби з контр-революцією. В його розпорядженні було військо, зформоване з різних частин старої армії, що перейшли на бік радянської влади, з матроських загонів та випробуваних уже червоногвардійських частин, з різних російських промислових робітничих центрів. Командували декілька офіцерів - більшовиків, лівих есерів, анархістів, а також і позапартійних, що віддалися на нашу службу. Начальником штабу був полковник Муравйов, що виявив себе за революціонера в боях проти Керенського біля Гатчини.

Антонов не мав наміру наступати на Україну, бо його завданням було як - найшвидше пробитися до Дону, по дорозі звільнивши та озброївши донецький пролетаріат. Крім того, Рада Народніх Комісарів вважала, що військовий наступ проти Центральної Ради українські шовіністи кваліфікуватимуть, як імперіялістичне зазіхання з боку Росії проти України (очевидно, і пiтерським товаришам здавалося, що Донбас не є Україна).

Але, оскільки в Харкові вже існував Український радянський уряд, ситуація змінилася: військовими діями проти Ц. Ради міг керувати він, представник українських робітників та селян. І тому було піднесено питання, щоб частину своїх сил тов. Антонов вирядив у західному напрямі. Бо з багатьох місцевостей — не тільки лівобережних, але й правобережних — до нас надходили відомості, що там починається одверта громадянська війна. Там, де в них була сила, місцеві ради захоплювали владу, Червона гвардія скрізь хутко зростала, вибухали збройні конфлікти з гайдамаками. Прихильники Центральної Ради з свого боку перейшли на шлях жорстокого терору проти збільшовізованих мас і наших партійних товаришів. В Умані 18 січня було забито члена ЦВК та колеги Народнього Секретарства міжнаціональних справ тов. Піонтковського, в Києві кандидата в члени Головного Комітета С. - Д. більшовиків України та члена ЦВК тов. Леоніда П'ятакова. Полтавську Раду розгромили гайдамаки. Про це все нам розповідали наші товариші, що приїжджали до Харкова для інформачії. Бо дивна річ, характерна для тодішнього стану — залізничне сполучення між Харковом та Києвом весь час існувало, так само, як і поштовий та телеграфний зв'язок, хоча в цих містах сиділи два гостро вороже один до одного уряди, що формально проголосили війну між собою.

За такого становища нам ніяк не сиділося в Харкові, всі наші думки були з нашими товаришами, що боролися за революцію проти класових ворогів пролетаріату.

Взаємини Всеукраїнського уряду зі штабом Антонова й з самим тов. Антоновим були досить приязні. Для зв'язку з

ним і для допомоги йому, бо в нього бракувало відповідальних політичних робітників, було командировано тов. Бакинського, що після цього всю свою енергію присвятив майже виключно організації збройної боротьби з контр-революцією і дуже мало брав участі в іншій нашій роботі. Правду кажучи, нам усім здавалося в цей час, що єдиною реальною роботою є військова і доводилося себе переконувати, що й загальнополітична та урядова є також потрібна для справи.

Але, з другого боку, треба зазначити, що багато чого нас не задовольняло в характері діяльності штабу. По-перше, в нас складалося вражіння, що там панує безладдя, що люди не знають, що й як робити. Почасти це пояснювалося тим, що таке вражіння завжди справляє на кожну „цивільну“ людину армія підчас війни, а почасти й дійсно наші військові частини були тоді ще неорганізовані та являли собою партизанський тип загонів без належної дисципліни та військового досвіду. Крім того, вже відразу дався в знаки той антагонізм, що за перших років революції виник між військовими та „цивільними“ комуністами і що міг зникнути лише після того, як армію було цілком упорядковано та дано їй міцне політичне керівництво. „Цивільні“ комуністи здавалися „військовим“ боягузами, панікерами та поганими організаторами тилу, а „військові“ в очах „цивільних“ були політично невитриманими, свавільними та занадто звиклими до насильства.

Нас обурювали самовільні труси та реквізиції різних штабних комісарів, їхня брутальність до місцевої влади. Нас дратувало, що поруч з відомими нам партійними товаришами та революціонерами навколо тов. Антонова крутилися якісь окремі, як нам здавалося, явно чужі для робітничої класи суб'єкти офіцерського типу, з нахабними та бандитськими фізіономіями, і ми обвинувачували їхнього начальника в тому, що він ніби-то не вміє добирати людей. Я пам'ятаю, яке неприємне вражіння на мене особисто справляли, коли я приїздив до залізничного двірця, де стояли штабні вагони та ешелони з антонівським військом — його вояки, зокрема матроси, увішані всілякою зброєю, інколи п'яні, із специфічною брудною лайкою після кожного слова, хоча це почуття дивно перемішувалося зі свідомістю, що це ж таки є люди, що вже героїчно билися були за радянську владу й надалі добровільно збираються проливати свою кров за революцію. Лише згодом на ділі стало цілком ясно, що для тієї епохи таке сполучення справжнього героїзму, відданості пролетарській справі і зовнішньої розбещеності й грубості бурхливої стихії є неминуче явище.

Настоявання Українського уряду, щоб було відряджено військо в Полтавському напрямі, нарешті дали наслідки. Антонов наказав Муравйову розпочати 18 січня наступ, виділивши йому під команду певну кількість піхоти та артилерії

та доручивши йому по дорозі формувати нові частини з добровольців, що будуть до нього приставати. Спочатку за мету для цього походу було поставлено лише зайняти Полтаву, щоб забезпечити головні сили, які оперували проти Каледіна від флангового нападу з боку Центральної Ради. Але ми всі вже розуміли, що на цьому справа не спиниться, що, як тільки просунеться революційне військо на захід, там негайно ж почнеться повстання проти Центральної Ради, і нам доведеться, його підтримуючи, іти все далі й далі.

Коли 19 січня Народній Секретаріят дістав повідомлення, що Муравйов узяв Полтаву та має намір посилати загони на Кремінчук та Ромодан, він визнав за потрібне, щоб у штабі Муравйова були авторитетні представники Українського радянського уряду, які б могли проводити його політику в місцевостях, звільнених од дрібнобуржуазної влади, допомагати місцевим радам налагоджувати державний апарат, а також політично керувати виступами Муравйова, що дуже погано розумівся на специфічних умовах радянської влади на Україні. Ухвалено було з цією метою вирядити двох народніх секретарів — Ю. М. Коцюбинського й мене. Наша присутність у війську, а також наявність там уже кількох українських радянських військових частин (Червоного козацтва та червоногвардійських загонів з українських місцевостей¹⁾) повинні були спростувати наклепи Центральної Ради, що ніби-то на Україну наступає військо „Червоних імперіялістів“ з півночі.

Наша концепція була така: проти буржуазної влади на Україні йде війною Українська радянська влада Народній Секретаріят за братньою допомогою від Ради Народніх Комісарів.

---

¹⁾ Між иншим, до складу відділів Муравйова, які провадили боротьбу за Полтаву — Київ, входила також Харківська Червона гвардія (див. спомини Гончаренка й Смільтнера в цьому ж числі журналу — Р е д.).

Примітка до 162 стор. Тов. Скрипник приїхав на Україну в сходах після I Всеукраїнського з'їзду Рад, зразу став одним із найактивніших представників тої лінії, про яку правильно пише тов. Лапчинський — Р е д.

В БОРОТЬБИ ЗА РАДЯНСЬКУ ВЛАДУ В КИЄВІ. СІЧНЕВЕ ПОВСТАННЯ В ЗАЛІЗНИЧОМУ РАЙОНІ

1. ПЕРЕД ПОВСТАННЯМ

Після того, як виявилось остаточно, що Центральна Рада стала на шлях розгрому київських робітничих, професійних та інших організацій, які в більшій чи меншій мірі співчуваюче ставилися до більшовицького руху, Київський — міський парком зусилено взявся до організації робітничих мас. Ухвалено було організовувати й озброювати київське робітниче населення, утворюючи бойові дружини для скинення влади Центральної Ради. З цією метою виділені були для кожного району Києва відповідальні організатори. Для переведення зазначеної роботи серед київських робітників-залізничників міськпарком виділив автора цих споминів разом з іншими більшовиками залізниці, яких, — до речі сказати, на той час нараховувалося щось з 30 чоловіка.

До цього часу в залізничному районі весь час верховодили по всіх організаціях угодовці, есери, петлюрівці то-що, і більшовики особливої ваги не мали. Так у 1 уч. тяги весь час було засилля есерів, на чолі яких стояли головними верховодами — Олендський, Богинський Петро й Березовський Петро. Територія 1 уч. тяги, повинен сказати, для більшовиків була неприступним місцем. Пригадую, що коли нашим т-шам доводилося туди декілька разів приходити на збори робітників для розповсюдження газети „Голос Соціал - Демократа“, їх звітлія через нацькування есерами, що вони німецькі шпигуни то-що, просто таки виганяли. Не дивно, що тов. Жукові, який маже з 10 місяців там працював, страшенно важко було налагоджувати організаційну роботу.

Крім есерів, у 1 уч. тяги згодом організувалася сильна група петлюрівців, серед яких найактивніші були Діденко, Яковенко, а після Жовтневої революції — і вищезгаданий есер Богинський Петро.

Останні, найзавзятіші захисники Ц. Ради, особливо протидіяли нашій роботі якраз підчас підготування до повстання

Київські звільничники учасники січневого повстання в Києві 1918 р.

й оголошення страйку. Щоб позбавитись їх, Револуційний штаб ухвалив, піймавши їх, розстріляти, чого так і не вдалося зробити (Богинський сховався, а Діденко втік з-під арешту).

Таке ж становище було й у головних залізничних майстернях. Тут великий вплив мали соціал-угодовці—І. Чухманенко¹⁾, Тарапон, Ванцель (голова міському залізничних майстерень), а також молодий та завзятий Сущенко Костик (працював у токарному цеху), який весь час агітував за кадетів, розповсюджуючи кадетську літературу²⁾. Не дивлячись на запекле їхнє змагання проти організації в головних майстернях осередку більшовиків, осередок був все-таки організований й у момент повстання зміг повести за собою робітництво.

В 14 уч. шляхів тов. Вайдек теж зорганізував осередок з 15 чоловіка. Що ж до останніх служб Київського вузла, то там більшовиків так і не було.

Надійшов січень 1918 року. Місьпарком запропонував мені, взявши відпустку по службі, організувати в залізничному районі підпільний штаб. В перших днях січня штаб був зорганізований. Складався він з таких товаришів: Вайдек, Патлах, Поляков і Зюк, якого прикомандирував Місьпарком нам у допомогу. На наш штаб покладено було завдання якомога поспішніше провадити роботу що до організації бойових дружин з робітників. Моменту виступу проти Центральної Ради ждали з дня на день, особливо, коли зачули про наступ Червоної гвардії з Харкова на Київ.

Характерний факт, як робітництво Києва, зокрема робітники-залізничники поволі ставали на бік більшовиків, відходячи від угодовців. Наприкінці грудня 17 року до головних київських майстерень гайдамацькі частини надіслали для поправки розбитий військом Червоної гвардії панцерник. Скликано загальні збори робітників майстерень, де присутніх було три тисячі чоловіка. Виступила ціла низка ораторів з закликом не ремонтувати панцерника, і нарешті ухвалено майже одностайно резолюцію, в якій відзначалося: „що в зв'язку з тим, що панцерник Центральної Ради призначається для вигублення робітників, які провадять боротьбу за радянську владу, ми робітники київських головних майстерень, вислухавши як представників Центральної Ради, так і більшовицької організації РСДРП, ухвалюємо—панцерника не справляти, зроблену ж роботу розібрати“. На другий день постанову незабаром виконано—панцерник був розібраний цілком. З цього часу нам більшовикам стало ясно, що абсолютна більшість робітників—на наших боці і що становище Центральної Ради що-дня гіршає.

1) Тепер комуніст.—Р е д.

2) Сущенко Костик за декілька тижнів до Жовтневої революції, коли в Києві організувався батальйон смерти, виступивши туди, після того прихилив до майстерень агітувати проти більшовиків, „німецьких шпигунів“, похваляючись вішати на телеграфних стовпах—Н. П.

Київський Місьпарком проте не дуже енергійно і плано-мірно, на мій погляд, готував повстання. Вийшло так, що хто як умів так і готувався, і можна сміливо сказати, що всю най-важливу роботу провели робітники на місцях (в районах). При-міром, зброю що обіцяв за декілька день перед виступом видати міський штаб, не видано, командирів не надіслано; довелося своїми силами добувати і зброю, і командирів. За-вдяки безупинній роботі як членів нелегального штабу, так і всіх наших членів невеликої групи більшовиків до 15 січня 1918 р. нам удалося організувати загін до 100 чоловіка, який на перший же заклик був готовий виступити до бою за радянську владу.

II. ЗАЛІЗНИЧНИКИ В СІЧНЕВОМУ ПОВСТАННІ

15 січня 1918 року о 12 годині вночі Місьпарком скликав був нараду всіх районних організаторів у помешканні дворян-ських зборів, де малося виявити й звести облік наших сил. З доповідей на цій нараді виявилось, що цілком надійних наших сил, не так-то вже багато, але питання йшло про те, в якій мірі ми зможемо повести за собою робітників, приймаючи до уваги те, що більшість київських військових частин стояли за Центральну Раду, а меншість була нейтральною. В такому стані ми могли розраховувати лише на робітників.

Приводом до негайного повстання київського пролетаріату спричинилася така подія: 15 січня з розпорядження, звичайно, Центральної Ради в київській Арсенал з'явилися гайдамаки, щоб вивезти всі бойові знаряддя та інші припаси. Робітники Арсеналу, запротестувавши проти такого акту, скликали загальні збори, де й ухвалили жодного набою чи зброї з Арсеналу не випустити ні в якому разі, і зачинили ворота. Бачучи загрозу, робітники Арсеналу почали озброюватися й будувати барикади. З цього й почалося.

Збори районних організаторів вирішили, що київський пролетаріат повинен виступити проти Центральної Ради озброєно. Ми (тов. Зюк, тов. Довнар - Запольський, я і тов. Стогній із Шулявського району) після цього засідання зайшли до помешкання, де містився наш підпільний штаб. Заставши тут тов. Вайдека (члена нашого штабу), що чергував, ми засіли зразу ж вирішувати те, як ми повинні на ранок виступати, урахувавши наші сили.

Виявилось, що в 1 уч. тяги справа наша була зовсім кепська, бо з більшовиків, крім співчуваючих, там майже нікого не було. Треба було мати такого товариша, що міг би повести за собою всіх робітників. І такий знайшовся. Це був авторитетний серед робітників - залізничників есер на прізвище Дзедзівський¹⁾. За пропозицією тов. Вайдека штаб запрохав через

1) Нині комуніст. — Р е д.

його дружину прибути Дзедзієвському для переговорів. Прибувши вночі до штабу, Дзедзієвський заявив про свою готовність виступити разом з нами.

Другим питанням цієї наради була справа про наявність наших озброєних сил, як ми повинні виступати і, найголовне, як нам перетягти на свій бік дружину залізничників, начальник якої був завзятий прихильник Центральної Ради. Вирішили, що обов'язково треба скликати збори бойової дружини де й поговорити про робітничі справи і де б видко було, за ким піде дружина.

Написали об'яви про те, що 16 січня 1918 р. о 8 г. вранці пропонуємо всім членам бойової дружини з'явитися на збори в клуб, що під Соломенським містком. Підпис начальника нерозбірливий, печатки місцкому 14 участку шляхів приклали неясно. На другий день, не беручись до роботи, робітники вже почали сходитися групами під Соломенський місток. Зібралось з 300 чоловіка дружинників. Відкривши збори від імени підпільного штабу київського залізничного району, тов. Вайдек звернувся до бойовиків і з'ясував мету цих зборів. Виступили з промовама ще два товариші; далі тов. Вайдек запропонував обрати оперативний штаб для керівництва повстанням. Правда, одверто про повстання не говорили, а мова йшла лише про те, що робітники повинні охороняти залізничне майно та й усе. До обраного штабу ввійшли — т. т. Вайдек, Зюк, Патлах, Свідзінський, Карпович і Дзедзієвський¹⁾.

Після виборів деяка частина робітників пішла додому, приблизно ж з 200 чоловіка перейшли до ідальні головних майстерень і повели суперечки з прихильниками Центральної Ради, які на цей раз хотіли схилити наших бойовиків на свій бік. Над вечір прибув і сам петлюрівський комендант станції Київ I пасажирський. Як він не доводив, що робітники повинні стояти за Центральною Радою, як не „розпинавсь“ за неї, бойовики твердо стояли на своєму й вимагали дозволу охороняти станцію самим. Бачучи, що робітники не прийняли його жодної пропозиції, комендант незабаром покинув збори.

Стало темніти. Карпович (член штабу), зібравши групу в 30 чоловіка й озброївшись 8 кулеметами, пішов на вокзал, якого охороняв полк ім. Грушевського. Йдучи по Пожежній дорозі з залізничної колонії, ця група, дійшовши до конвенційного огляду, стріла наших трьох товаришів, які розповіли про те, що на пасажирському вокзалі стоять петлюрівці, добре озброєні з направленими на майстерні кулеметами. Не знаючи один одного, робітники над Карповичем чуть не зробили самосуду, порухавши його за провокатора, але він утік, з'явившись днів за два до здачі майстерень.

¹⁾ Автор цих споминів зазначає ще тов. Полякова, якого Київський Іспарт в книжці Сивцова не згадує; тов. Карпович був запропонований додатково від позапартійних — Р е д.

16/1, як тільки стемніло, ми — загін і штаб — перейшли до головних майстерень, в контору вагонного цеху, звідки з усіх боків виставили пости, а також з боку депа й пасажирського парку. Нас усіх було до 200 бойовиків, всі озброєні рушницями й по 20 штук патронів у кожного. Ні одного кулемета, а також гармати в нас не було.

Не дивлячись на мале число, ми все-таки дали допомогу в 30 чоловіка Шулявському району, які відправилися до Політехінституту.

Цієї ж ночі відбулося засідання Київської ради Робітничих депутатів в актовому залі Комерційного Інституту разом з правліннями профспілок і членів фабрично-заводських комітетів з приводу повстання й проголошення загального страйку. Під час засідання розпочалася стрілянина. То арсенальці перестрілювалися з гайдамаками, які стояли на ст. Київ І товарний. З хвилину на хвилину чекали арешту, але обійшлося все гаразд. На цьому засіданні ухвалено проголосити загальний страйк, скинути Центральну Раду й передати владу радам робітничих депутатів, скликавши 17 січня загальні збори робітників всіх фабрик та підприємств Києва для оголошення ухвалені постанови.

На ранок 17 січня по всіх фабриках та заводах робітництво ухвалило оповістити загальний страйк і озброєно виступити проти Центральної Ради.

Характерно відзначити загальні грандіозні збори робітників у київських головних майстернях, де присутніх було понад 8 тисяч чоловіка. Від більшовиків виступали Вайдек, Стогній та ще кілька товаришів. Обрано страйком у складі — Мартінова, Лобко, Тригуба, Чуйкіна, Трав'янка, Лахтюка та Березовського й ухвалено одночасно, проголосивши страйк, скинути Центральну Раду.

Після зборів хто з присутніх взявся до зброї, а хто за молоток та зубила¹⁾ й почали збирати розібраний раніш (щоб не дістався петлюрівцям) панцерник, який став нам у пригоді. Працювали вдень і вночі. На ранок панцерник був готовий до бою.

Надходить ранок 18 січня після спокійної ночі. Про наступ гайдамаків поки не чули. Ввесь час розвідуємо де б дістати патронів, і хоч би з пару кулеметів. Якраз нагодився тов. Свідзинський, який десь добув відомості, що біля містка стоять вагони, де є чимало кулеметів, набоїв та іншого військового знаряддя. На охороні цих вагонів стояв караул залізничного батальйону, серед якого були прихильники Центральної Ради. Вирішили, що загін наших бойовиків з 80 чоловіка, озброївшись рушницями, мусить атакувати караул, обеззброїти його, а налагоджений паротяг, заїхавши від депо — захопити

¹⁾ Були, звичайно, і такі, що втікали через забори, боючись примусового озброєння, як хтось про це поширив чутки — Н. П.

вагони й привезти до майстерень. Так і зроблено. Без жодного пострілу караул був атакований і захоплений у полон. В одну мить розібравши кулемети (їх було з 20), налагодивши гармату-скорострілку, робітники спільним порядком стали встановлювати їх, інструктуючи й перевіряючи один одного, як ходити коло зброї.

Не минуло й двох годин, як на нас з кадетського мосту вчинили напад 200 полуботківців на конях і з автомашиною, обстрілявши з кулеметів. Довелося нашим бойовикам добре метнутись, як полуботківці лежали покотом. Наш бойовик, кинувши бомбу, вконець зіпсував полуботківську машину і вони відступили, залишивши десятки полонених і коней. Це були перші бойові хрестини, коли ми мали перемогу. За таку несподіванку, як передавано опісля, петлюрівці розстріляли своїх розвідників, які ніби-то донесли, що в нас жодного кулемета нема.

Настало 19 січня. Знову ніч спокійна. І знову не спимо, „на чеку“. Всі часи чекаємо нападу. Цієї ночі налагодили зв'язок з Сердюківською дивізією, провівши від них польовий телефон до майстерень.

Відбулося засідання штабу. На засіданні вирішили за всяку ціну вибити петлюрівське військо з ст. Київ І товарний, де вони мали головну військову базу. Перед цим о 10 год. ранку, штаб надіслав гайдамакам свій ультиматум, де ми запропонували до 12 годин покинути станцію,— як Київ І товарний, так і пасажирський, в противному ж разі ми загрожували обстрілом з важких гармат. З ультиматумом відправився т. Зюк і ще другий товариш (прізвища не пригадую). Коли прибули наші парламентарі до гайдамацького штабу (він містився на ст. товарній), останні, не ставши з ними розмовляти, одного з наших розстріляли, а тов. Зюка, сильно побивши, одвезли автомобілем до головного петлюрівського штабу (на Миколаївській вулиці). Дізнавшись про це, наш штаб хотів був розпочати обстріл, але, коли ми звернулись до Сердюківської дивізії за допомогою, вона заявила нам про свій нейтралітет. Так ми на цей раз лишилися ні з чим.

Відбулося ще одно засідання в справі дальших подій, зваживши те становище, що під боком на пасажирській станції стояв полк ім. Грушевського. Що до виступу проти цього полку в штабі не було єдності. Частина нашого штабу вважали, негайно ж виступивши з панцерником проти „грушевців“, вигнати їх з станції, не чекаючи їхнього нападу; другі ж вважали зачекати, коли вони сами почнуть напад. Але приблизно о 3 год. ми рушили наступати. Першим виїхав наш панцерник, що, проїхавшись разів зо три по перону, розпочав обстріл і в один момент вибив їх із станції. Піхоті (нашим бойовикам), що виступила з боку головних майстерень, довелося лише наздоганяти.

Переслідуючи їх, наші бойовики зайняли євбазу, вул. М. Благівіщенську й Жиланську. Перед нами стояло завдання, цієї ночі обеззброїти українських юнкерів, що стояли в кадетському гайку. Для цього штаб виділив групу з 20 бойовиків, озброїв, як говорять, „з ніг до зубів“, і під керівництвом одного товариша вони рушили до гайка. Користуючись темрявою, зняли зразу вартових, а далі, увійшовши до касарні з криком „ни с места“ почали обеззброювати. Цієї ж ночі бойовики обеззброїли конвоюну команду по Короваївській вулиці. За цей час ми добули собі чимало різного військового знаряддя й позбулись таких елементів, що перешкождали й заважали нам провадити роботу.

На другий день, у суботу 20 січня, тривали весь ранок і день вуличні бої. Не дивлячись на більшість петлюрівських частин в районі, що його ми зайняли, не дивлячись на те, що в них регулярні військово-вивчені частини, ми їх все-таки далеко загнали в місто. Вкінці бою ми мали територію Бібіковського бульвару, кадетське шосе і навіть дійшли до Лук'янівки, зайнявши Львівську вулицю з тим, щоб з'єднатися з Подолом через Глубочицю, але в зв'язку з тим, що на Подолі наші червоногвардійські загони були переможені, нам з'єднатися так і не вдалося. Пробувши в місті до вечора, коли стало смеркати, наш загін, бачучи малу свою кількість, вирішив відступити на своє попереднє місцеперебування.

Як виявилось, цього дня Подольський та Печерський райони петлюрівці на цей раз перемогли. Арсенал київський, що вважався за робітничу фортецю, гайдамаки взяли й учинили розправу над повстанцями. Скрізь по всіх районах, крім залізничного, наших переможено. Настав вечір. Знову зробили засідання штабу, де обговорювали, як бути далі, а де б нам дістати набоїв, яких у нас не вистачало. В цей час, як і раніш відзначувано, міський штаб, бачучи перемогу військ, Центральної Ради, ухвалив припинити боротьбу. Ми ж вирішили загону не розпускати, а, діставши набоїв, продовжувати боротьбу.

З двома бойовиками о 10 г. ввечері я відправився пішки на Волинський пост до п'ятого корінного парку (в авіо-загін) по набої. Опівночі були вже там. В авіозагоні, не дивлячись на глупу ніч, ніхто не спав. Як сказано нам, салдати чекали військового обмундирування, що його мали в скорах привезти. Негайно ж улаштували збори, де ми розповіли про наше становище й прохали допомоги не лише зброєю (ми прохали 2 гармати), а й людьми. Тут же, керівники салдатського комітету заявили про їхню можливість допомогти зброєю, але вся біда в тому, — говорили вони, — що їхні офіцери, знявши з гармат бойки й панорами, позаховували їх. Дехто кинувся шукати, але безрезультатно. Хтось з присутніх сказав, що на Волинському посту стоять вагони-платформи, де є шість цілком добрих гармат, що їх би можна було забрати, коли б не петлюрівська варта.

Раптом з'явився шофер із салдатами й заявив, що — коли вони везли одяг, гайдамаки, перепинивши їх, відібрали машину, побили їх і відпустили ледве живими. Цей випадок вплинув на салдатів. Зразу чоловіка з 50 згодилися йти за нами й виступати проти гайдамаків. Моментально подали легковий автомобіль, два ящики набоїв і один ракет. Наші хлопці підняли голову, коли вони дізналися, що справи не так то вже й погані, що до нас іде допомога, а до того є змога дістати зброю. Після розпорядження захопити з Волинського поста ешелон вагонів не минуло й двох годин, як до майстерні було доставлено вагонний склад із зброєю, набоями й платформами різного військового майна. Не чекаючи дня, все це завезено до майстерень і темної ночі знято з платформ. Зразу, не гаючи часу, почали встановлювати гармати; біля пожежної поставили одну, коло майстерень недалеко кузні — другу і дві гармати залишили на платформі.

Ранком 21 січня наші гарматчики взялися до роботи. Били з гармат у різні напрямки міста, але весь час нашукували центр, район Центральної Ради. Гайдамаки з Ботанічного саду пробували були нас обстріляти, але ми їх збили. Бійка в цей день була що-найзапекла й безщадна. Цього ж таки дня до нас у майстерні прибули три члени міського штабу і, маючи від його директиви, дали розпорядження тов. Вайдекові (членові нашого штабу) зняти пости й розійтися. Вайдек хотів був скоритися, як тут наскочили на нього бойовики, загрожуючи його розстрілом. Коли Вайдек послався на розпорядження представників штабу, члени загону ¹⁾ хотіли й їх розстріляти, рахуючи їх за провокаторів, і лише після чималих переговорів посадили в підвал головної контори. При чому тов. Вайдекові довелося теж на деякий час сховатися. Але після свідчення, про належність заарештованих товаришів до міського штабу вони були відпущені. Між иншим, з нашого боку їм було сказано передати міському штабові зробити від свого імені розпорядження, щоби всі переможені частини переправлялись до нашого району, маючи на увазі, що в нас була мала кількість бойовиків і чимала наявність (приблизно на дві тисячі чоловіка) зброї. На превеликий жаль штабові не довелося цього зробити й ми малою горсткою людей трималися до самого кінця бою. Слабе керування повстанням Київського Міськпаркому пояснюється тим, що в Києві залишилися ті члени комітету, які були в опозиції до повстання. Ті ж, що були за повстання, перебували в Харкові ²⁾.

Ніч перед 22 січнем була спокійна. На ранок 22/І, як стало світати, гайдамаки перші з усіх боків, розправившись до цього з иншими районами, перейшли на нас у наступ. О 10 год. вранці

¹⁾ Це були Крейсберг, Стогній та Дора Ідкінд — Н. П.

²⁾ Це не вірно; недостатнє керування пояснюється тим, що найкращі сили комітету були в Харкові — Ред.

обидві сторони зняли сильну гарматну перестрілку, яка тривала цілий день. Петлюрівці цього дня проти нас пустили по Безаківській вул. два панцерники, одного з яких наш гарматчик збив. Гайдамаки були безщадні — за одно виявлення, що робітник, а особливо залізничник, зразу ж розстрілювали.

Цього дня о 3 год. я в останнє направився до міського штабу на В. Васильківську вулицю біля Маріїнсько-Благовіщенської, де й застав штаб у повному складі. Про просування червоногвардійських загонів з Харкова в штаб точних даних не було. Т. Крейсберг, заявивши про перемогу війська, Центральної Ради, запропонував нам ліквідувати всі справи, розпустивши загін.

Після цього ми скликали останнє засідання нашого штабу¹⁾, де вирішили, що, як тільки смеркне, треба запропонувати всім бойовикам розійтись. Не встигли ще ми всіх оповістити, як гайдамаки раптом наскочили на їдальню головних майстерень, де спали наші бойовики, і почали рубати шаблями. Тридцять чоловіка було схвачено, звязано однією бичевою й поведено на пасажирську станцію, де сам Петлюра, обійшовши їх, частину одібрав і наказав розстріляти на місці, а останніх посиденим ковроєм відправив на Бібіківську вулицю (де тепер Бупр № 2), де їх у дворі розстріляно²⁾.

Цю ніч і ранок гайдамаки без упину бешкетували по Києву, ловлячи робітників, розстрілюючи їх на місці. 24 січня, тоб - то на другий день, до Києва підійшла армія Муравйова. Гайдамаки кинулися в паніці відступати. На ранок по київських палісадниках валялися рушниці, набойі, шапки з китицями — так відступало „славне“ військо Центральної Ради.

25 січня армія Муравйова вступила в Київ.

26 січня в Києві відновлено радянську владу й остаточно звільнено місто від контр-революційних сил.

Варто згадати, в яких неймовірно тяжких умовах довелося київському пролетаріатові з 16 по 26 січня (ст. ст.) провадити жорстоку класову боротьбу з військом Центральної Ради, якого було приблизно разів у двадцять більше, не говорячи про регулярність і вивченість їхніх військових частин. В ці дні київський пролетаріат виявив дивовижний героїзм і безоглядну самопожертву, віддавши свої найкращі сили за соціалізм. Понад дві тисячі свідомих пролетарів вирвані були з лав київського пролетаріату, полягши в боротьбі з українською контр-революцією за українську пролетарську революцію.

4 лютого відбулись похорони жертвов контр-революції.

28 січня відбулося перше засідання Київської Ради робітничих депутатів, а 1/1 з Харкова переїхав і Радянський Уряд України, який і приступив до будівництва радянської держави.

1) На цьому засіданні присутні були: Вайдек, Патлах, Поляков і Свідзінський — Н. П.

2) В цьому числі розстріляно і чл. РСДРП(б) тов. Ветрова — Н. П.

11. БУДІВНИЦТВО РАДЯНСЬКОЇ ВЛАДИ В ЗАЛІЗНИЧОМУ РАЙОНІ

Після того, як влада в Києві перейшла до рад, по всіх районах, на підприємствах київський пролетаріят взявся до переобрання всіх провідних пролетарських організацій. Ця ж сама робота розпочалася в залізничному районі по всіх майстернях і участках служб. Точних декретів од вищих органів радянської влади ще не було, тому й конструювання радянських організацій відбувалося, хто як умів і розумів по своєму.

Насамперед ми, низові робітники, розуміли перехід влади до рук рад як широку мережу організованих рад на місцях. Всі місцеві комітети в часів Керенського, на нашу думку, повинні були бути скасовані й на їхнє місце організовані ради. Так було і зроблено згідно з вирішенням наради членів РСДРП(б) залізничного району¹⁾. В київських головних майстернях, де був чималий вплив більшовиків, зразу розпочалися перевибори Ради робітничих депутатів. Вибори провадили закритим голосуванням по цехах, скрізь висували на кандидатів у члени більшовиків або співчуваючих. Таким чином, в перших числах лютого обрано було першу місцеву Раду робітничих депутатів з 30 чоловіка. Рада, розподіливши функції, мала такі відділи: 1) адміністративно-господарчий, 2) контрольний, 3) відділ праці, 4) фінансовий і 5) харчовий. При чому всі члени Ради були пропорційно розподілені поміж усіма відділами²⁾.

На проголошення Ради себе представником радянської влади в київських головних майстернях, адміністрація останніх відповіла саботажем. Як тільки оповіщено було, що за адміністрацією лишилися права, технічні, спеці зразу „забули“, де треба що діставати і де що лежить. Склавши руки, вони засіли в своїх кабінетах, вважаючи, що тепер, коли вся влада в руках Ради, їхня справа маленька³⁾.

В І й ІІ уч. тяги (за винятком 14 уч. шляхів) за організацію рад, як раніш указувано через сильний українсько-націоналістичний та есерівський вплив ми не взялися, а призначили для спостереження комісарів, переобравши місцеві комітети, за якими лишилися лише професійні права. Як тільки переобралися місцеві ради, взялися до організації районової Ради робітничих депутатів київського залізничного вузла. Місцеві ради на районній конференції обрали районову Раду робітничих депутатів з 23 чоловіка⁴⁾.

¹⁾ Там, де цього не можна було провести, настановлювано наших комісарів — Н. П.

²⁾ До складу Ради входили: Чуйкін, Юрчевський, Патлах, Свідзінський, Лобко, Поляков, Москалюк, Тригуб, Конишов, Хімич, Титов, Южда, Ясько, Рачковський, Кокот, Котвицький, Вагонов, Толстика, Шмальянський — Н. П.

³⁾ Вельми зловмисні годі були: Олімпів, Щучневський, Єфімович — Н. П.

⁴⁾ До складу її ввійшли: Мартинов (більшовик), Свідзінський (б.), Патлах, Юрчевський (б.), Сокольчук (б.), Вайдек (б.), Столяров (б.), Лазорик (співч. більшовиком), Місесин (теж), Дзедзівський (есер), Березовський (есер), Цимбал (есер), — всі ж останні — позапартійні, які співчували або більшовикам, або есерам — Н. П.

Говорити про роботу районної Ради не особливо доводиться. Бо майже всі члени Ради переважно скупчували свою працю в місцевих радах, безпосередньо на виробництві, не даючи жодного часу й уваги для роботи в районній Раді. Загалом же провадити працю в той час, як ніхто не знав ні в центрі, ні в губернії, ні на місцях, як будувати та керувати, було вельми важко.

Ми декілька разів зверталися до Міськпаркому в таких справах з роз'ясненням, і мушу зауважити, що прямого й точного інструктажу ніхто не міг дати. „Ти залізничник, більшовик — іди будуй так, щоб було добре“ — так нам завжди відповідали.

На цей раз не довго довелося провадити будівництво радянської держави. „Славнозвісній“ Центральній Раді, вигнаній геть з України червоногвардійським військом не лишилося нічого, як шукати у „дружньої“ держави Німеччини військової допомоги, лише б тільки вигнати ненависних їй більшовиків-москалів, які, як вона казала, „окупували“ Україну.

Проте п'ять тижнів досвіду радянського будівництва на Україні були першим кроком будівництва своєї власної держави робітничою класою, яка потім в оточенні дрібнобуржуазної стихії під натиском австро-німецьких полків мусила здати Київ контр-революційним силам в особі Центральної Ради, гайдамацького та німецького війська.

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ ХАРЬКОВА В БОРЬБЕ ЗА ОКТЯБРЬ

И. ГОНЧАРЕНКО

КРАСНОГВАРДЕЙСКИЙ ОТРЯД ПАРОВОЗО- СТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА

ФОРМИРОВАНИЕ И ВООРУЖЕНИЕ ОТРЯДА

Получив трехмесячный отпуск после ранения и отравления удушливыми газами на юго-западном фронте, летом 1917 г. я прибыл в Харьков. Нужно было лечиться, а средств не было... Мне помогли старые друзья, благодаря содействию которых я поступил чернорабочим в вагонный цех харьковского паровозостроительного завода.

1 сентября рабочие завода об'явили забастовку, пред'явив ряд требований. Кроме экономических требований, были выдвинуты и политические: национализация фабрик и заводов, рабочий контроль, выражение недоверия Временному правительству.

Забастовка длилась две недели, но в конце-концов была сорвана, благодаря усиленным стараниям меньшевиков завода (Ткаченко и др.) и под угрозой броневиков, которые были присланы правительством Керенского из других городов.

На последнем забастовочном собрании было решено создать рабочую охрану завода и назвать ее рабочей Красной гвардией.

Дело организации и вооружения Красной гвардии было поручено рабочему завода, т. Нехаенко. Первые дни записи красногвардейцев дали сравнительно благоприятные результаты: записалось около 200 человек, преимущественно молодежи от 18 до 27 лет (старики составляли 10 — 12%). Настроение было боевое, но не было ни оружия, ни организаторов. Поэтому через некоторое время отряд количественно сильно сократился (около 60% записавшихся вышли из его состава). Осталось небольшое ядро наиболее сознательных рабочих, твердо убежденных в необходимости создания Красной гвардии, для которых было ясно, что нужно готовиться к борьбе с надвигающейся контр-революцией.

В начале октября было созвано собрание красногвардейцев, на котором вместо т. Нехаенко в качестве организатора

избрали тов. Чикаева, а в помощь ему — моряка Балтийского флота, тов. Сычева.

Автору воспоминаний, по требованию красногвардейцев, пришлось формировать второй взвод. Формирование первого взвода было поручено также бывшему солдату царской армии, т. Воинову.

Настроение рабочих масс в то время было бодрым и боевым. Всюду шли разговоры о немедленном выступлении против Керенского. Работать было радостно, хотя и нелегко. Меньшевики нашего завода, во главе с Ткаченко, вели усиленную агитацию не только в цехах, но и на заводских митингах, на которых присутствовало по 3000 человек. Они требовали роспуска отряда, заявляя, что он состоит из опасных для порядка лиц и дармоедов.

Красногвардейцев очень тревожило отсутствие оружия. Они то и дело обращались к комсоставу с вопросом — „с чем пойдем против засевших не на свое место?“

По вопросу о вооружении Красной гвардии было создано об'единенное собрание комсостава нашего отряда, главных железнодорожных мастерских и завода всеобщей компании электричества (ВЭК). Железнодорожники сообщили, что через Харьков из Москвы и Ленинграда направляются на Дон целые партии оружия, которое можно захватить, если иметь перевозочные средства и „быть на чеку“.

Вооружившись револьверами и ручными гранатами, мы, не выходя четыре дня из штаба Красной гвардии нашего завода, ждали условного телефонного сообщения. Наконец в 4 часа ночи (приблизительно между 18 и 20 октября) мы получили мучительно ожидаемую весть о прибытии оружия. С радостью и гордым сознанием исполняемого революционного долга мы отправились на трехтонном грузовике, который находился у нас в ремонте, и через час уже были на товарной станции Харькова.

К шести часам утра ящики с ценным грузом были перевезены на завод.

Красногвардейцы, узнав о нашей ночной победе, ликовали.

На ночь мы оставляли для дежурства взвод красногвардейцев (в количестве 30—40 чел.), а по утрам кипела работа по самоподготовке бойцов. Военному делу обучались с энтузиазмом. Зачастую по окончании занятий не хотели расходиться, по 2—3 часа обсуждая свои успехи и неудачи...

Полученное количество винтовок и патронов нас не удовлетворяло, и мы решили во что бы то ни стало добыть пару пулеметов... Однако пулеметов до самого Октябрьского переворота достать не удалось, да они и не потребовались — мы легко справились с винтовками...

Перед Октябрьским переворотом власти, было, сделали попытку обезоружить наш отряд, но получили вооруженный отпор.

ПЕРВЫЕ БОЕВЫЕ ОПЕРАЦИИ

Наступили славные Октябрьские дни. Спустя сутки после переворота в Харькове, отряд по приказанию Харьковского Военно-Революционного Комитета был направлен в Чугуев для разоружения юнкеров. Он легко справился с этой задачей и привез большое количество оружия и обмундирования, которое было выдано красногвардейцам для ношения во время боевых операций вне Харькова¹⁾.

Через неделю, приблизительно, после Октябрьского переворота на заводе вдруг раздались тревожные гудки. Начальник нашего отряда объявил, что на Харьков наступает с ударниками разбитый под Петроградом Корнилов, что он находится в ста верстах от города и что необходимо вместе с рабочими других заводов выступить ему навстречу. С песнями и радостными криками бросились красногвардейцы по домам за обмундированием... Скоро отряд был готов. По внешнему виду он ничем не отличался от регулярных воинских частей.

Отряд направился на боевой участок. Но мне не пришлось там долго пробыть — предвоенревкома, тов. Кин, отозвал меня и поручил формирование второго отряда для выступления против надвигающихся с юга петлюровцев.

В Харькове снова была тревога. Снова тревожные гудки заводов призывали сознательных рабочих стать под винтовку для защиты завоеванной власти.

В Революционном штабе тов. Кин сообщил мне, что под Лозовой собираются петлюровские отряды, которым надо дать вооруженный отпор. По его поручению я организовал на нашем заводе отряд из 120 человек, разбил его на три взвода, и совместно с рабочими завода всеобщ. ком. электричества (ВЭК) и завода „Динамо“ мы, погрузившись в эшелон, отправились на ст. Лозовую.

Не доезжая до Лихачева, мы узнали, что станция занята петлюровцами. 15 человек красногвардейцев, взяв один пулемет, на паровозе отправились в Лихачев. Остальные следовали за нами в качестве резерва. Подъехав к семафору с высоко поднятым красным знаменем, мы заметили, что петлюровцы поспешно грузятся в вагоны. Открыв по ним пулеметный огонь и подняв пары, мы двинулись вперед со скоростью 30 верст в час. Но петлюровцы успели удрать, и мы заняли Лихачев без боя. Вскоре подошел наш эшелон.

До самой Лозовой мы продвигались, не приходя в соприкосновение с противником. В двух верстах от Лозовой наш отряд в 120 штыков был пущен цепью, а остальные находились в

¹⁾ По свидетельству Харьковского Истпарта, отряды Красной гвардии в Чугуев не направлялись, а были расположены вблизи Харькова для встречи восставших юнкеров. Боя с ними не было. Юнкера вернулись с дороги, узнав, что в Харькове есть вооруженная сила.— Р е д.

эшелоне. Подойдя вплотную к станции и охватив ее кольцом, мы нашли всего одного офицера казачьей сотни петлюровского куреня и 16 человек рядовых. Мы их обезоружили, солдат после беседы отпустили, а офицера отправили в Харьков в Революционный военный штаб.

Сейчас же после занятия Лозовой мы телеграфом донесли в Харьков о своем продвижении.

Спустя 10 минут я получил от т. Кина секретную телеграмму, в которой сообщалось, что нам на подкрепление высланы из Харькова бронепоезд и 30-й запасный Харьковский полк, а через два дня будет выслано еще около 800 человек из артиллерии московской Красной гвардии. Пока же в нашем распоряжении (в трех отрядах) насчитывалось около 280 чел.

Ночью прибыли бронепоезд и 30-й Харьковский запасный полк во главе с известным харьковским рабочим командиром, Колей Рудневым (убит в 1918 г. в бою под Царицыном). Командование всем боевым участком было поручено ему. Был организован штаб боевого участка с представительством от каждого отряда.

На Лозовой произошел неприятный эпизод. Благодаря ложной телеграмме со ст. Павлоград о том, что на Лозовую отправлен товаро-пассажирский поезд и загрузке путей вагонами, через станцию без остановки прошел довольно солидный состав казаков с артиллерией, который нам не удалось задержать. Узнав об этом, красногвардейцы подняли шум и требовали немедленной разгрузки станции... В этот момент на Лозовой находилось около 75 маршрутных поездов.

Согласно требованию красногвардейцев, наш отряд и 30 полк были отправлены в Панютино для выявления виновников случившегося. На Лозовой остался только бронепоезд и 18 человек красногвардейцев. Но отправленным в Панютино долго не пришлось обсуждать кто виноват. На Лозовую и бронепоезд внезапно напало около 200 человек петлюровцев.

Не успели мы на ст. Панютино открыть собрание, как с Лозовой послышались частые орудийные выстрелы, а спустя 5—10 минут мы получили телеграмму (которая оказалась ложной), что Лозовая занята войсками атамана Петлюры, охрана частью перебита, частью взята в плен, а бронепоезд захвачен.

Прочитав нам телеграмму, т. Руднев дал приказ быть готовыми к набегу на нас нашей бывшей бронемашины и отойти на 200 шагов от Панютино. Но красногвардейцы, стремясь в бой и на выручку товарищей, сели в эшелон и двинулась на Лозовую. Однако не успели мы доехать до семафора ст. Панютино, как увидели бронепоезд, идущий на полных парах к нам навстречу. Красногвардейцы, соскочив с поезда, рассыпались в цепь. Наш взвод, как наиболее вооруженный, оказался на ж.-д. полотне... Не успели мы принять боевой порядок,

как в нашу цепь врезался бронепоезд. Командир приветствовал нас радостным криком. Оказалось, что бронепоезд не только не был захвачен, но не был даже поврежден...

С боевыми возгласами цепи пошли наперерез полотна Лозовая — Павлоград, а бронемашина двинулась на Лозовую.

Петлюоровцы отступили без боя. Эшелон их помчался на Павлоград... Наша бронемашина, заметив их, открыла артиллерийский и пулеметный огонь, а цепи обстреляли удирающий состав ружейно-пулеметным огнем.

Находясь в цепях в шестнадцатиградусный мороз, в равных рабочих пальтишках и ботинках, без перчаток, красногвардейцы очень страдали от холода, некоторые отморозили руки и ноги, но настроение было бодрое. По прибытии отряда на Лозовую мы собрали убитых и раненых петлюоровцев (28 убитых и 4 раненых) и наших красногвардейцев (один убитый — пулеметчик бронепоезда и 6 чел. раненых). Красногвардейцы взяли в плен петлюоровского командира сотни, а петлюоровцы — одного из командиров 30 полка и 6 красногвардейцев. По телеграфному предложению петлюоровского командования мы обменялись пленными...

ВЗЯТИЕ ПАВЛОГРАДА

После вторичного занятия Лозовой мы получили свежее и довольно сильное подкрепление. Прибыла с артиллерией московская Красная гвардия¹⁾. На следующий день мы повели наступление на Павлоград. Первым пришлось наступать отряду харьковского паровозостроительного завода. Для разведки послали на паровозе 12 бойцов с двумя пулеметами. Паровоз быстро пошел вперед, за ним — эшелон с нашим отрядом, а за нами — бронепоезд.

Мы гнались за петлюоровцами по пятам. На каждой промежуточной станции мы узнавали, что они только что уехали... В самом Павлограде наша разведка едва не захватила петлюоровский эшелон и погналась за ним в Синельниково.

Наш эшелон остановился в Павлограде, так как нам было дано задание взять город. В Павлограде, как оказалось, были еще петлюоровские войска. Три версты от станции до города мы двигались цепью, чтобы не попасть под орудийный огонь противника. В предместье Павлограда мы вступили беспрепятственно, но в город пришлось продвигаться уже с боем.

Глубокой ночью город был взят, за исключением казначейства и винного склада, которые охранялись драгунами при большом количестве пулеметов. Начальник охраны заявил, что на рассвете он сдаст все по описи нашему командованию, а ночью боится сдавать, так как возможно ограбление. Окружив склад

¹⁾ По сведениям, имеющимся в Харьковском Истпарте, это были не московские красногвардейцы, а отряды Антонова - Овсенко. — Р е д.

и казначейство цепью, мы продержались ночь. Ночью прибыло подкрепление, и мы потребовали сдачи казначейства и склада, что и было выполнено охраной. Утром петлюровская охрана была разоружена и арестована, а через несколько часов распущена.

В полдень явилась наша разведка, которая на паровозе гналась в Синельниково за главными силами петлюровцев. Товарищи рассказали нам, как они дрались с петлюровцами. Когда разведчики наши от'ехали от Павлограда на две-три версты, они заметили впереди два эшелона удирающих петлюровцев. Но так как путь был разобран петлюровцами, красногвардейцы задержались на 30 минут, и петлюровцы успели удрать. Исправив путь, наши бросились вдогонку... Под'езжая к семафору Синельниково, они в 200 шагах заметили хвост петлюровского эшелона и открыли пулеметный огонь.

В разгаре боя пришла помощь — рабочие Синельниково, в количестве 50 — 60 человек, присоединились к красногвардейцам и вступили в бой... Вместе с ними начали охватывать петлюровцев в кольцо. Петлюровцы перешли в контр-наступление и прорвали, было, наше кольцо, но к красногвардейцам присоединялись все новые и новые подкрепления, как со стороны рабочих, так и со стороны находящихся на ст. фронтовиков, и они вторично окружили петлюровцев. Однако штыковыми ударами те снова прорвались и заняли второй этаж станционного здания. Петлюровцы сдались только после прибытия бронепоезда, который открыл оружейный огонь...

Днем наш отряд паровозников получил приказание немедленно отправиться на ст. Павлоград для погрузки в эшелон и следования на Лозовую. Около 5 часов вечера мы были уже на станции, где увидели пленных петлюровцев, привезенных из Синельниково.

Их было около двухсот человек. Это были преимущественно фронтовики, а фронтовиков красногвардейцы обычно отпускали по домам. Так поступили и на этот раз. Расстреляли мы только двух офицеров и фельдфебеля, расстреливавших рабочих по дороге из Лозовой на Павлоград.

В бою под Павлоградом с нашей стороны жертв не было, кроме четырех раненых...

ВЗЯТИЕ ПОЛТАВЫ

По возвращении в Харьков наш отряд был распущен, кроме дежурных взводов, которые на случай тревоги должны были быть на своих местах. Простояв неделю без действий, за исключением стрелковых занятий, которые проводились по 2 — 3 часа в день, мы получили приказ от начальника отряда, Чапаева, собрать взвод из 40 человек лучших ребят и выступить на вокзал в распоряжение прибывшего командующего

северными войсками, Муравьева. По приказу последнего мы должны были сменить один из отрядов москвичей по охране станции и штаба.

В ночь на 1 января 1918 года я получил от Муравьева секретный приказ: выбрать 20 человек самых надежных красногвардейцев и погрузить их в вагон. К утру все было готово, а в пять часов дня мы с Муравьевым отправились на ст. Дебальцево, где второй день шел бой шахтеров с офицерской дивизией Краснова.

На одной из промежуточных станций (от нее идет ветка на Дебальцево) мне пришлось увидеть картину, которую я не забуду никогда. Мы встретились с выстроеным отрядом красногвардейцев-шахтеров. Их было 500—600 человек, большей частью пожилых рабочих. В шахтерской рваной одежде, в изорванных лаптях, совершенно черные от угольной пыли, с изнуренными лицами, стояли на морозе пролетарии Донбасса. Сгорбившись от холода, засунув руки в рукава, они крепко прижимали к груди винтовки, готовясь к бою с врагом... После взаимных приветствий Муравьев сейчас же дал телеграфное распоряжение о спешной высылке из Харькова воинского обмундирования. В Дебальцево между тем уже более суток шел горячий бой.

Прибыв на станцию, мы с Муравьевым отправились пешком на позиции, на передовую линию. Прибытие Муравьева еще больше подняло боевой дух красных шахтеров. Пробыв несколько часов на позиции и в Дебальцево, мы вернулись в Харьков, где в течение десяти дней наш отряд вел упорную борьбу с бандитизмом.

3 января, с 10 часов утра, в Харькове вновь раздались тревожные гудки. Двое суток десятки заводов и фабрик тревожными звуками сигнальных гудков напоминали об опасности и призывали трудящихся на бой с Центральной Радой.

Эти двое суток не забудутся десятки лет... Всюду на фабриках и заводах митинги, всюду призывы стать под ружье.

В штабах Красной гвардии кипела работа... Все новые и новые рабочие вливались в ее ряды, просили выдать оружие.

4 января наш отряд получил приказание от Харьковского Революционного Военного Комитета немедленно выступить в полном снаряжении на вокзал для погрузки в эшелоны. В центре города мы встретили еще два отряда красногвардейцев, также направляющихся на вокзал.

Со ст. Харьков вместе с нами выступило три эшелона красногвардейцев, бронепоезд и 30-й запасный полк тов. Руднева. На вокзале по распоряжению Муравьева наш отряд получил подкрепление — четыре пулемета и пулеметную команду.

От Харькова до Полтавы у нас стычек с врагом не было, только на последнем раз'езде полтавские юнкера, отступая, разобрали путь. Восстановив его, мы двинулись вперед.

По дороге к Полтаве Муравьев собрал военный совет из комсостава отрядов и каждому указал его обязанности при наступлении на город, с точным указанием улиц, районов и времени движения. Нам, паровозникам, приказано было держать вокзал, а остальным наступать по шоссе с вокзала в центр, занять центральный район и удержать его до прихода подкрепления, а по прибытии подкрепления двигаться дальше к Шведской могиле и окружить Виленское военное училище, чтобы обезоружить юнкеров.

Настроение красногвардейцев было исключительно бодрым и боевым. К Полтаве мы под'езжали с песнями.

Приближаясь к Полтаве, мы обстреляли удиравший эшелон петлюровского полка. Несмотря на повреждения, ему удалось, однако, уйти. По дороге к вокзалу нас встречали сотни делегатов от рабочих и солдат-фронтовиков с приветствиями, информируя нас о положении и выражая готовность помочь нам.

Вокзал мы взяли без боя. В момент взятия полтавского вокзала к нам присоединилось около 40 человек железнодорожников-красногвардейцев, вместе с которыми мы и повели наступление на центр города. По дороге к центру больших стычек не было, и центральную площадь мы заняли быстро, так как нас, как говорили жители, никто не ожидал. Когда подошли другие отряды и к нам присоединилось еще около 50 человек местных красногвардейцев, мы перешли в наступление по направлению к парку. Приблизившись к парку, мы быстро окружили оба корпуса Виленского военного училища и дружными залпами, при поддержке трех пулеметов, принудили юнкеров сдаться и разоружиться.

БОИ В КИЕВЕ

После взятия Полтавы наш отряд направился вдогонку противнику, отступавшему на Киев. Двигаясь по его следам, мы на ст. Решетилровке быстро опрокинули петлюровцев и приняли участие в бою за взятие Миргорода совместно с московской Красной гвардией.

От Миргорода до Гребенки мы продвигались быстро, но на станции Гребенка пришлось выдержать трехчасовой бой, в котором мы потеряли несколько человек убитыми и ранеными. В этом бою мы захватили два бронеавтомобиля, несколько легких орудий и простояли двое суток до прибытия штаба Муравьева.

К концу вторых суток мы получили известие из Киева, что рабочие с минуты на минуту готовятся к выступлению против Рады и что немедленно требуется наша помощь... Прибывший к этому времени Муравьев почему-то решил перебросить наш отряд на ст. Бахмач для полнейшей ликвидации петлюровцев. Но красногвардейцы и слышать об этом

не хотели и требовали немедленной отправки в Киев. Тогда Муравьев отменил свое приказание и отправил наш отряд на помощь киевским рабочим. С песнями и музыкой, полные боевого энтузиазма, отправились красногвардейцы по направлению к Киеву.

От Гребенки до последнего раз'езда перед Яготином отряду действовать не пришлось, так как впереди двигалось охранение из рабочих Донбасса... Но в 10 верстах от Яготина начальник отряда выделил для подкрепления наш второй взвод, который совместно с донбассовцами наступал на раз'езд и станцию Яготин... Взяв раз'езд и узнав от рабочих, что в Киеве восстание в полном разгаре, мы загорелись еще большим желанием поспешить на помощь киевским товарищам...

Когда мы цепью перешли в наступление на Яготин, петлюровцы встретили нас шрапнельным огнем, но наши красные герои, не испугавшись орудийных выстрелов, быстро по снегу подвигались вперед. Для облегчения передвижения пулемета я с двумя товарищами (Столяров и еще один, фамилии которого не помню) поставили его на вагонетку... Неожиданно для нас вагонетка, благодаря уклону, развила такую скорость, что остановить ее не было никакой возможности. Оставалось бросить пулемет и соскочить, но на такой позорный поступок никто из нас не подумал пойти. Вагонетка двигалась вперед со скоростью 30 верст в час, а мы все время стреляли из пулемета...

На ст. Яготин в это время стояло три эшелона петлюровцев и две пушки, из которых они обстреливали нашу вагонетку. Когда мы приблизились на расстояние 150 шагов от петлюровских эшелонов, я заложил в пулемет последнюю ленту и, готовясь к смерти, старался как можно точнее взять прицел. Расстояние между нами и петлюровцами быстро сокращалось. Вдруг я почувствовал сильный толчок, и мы полетели вперед... Потом я узнал, что мы наткнулись на стрелку, которую закрыл один из рабочих, спасая нас от смерти при столкновении с петлюровским эшелонем.

Как была занята станция Яготин нашими ребятами — не знаю. Когда я очнулся в комнате дежурного по станции, то слышал сильную артиллерийскую канонаду. Тов. Столяров уже сидел и покуривал, сплевывая кровь. Спустя несколько минут я оправился и через 30—40 минут был уже в цепи, двигаясь со взводом по направлению к баракам Красного креста.

На засевших по ту сторону железнодорожного моста и озера петлюровцев (Яготин был еще в их руках) с нами наступал еще какой-то отряд. Они обстреливали нас сильным орудийным огнем, но высокие разрывы никакого вреда нам не причиняли...

Слух о восстании в Киеве подтвердился полностью. Петлюровцы взорвали железнодорожный мост, а на противоположной стороне выставили свою артиллерию и думали помешать нам произвести ремонт. Но прибывший к мосту Муравьев какими-то

судьбами нашел железнодорожного инженера и приказал ему в 24 часа исправить мост.

Наша цепь, наступая, дошла до озера, где и остановилась на позиции, а в местечко Яготин были посланы другие отряды, чтобы выбить засевших там петлюровцев. Слева по лугу тоже пошли цепи, которые и заставили петлюровцев к концу ночи снять пулеметы и заставу, а к 7 часам утра отступить дальше на Киев.

Начался ремонт моста, во время которого было убито три человека и ранено десять. Сейчас же по окончании ремонта стали пропускать эшелон. Труднее всего было провести бронепоезд, который весил 30.000 пудов.

Переехав по качающемуся мосту, эшелоны нагружались и спешно следовали на Дарницу, а часть войск к утру была отправлена на подводах, так как по сообщению из Киева восстановление рабочих терпело поражение.

Около 10—11 часов утра наш эшелон к всеобщей радости достиг ст. Дарницы... В Дарнице перед отправкой отрядов на Киев командир произнес напутственную речь, в которой призывал к решительности в борьбе с классовым врагом и желал нам скорейшей победы. Под крики „ура“ мы, перейдя мост, двинулись к Киеву. Возле моста была установлена наша 48-ая батарея.

Не успели мы переправиться через мост, как с горы нас начали обстреливать из пулеметов. Рассмотрев в бинокль, где находится пулемет и команда, я отдал нескольким ребятам приказание снять пулеметную команду... Пулемет замолчал. Были слышны только отдельные ружейные выстрелы.

Я получил приказание немедленно двинуть отряд на поддержку красных арсенальцев. 75 человек наших красногвардейцев по команде двинулись вперед. Когда мы добежали до домиков, находящихся у подошвы горы, нас встретили женщины, со слезами умолявшие скорее помочь и спасти их от белого террора...

Тяжело было одолеть высокий под'ем к лавре, но каждый спешил, чувствуя, что необходимо скорее выручать товарищей.

Мы прибыли в лавру как раз во время. Киевские рабочие были в большой опасности—шло третье наступление со стороны юнкеров и петлюровцев, которые открыли бешеный огонь. Падали убитые и раненые...

Укрепив пулеметы, наш отряд вступил в бой... Сосредоточив огонь с верхнего вала по Никольской улице, где противником велась перебежка, мы приостановили наступление. Через полчаса к нам прибыли шахтеры и отряд матросов, и мы еще лучше укрепили подступы...

Трудно забыть ту радость, которая охватила нас в тот момент, когда мы соединились с киевскими рабочими. Мы приветствовали друг друга со слезами на глазах. Рабочие расска-

зали нам, что они три дня без смены дрались в городе и отступили. До нашего прибытия они держались возле лавры сутки, а всего их было двадцать человек, двадцать бойцов, измученных голодом и холодом, после трехдневного непрерывного боя, с отмороженными руками или ногами...

Мы очутились тоже в нелегком положении: незнакомый город, связи нет, что дальше делать — неизвестно. Защитники лавры тоже не были в курсе боевой обстановки и не знали даже в чьих руках находится арсенал и Константиновское военное училище. Только через три часа я получил приказ Муравьева. Он предлагал укрепленную полосу держать во что бы то ни стало до утра, а с наступлением рассвета перейти в наступление.

Наступило холодное морозное утро... По команде красногвардейцы, все, как один, быстро выскочили из окопов и начали спускаться вниз.

Продвижение нашего отряда сильно тормозилось, так как со всех сторон нас обстреливали и нельзя было понять, откуда стреляют. Со всех сторон летели пули... Приходилось задерживаться, производить обыски в домах и вылавливать оттуда офицеров. Пойманных „за работой“ расстреливали.

Непрерывно сражаясь с группами петлюровцев и юнкеров, неся жертвы, мы дошли до Московской улицы. Не успели еще все группы отряда выйти на Московскую, как нам сообщили, что с Александровской наступают с броневиком. Взяв шесть человек, я бегом бросился к крепостным воротам, а остальные штурмом двинулись на арсенал, но и там была засада...

Не успели мы добежать к воротам, как на нас наскочил броневик. Мы стали бросать в него гранаты, но повредить машину не удалось... Мы открыли перестрелку с наступавшей колонной, которая, несмотря на значительные потери, все-таки продвигалась вперед. В этой перестрелке меня ранили в шею навывлет, и я свалился на землю.

Товарищи не дали прорваться петлюровцам и броневнику.

После этого я выбыл из боя и при помощи одного из товарищей отправился в лавру. Найдя там второго помощника командира нашего отряда тов. Сычева, я просил его поспешить к нашим, а сам еще с двумя ранеными товарищами отправился к Днепру.

Не забуду никогда того теплого чувства, которое охватило меня, когда нас окружили женщины (жены красногвардейцев), спрашивали о нашем здоровье, старались как можно скорее помочь нам... Женщины, мужья которых уже восьмой день дрались на улицах Киева, встретили нас как родных, напоили и накормили чем могли. С трудом добрался я до моста, где сел на паровоз и доехал до Дарницы. Тяжело было оставить своих товарищей паровозников... Лежа в вагоне, я слышал орудийную канонаду...

Под ее грохот в Киеве побеждала власть Советов...

ОТРЯД КРАСНОЙ ГВАРДИИ ЗАВОДА ВЭК

В революционной борьбе за Октябрь на Украине рабочие завода ВЭК сыграли не последнюю роль. С первых дней Февральского переворота вэковцы принимали самое активное участие в борьбе за революцию, за диктатуру пролетариата.

В дни формирования первых отрядов Красной гвардии по инициативе рабочего завода ВЭК, т. Пастера, была создана группа рабочих, прошедших школу империалистической войны, из т.т. Симкина, Ганнуса, Саксаковского, Смильтнека и Цириса для организации боевых дружин и обучения рабочих военному делу.

В средних числах мая 1917 года на ВЭК'е составилось твердое ядро будущего первого харьковского пролетарского отряда, который вписал немало славных страниц в историю революционной борьбы на Украине.

Боевое обучение происходило в тяжелых условиях повседневной работы, а кроме этого чувствовался недостаток в оружии и снаряжении. Для получения оружия Харьковский Комитет большевиков и Центральный штаб Красной гвардии командировали т.т. Пастера и Сербиченко в город Тулу. Там они получили достаточное количество оружия, которое после доставки его в Харьков было перевезено на ВЭК. Арсенал ВЭК'а охранялся специально назначенной для этой цели дружиной.

В Харькове собирались силы контр-революции. В город прибыли броневые части, и началось лихорадочное формирование пехотных офицерских полков...

В средних числах сентября началось погромное движение, в котором принимали участие темные элементы харьковского гарнизона. Но благодаря сознательности и революционной дисциплине красногвардейцев в городе быстро был восстановлен порядок.

До Октябрьского переворота Красная гвардия завода ВЭК продолжала военное обучение, и к этому времени, достаточно вооружившись, она уже была угрозой не только для харьковской, но и для всей южной контр-революции.

После перехода власти в руки Советов атмосфера в Харькове с каждым днем сгущалась. С фронта прибыл броневой

дивизион, который разместился в самом буржуазном квартале города (по Епархиальной ул.). На вопросы, какую он намерен занять позицию, последовал ответ, что дивизион против всяких кровопролитий, но кто первый начнет военные действия, против того он выступит. Этому заявлению никто не верил, ибо по полученным сведениям броневой дивизион имел специальное задание выжидать, а потом участвовать в подавлении революционного движения и свержении власти Советов в Харькове.

Но и наш Революционный Комитет, в лице т. т. Рухимовича, Межлаука и Руднева, не дремал. Был составлен план, который был блестяще выполнен следующим образом: ночью в Ревком вызвали командира бронедивизиона, якобы для переговоров о присоединении его к революционному гарнизону. Во время переговоров с командиром по сигналу, в виде оружейного залпа, на дивизион был произведен неожиданный налет при участии части Красной гвардии завода ВЭК и матросов. Он был захвачен и разоружен без потерь, за исключением одного раненого. Опасность, угрожавшая советской власти в Харькове, была устранена.

Потом возникла новая угроза со стороны Белгорода, куда приближались потерпевшие жестокое поражение под Петроградом корниловские ударники, пробывавшиеся на юг для соединения с калединцами, которые оперировали в Донбассе. Для ликвидации белгородской белогвардейской группы был двинут при поддержке 30-го полка 1-й харьковский пролетарский отряд под командой Ганнуса, Саксаковского и Смилътнека. По прибытии в Белгород отряд на рассвете (это было приблизительно во второй половине ноября 1917 года) был двинут против ударников. Но в окончательной ликвидации белых на белгородском участке отряд не участвовал, так как был выслан обратно в Харьков для направления на другие угрожающие участки.

В первой половине декабря 1917 г. были получены сведения, что в районе Лозовая — Синельниково — Павлоград группируются банды Центральной Рады, гайдамаки, с намерением захватить Харьков. Для ликвидации этого участка был двинут 1-й харьковский пролетарский отряд. Он не только занял станцию Лозовую, но и преследовал беспорядочно отступавших гайдамаков до Павлограда.

Отряд разбился на три группы: первая, во главе с Ганнусом, осталась в Павлограде для ликвидации оставшихся там гайдамаков, вторая, во главе с Саксаковским, погрузилась в вагоны и продолжала совместно с бронеплощадкой преследовать петлюровцев до ст. Синельниково, а третья, руководимая мною, осталась на мосту между Павлоградом и Синельниково для охраны его от взрыва.

Особенного сопротивления гайдамаки не оказывали. В Павлограде они были окончательно разбиты без потерь со

стороны гвардии. Синельниковской группе, несмотря на ее малочисленность, тоже удалось после довольно сильной перестрелки рассеять гайдамаков, а третьей группе пришлось отбить два нападения на мост. Так был ликвидирован второй угрожающий Харькову участок.

25 декабря 1917 года вэковцы вернулись обратно в Харьков, где похоронили первую жертву из своей среды — рабочего т. Гаука.

* * *

25 декабря по распоряжению тов. Антонова - Овсенко отряд направился в Донбасс к ст. Никитовка — Дебальцево, предварительно обезоружив ночью сочувствующий гайдамакам полк, стоявший в казармах на Москалевке.

Чем ближе продвигались мы к ст. Дебальцево, тем чаще поступали донесения о зверских расправах калединцев с рабочими и крестьянами.

30-го декабря отряд без боя занял важный ж.-д. узел, ст. Дебальцево, откуда в дальнейшем наносил жестокие удары Каледину. В поселке ст. Дебальцево были найдены трупы девяти зверски замученных рабочих. При участии местных рабочих шахтеров мы их с честью похоронили.

В Дебальцево нам приходилось все время быть настороже, так как ж.-д. ветки, соединявшиеся со станцией, находились в руках белых. Красногвардейцам часто приходилось делать демонстративные налеты на расположения белых, чтобы помешать им организовать для нападения на наши позиции.

По прибытии Гатчинского и Тверского отрядов наш отряд двинулся в решительное наступление на ж.-д. магистраль — Дебальцево — Звереве — Новочеркасск.

Первое наступление произведено было на ст. Петровеньки. Заняв ее, отряд продвигался без особых сопротивлений со стороны противника до ст. Колпаково.

Следует отметить героизм 1-й роты, которая не знала поражений. Бывали случаи, когда рота эта самостоятельно очищала от противника целые участки. Так, например, ею был очищен участок от ст. Колпаково до ст. Гуково. Подвиги эти товарищи приписывали неустрашимости, решительности и умелому руководству т. Саксаковского, который всегда подавал пример революционного героизма.

На ст. Гуково отряд задержался, так как сильные офицерские отряды занимали важные стратегические пункты — Лихую и Звереве.

Через четыре дня отрядом ночью был сделан смелый налет на ст. Звереве. Несмотря на превосходные силы противника и упорное сопротивление, вэковцы заняли ст. Звереве, но, вследствие угрозы быть отрезанными от своего тыла, должны были отступить на прежнюю позицию.

Вслед за этим мы неоднократно подвергались неожиданным нападениям со стороны белогвардейцев. Вэковцы при поддержке части 30-го полка героически отбивали их. После одного такого ночного налета, когда, вследствие внезапности его, отряд наш потерял до 60 человек убитыми и 30 человек ранеными, ему пришлось вернуться в Харьков для пополнения.

Пополнив свои ряды свежими силами, вэковцы вернулись на фронт, на ст. Каменоломня (два пролета до Новочеркаска). На этой станции вэковцам пришлось выдержать жестокий натиск белых со стороны их опорного пункта — ст. Персияновки. Отразив натиск противника, отряд приготовился к штурму крепости южной контр-революции — Новочеркаска.

С прибытием Ямбургского полка, при непосредственном участии 27 казачьего полка т. Голубева, Новочеркасск был взят.

После взятия Новочеркаска вэковцы через Ростов (который был взят на два дня раньше Новочеркаска отрядами под командой Сиверса) вернулись в Харьков. Первый харьковский пролетарский отряд развернулся в 1-й харьковский пролетарский полк и 1-ую харьковскую конную батарею под командой тов. Куликова (затем инспектора артиллерии 1-й конной армии).

Немало страниц вписано вэковцами в историю гражданских боев 1918—1922 годов на донском, польском, денкинском и врангелевском фронтах. Выросшие из харьковских красногвардейских отрядов регулярные части Красной армии сохранили лучшие традиции первых отрядов Красной гвардии.

Немало вэковцев легло за дело освобождения трудящихся во время классовых битв. А оставшиеся в живых, строя и укрепляя свое рабочее государство, готовы к грядущим боям.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ЛУГАНСКЕ

БОРЬБА С БЕЛОГВАРДЕЙЦАМИ И АНАРХИСТАМИ

К концу 1917 года донская контр-революция приняла угрожающие размеры. Контр-революционные войска, руководимые Калединым и Богаевским, подошли вплотную к Новочеркасску, Ростову и Таганрогу. Рабочие этих городов под влиянием меньшевиков не оказывали никакого сопротивления белым, а в Таганроге во время наступления красных небольшой отряд спровоцированных рабочих, под руководством меньшевиков, даже выступал с оружием в руках против наших войск.

Сгруппировавшиеся на Дону офицеры, организованные в ударные отряды, с каждым днем все более нагнали. Один из таких отрядов делал частые налеты на находящиеся вблизи Таганрога рабочие районы. Во время налетов офицеры арестовывали рабочих-большевиков и брали их на допрос в свои вагоны. После допроса они обычно „освобождали“ арестованных; но когда последние выходили из вагона, выстрелом из окна их убивали. Этот отряд-эшелон не ограничивался издевательствами над рабочими. Нередко устраивались массовые порки крестьян. Отряд действовал вблизи железной дороги. После расправы эшелон обычно покидал станцию, переезжая в другое место. Наглость офицеров, переходящая все пределы, порки и насилия над женщинами вызывали сильное озлобление населения.

В рудничных поселках и на заводах Донбасса (даже там, где до тех пор рабочие находились под влиянием меньшевиков) самотеком стали организовываться вооруженные отряды для самообороны от налетов офицерско-казачьих банд.

Наглый налет, совершенный белопогонным офицерством на станцию Дебальцево 26 декабря 1917 года, положил предел терпению рабочих масс Донбасса. Налет этот был произведен следующим образом: часов в 12 ночи, когда в здании вокзала заседал Дебальцевский Ревком, тихим ходом со стороны станции Чернухино вошел на ст. Дебальцево эшелон и остановился на выходных стрелках.

Офицеры высадились, обстреляли пулеметным огнем станцию вдоль перрона и цепью стали окружать ее, убивая красногвардейцев, которые, вследствие внезапности нападения, не оказывали никакого сопротивления.

Члены Ревкома бросились спасаться... Т.т. Луговой и Макогон, знавшие расположение станции, выскочили в окно на двор вокзала и спаслись. Предревкома, рабочий станции Попасная, был схвачен белыми и тут же в зале 3-го класса убит.

Офицеры ограбили кассы вокзала, расправились с коммунистами и красногвардейцами, и с наступлением рассвета эшелон их безнаказанно скрылся. Никто из рабочих соседних станций не мог оказать своевременной помощи потому, что белые перерезали все провода. В Луганске узнали о налете только к вечеру того же дня.

С этого момента станция Дебальцево стала пунктом формирования красных отрядов, которые начали наступление на Таганрог, а Ревком стал значительно осторожнее и организовал охрану и наблюдение за движением эшелонов.

Гражданская война в нашем районе разворачивалась быстрым темпом. Донской Революционный Комитет, который находился в станице Каменской, не имел пролетарских сил для развития активных революционных действий против Новочеркасска и Ростова. Вокруг были станицы, не имевшие никакой промышленности, а следовательно и пролетариата. Станицы эти были заселены казаками. Донской Ревком, с одной стороны, продолжал вооруженную борьбу с белыми казаками-каледицами, а с другой — вел глубокую разведку, изучая настроение станиц.

На подавление контр-революции из Москвы прибыли под командой Саблина отряды, которые, находясь в Луганске, заканчивали приготовления к наступлению. Штаб этих отрядов, простояв неделю в Луганске, двинул отряды через Лихую к Ростову, где развернулись бои.

Через несколько дней после ухода саблинских частей и штаба в Луганск пришел хорошо вооруженный броневик, которым командовал какой-то анархист. Представители этого броневика явились в Исполком и потребовали выдать им для команды целый ряд вещей, в том числе кожаные костюмы, дамское белье, шелковые чулки, вина и проч. Исполком им в этом отказал, но обещал снабдить их мукой, мясом и овощами. Тогда анархисты стали требовать от Исполкома разрешения на производство обысков у местной буржуазии. Исполком категорически запретил это и пригрозил, что, если начнутся самочинные действия, он примет решительные меры.

Под покровительством команды броневика расхрабрились и местные анархисты. Они заняли дом местного предводителя дворянства, где были запасы всякой снеди, и удобно расположились там.

На броневике шло повальное пьянство и кутеж. По вечерам оттуда слышались пьяные песни и крики...

Между прочим, анархисты из поезда настояли на созыве общего собрания Красной гвардии. На этом собрании они жаловались на Исполком, отказавшийся удовлетворить их требования.

Курьезы, имевшие место на этом собрании, служат теперь материалом для анекдотов и юмористических рассказов.

Исполкомом было решено ликвидировать безобразия луганских анархистов и разоружить поезд. Дом, где находились местные анархисты, был окружен отрядом Красной гвардии и им было предложено удалиться. Анархисты отказались. Тогда красногвардейцы дали залп... В результате столкновения два анархиста были убиты, а один сам себя взорвал бомбой. С городскими анархистами, таким образом, было пока покончено.

Бронепоезд же мы предполагали разоружить таким образом: когда команда уйдет в город, под видом маневров вывести его за железнодорожный мост в сторону Родаково и там произвести разоружение. Но команда бронепоезда после ликвидации местных анархистов на некоторое время притихла. Создавалось впечатление, что у нее нет никаких дурных намерений, и мы поэтому не привели в исполнение свой план. Потом оказалось, что мы сделали большую ошибку.

Однажды мне в железнодорожном комитете сообщили, что бронепоезд затевает что-то неладное. Паровоз у них на парах, команда в полном вооружении, водится с орудиями. Я вышел к бронепоезду. Он стоял на выходном пути. На мои расспросы команда отвечала, что она выезжает на фронт. Около поезда стоял начальник нашей Красной гвардии, А. Пархоменко, и мирно беседовал с начальником бронепоезда. Наконец принесли путевку, паровоз дал сигнал...

Команда расположилась у орудий с револьверами и бомбами в руках. Я опять усомнился в их добрых намерениях... Паровоз тронулся. Совершенно случайно повернувшись в ту сторону, где стоял Пархоменко, я увидел, как три парня схватили его и бросили в один из вагонов... Бронепоезд, развив бешеную скорость, вышел со станции по направлению к Родаково.

Штаб Красной гвардии, узнав о взятии в плен т. Пархоменко, отдал распоряжение заставить на станции Родаково выходные пути в сторону Лихой, куда должен был направиться бронепоезд, и приготовить паровоз с одним вагоном, в котором красногвардейцы должны были двинуться в погоню за бронепоездом.

Красногвардейцы, из которых я помню Я. Шефера, Гр. Чекумена и Асташова, догнали поезд в Родаково. Из бронепоезда их предупредили, что если они двинутся вслед, то их разобьют из орудий. Бронепоезд вышел из Родаково.

Ночью красногвардейцы снова двинулись вслед за анархистами. Бронепоезд остановился в поле и стал поджидать красногвардейцев. Когда их паровоз приблизился, анархисты остановили его железнодорожным сигналом, обезоружили красногвардейцев и взяли их в бронепоезд.

Позже из Луганска была дана телеграмма Саблину, по распоряжению которого красногвардейцы были освобождены, а начальник бронепоезда расстрелян.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЛУГАНСКОГО СОВНАРКОМА И БОРЬБА
С НЕМЦАМИ

На уездном с'езде Советов в Луганске, который прошел под руководством большевиков, был избран уездный Исполком во главе с председателем, т. Вобликовым (Вольским).

До организации уездного Исполкома в городе хозяйничал городской Исполком. По положению, городской должен был подчиниться уездному, но по составу городской был революционным, пролетарским, а уездный состоял из крестьян, политическая физиономия которых далеко еще не была определена.

Поэтому в марте было решено организовать Совнарком, которому оба исполкома должны были передать всю полноту исполнительной власти в нашем районе...

Тов. Ворошилов в это время уже оперировал с красногвардейским отрядом.

Организованный Совнарком, под председательством Юрия Лутовинова, состоял из одиннадцати наркоматов: труда — во главе тов. Лутовинов, внутренних дел — Якимович и С. Крюков, юстиции — А. И. Червяков, продовольствия — Иван Ильич Алексеев, просвещения — Я. В. Истомина, военных дел — Волокитин, путей сообщения — И. И. Николаенко, финансов — Маранц и Лаврухин, госконтроль — А. З. Каменский, почт и телеграфа — А. И. Осипович. Все перечисленные наркоматы возглавлялись большевиками, а остальные два — социального обеспечения и земельных дел — эсерами (первый — Малдовским, второй — Ханзоном).

С организацией наркоматов, которые фактически являлись отделами Исполкома, с той только разницей, что наркоматы объединялись в Совнаркоме, работа значительно улучшилась и стала более четкой.

Чем больше наш Совнарком расширял работу, тем сильнее чувствовался недостаток в деньгах. Пришлось делегировать в Питер за деньгами т. т. А. Каменского и И. Шмырова. Но Петроград не мог удовлетворить всех наших нужд. Решено было обложить контрибуцией местную буржуазию. Проведение этого решения было возложено на специальную комиссию. Главным стимулом к своевременной сдаче контрибуции являлась наша Чрезвычайная следственная комиссия, возглавляемая Гр. Кон. Ивановым, которая была достаточной угрозой для луганской буржуазии и контр-революции.

Контрибуцию луганская буржуазия платила аккуратно и вовремя. До самого отступления наш Совнарком за счет этих фондов не только оправдывал административные расходы и расходы по содержанию Красной гвардии, но поддерживал горную промышленность города и уезда, не раз спасая ее от затопления. Из-за недостатка средств наркоматам было очень трудно работать. Особенно это чувствовалось наркоматом социального обеспечения, на иждивении которого находилась масса

солдаток, мужа которых или погибли в империалистическую войну или еще не вернулись из плена.

Внутренняя жизнь города наладилась. Порядок поддерживался милицией, ревтрибуналом и следственной комиссией.

Так проходила работа нового Совнаркома, вплоть до брестских переговоров. После ликвидации Центральной Рады почти прекратилась и утратила всякий общественный интерес политическая борьба между партиями. Эсеры - рабочие шли с нами без всяких колебаний; что же касается мещанских элементов, объединяемых меньшевиками, Бундом, и т. п., то они не подавали никаких признаков политической жизни. В это время внимание луганских пролетариев почти целиком было сосредоточено на борьбе, происходящей за пределами города.

Луганские рабочие, после брошенного лозунга „ни пяди земли без борьбы“, в феврале 1918 года решили построить на паровозном заводе броневик, а Совет объявил запись добровольцев в отряд для борьбы с интервенцией. Запись протекала очень успешно, постройка броневика шла быстрым темпом. Мне и И. И. Алексееву было поручено подобрать вагоны для эшелона и снабдить его продовольствием. Недели через две все было готово.

В день отправки поезда я, часов в 8 утра, пришел в железнодорожный комитет. В приемной сидело человек пятнадцать местных меньшевиков. Я не придавал этому факту никакого значения и прошел к себе в кабинет.

Приблизительно через час после моего прихода четверо из них, во главе с С. Козорезовым, вошли ко мне с вопросом: „За что вы нас арестовали?“ Я удивленно спросил — кто арестовал. Оказалось — наши красногвардейцы. Выясняя дело, я стал расспрашивать красногвардейцев. Один из них ответил: „Они ведь кричали „война до победы“, мы их возьмем с собой на фронт, посмотрим, как они будут бежать“. Я позвонил Ворошилову. Он поручил мне освободить меньшевиков, но красногвардейцы, узнав об этом, забрали их в вагон. Освободить их удалось лишь тогда, когда сам Ворошилов приехал на вокзал.

Часа в три дня послышалась музыка, и перед вокзалом появился отряд, впереди которого ехал начальник бронепоезда — тов. Ворошилов. За отрядом шло тысячи две - три народа, хотя сам он насчитывал не более пятисот человек. Остальные были родственники, знакомые и представители организаций, провожавшие бронепоезд.

Команду броневика вывели на перрон, были произнесены речи. Настроение было торжественное, боевое. Бойцы заявляли о готовности умереть за революцию. Провожавшие желали побед броневнику. Наконец паровоз дал свисток, и эшелон медленно стал отходить от станции. Затрещали пулеметы, заговорили винтовки, трескотня которых была слышна и тогда, когда бронепоезд скрылся за горизонтом...

Бронепоезд встретил немцев под Конотопом. После первого неудачного боя он вынужден был отступить, хотя команда отчаянно дралась и отступала с упорными боями.

Отступая через Харьков, все время с боями, в апреле бронепоезд пришел в Луганск, подремонтировался и вместе с другими отрядами с боями отступал на Царицын.

В марте 1918 года, когда немцы пересекли линию Харьков — Курск, на ж.-д. узлах Донецкого бассейна скопилось такое количество вагонов, что даже крупные станции, как Дебальцево, не могли принимать поездов. Все отряды, предназначенные для борьбы с немцами, находились на колесах, что усугубляло тяжелое положение железных дорог.

К 20-му марта все дороги с юга были закупорены. Между тем немцы подошли к Харькову, и отряды Красной гвардии, которые дрались с ними, должны были продвигаться на юг.

После моего доклада в Луганском Совнаркоме о создавшемся положении, мне было поручено разгрузить ж.-д. пути. Я в этот же день издал приказ под угрозой смертной казни ДН и ДС своего района составить комиссию и переадресовать все грузы, идущие на север через Курск транзитом, направляя их через Луганск, Миллерово, Воронеж. В Миллерово выехал И. К. Иванов, который добился максимального пропуска наших эшелонов по юго-восточным дорогам. Часть поездов была направлена через Попасную и Лихую.

Уже через три дня луганское депо не в состоянии было обслуживать своим подвижным составом такой чрезмерной нагрузки. Тогда решили взять новые паровозы, которых на паровозном заводе стояло штук пятнадцать (резерв машинистов у нас был достаточный).

Железнодорожные инженеры пытались запугать нас, что линия в сторону Миллерово не выдержит такой нагрузки. С машинистом, коммунистом тов. Дмитриевым, и инженером мы выехали на линию для проверки их заключения и убедились, что паровозы работать могут. В течение двух недель ближайшие узлы были значительно разгружены.

Узнав об этом, Харьковский Совнарком прислал на мое имя мандат на разгрузку Ямы, Лимана, Ясиноватой и Дебальцево. Нами была проделана колоссальная и успешная работа. Успех ее можно объяснить исключительно тем, что наши железнодорожные мастерские имели дореволюционную крепкую большевистскую организацию, популярную не только среди низших, но и высших служащих. Луганский железнодорожный комитет последние две недели перед отступлением работал дни и ночи, а наш отряд Красной гвардии сохранял возможность аппарату станции работать в нормальных условиях.

Эвакуация шла полным ходом, а луганчане изыскивали средства для защиты и сохранения промышленности Донбасса

за советской властью. Кроме общей работы по разгрузке железных дорог, мы во время учли весь порожняк и эвакуировали запасы нашего патронного и Гартманского заводов. Из одного патронного завода было вывезено 200 вагонов латуни и пороху.

К приходу немцев Луганск был очищен на сто процентов.

ОТСТУПЛЕНИЕ ИЗ ЛУГАНСКА

Донская контр-революция была подавлена совместными усилиями донецких рабочих отрядов, революционно-настроенных казаков и войск Саблина. В Ростове на Дону организовался Совнарком, который охватывал всю Донскую область.

Наши луганские „дипломаты“, учитывая, что по Брестскому договору немцы должны были занять Украину только до реки Северного Донца, которая в этом районе отделяет Донбасс от Днобласти, придумали план присоединения Донбасса к Донской области на том основании, что лет двести тому назад Бахмутский и Славяносербский уезды, в которых теперь развернулась промышленность Донбасса, не входили в состав гетманской Украины, а присоединялись вместе с донскими степями к России.

После учета всех обстоятельств, могущих сорвать этот план, Луганский Совнарком выделил „дипломатических представителей“ для посылки в Ростов (помню, что среди них был т. Вобликов, других не помню) с челобитной о присоединении Луганска и Бахмута со всей промышленной территорией к Донской области. Для большей убедительности Совнарком решил даже организовать плебисцит.

Наша делегация выехала в Ростов. Переговоры шли успешно, границы присоединяемой территории были определены без долгих дебатов. Донской Совнарком настаивал на денежной компенсации, на которую наша делегация согласилась.

Пока делегация вела переговоры, в Луганск прибыл Донецко-Криворожский Совнарком, резиденцией которого до этого времени являлся Харьков, и в Луганске неожиданно оказалось два совнаркома — один возглавляемый Юрием Лутвиновым, другой — т. Артемом (Сергеевым). Совнаркомы были слиты и председателем объединенного Совнаркома был выделен т. Артем. Комендантом города был назначен т. Кин.

Наступление немцев развивалось с невероятной быстротой. Тов. Кин проводил подготовку города к сдаче немцам. В целях предотвращения грабежей, он создал самоохрану, куда были привлечены меньшевики, бундовцы и представители других мелкобуржуазных партий.

По всему видно было, что немцы пойдут дальше, не считаясь с Брестским договором. Наши стремления сохранить Донбасс терпели крушение.

Донецкие рабочие дрались с немцами с ожесточением, и последние нередко отступали с большими потерями, оставляя орудия и обозы. Если бы оборона Донбасса была лучше организована, если бы донецкие рабочие отряды имели тогда единое командование, немцы безусловно были бы изгнаны (?—Ред.). Но оборона велась на отдельных участках самостоятельно. Мы, например, не знали, что делается на линии железной дороги Дебальцево — Лихая, хотя эта линия шла параллельно нашему пути отступления. Кроме того, в наших командных кругах была уверенность в том, что немцы будут действовать по писанному и дальше Северного Донца не пойдут.

Артиллерийская канонада со ст. Родаково, где отряд Локотоша успешно отбивал наступление немцев, тревожила горожан, а предательский шум немецкого аэроплана, появлявшегося над городом аккуратно в 8 час. утра и 5 час. вечера, усиливал эвакуационное настроение.

В этой тревожной обстановке не знаю кто и для чего дал распоряжение об уничтожении архива луганской охраны, который далеко еще не был разобран. Архив был вывезен за город и сожжен.

Между тем немцы приближались к Луганску. За два-три дня до отступления на станцию Луганск был прислан в качестве коменданта от красногвардейского отряда, продолжавшего бои с немцами, т. Карачаев. Город также обслуживался военным комендантом, Ф. Николаенко¹⁾. Гражданским властям в городе нечего было больше делать.

20 апреля 1918 года, часов в семь утра, поезд, в котором эвакуировались луганские советские учреждения, тихим ходом отошел от Луганска. В нем находились почти в полном составе Совнарком, Совет и другие представители власти.

Мы отступали к Миллерово, где предполагалось произвести реорганизацию красных частей (для приспособления к новым методам борьбы с немцами и очистки их от уголовных элементов).

После эвакуации советских учреждений Луганск дня два еще оставался в наших руках. Последними выехали из города коменданты — Ф. Николаенко и Карачаев. Они предполагали на автомобиле добраться до Миллерово, но в 25—30 верстах от Луганска наткнулись на засаду казаков, которая, не решаясь нападать на эшелоны, задерживала отставших большевиков и расправлялась с ними на месте. После зверского издевательства Ф. Николаенко и Карачаева вместе с другими передали в Луганск гайдамакам, где первый получил сто пятьдесят, а второй пятьдесят ударов шомполами. Случайность спасла их от расстрела. Месяца четыре они просидели в гетманской тюрьме, а потом бежали и, перейдя границу, явились в свой отряд, который в Царицыне преобразовался в 10-ю армию.

¹⁾ Погиб под Киевом в борьбе с зелеными 14 марта 1919 г.

Так закончился первый период советской власти в Луганске. Около десяти тысяч луганских пролетариев ушли в донские степи, где развертывалась жестокая кровавая борьба с донским белым казачеством. Многие из них не вернулись. Но на их место стали в ряды бойцов защитников революции примкнувшие к нам во время отступления крестьяне и казаки. Из этих красногвардейских отрядов выросла целая армия, отстоявшая впоследствии республики Советов от донской контр-революции.

ПЕРЕХОД ЛУГАНСК — ЦАРИЦЫН

В заключение я считаю не лишним остановиться на истории перехода в Красную армию наших отрядов, которые играли немалую роль в обороне революции на северо-кавказском фронте.

Луганский отряд, образованный из членов партии и членов Совета, в состав которого входили и ответственные работники, должен был лечь в основу реформирования красногвардейских отрядов, идущих по направлению к Миллерово. При помощи луганского отряда предполагалось разоружить уголовные элементы, дисциплинировать революционную часть отрядов и, по возможности, согласовать их действия в борьбе с противником по всей линии отступления.

Отряд был подчинен бывшему штабс-капитану Холоднину, который, учитывая, что личный состав отряда не имеет никакой военной подготовки, целыми днями вел с ним строевые занятия. Ответственные работники вели неустанную политическую работу в массах, скопившихся на ст. Миллерово.

Несколько эшелонов были разоружены и через Чертково направлены вглубь России. Немцы, однако, грунтовым путем из Харькова достигли этой линии жел. дороги и перерезали ее, захватив разоруженные эшелоны. Часть людей в момент нападения разбежалась и вернулась к нашим эшелонам на ст. Морозовскую.

От красногвардейцев, сумевших вырваться из рук казаков, мы узнали, что Луганская станица помогает немцам, а Митиканская колеблется с перевесом в сторону советской власти. Рассчитывая, что станицу можно направить против немцев, из Миллерово была послана туда делегация в составе т.т. Лутовинова, Вобликова и других. Но „дипломатические переговоры“ едва не кончились для делегатов трагически: их спасли только хорошие ноги...

После занятия ст. Чертково немцами мы из Миллерово решили продвигаться к Лихой, путь к которой казаки Гундоровской станицы стремились во что бы то ни стало перерезать.

Когда наши эшелоны подошли к ст. Каменской, немцы начали обстрел железнодорожных путей артиллерийским огнем.

Не доезжая две-три версты до Каменской, отряд был высажен из эшелона и двинулся вправо от железной дороги. Первые действия его были успешны: он даже занял станицу Гундоровскую, но на второй день подошли немцы и начали артиллерийский обстрел, которым значительно расстроили ряды неопытных бойцов. Ночью была потеряна связь и красногвардейцы начали уходить с позиций по направлению к Лихой.

Начавшаяся среди бойцов деморализация после поражения под Гундоровкой, Каменской и на станции Лихой еще более усилилась. Если при отступлении из Луганска товарищи тешили себя надеждой, что немцы дальше Донца не пойдут, то теперь эта надежда была потеряна. Красногвардейцы по инерции стремились вперед, но куда — этого никто не знал. Дело доходило до того, что очень часто командиры плелись в хвосте своих отрядов.

Уже в Белой Калитве создалась обстановка, требовавшая не только арьергардной защиты наших эшелонов, которые тянулись на несколько верст, но и создания авангарда, который должен был расчищать дорогу, так как казаки почти поголовно поднялись против нас.

Вправо от железной дороги пошел, если не ошибаюсь, отряд Сиверса, а слева — отряд Щаденко. Началась взаимная резня. В Белой Калитве не осталось ни одного казака — все ушли к белым.

Куда двигались — никто толком не знал. Газет не было больше месяца, не знали, есть ли где-нибудь советская власть... Колебания, возникающие у красногвардейцев, проникали в массы... Нашлись и такие, которые предлагали разойтись, так как белые все равно нас уничтожат.

Небольшая группка, во главе с Ворошиловым, не теряла надежды и вела борьбу. Наконец на ст. Морозовской все красногвардейские отряды были объединены в 10-ую Красную армию, возглавляемую т. Ворошиловым, и уверенность в нашей победе снова окрепла. Была установлена связь с Царицыном, и хотя под напором казаков, вооруженных немцами, мы вынуждены были отойти к Царицыну, но им это недешево обошлось.

В Царицыне луганский актив вел большую работу. Ревсовет 10 армии, Чека северокавказского фронта и ряд других учреждений возглавлялись луганчанами, и вообще во всей жизни Царицына, в первый период его обороны в 1918 году, луганчане играли крупную роль.

Группа красных войск, отступавшая к Царицыну, настолько закалилась в борьбе во время перехода, что под Царицыном героически отражала бешеные атаки белоказачьих армий, которые иногда наступали двенадцатью цепями. Красные отбрасывали эти регулярные войска царского времени, нанося им тяжелые поражения.

Знаменитое отступление Луганск—Царицын по своему значению в гражданской войне заслуживает внимания историка.

В своих воспоминаниях я не упомянул о двух важных фактах, которые имели место в тот период в жизни Луганской организации.

Во время Брестского мира наш Луганский Комитет партии полностью разделял линию большинства Центрального Комитета и по этому вопросу споров в Луганской организации почти не было. Массы тоже пошли за нами, хотя эсеры энергично агитировали за „окончательную победу“.

Я не упомянул также о переименовании партии. В этом вопросе некоторые товарищи колебались, считая предложение, выдвинутое т. Лениным, несвоевременным, но потом вся организация единодушно поддержала переименование.

К БОРЬБЕ ЗА ОКТЯБРЬ В ЗИНОВЬЕВСКЕ (ЕЛИСАВЕТГРАДЕ)

Под влиянием Октябрьского переворота, происшедшего в центре, с одной стороны, и, с другой, под влиянием большевистской агитации, полного банкротства соглашательских партий и вызывающего поведения украинских шовинистов, (с.-д. и с.-р.) все более откровенно обнаруживавших свою мелкобуржуазную, антипролетарскую, контр-революционную сущность, в настроениях рабочих и солдатских масс Елисаветграда начался постепенный перелом. Только во второй половине декабря можно было более или менее точно учесть силы, которыми располагали оба лагеря, с одной стороны — большевики, а с другой — коалиция меньшевиков с украинскими эсерами и эсдеками.

Восьмого или девятого декабря уездный комиссар Временного правительства, Мрачковский, сдал дела председателю уездной земской Управы, а не Совету рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В Елисаветграде фактически воцарилось двоевластие — земская Управа и Совет.

В „социалистической“ Думе в это время председателем был избран Я. А. Метт (правый эсер), а заместителем его — Катюк (тоже эсер, центровик). Одновременно рабочие крупнейшего завода Эльворти вынесли резолюцию о признании власти Совета народных комиссаров...

Все это происходило в период подготовки к выборам в Украинское Учредительное собрание. Меньшевики и эсеры (русские и украинские) усиленно готовились к выборам в „учредилку“. Большевики готовили массы к восстанию, к захвату власти.

Приблизительно к концу декабря произошел перелом: левые с.-р., по примеру питерских и московских, стали на советскую платформу.

В конце декабря 1917 г. или в начале января 1918 г. (не помню точно) в Елисаветград прибыло несколько вагонов с винтовками и патронами. Весть об этом с быстротой молнии распространилась по заводу Эльворти. Рабочие бросились на вокзал и стали разбирать винтовки... Этот случай послужил первым толчком к вооружению рабочих и созданию Красной

гвардии. Пустующие корпуса юнкерского училища были заняты большевистской организацией (юнкера незадолго до этого были отправлены в отпуск).

В средних числах января мы решили захватить власть и заключили по этому поводу соглашение с левыми эсерами. Началась организация Красной гвардии, основным ядром которой являлись члены большевистской организации. Затем был выделен комитет Красной гвардии, выбраны 10 товарищей в качестве „десятских“ и было приступлено к вербовке красногвардейцев, особенно на заводе Эльворти, насчитывавшем тогда свыше 6.000 человек. Завод дал человек пятьсот красногвардейцев. Отряд получился сравнительно небольшой, но дисциплинированный и крепко спаянный, ибо ряды его заполнила наиболее активная революционная часть рабочего класса Елисаветграда.

В комитет Красной гвардии входили: Чернышев, Гуляницкий (начальник Красной гвардии), Белоконь, С. Крадожон, Бондаренко и др.

18 января был организован Военно-Революционный Комитет. Большинство в нем принадлежало большевикам. От большевиков в Ревком входили — Поволоцкий, Белоконь, Балаковская и ряд других товарищей (фамилий сейчас не помню), от левых эсеров, помню, входили — Сирота, Шиндель и, кажется, Журбинский.

Кроме Красной гвардии, организованной нами, в городе был еще хорошо вооруженный отряд анархистов-коммунистов. Этот отряд в Красную гвардию не влился, однако зачастую помогал нам.

Отношение к нам со стороны анархистов было благожелательное. Они считали, что лучше быть с большевиками, чем с кем-либо другим. Меньшевиков, правых с.-р. и прочих „правых“ анархисты просто презирали. Большевиков же они считали революционерами.

В день организации Военно-Революционного Комитета было опубликовано сообщение о переходе власти в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Фактически же власть к Совету еще не перешла.

Мы подсчитывали свои силы и прощупывали гайдамацкие части с целью выявления их настроения. Нам удалось установить, что конная сотня имени Гонты не выступит против нас, а будет сохранять нейтралитет. Остальные же части — пехотная, пулеметная и артиллерийская были враждебны нам и под руководством войсковой гарнизонной Рады готовились к выступлению.

28 января был опубликован приказ Военно-Революционного Комитета, запрещающий ношение оружия без разрешения Комитета. Обнаруженное оружие подлежало конфискации. Этим приказом сразу был остро поставлен вопрос о сдаче оружия

гайдамацкими частями. Гайдамаки от сдачи оружия отказались и стали концентрировать свои силы в Пушкинском училище.

На другой день один из отрядов Красной гвардии под командой Гуляницкого и Чернышева, выйдя из штаба, двинулся по направлению к Большой Перспективной. Не успели мы отойти шагов на пятьдесят, как пришлось вступить в бой. Нас обстреляла небольшая гайдамацкая часть, помещавшаяся в одном из зданий Юнкерского училища. Произошла стычка, окончившаяся в нашу пользу. Отряд двинулся дальше. В отряде был пулемет, установленный на грузовике, предоставленном нам 9 авторотой; кроме того, часть солдат 9 автороты была в рядах Красной гвардии. Красногвардейцы были разбиты на 3 отряда: первый отряд, самый многочисленный, выступил против гайдамаков, второй остался в резерве (по охране тыла, в штабе Красной гвардии) и третий, малочисленный, остался в том корпусе, где помещалась конная сотня им. Гонты, так как верить в нейтралитет гонтовцев не приходилось. Подойдя к перекрестку Дворцовой и Большой Перспективной улиц, наш отряд столкнулся с гайдамаками. В результате пятнадцатиминутного боя они были обращены в бегство. Но этот бой вопроса о захвате власти не разрешил, так как гайдамаки оттянули свои части в другую часть города. Нами был занят участок, границами которого были: с юга — река Ингул, с севера — полотно железной дороги, с востока — Большая Перспективная и с запада — завод Яскульского.

На занятой территории были расставлены для охраны наши патрули и часовые.

В это же время прибыла в Елисаветград Маруся Никифорова, у которой были авто-броневики. Ревком обратился к ней с просьбой помочь разоружить гайдамаков. Она изъявила свое согласие и по ее распоряжению с поезда был выгружен один броневик, отправившийся к штабу Красной гвардии. Ревком тогда еще Маруси Никифоровой не знал (она впервые появилась в городе), но елисаветградская федерация анархистов ее хорошо знала и сейчас же по приезде с ней связалась. Ее позиция в то время — „вместе с большевиками против гайдамаков и немцев“...

Наш отряд во главе с броневиком приблизился к Пушкинскому училищу, где помещался штаб и главные силы гайдамаков. Произошла краткая перестрелка. Появление броневика предрешило исход борьбы в нашу пользу, но занять весь город мы не смогли и опять оттянули силы к своему участку. Вечером, часов около восьми, к нам дошли сведения, что войсковая гарнизонная Рада, руководившая борьбой с нами, собралась в здании Дворянского собрания (по Петровской ул.). Было решено ее арестовать. В Дворянское собрание был отправлен небольшой отряд красногвардейцев, который арестовал Раду и привел членов ее в штаб.

Наши патрули отправляли в штаб и публику, задержанную в занятой нами части города. Все не знавшие пароля немедленно арестовывались.

В тот же вечер прибыл на станцию 657 Прутский полк. Полк этот был настроен большевистски. Полковой комитет состоял из большевиков (председателем его был т. Раев).

По просьбе Ревкома часть полка была отправлена в помощь Красной гвардии. В этот же вечер произошел первый конфликт с Марусей Никифоровой. Пьяный командир ее броневика стал дебоширить, угрожая красногвардейцам револьвером... Его обезоружили и посадили под охрану. Об этом стало известно Никифоровой, находившейся тогда в Ревкоме¹). Она взбеленилась и потребовала от Ревкома освобождения командира броневика, заявляя, что в противном случае она освободит его с помощью вооруженной силы. В конце концов пришлось исполнить ее „просьбу“, так как сила была на ее стороне. Отряд ее (до 400 человек) был хорошо вооружен: у нее были бронированные площадки, артиллерия, пулеметы и авто-броневика. В отряд входили самые разнообразные элементы, в том числе, например, и уголовщина г. Александровска и его порта. Впоследствии этот отряд показал себя „во всей своей красе“²).

Около 11-ти часов ночи в штаб прибыла часть Прутского полка, сильно утомленная. Некоторые наиболее утомленные солдаты улеглись спать. Необходимо было занять почту и телеграф. В 2 часа ночи я с двенадцатью товарищами из полка пошли на почту и заняли ее. Оставив караул из 5 или 6 человек, мы вернулись в штаб. К утру уже был послан комиссар почты и телеграфа, Белов (телеграфист), незадолго до этого перешедший к нам из лагеря гайдамаков. Несмотря на это, пришлось его послать, так как в этот момент у нас не было человека, знакомого с техникой телеграфной связи...

На следующий день М. Никифорова ознаменовала свое пребывание в Елисаветграде новым трюком: она со своими молодцами отправилась к воинскому начальнику, полковнику Владимирову, и потребовала от него обмундирование. Владимиров отказал ей. Тогда она его собственноручно застрелила. Служащие управления воинского начальника, присутствовавшие при расправе, сейчас же отдали ей ключи. Открыв цейхгауз, „свита“ Никифоровой стала грузить на автогрузовики все, что попадалось под руку. Кто-то прибежал в Ревком с сообщением о случившемся. Ревком послал туда одного товарища

¹) Ревком помещался в левом корпусе кавалерийского училища, а Красная гвардия — в центральном.

²) По сообщению других участников, конфликт возник по поводу требования Никифоровой выдать ей часть винтовок. Никифорова заявила, что она отправляется на румынский фронт. В конце концов винтовки были ей выданы т. т. Компанейцем и Ягодой. — Р е д.

с 10—15 красногвардейцами (фамилии не помню) для переговоров. Ему удалось убедить Марусю часть обмундирования и оружия оставить для Красной гвардии.

Как относилась елисаветградская федерация анархистов к Никифоровой? Из местных анархистов никто к ее отряду не примкнул, и когда стал вопрос об удалении ее из города, они не оказали ей никакой поддержки. Пожалуй, отношение федерации можно характеризовать, как нейтральное. Через Яшу Суховольского (один из лидеров елисаветградской федерации анархистов) удалось до известной степени на нее повлиять с тем, чтобы она скорее уехала, но она ушла из города только после долгих разговоров и соответствующих приготовлений как по Красной гвардии, так и по 657 Прутскому полку.

* * *

На следующий день после переворота был занят государственный банк. Туда был послан комиссаром т. Шиндель (левый с.-р.).

Вокзал охранялся 657 Прутским полком. Через несколько дней этот полк ушел из Елисаветграда; перед уходом ему были устроены торжественные проводы.

Как только полк уехал, нами был выставлен на станции караул и назначен комендант.

28 или 29 января началось изъятие оружия. Из бывшей полиции были изъяты корешки разрешений, выданных на право ношения оружия. Город был разбит на несколько районов, в каждый район было назначено по 5 или 6 красногвардейцев. В течение двух дней было изъято почти все оружие, на которое были выданы разрешения. Зачастую у местной буржуазии находили целые склады оружия, хранимого без всякого разрешения. Они обычно заявляли, что это „коллекция“. А в „коллекции“ было по нескольку ружей одной системы, и некоторые из них были заряжены (напр., у заводчика Макеева).

После изъятия оружия приступили к созданию милиции, функции которой в первые дни после переворота исполняла Красная гвардия. К этому времени усилилось движение войсковых частей с фронта. Части эти двигались по железной дороге. Перед нами встала задача: большевистские части пропустить, а контр-революционные, в особенности казацкие, разоружить. Для этой цели штабом Красной гвардии было выделено человек 15—20 красногвардейцев (преимущественно члены большевистской организации).

Все делалось наспех, ибо на станции стоял эшелон орenburgских казаков; надо было выяснить их настроение и, в случае необходимости, разоружить. Впопыхах многие из наших товарищей захватили с собой негодные винтовки. Получив задания, мы разошлись вдоль эшелона и старались, вступая

в беседу с казаками, узнать как они настроены. Это было не легко. Тогда начальник эшелона был вызван к коменданту станции и перед ним был прямо поставлен вопрос — кто они? Начальник эшелона ответил уклончиво — едем, мол, домой и в политику не вмешиваемся. Когда ему было предложено сдать оружие, он отказался. Ему заявили, что заставят его силой сдать оружие. Во время этих переговоров у нас мелькала тревожная мысль, что в том случае, если они двинутся против нас, нам, пожалуй, придется туго. Мы не учли, что, сидя в поезде, казакам трудно было определить наши силы, поэтому они и сдали оружие. Они нам отдали свое оружие, а мы им — паровоз.

Мы тогда не отдавали себе достаточно ясного отчета, что это собираются герои белогвардейской эпопеи (среди этих казаков было изрядное количество офицеров).

В конце января был организован военный отдел Революционного Комитета. Начальником отдела был назначен т. Гуляницкий, а помощником его — Волкац. Первое затруднение, с которым мы столкнулись, было писание приказов по Красной гвардии. Приказы писались от руки, а размножались на шапирографе. Величиной эти приказы были с добрую афишу. Начинались они большими буквами, а потом оказывалось, что места мало, так что заканчивать приходилось мелкими...

Личный состав Красной гвардии начал нас тревожить не на шутку. Нужно сказать, что формирование Красной гвардии происходило наспех и к нам влилась часть темного элемента из елисаветградского люмпен-пролетариата. В конце концов было решено произвести генеральную чистку. Вначале был проект: под предлогом отправки на фронт вывести отряд Красной гвардии на вокзал и там, при помощи бывшего уже тогда на вокзале харьковского отряда Беленковича, разоружить его. Точно не помню, но, кажется, часть красногвардейцев, которым было предложено пойти на вокзал для отправки на фронт, отказалась этот приказ выполнить и осталась в штабе, небольшая же часть пошла на вокзал и там была разоружена. Так как большинство подлежащих разоружению осталось в штабе, решили просить Беленковича, чтобы он помог разоружить их. В штабе было объявлено общее собрание красногвардейцев, винтовки были поставлены в козлы, часовыми у входа в здание и у козел были назначены члены партии большевиков. Решили митинговать до прихода отряда Беленковича. По существу, это, пожалуй, уж было лишним: винтовки были под нашей охраной, оставалось только у нескольких человек забрать револьверы и, когда отряд Беленковича цепью начал приближаться по Кавалерийскому бульвару к зданию Красной гвардии, для всех стало ясным, что и при желании „красногвардейцы“ не могли бы оказать сопротивления, ибо мы стояли с заряженными винтовками у козел.

После этого началось переформирование Красной гвардии. Система „десятков“ была ликвидирована и вместо нее была введена — ротная. Были организованы следующие части: пехотная, кавалерийская, пулеметная команда и санитарный отряд. Начальником пулеметной команды был назначен т. Ратушный (рабочий завода Эльворти); начальником кавалерийской части первое время был Никогосьян, а впоследствии, кажется, Петров; фамилию начальника пехотной части не помню. Начальником всей Красной гвардии был начальник военного отдела Ревкома, т. Гуляницкий.

Заняв весь город, мы, в первую очередь, выслали охрану к пороховым и винному складам. Наши караулы нигде не отмечались и зачастую про них забывали. Так, однажды в два часа ночи Никогосьян вспомнил, что послал караул к одному из пороховых складов. Там по данным нам сведениям хранились пироксилиновые шашки. Караул из трех человек простоял больше суток, совершенно забытый... Мы сели на машину, чтобы поехать и сменить караул. Когда мы приближались к складу, вдруг началась стрельба из винтовок. Мы, решив, что на караул произведено нападение, прибавили ходу и через минуту-две подехали к погребу. Стрельба прекратилась и нас окликнули, приказав остановиться.

Когда мы осмотрели охраняемый погреб, там вместо пороха или пироксилина оказалось несколько поломанных ящиков. Усевшись в машину, мы поехали в штаб. По дороге я спросил у ребят, в кого они стреляли. Оказалось, стреляли, чтобы... согреться. Стоявший на посту выпускал несколько пуль подряд, ствол винтовки нагревался и о теплый ствол грели озябшие руки...

Были и такие случаи: посылали в караул в одно место, а красногвардейцы по своему усмотрению уходили в другое. Но такие случаи были единичными. В общем же дисциплина была поставлена на должную высоту. Все приказания исполнялись точно и быстро.

* * *

В феврале месяце (числа не помню, это было за несколько дней до отступления) Ревком был встревожен дошедшими до него слухами о том, что анархисты хотят нас разоружить. Слухи эти совпали со слухами о приближении немцев. Проверка этих слухов была поручена т. т. Поволоцкому, Сироте, Волкаду и, кажется, не то Чернышеву, не то Гуляницкому. Мы поехали к анархистам. Подъезжая к особняку, занимаемому анархистами (по Петровской ул., во 2-й части), мы заметили на крыше здания пулемет и часовых, которые при виде нас зашевелились. Подъехав к дому, мы направились ко входу и постучали... Не открывая дверей, нас спросили — зачем мы

приехали. На это последовал ответ, что нам нужно переговорить с Я. Суховольским¹⁾.

Через некоторое время нам открыли дверь. Войдя в здание, мы увидели в большом зале человек 15 анархистов, вооруженных с головы до ног. В следующей комнате находились Я. Суховольский, М. Ланцман, Ходоровский и еще 2 или 3 человека.

В течение получаса нам удалось с анархистами столкнуться: в Красную гвардию они не вольются, но, в случае необходимости выступления на фронт, пойдут с нами.

Слухи же о том, что они хотели нас разоружить, никакой почвы под собой не имели. Когда мы им задали вопрос, чем объясняется появление на крыше пулемета, который был направлен в сторону штаба Красной гвардии, и вообще все их приготовления к военным действиям, — нам ответили, что у них были получены сведения, что мы собираемся их разоружить.

Впоследствии, при отступлении Красной гвардии и Военревкома, они присоединились к нам, сохранив, однако, свой отряд отдельной единицей; он считался отрядом анархистов в составе Красной гвардии.

В начале февраля 1918 г. мы снова имели столкновение с гайдамаками. Дело было так: отряд из 25 — 30 красногвардейцев находился на вокзале в карауле, при чем пять человек было на товарной, а остальные, за исключением нескольких человек, бывших на перроне, расположились в караульном помещении (бывшее жандармское). Мы сидели и разговаривали. Вдруг открылась дверь и влетел тов. Петров (рабочий завода Эльворти) без винтовки, сильно взволнованный. Не успел он произнести одно слово — „разоружили“, как в дверь просунулось несколько винтовок, а за винтовками показались гайдамаки. Сперва мы растерялись от неожиданности, потом пустились в „разговоры“, а ребята тем временем разбежались. Гайдамаки ограничились тем, что взяли винтовки, стоявшие в углу, нас же не тронули. Оказалось, что несколько гайдамацких эшелонов всех родов оружия сгруппировались на ст. Помощной и двинулись в Елисаветград. Железнодорожники приняли их на товарную, где они и обезоружили нашу охрану, а потом, следом за Петровым, который побежал нас предупредить, они прибежали к нам.

Таким образом, в течение 10 — 15 минут вокзал оказался в руках гайдамаков... Прибежав в Ревком, мы сообщили о случившемся. Сейчас же Ревкомом была выделена делегация для переговоров с ними. В результате переговоров им было отпущено продовольствие и дан проводник, которого они захватили, как заложника. Проводником был послан тов. Рыбальченко,

¹⁾ Лидер анархистов, пользовавшийся авторитетом не только в елисаветградской федерации, но и в южной, объединявшей все анархистское движение на Украине. — С. В.

который потом нам рассказывал, что его заперли в товарном вагоне и только в Кременчуге ему удалось бежать...

Вероятно, украинские эсдеки и эсеры связались со ст. Помощной и передали туда, что мы разоружаем гайдамаков. Однако состояние наших сил им, очевидно, не было известно так же, как и отношение к нам рабочих, которые к этому времени уже несколько „остыли“, держась по отношению к нам неблагоприятного „нейтралитета“.

Это объяснялось тем, что часть коренных рабочих Елисаветграда, рабочие завода Эльворти, были поставлены хозяином в такие экономические условия, которые делали их, в лучшем случае, пассивными, а иногда и прямо реакционерами, как например, в 1905 году (избиение демонстрантов возле завода). Эльворти ввел следующую систему: рабочих, продолжительное время проработавших на заводе, он кредитовал на постройку дома, а потом они погашали свою задолженность. Таким образом, заводчиком закабалались рабочие семьи, а рабочие становились собственниками. После переворота среди этих рабочих пошел слух, что их домишки большевистская власть национализует.

Другой частью, настроенной против большевиков, были так называемые „оборонцы“ (местная мелкая буржуазия).

22 или 23 февраля Ревкомом были получены телеграммы о том, что со стороны Одессы и ст. Бобринской надвигаются немцы и гайдамаки, а это значило, что нас окружают. На заседании Ревкома было решено на следующий день (в 2 часа дня) выступить из города. На следующий день рано утром я пошел попрощаться с родными и запоздал к моменту выступления, происшедшего ранее назначенного времени. Я застрял в городе. Соображая, почему было изменено время, я решил, что немцы уже за городом. Я не знал, что Одесса была в наших руках и от Одессы до Елисаветграда не было ни одного немца.

В городе царило большое оживление. Публика раз'езжала на грузовиках, произносила речи. Меньшевики, эсеры (правые) и прочая братия повылезали из нор.

В тот же день, если не ошибаюсь, был организован Думой (распущенной на весь период существования Военно-Революционного Комитета) — „Комитет спасения революции“!

На следующий день после отступления Красной гвардии, числа 5—6 марта, прибыла в город М. Никифорова со своим отрядом. Очевидно, Никифорова имела намерение занять город. Она выступила на митинге на заводе Эльворти. На этом митинге настроение было бурным. Говорили, что она хотела взять деньги, предназначенные для выплаты заработной платы и находившиеся якобы на заводе. Но вряд ли этот слух достоверен, ибо подобный же слух циркулировал по городу, когда Ревком эвакуировал ценности из госбанка.

В итоге, Маруся на митинге была ранена выстрелом из револьвера. На утро разгорелся бой. М. Никифорова обстреливала беглым орудийным огнем город. В городе же спешно начала создаваться „армия“ из темных элементов, сынков буржуазии и части рабочих, которым обещали выдать заработную плату. Руководить этой „армией“, именовавшей себя „революционным народным ополчением“, взялись офицеры и генералы. Командующим был назначен офицер Литвинов. Его политическая физиономия известна не была, но некоторые предполагали, что он стоит ближе к монархистам, чем к „социалистам“ из „Комитета спасения революции“.

Характерной является передовая статья об этом „народном восстании“, помещенная в экстренном выпуске „Известий социалистических партий“ : РСДРП (об'единенной), с. - р. центровиков, Бунда, об'единенных еврейских социалистических рабочих партий — сионистов-социалистов и еврейской социалистической партии) от 11/III (н. ст.) 1918 г.

Вот содержание ее :

„Народное восстание.“

Вот уже пятый день продолжается упорное сопротивление народного ополчения настойчивым, повторным стремлениям отрядов Маруськи Никифоровой раздавить и наказать елисаветградских рабочих, солдат и граждан, посмевших восстать против грабежей, убийств и кошмарных ужасов террористического режима разбойничьих банд¹⁾. Но все усилия „Маруськи“ раздавить сопротивление народного ополчения разбились о стихийное, непобедимое народное движение. Миновало то время, когда лозунг „Насилуй меня кто хочет — я спать хочу“, — казалось, охватил весь рабочий класс, всю Россию. Миновала та пора, когда эксперименты анархистов и анархо-большевиков, когда насилия над волею, жизнью народных масс оставались безнаказанными. Народ безмолвствовал, правда, дольше, чем следовало; молчание народа тенденциозно и демагогически истолковывалось, как согласие, как санкция террора и насилий проходящих эшелонов и малых и больших правителей. Но „народ безмолвствовал“, повидимому, потому, что в это время совершался великий процесс накопления моральных и физических сил сопротивления анархии и террору грабителей и безумцов, насилующих волю народа.

Движение у нас в Елисаветграде идет под лозунгом борьбы с „Маруськой“, этим живым символом анархии, об'единившим город и деревню, рабочих и крестьян.

Но не следует упрощать это движение. В этом движении несомненно имеются признаки действенного протеста против

¹⁾ На Елисаветград наступали: отряд М. Никифоровой, Беленковича и Каменской отряд Красной гвардии. — С. В.

самодержавного режима, военной диктатуры, под крылышком которой развились и укрепились „анархические“ банды. Елисаветградское движение не обособленное. По сведениям, в некоторых других городах и уездах замечаются аналогичные явления. Явление это — несомненно творческое и здоровое проявление народного сознания“.

В тот же день появилось провокационное воззвание „Временного Комитета Революции города Елисаветграда и уезда“, которое призывало наступавших красногвардейцев „прекратить кровопролитие“. Часть рабочих была спровоцирована клеветой (в воззвании отряд Беленковича обвинялся в похищении из госбанка двух миллионов руб. ¹⁾), которые „были предназначены для расплаты с рабочими и крестьянами“ и ограблении кассы завода Эльворти ²⁾ и, бросив винтовки, разошлась по домам.

„Комитет спасения революции“ постарался вооружить „все боееспособное население города“, а в первую очередь — темный элемент, который потянулся за оружием (в том числе и черную сотню). В этом признавался сам „Комитет революции“ в конце передовой статьи. „Народное восстание“, помещенной в экстренном выпуске: „Черное воронье использует это движение для контр-революции. Уже в нашем городе по темным закоулкам выползли из своих нор и щелей провокаторы и погромщики и примазались к народному движению, ведут погромную агитацию, снова раздаются лозунги „расстрелять, разгромить“ социалистов, евреев, интеллигентов.

Воскресли жандармы, сыщики, провокаторы почувствовали почву под ногами и безнаказанно сеют смуту в народных массах“... Но „социалисты“ прозрели только на шестой день борьбы.

В этом же номере экстренного выпуска помещен отчет о заседании „Временного комитета спасения революции“. На этом заседании разрешался вопрос об оплате „защитников города“ (бойцов, окопников) и об учете последних, а также была заслушана информация о переговорах с Асевым (представителем Муравьева). Было сообщено, что Асеев приглашался в Елисаветград, но что он, якобы, предложил встретиться в Помошной.

Для разработки текста наказа делегации была избрана комиссия в составе трех человек (Бубнова, Дрожжина и Демешко). В делегацию были выбраны: Бубнов, Рачинский, Сухотин, Роговский, Кошура, Карась и Сосис. Затем была избрана делегация для посылки в Знаменку, где стояли красногвардейцы. В знаменскую делегацию вошли: Колесник, Демешко, Колобанов и Лисниченко. В Помошную решили послать делегацию по выяснению вопроса в Знаменке ³⁾.

¹⁾ 19/II ст. ст. Ревком эвакуировал ценности из госбанка. В этой операции принимал участие и Беленкович.

²⁾ Этой ложью сумели воспользоваться меньшевики, эсеры и кадеты, чтобы организовать рабочих против наступающих красногвардейских частей.

³⁾ В Знаменку делегация так и не попала, причина мне не известна. — С. В.

Последним вопросом этого заседания было назначение Сосны и Бубнова (рабочих) начальниками „революционного народного ополчения“, вместо офицера Литвинова.

Это решение было, очевидно, продиктовано обстановкой. 11 марта положение на фронте было довольно печальным для „Комитета спасения“, и он сам „дышал на ладан“. Массы несколько отрезвились. Отрезвило их большое количество раненых и убитых. С фронта началось повальное бегство рабочих. На них подействовало то, что Каменской отряд Красной гвардии, состоящий из рабочих, наступал на город. Тыл был дезорганизован до крайности. Домовая охрана, например, занималась тем, что всю ночь стреляла из винтовок. Естественно, что стрельба в тылу отражалась на психологии „фронтовиков“...

Когда началось повальное бегство, „Комитет спасения революции“ принужден был пойти на примирение — с одной стороны, но, с другой — он старался восстановить фронт путем постановления об оплате за дни пребывания на фронте и назначения рабочих, пользовавшихся в рабочей среде авторитетом, на должности командующих революционным народным ополчением...

Комитет пытался прибегнуть также к мобилизации обывателей, бывших в домовой охране. Так как пребывание в домовой охране спасало от фронта, „охранников“ развелось столько, что ночью на улицах было так же многолюдно, как и днем. В домовой охране было три категории: 1) буржуазия более солидного возраста, 2) молодежь, 3) люди, относящиеся отрицательно к выступлению против большевиков. К последним принадлежали преимущественно солдаты, вернувшиеся с империалистического фронта.

До моего ареста и я был в домовой охране. Ночью мы часто забавлялись тем, что, когда собиралась кучка обывателей первой и второй категории, открывали стрельбу; они в панике разбегались, бросая оружие, а мы вооружались.

Иногда между охраной разных районов возникали по недоразумению целые сражения, продолжавшиеся по часу и более. Стреляли друг в друга, воображив, что противная сторона — бандиты. Некоторые поднимали шум сознательно, понимая, что стрельба в тылу деморализует фронт.

Когда „Комитет спасения революции“ решил мобилизовать охрану, мы попортили винтовки, но это не помогло. Тогда я просто отказался пойти на фронт. Меня арестовали. Что было с остальными — не знаю, но склонен думать, что эта мобилизация дала последний толчок к окончательному развалу фронта.

Освобожден я был занявшими город полупановцами.

В общей сложности „Комитет спасения революции“ существовал дней восемь - девять.

Заняв город, Полупанов пред'явил ультиматум о сдаче оружия. Началось разоружение „революционного народного ополчения“. По приблизительному подсчету, в городе в это время должно было быть большое количество оружия. Часть его была сдана, часть из'ята, но большая часть, повидимому, осталась у населения.

Разоружение продолжалось дней семь. К этому времени немцы и гайдамаки стали подступать к Елисаветграду, и город был нами окончательно оставлен...

ЛЮТНЕВА РЕВОЛЮЦІЯ В ПЕТРОГРАДІ І УСДРП

На протязі всього часу з 1913 р. до початку революції у військових частинах Петроградського гарнізону, переважно серед гвардійських полків, провадилась досить напружена революційна робота гуртками Української Соціал-Демократичної Партії. Ширилась соціалістична література, відозви проти війни, існувало об'єднання військових пропагандистів, що за певною програмою готували агітаторів, збиралися кошти на різні потреби партії. А оскільки гвардійські полки послано було на фронт, то через гуртки соціалістична і противоєнна агітація провадилась також і на фронті. Особливо добре налагоджено було роботу в л.-гв. Ізмайловському, Семенівському, Московському, Залізничному, й Преображенському полках, а з переїздом Варшавської дивізії робота почалась у Волинському і в деяких інших полках. Автомобільна рота, Броневий дивізіон, крейсер Аврора, Гвардійський екіпаж, Перший Кулеметний полк теж мали гуртки УСДРП, де теж жваво провадилась революційна робота.

Звичайно, працювати серед салдатів було майже неможливо без найтіснішого зв'язку з робітництвом. Оскільки серед зазначених військових частин було дуже багато українців, то треба було також зв'язатися в першу чергу з українським місцевим робітництвом. На заводах Путилівському, Леснера, Франко-руському, Обухівському та інших українського робітництва було чимало, особливо з Чернігівщини, Київщини, Полтавщини. Зв'язок між „земляками“, робітниками та салдатами був добрий, а це сприяло розвитку й об'єднанню гуртків УСДРП. Робітники давали помешкання для зібрань, переховували літературу, доставали цивільне убрання для переодягу салдатів, а спільні наради робітників і салдатів надзвичайно з'єднували і революціонізували їх. Дуже допомагали революційній роботі серед війська також дівчата українки — наймички генералів, що їх теж було за час війни багато в Петрограді; в їхніх помешканнях відбувалися найвідповідальніші наради і збори.

Та для поглибленої пропагандистичної роботи військовим і робітничим гурткам бракувало с.-д. інтелігентів. Здається, ніяка партія соціалістична не була в такій мірі убога на

інтелігентські сили, як УСДРП в Петрограді. Українських студентів та інтелігентів було в Петрограді багато. Були і такі, що вважали себе за „диких“ соціал-демократів, але всі вони захоплені були просвітянським культурництвом і зовсім уникали стосунків з „червоними салдатами“, як вони казали, щоб часом не провалитися. Особливо боялася українська інтелігентська колонія Петрограду пускати в свої помешкання нас, салдатів, на сходки, а нам без помешкань обходитися було зовсім неможливо. Від доповідів і лекцій для наших військових гуртків одмовлялися навіть ті, що називали себе українськими соціал-демократами. Це породжувало як серед робітничих, так і особливо серед військових гуртків УСДРП надзвичайне обурення і антагонізм до інтелігенції, до „панів“ взагалі.

З інтелігентів УСДРП, що активно переводили роботу серед робітництва і війська, були: Вікул С. П., Мироненко Ю. Я., Шевченко Ю. і частково Садовський В., що був найосвіченіший теоретично.

Петроградська організація УСДРП (разом з більшістю тих нечисленних інтелігентів, що працювали в ній) стояла року 1913 на позиціях боротьби за демократичну республіку, конфіскацію без викупу панської землі, восьмигодинний день праці, на позиціях збройного повстання, нелегальної партії. Лише Валентин Садовський вважав, що процес демократизації Росії (на німецький взір) відбудеться революційним шляхом, гасло демократичної республіки вважав за нереальне, заклик передати землю селянам без викупу навіть за неслухний, відкидав збройне повстання то-що. Робота Садовського в Петроградській організації УСДРП обмежувалася головно допомогою пропагандистам в розробленні їхніх курсів з політичної економії, історії громадських рухів на Україні і т. ин. В своїх політичних поглядах він був майже цілком самотний не лише в Петроградській організації, але й, мабуть, у всій партії.

1916 р. було встановлено контакт через тов. Колю Толмачева з більшовицькою організацією, яка постачала відозви проти війни, що їх наші товариші ширили як серед тилкових, так і фронтових частин, а також Женевського „Соціал-Демократа“ і „Коммуниста“. Особливо любили і ширили українські салдати та робітники більшовицьку „Правду“. За підозріння в соціально-демократичній агітації вислано на фронт салдатів гвардійського залізничного полку тов. Хорунжого, Кузина, Марченка (тепер секретар Ніжинського ОПК) та інших. Декого вислано з гвардії в дисциплінарний батальйон у с. Медвідь Новгородської губ., як, наприклад, Войтенка, а мене переведено з л.-гв. Ізмайловського полку до обозного розгужочного батальйону з заборонаю служити в гвардії. Це не впливало на роботу, а, навпаки, заганяло її ще в глибше підпілля, звідки ще з більшою активністю розверталася соціал-демократична противоєнна пропаганда. Особливо допомагав роботі вихід

„Нашого Життя“, що друкувалося в Генеральнім і Головнім Штабі на ротаторі; ширено його не лише в Петрограді та на фронті, але і серед робітництва України.

Найголовніше місце в роботі серед війська було одведено агітації проти війни та за революцію проти царату. Інженерний Замок був головною цитаделлю — штабом, що звязував усю військову роботу за найближчою участю писарів Замку — Гайдара Трохима, Гричаниченка, Онасенка, Герасимова.

Гвардійські війська були завжди підвалиною і головним знаряддям царату проти революції, проте широко розвинена агітація з впливом об'єктивних умов, як втома від війни — голод, зріст злиднів на селі, виривали цю підвалину з-під ніг царату. Ворожість до царату зростала, а особливо зростав антагонізм до поліції, жандармерії, що за спинами армії ховалися від війни, готуючись до війни з революціонерами.

Петроградська охрнка мусила теж відмітити факт існування роботи УСДРП, зазначивши, що „указания последнего времени зарегистрировали несомненное существование в Петрограде партийного центра украинских социал-демократов. Последний выжестся с рабочими некоторых заводов и с нижними чинами гарнизона, имея целью постановку среди них партийных кружков“. А далі, відзначаючи про звязок УСДРП з видавничим т-вом „Джерело“, там же відносно напрямку роботи зазначається: „Провести резкую черту в партийной деятельности в Петрограде между УСДРП и членами нарождающегося общества „Джерело“, поддерживающими тесное общение в работе между собой, преследующими почти одни и те же цели и придерживающиеся по отношению к войне „одной“ пораженьской (підкреслення моє — М. А.) тактики, ныне не представляется возможным“¹⁾

А треба відмітити, що на війну Петроградська організація УСДРП мала спільні (!? — Ред. Див. примітку) погляди з більшовиками і, вважаючи війну грабіжницько-імперіялістичною, давала таку відповідь в резолюції ЦК УСДРП, що її надруковано в підпільному „Наше Життя“. „Які ж завдання стоять тепер перед УСДРП? Золоті слова сказав недавно славетний Карл Лібкнехт: „Кожна соціалістична партія має ворога у власній країні. З ним вона повинна боротися“... В цих коротких, але змістовних словах є відповідь на наші завдання. УСДРП, ворожа до мілітарного розбишництва, яке тепер чинять над нашим народом, повинна з'єднати всю свою увагу і всю свою силу на те, щоб по всій Україні розкинути зерно революції проти нашого віковичного ворога, проти царату“²⁾. „Але, маючи певну ясність що до характеру війни і боротьби з нею, ми далеко не були послідовними до кінця: ми здебіль-

¹⁾ Археографічний збірник УАН, матеріали наведені О. Гермайзе.

²⁾ Дивись примітку редакції в кінці статті.

шого не здавали собі справи про необхідність обернути імперіалістичну війну в громадянську, про необхідність рішуче відмежуватися не тільки від оборонництва В. Садовського (воно не мало жадного відгуку в партії), але й від „інтернаціоналізму“ мартовського типу В. Винниченка, що подекуди вносило плутанину в ряди організації (між иншим, деякі товариші з Петроградської організації брали участь у проголошеній В. Винниченком т. зв. „шкільній кампанії“, що слушно вважала „Боротьба“ за „прояв міщанських впливів на наш рух“).

Революційно-соціалістична зараза швидко ширилася серед робітництва і війська, а приклади боротьби проти війни Лібкнехта в Німеччині і більшовицьких депутатів на чолі з Петровським, що їх віддав на каторгу царат, запалювали ентузіазм і були провідною віхою. Бувши близько до позиції цімервальдської лівої, ми провадили боротьбу проти війни. Революційно настроєна частина гарнізону Петрограду, а також і більшість армії прислухалися до кожного кроку робітничого руху, і військові частини ждали лише зручного часу, щоб виступити проти царату. Петроградська організація УСДРП, оцінюючи політичний момент, вважала становище відповідаючим революційному виступові.

Лютневі страйки, що захопили все робітництво і що на протязі лютого не вгасали привели до загального виступу всього пролетаріату за мир, за хліб, за свободу. Як і що-року, Петроградська організація перевіряла свої сили підчас Шевченківських вечірок на Миколаївській, 29, куди сходився актив військових і робітничих гуртків УСДРП; прийшли і 24 лютого на „репетицію“, але було вже не до репетиції. Були представники гуртків Семенівського, Московського, Волинського, Кулеметного полку, Інженерного Замку, Генерального і Головного Штабу та інші (усі в цивільному). Нишпорили шпиги навкруги нас, довелося замкнутись в окремій кімнаті, забезпечивши чорний вихід, і почали вирішувати, що робити далі. З інформації вияснилося, що вже багато жертов є, що поліція і жандармерія не шкодують патронів, розстрілюють біля Казанського собору неозброєний натовп жіноцтва, що „фараони“ на всіх будинках і горищах розташували фронт з кулеметами, бомбами... що Хабалов, головний начальник Петроградської військової округи, видав наказа, щоб розстрілювати, хто появиться 25/II на вулиці; салдатам заборонено виходити з казарм без команди. Вирішили всім повертатися до своїх частин і виступати проти „фараонів“, жандарів і царя за пролетаріат і вживати всіх засобів, щоб не стріляти в демонстрантів, у народ. Після цього розійшлися, зустрівшись уже на засіданні Ради салдагських та робітничих депутатів.

Не зупиняючись на окремих епізодах виступів, мушу відмітити, що боротьба лютнева зовсім не була такою безкровною, як це намагався показати Думський Комітет. На протязі

п'яти день не вгавала стрілянина. В кожній частині, що ставала на бік революції, доводилося перемагати непевність, вагання і певну втомленість караулами. Зв'язок між окремими частинами майже не існував, трамваїв, візників не було, а пішки доводилося 10 і більше верстов іти, щоб зв'язатися.

Небезпека поразки була велика ще й тому, що Думський Комітет на чолі з Родзянком і Мілюковим вживав усіх заходів, щоб дезорганізувати й погасити революцію.

Тому на першому засіданні першої Ради робітничих депутатів (здається 27/II — 12/III) ми, делегати революційних частин, з такою рішучістю вимагали організації рівнобіжно з робітничою і Ради салдатських депутатів, що і було ухвалено; вже на першому об'єднаному засіданні Р. Р. і С. Д., що відбулося 1/III, було до 60 чоловіка делегатів, які належали до УСДРП. На цьому засіданні виявилось, що юнкери і офіцери почали обеззброювати ті частини, що вернулися в казарми, а тому революційне військо не може повертатися до казармів, голодує на вулицях і дезорганізується. Єдиним виходом з того становища було повне усунення від керування військом Думського Комітету і підпорядкування армії в політичному відношенні виключно Раді салдатських та робітничих депутатів.

Не зупиняючись на інших перших кроках роботи Ради, хочу відзначити, що хоч деяких усесдецьких депутатів Ради і дивувало, чому не можна розігнати Думський Комітет і революційний уряд призначити Радою з її складу, але ми не виступали в цій справі, бо стояли на позиції буржуазно-демократичної революції, проти соціалістичної, проти диктатури пролетаріату.

Одночасно з цим, серед військових частин, як і серед робітництва, ми провадили величезну роботу в справі викривання дійсної ролі Тимчасового уряду та проти війни, особливо після обіцянки Мілюкова союзникам продовжувати її до переможного кінця. Провадилася величезна організаційна робота. Помешкання Жіночого Медінституту не могло вмістити тих мас, що пливли до Петроградського Комітету УСДРП. Взято було помешкання Морського корпусу; заля, що вміщала понад 6000 душ, була переповнена українськими салдатами і робітниками. Закладено для українського робітництва центральний робітничий клуб в помешканні Торгової Школи Холмогорського з філіями на Путилівському та інших заводах. За найактивнішою участю робітників Тертичного, Попівського, Майорко і студента Мироненка організовано школу на 200 пропагандистів, а також термінові політичні курси в окремих частинах. Матроси Балтійського флоту, Кронштадту, Выборзького, Гельсінфоргського гарнізону та околиць Петрограду надіслали делегації до Петроградського К-ту що вимагали агітаторів.

Закипіла робота; з видатних матросів були: Табурянський, Ровинський, Письменний, що й пізніше відзначилися в револю-

ційній роботі. Вже 12/III на маніфестації в Шевченківське свято з'явилося до 12000 організованих нами салдатів і робітників, а підчас похоронів жертв революції ми мали за собою ще більшу масу. Великий вплив на українські військові й робітничі маси мала газета „Наше Життя“, орган ЦК УСДРП, що одна з перших не лише в Петрограді, але й на Україні почала виходити українською мовою.

Робота наша спрямована була проти війни й Тимчасового уряду. Пам'ятний для мене є один день в квітні, коли вперше Тимчасовий уряд за керовництвом Мілюкова організував демонстрацію за війну до перемоги з салдатів-інвалідів та поранених, що перебували в шпиталях. Я, поспішаючи на військову конференцію, біля Благовіщенської церкви зустрів чоловіка 200 поранених маніфестантів з прапорами і плакатами: „Геть дезертирів, хай живе переможна війна“, „На фронт Петроградську Раду салдатських депутатів“, „В окопи Петроградський гарнізон“ то-що; вони йшли на підтримку мілюковщини. Підійшовши до них, я почав розмову, радячи їм повернутись назад до шпиталів, бо нам всім потрібний мир, а не війна. Вони слухали, мирно заперечували, а далі почали згоджуватися зі мною. Але сестри, що вели їх, бачачи таке діло, почали роз'яснити, що я з Петроградської Ради і що я лєнінець, німецький шпiон, і крикнули „бей его“; мене оточили й почали смикати, а далі ударив один, другий і пішло. Я тоді пручнувся і, розкидавши їх, підбіг до трамваю, що саме стояв, схопився за ручку, а сестри схопили мене за пояс з-заду і тримали; тимчасом підбігли маніфестанти і почали бити по руках, по голові, тягли за ноги, я впав лицем на сіддi, далі на брук, мене били ногами, я ще підвівся, почали бити в голову, в лице... Закрутилося в голові, почало мліти серце. Коли вриваються л.-гв. кексгольмці, що їх звів тов. Павло Войтенко, розкидали на товп цих маніфестантів, визволили мене і скривавленого спровадили до організації. Таким чином доводилося на своїй спині зазнавати приємностей імперіалістичної політики Тимчасового уряду.

Всі військові частини, де були значні осередки УСДРП, широко розкривали двері більшовикам. Пам'ятаю, як Ленін і Зінов'їв найбільшим успіхом користувалися на початку підчас виступів в Ізмайловському і Семенівському п.п., де осередки УСДРП були найвпливовіші. Першого травня за Петроградським Комітетом УСДРП, що організував демонстрацію, йшла понад 40.000 - на армія різних видів зброї військових частин з українців та українських робітників різних заводів. Це все лише ілюструвало, що робота, яку розпочато серед війська ще да-леко до початку революції, мала величезне значіння.

Пам'ятаю ще, що до складу бюро фракції УСДРП в Петроградській Раді тоді входили т.т. Нєронович, Лісовський, Хорунжий і я, які до знесилення працювали в ній. А Комітет

УСДРП (петроградський) складався тоді з Лісовського, Вікула, Мироненка, Нероновича, Колача, Лаврентьева, Лободи, Хорунжого, Дубяги, Коробчанської, Гайдара, Юлії Шевченко і мене.

Про те, оскільки ця робота наша в Петрограді була близькою до більшовиків, свідчить те, що підчас виборів до міських дум всі голоси свої ми подавали лише за списки більшовиків, як і підчас виборів до Установчих зборів свого списку українські соціал-демократи в Петрограді не виставляли. Велике значіння для боротьби з Тимчасовим урядом мало виділення окремих українських частин¹⁾, що потім вони відіграли значну роль в Жовтневім перевороті в Петрограді та що їх, за допомогою більшовиків, з повною бойовою амуніцією відправлено було на Україну, де їх Петлюра не хотів приймати, і що пізніше відмовилися підтримувати Центральну Раду і виступили проти неї за владу Рад.

Не зайвим буде згадати, що вся Петроградська організація УСДРП увесь час прагла іти спільно з більшовиками; це підтверджує й постанова загальних зборів від 10/VII 1917 р., де з приводу першого питання порядку денного про відношення до РСДРП ухвалено таку резолюцію: „Тому, що в процесі розвитку російської революції та розвитку революційної самодіяльності українських народніх мас з російських с.-д. лише її ліве крило, що сполучене з ЦК РСДРП (більшовиків), виявило справді пролетарське розуміння національних потреб цих мас. Петроградська організація УСДРП гадає, що лише з цим крилом РСДРП можливе тісніше порозуміння. В цілях найпродуктивнішої роботи російського і українського пролетаріату організація вважає потрібним негайно вимагати від ЦК нашої партії вирядити представника до ЦК РСДРП для координації праці обох партій і як найскоршого усунення дрібних²⁾ (?! — Ред.) організаційних і принципових непорозумінь“.

Кінчаючи цей коротенький перелік фактів, доводиться підкреслити, що український пролетаріат та селянство в салдатській одязі відіграли значну роль в боротьбі з царатом на головнішому фронті її — в Петрограді, але про це ніхто ніде не згадує у відповідних матеріалах, хоч цей факт активної боротьби з царатом безумовно мусить увійти до історії революційної боротьби українських мас, бо сили, що брали участь в боротьбі, перемогли в Лютневій революції й забезпечили дальший розвиток її й перемогу Жовтню.

Досліджувати причини, чому УСДРП опинилася в таборі контр-революції проти Жовтня, не входить в завдання цих спогадів. Однак я думаю, що історія Петроградської організації УСДРП може в великій мірі допомогти дослідникам нашого

1) Це були лейб-гвардійські частини 1, 2 й 3 дивізій, матроси гвардійського екіпажу Балтійської флоти та інші. — М. А.

2) Підкреслення мов. — М. А.

революційного руху так при виявленні цих причин, як і при висвітленні місця УСДРП в робітничому і революційному рухові.

Не зайвим буде згадати, що значна кількість видатних робітників Петроградської організації УСДРП зараз працює в Комуністичній Партії більшовиків України.

ПРИМІТКА РЕДАКЦІЇ

В питаннях війни Петроградська організація УСДРП стояла на позиціях жєневського органу УСДРП „Боротьба“. Власне декларація „Боротьби“ (а не резолюція ЦК УСДРП, як пише т. Авдїєнко) і була передрукована в органі Петр. орг. „Наше Життя“. Т. Авдїєнко подає її дуже скоротивши. Наведемо тут її більш повніше:

„Які ж завдання стоять тепер перед українською соціал - демократією? Золоті слова сказав недавно славетний Карл Лібкнехт: „Кожна соціалістична партія має ворога у власній країні. З ним вона й повинна боротись. Воля кожної нації може бути тільки її власним ділом“. В цих коротких, але змістовних словах є відповідь і на питання про наші завдання. Так! „воля кожної нації може бути тільки її власним ділом“ і ми, українські соціал - демократи, протиставляємо до патріотично - мілітаристичних, збудованих на імперіалізмі, програм українських міщанських партій нашу антивоєнну й демократичну програму, програму боротьби за національні й горожанські права в державах, в котрих живе наш нарід. „Кожна соціалістична партія має ворога в своїй країні, з ним вона й повинна боротися“, і ми, українські соціал - демократи Росії, повинні всю нашу енергію віддати на боротьбу з царатом і його прихвостнем — українським міщанством... Кожен революційний український робітник повинен пам'ятати, що всяка його угода з українським міщанством буде уступкою перед офіційною, царською Росією... Ніхто... не повинен помагати царатові в війні і мусить знати, що поразка царату в війні буде полегшою для поразки його всередині держави. І так ми кличемо... до нової і останньої боротьби з царським правительством. Українська соціал - демократія, ворожа до мілітарного розбиштва, який тепер діють над нашим народом, повинна тепер з'єднати всю свою увагу і всі свої сили на те, щоб по всій Україні розкинути зерно революції проти нашого віковичного ворога, проти царату“.

Була поширена серед Петроградської організації і відозва Київської, організації УСДРП, що кінчалась так: „Через те мусимо ми зараз гуртуватися, щоб, набравшись сили, повстати проти війни, боротись за права наші, за волю, за кращий лад соціалістичний. Будемо ж готові, браття, до повстання, до боротьби, не з німцями, а зі своїми гнобителями — урядом та панством... збирайте ж сили, браття, здобуйте зброю, а ту, що видало вам правительство, не віддавайте назад, бо знадобиться вона для боротьби з урядом...“

Цікава з цього погляду видрукована в № 1 нелегального „Нашого Життя“ умова про спільну акцію в районі Катеринославу та його передмість, складена на нараді повноважних представників катеринославських організацій УСДРП і РСДРП - більшовиків і ухвалена остаточно на об'єднаному засіданні представників обох організацій в с. Кам'янці 20 листопада 1915 р.

Але ні про яку „спільність“ поглядів з більшовиками, як зазначає т. Авдїєнко, не може бути й мови. В статті відзначено вже нерозуміння УСДРП гасла обернення імперіалістичної війни в горожанську й всієї важливості розриву з оборонцями та центристами.

А це (необхідність розриву і т. ін.) було головною ознакою лєнінських поглядів підчас війни.

Що ж до поражєнчєських поглядів частини УСДРП, що дають привід авторові говорити про „спільність“ поглядів з більшовизмом, то це наближення лише зовнішнє. В основі його лежать, головним чином, національні мотиви. Хоча треба зазначити, що УСДРП підчас війни дійсно займала ліву позицію. Але це ще не є лєнінізм.

Найкращим доказом цього, доказом опортуністичної по суті позиції й цієї частини УСДРП, є так вищенаведені погляди її, як і вся її суть меншовицька, зрадницька позиція після революційних часів, з часів пролетарської революції.

Коли й зближалась УСДРП з більшовиками проти Тимчасового уряду, то, як відомо, і це було викликано не чим іншим, як головним чином, національними мотивами. По суті вона стояла на буржуазно-демократичних позиціях.

Ніхто краще це не довів, як сам Винниченко (див. його „Відродження нації“).

ХАРЬКОВСКАЯ ОБЩЕГОРОДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП(б)

(Ноябрь 1915 года)

В 20-х числах ноября 1915 года, вскоре после перевода из Риги в Харьков завода „Всеобщая Электрическая Компания“¹⁾ с большим трудом удалось создать общегородскую конференцию Харьковской организации РСДРП(б). Особенно остро потребность в созыве такой конференции стала чувствоваться после того, как выяснилось, что на заводе ВЭК имеется, так называемый „Латышский центр“, который руководит работой латышских социал - демократов.

Завод ВЭК обосновался в Харькове еще летом 1915 года. Однако, до начала ноября установить связь с рабочими - большевиками на этом заводе руководящим кругам харьковской большевистской организации не удавалось. В конце концов связь эту удалось установить одному из наших большевистских кружков, в который входили т.т. Медведев, Ляхин, Антон и др.

Чтобы устранить ненормальность одновременного существования двух отдельных большевистских организаций, имеющих два руководящих центра (Харьковский Комитет и Латышский центр) Харьковским Комитетом был поставлен вопрос о слиянии этих двух организаций и о создании единого центра.

Централизация работы и вхождение латышских кружков в харьковскую организацию предвещало значительное усиление нашей большевистской работы, сильно сузившейся после целого ряда крупных провалов.

На предварительном совещании представителей Харьковского Комитета с уполномоченным Латышского центра т. Блюмом было решено немедленно приступить к выборам делегатов на общегородскую конференцию (по одному от десяти членов организации).

Порядок дня конференции намечался следующий: 1) организационный вопрос (слияние и выборы городского комитета), 2) доклады о работе Харьковского комитета и Латышского

¹⁾ Завод был эвакуирован в связи с неудачами на фронте.

Центра, 3) текущий момент, 4) отношение к участию в военно-промышленных комитетах, 5) о Всероссийской конференции РСДРП, 6) вопросы агитации и пропаганды, 7) легальные рабочие организации, 8) создание областной организации РСДРП(б).

Выборы на конференцию прошли удачно; предварительно были сделаны доклады в кружках о задачах конференции. Арестов не последовало.

Харьковская организация к этому времени насчитывала 45 человек и поэтому послала на конференцию четырех делегатов. По техническим условиям пришлось провести двухстепенные выборы — каждый из восьми кружков избрал по одному уполномоченному, которые из своей среды выделили четырех делегатов на конференцию.

Латышские кружки были представлены на конференции тоже четырьмя делегатами. На конференцию оказались избранными от Харьковской Организации: Ляхин, Медведев, Максимов и Сурик. От Латышского Центра: Спигис, Муценек, Блюм и еще один товарищ, фамилии которого не помню. Конференция собралась поздно ночью на квартире рабочего латыша, где-то в районе Петинской улицы (номер дома сейчас не помню).

Из избранных на конференцию только делегаты от Латышского центра не имели за собою наблюдения, так как харьковская еще охранка не успела их выследить.

Четыре других делегата от Харьковской организации находились под наблюдением. Трое из них — Ляхин, Медведев и Максимов — незадолго до прибытия в Харьков только что отбыли ссылку и в Харькове находились под гласным надзором полиции. За мной в то время уже таскался „хвост“. Это заставляло нас обратить сугубое внимание на замечание следов, чтобы не провалить конференцию.

Чтобы возможно лучше законспирировать место заседания конференции, в отдельных пунктах города были назначены встречи избранных делегатов - харьковцев, со специально выделенными от латышей проводниками. Эти проводники повели нас на следующий сборный пункт. Здесь нас принял главный проводник единственный человек, заранее знавший о месте заседания конференции. Он повел сперва двух, а потом и остальных товарищей на предназначенную для конференции квартиру. Для того, чтобы таким образом доставить всех делегатов „к месту назначения“, пришлось потратить от двух до трех часов. Порядок прибытия на конференцию латышских товарищей был такой же.

Очередные заседания конференции в целях конспирации переносились всякий раз на другие квартиры. Два из них были на Журавлевке — на квартире т. Медведева. Признать конспиративным нелегальное собрание на квартире у товарища,

находящегося под гласным наблюдением полиции, конечно, нельзя, но другого выхода не было, так как с квартирами дело обстояло плохо.

На первом собрании (в районе Петинской) собравшиеся делегаты конституировались как „первая городская конференция Харьковской Организации РСДРП“. Решено было, во избежание всяких возможностей, от конференции не зависящих, в первую очередь заняться разрешением организационных вопросов, как наиболее важных и острых. В случае удачного исхода первого заседания предполагалось решение по организационным вопросам сообщить ячейкам, чтобы в случае провала на каком-нибудь из следующих собраний товарищи в ячейках на основании принятых решений могли бы продолжать дальнейшую работу.

В соответствии с этим решением после докладов с мест, выяснивших, что к моменту созыва конференции в Харькове под руководством Харьковского Комитета работает восемь кружков, насчитывающих от двух до пятнадцати человек в каждом и под руководством Латышского Центра — четыре кружка, с числом членов от семи до четырнадцати, было приступлено к выборам Харьковского Комитета. В Комитет были избраны: Ляхин, Медведев, Сурик, Блюм и К. Спигис.

Предполагалось в мае 1916 года этот состав Комитета обновить, произведя новые выборы. Этот Комитет прекратил свою работу значительно раньше, так как уже к девятому января 1916 года большинство его членов были арестованы и частью привлечены к ответственности по различным статьям, частью высланы из Харькова.

После тщательного обсуждения по другим пунктам порядка дня были приняты следующие резолюции, тогда же переправленные за границу, в Женеву, для сведения ЦК.

По текущему моменту: „Полагая, что мировое капиталистическое хозяйство в своем развитии пережило национальные рамки, что в лице отдельных национальных государств оно в данный момент уже встречает непреодолимое препятствие для своего дальнейшего поступательного движения, так как стремление отдельного экономически передового государства к мирному господству не может прсходить безболезненно для остальных конкурентов на мировом рынке;

полагая, что современная война явилась следствием указанного стремления экономически передовых государств сделаться мировыми империями и что, следовательно, в ней заинтересована только буржуазия каждой отдельной страны; полагая, что лозунг „защита отечества“ и его разновидности — защита свободы, культуры, национальных интересов, права, морали и т. д. выдвинуты буржуазией воюющих стран и оппортунистами в среде рабочего класса и некоторыми его „вождями“, изменившими социалистическому знамени,— есть лишь прикрытие

хищнических притязаний правящих классов и приманка, при помощи которой рабочий класс превращается в слепое орудие их империалистических интересов ;

полагая, что для пролетариата данная война принесла только материальное разорение, что она только разбила его моральную солидарность, ослабила движение и классовую борьбу рабочих ;

полагая, далее, что Россия, в частности, находится в особенно неблагоприятных условиях, что то тяжелое положение, в котором оказалась страна, хозяйственное расстройство, угнетающая дороговизна, разорение крестьянства и бедственное положение пролетариата явились порождением третьейинюнского строя, основанного, с одной стороны, на экономическом и политическом господстве крепостников - помещиков и хищнического крупного капитала, с другой стороны — на экономическом угнетении и политическом бесправии масс народа рабочих и крестьян ;

полагая, что обновление страны и восстановление ее производительных сил возможны только при уничтожении всех остатков крепостничества и замене старого порядка демократической республикой,

Х. Г. конференция РСДРП постановила считать заветом настоящего часа для международного пролетариата интернациональную пролетарскую классовую борьбу против интернационального империалистического стремления буржуазии.

Что же касается России, то для разрешения поднявшихся вопросов конференция считает необходимым созыв Всенародного Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого и тайного избирательного права, без различия пола, национальности и вероисповедания.

Необходимым условием созыва Учредительного Собрания должны быть : амнистия, отмена всяких национальных и вероисповедных ограничений, полная свобода слова, печати, собраний, союзов, стачек, а также действительная неприкосновенность личности и жилища“.

По вопросу об участии в В.-П. Комитетах, была принята следующая резолюция :

„Принимая во внимание позицию, занятую по отношению к текущему моменту, Х. Г. К. РСДРП постановила, что участие в Военно - Промышленных Комитетах рабочих недопустимо с точки зрения международных принципов пролетариата и что подобное участие было бы фальсификацией воли сознательного пролетариата и изменой его Интернациональному знамени (предвыборная кампания должна быть использована и выборы должны быть бойкотированы только в последней стадии).

Принимая во внимание серьезность переживаемого момента и необходимость координирования выступлений отдельных организаций и выработки общего плана работы Х. Г. К. считает

созыв Всероссийской конференции необходимым и высказывает пожелание, чтобы на означенную конференцию были приглашены представители от всех существующих нелегальных организаций РСДРП, признающих С.-Д. программу и решения последних съездов. При наличии более половины представителей от существующих организаций Конференция считается полноправной“.

В связи с дороговизной было постановлено : „Полагая, что дороговизна жизни, которая еще до войны наблюдалась во всех государствах мира, объясняется общими условиями капиталистического хозяйства ;

полагая, что исключительная дороговизна жизни в России происходит не только от развития капитализма, но и от отсталости русского хозяйства и сохранения отживших форм в сельском хозяйстве и промышленности, которым соответствуют отжившие общегосударственные условия ;

полагая, что военная дороговизна вызвана еще большим обострением уже ранее действовавших причин, а также и спекуляцией возможной на фоне одряхлевшей русской действительности,

Х. Г. К. РСДРП считает, что успешная борьба с дороговизной возможна только при переходе от старой, отжившей экономической и политической системы к широко - демократическому порядку.“

По вопросу об Интернационале конференция постановила : „Принимая во внимание, что война, охватившая все государства Европы, внесла расстройство в ряды международной С.-Д., разрушив Интернационал ;

принимая во внимание, что падение обусловлено не только тем, что в данный момент буржуазия оказалась сильнее международного пролетарского движения, но и тем, что отдельные вожди Интернационала оказались не на высоте своего призвания, что они изменили международным принципам пролетариата, об'явившего „войну войне“ ;

принимая во внимание, что падение Второго Интернационала ни в коем случае нельзя рассматривать, как крах интернационалистических принципов пролетариата,

Х. Г. К. РСДРП считает необходимым :

— скорейшее учреждение Третьего Интернационала.

Как необходимое же условие его успешной работы, она считает обязательным для его представителей :

- 1) признание принципов Интернационала ;
- 2) признание классовой точки зрения ;
- 3) революционной борьбы пролетариата.

Обсудив вопрос об отношении к другим с.-д. организациям и течениям, Х. Г. К. вынесла решение, что „объединение может происходить лишь с теми организациями и группами, которые стоят на точке зрения классовой борьбы,

международной солидарности рабочего класса, а также признают революционную борьбу.

Примечание. Будущий представитель от Х. (харьковской) организации РСДРП на созываемой конференции должен поднять вопрос о создании бюро для возможно скорого созыва того Всероссийского Съезда, на котором должен быть избран новый ЦК.

Что касается других революционных организаций в Р. Партии, Х. Г. Конференция считает необходимым отношения к ним оставить прежними“.

„Обсудив вопрос о существующей демократической пропаганде и об использовании легальных обществ и организаций, конференция пришла к заключению, что при данных условиях лучшим средством для осуществления означенной цели служит укрепление нелегальной организации (РСДРП).

Для Харьковской организации РСДРП очередными задачами являются: создание широкой сети кружков по заводам, фабрикам и во всех прочих местах, где существует соответствующая почва; распространение в массах марксистской литературы, прокламаций, устройство массовок и собраний на заводах и в мастерских.

Для возможно более широкого осуществления перечисленных способов пропаганды организации необходимо: улучшить технику, завести прочные связи с центрами для получения издаваемой там литературы; организовать (или расширить, если уже существуют) коллегии пропагандистов при районах, а также постараться привлечь к активной работе всех членов организации.

Для использования существующих легальных организаций, необходимо привлечь в эти организации всех членов партии.

Для ведения агитации в армии необходимо создать на местах Военные Организации.

Чтобы согласовать деятельность отдельных с.-д. организаций, необходимо создать областную организацию“.

В заключение, для урегулирования поступающих в Х. К. взносов, конференция признала желательным, чтобы члены организации вносили по 10% ежемесячно из заработной платы.

На этом работа конференции закончилась.

Є. Г. МЕДВЕДЬВ

З ХАРКОВА ДО КИЄВА Й НАЗАД

Організацію радянської влади на Україні, як відомо, розпочато пізніше, ніж у РСФРР.

Перший ЦВК України обрав у Харкові Всеукраїнський з'їзд Рад 12/ХІІ (25) — 1917 р. супроти Центральної Ради, що перебувала в Києві зі своїм урядовим органом Генеральним Секретаріатом.

Щоб обміркувати питання, зв'язані з Всеукраїнським з'їздом Рад, що його спочатку скликано було в Києві, Харківський більшовицький Комітет скликав нараду відповідальних робітників (чоловіка з 25 — 30), що з них я пригадую Артема, Данілевського, Кіна, Буздаліна, Сербиченка, Скорохода, Кабаненка, Сурикова, Тинякова, Шварца, Тевелева та інших. Засідання мало відбутися у помешканні Харківського комітету партії більшовиків (він містився тоді на розі Павлівської площі та Подільського завулку) з приводу виборів та відрядження делегатів на з'їзд. Автора цих споминів було запрошено як голову Харківської організації лівих українських соціал-демократів.

Делегатів на цьому засіданні намічено було чотирьох товаришів: Данілевського, Сапельнікова, Романенка та Медведєва. Троє перших — від більшовиків і я від українських соціал-демократів. Чи були до них кандидати — я не пригадую.

Делегатів затвердив Харківський Виконавчий Комітет Ради робітничих та салдатських депутатів, і нам було видано мандати. Характерні ті труднощі, що з нами трапилися дорогою до Києва. Крім незручностей, зв'язаних з руйнацією транспорту, наш переїзд ускладнився й іншими неприємностями.

В наш потяг, коли ми їхали до Київ, дорогою всідало чимало делегатів на цей з'їзд від військових і українізованих частин, від спілок, громад то-що. У вагоні замість революційних пісень, що їх співали ми, залунали націоналістичні. Після сутички з нашими сусідами на політичні теми, нас на ст. Ніжен ледве-ледве не викинуто з вагону. В зв'язку з цим довелося перейти до другого вагону й тримати себе „скромніше“.

Прийшовши до Києва приблизно годині о другій, ми пішли в місто пішки. Зовнішній вигляд Києва був урочистий. Скрізь

було розвішено прапори, проходили національні війська, досить добре одягнені. На Хрещатику ми побачили великий загін козацької кінноти, по інших вулицях можна було бачити рух артилерії. Складувалося вражіння, що місто готується до великого параду. Загалом, усе мало вигляд досить імпазантний. Ми посміхалися — чи зуміємо ми впоратися, коли нам доведеться зіткнутися з цією силою. Тов. Данілевський все заспокоював, заявляючи, що київські більшовики приготувалися і що нема чого боятися. Романенко ¹⁾ виявляв явну боязкість і, не встигнувши увійти в місто, уже планував, як нам вибратися.

Приблизно о п'ятій-шостій годині ввечері ми розійшлися. Більшовики пішли до свого комітету, а я пішов розшукувати центральний комітет українських соціал-демократів. Коли я прийшов до комітету (він мав помешкання на Михайлівській вулиці), там уже було чоловіка з 40 членів з'їзду. Хто саме був там — я не пам'ятаю, але пригадую, що не було ні Винниченка, ні Порша. Користуючись з того, що керівники ЦК відсутні, я відкрив, з своєї ініціативи, збори фракції з'їзду. Обрали голову та секретаря. Прізвищ знову таки я не пригадую, але пам'ятаю, що головою цих зборів був якийсь техник з Міколаївського заводу. Він спочатку, як я взяв на себе сміливість відкрити засідання фракції без представників ЦК, дуже мене підтримував. Збори тривали приблизно з годину. Виступало багато промовців. Виступив і я. В своїй доповіді я схарактеризував роботу українських лівих організацій. Я навіть виступив за проголосувати резолюцію, що її основна думка полягала в необхідності контакту з більшовиками та організації робітничо-селянської влади. Проти резолюції, як я зараз пригадую, голосувало не більш як 3 чоловіки.

Коли резолюцію вже ухвалено, до залі засідання прожогом вскочили Порш та Винниченко. Порш, зіскочивши на трибуну, без запиту президії почав держати промову. Він заявив, що збори не знають, з ким вони мають справу, не знають громадянина Медведєва, який плів нісенітницю та критикував ЦК партії, що Медведєв не є партієць, що партія його хоча й давно знає, але знає, як бунтівника, який не буде працювати ні з соціал-демократами, ні з більшовиками. Загалом, він мене схарактеризував, як людину, яку купили більшовики, беручи на увагу довір'я деяких військових частин м. Харкова, і назвав мене бандитом. Після Порша виступив Винниченко, що в своїй промові говорив виключно про політичну ситуацію, згадуючи при цьому моє ім'я, але в досить коректній формі. Він говорив про те, що хоча в партії й є розходження, але вони не повинні бути причиною розколу, що Медведєв, репрезентуючи свою організацію, може висловити свою думку на фракції, що

¹⁾ Романенко, як свідчить т. Буздалин, 1919 р. відмовився вступити до Червоної армії і вийшов з партії. Після відходу радянської влади залишився в Харкові, де його білі й розстріляли. — Є. М.

потрібно розрядити складну атмосферу, щоб це не призвело до розколу партії.

Кінчаючи, він заявив, що, оскільки резолюцію було вже ухвалено, треба її визнати, і що ЦК партії також міг би ухвалити її, але тільки з деякими поправками і запропонував виділити комісію для розроблення резолюції, взявши ухвалену резолюцію за основу.

До комісії ввійшли: Врублевський, Винниченко, Порш та інші.

Після перероблення резолюції від неї нічого не залишилося й увесь її зміст складався з вислову вдячності ЦК партії українських с.-д., Центральній Раді та Генеральному Секретаріатові.

Схвильований з того, що сталося, я пішов до більшовиків. Коли я прийшов, у них відбувалося якесь засідання й мене довго не пропускали навіть до будинку, що його оточувала робітничка гвардія. З труднощами пройшов я в будинок, пішов по сходах і, пройшовши цілу низку застав, був усередині будинку. В одній невеликій кімнаті, в двері якої постукав робітник, що проводив мене, відбувалася нарада. Я написав записку до президії, прохаючи дозволу бути присутнім на цій нараді. До мене вийшла Є. Бош і відповіла, що питання про мою присутність буде обмірковуватися. Через 15 хвилин мене запрохали на засідання, де я докладно розповів про те, що сталося в нас на фракції. Згодом прийшов Врублевський¹⁾. Він прохав, щоб і йому дозволено було бути на нараді. Після невеликого обміну думок і його допущено. Тов. Врублевський розповів нам про те, що в Генеральному Секретаріаті є таємне розпорядження про негайне заарештування П'ятова, Медведева та інших товаришів.

* * *

З'їзд, як відомо, затопили представники всіляких організацій, як кооперативів та інших, що їх зібрала Центральна Рада.

В будинкові оперового театру набилося багато народу, місць не вистачало, був великий шум і безладдя.

Ввійшовши до театру, я помітив, що фракція більшовиків стояла праворуч. Недалеко від неї стояли й українські соціал-демократи.

Коли на сцені раптом з'явилися Винниченко, Порш та інші, вся маса заревла: „Слава, слава Україні“ й заспівала „Ще не вмерла Україна“.

Театр трусився від галасу. Почувся тихий дзвоник. Публіка заспокоїлася. Я не пригадаю, щоб було обрано президію. Оскільки пригадую, президії не обрали. Перший виступив Степаненко, за ним Затонський. Коли він сходив на сцену, чути

¹⁾ Опісля член КПУ, забитий петлюрівцями.— Р е д.

було голосні викрики незадоволення, що далі перейшли в неймовірний шум. Тов. Затонському, не дивлячись на всі його спроби, не дали говорити.

Після Затонського виступали т. т. Шахрай і Кулик. Останній від імени фракції більшовиків заявив, що фракцію примушено покинути з'їзд, бо склад його фальсифіковано через допущення, крім представників від рад, і представників громад, спілок, кооперативів та інших організацій. Після заяви Кулика більшовицька фракція покинула з'їзд. Слідом за більшовиками, що залишили одного представника для інформації, наша група лівих українських с.-д. теж вийшла, покинувши з'їзд.

Після цього радянські делегати Київського з'їзду з частиною селянських представників манівцями й різноманітними способами поїхали до Харкова. Тут, з'єднавшись з обласним з'їздом Крив.—Донбасу, вони проголосили себе 1-м Всеукраїнським З'їздом Рад робітничих, салдатських та селянських депутатів і виділили з себе 25.ХІІ 1917 р. (н. ст.) перший ЦВК Рад України та першу РНК—„Народній Секретаріят“, що вже 26.ХІІ 1917 р. репрезентували Радянський уряд України, який оповістив про скинення Центральної Ради й скасування її влади.

Головою ЦВК, так званого „ЦИКУК'а“, був т. Медведєв, за товариша голови—т. Артамонов (робітник з Миколаєва), за секретаря—Сивков з Ніжена (перший голова ЦВК з більшовиків був т. Затонський—після II з'їзду Рад). Перший голова Народнього Секретаріату (через деякий час після його обрання) був т. Скрипник.

ПЕРШИЙ КАТЕРИНОСЛАВСЬКИЙ ПОЛК

6 березня 1918 року — один з пам'ятних днів мого життя: в цей день я вступив до лав першого Катеринославського полку Соціалістичної Добровольчої Червоної армії. Полк стояв у Катеринославі. Командир полку був тоді тов. Ізварин, комісар — тов. Копилков.

В той час, як відомо, велася уперта боротьба з красновцями, калединцями та іншими козацькими бандитами. До полку що-дня прибувала сила добровольців з сіл та заводів, яких наспіх вивчали як треба поводитись з рушницею й негайно відправляли на фронт громадянської війни, для допомоги шахтарям-червоногвардійцям. Пригадую, що перед кожною відправкою влаштовувано урочисті мітинги.

Минуло декілька часу. Командира тов. Ізварина вже не було, кудись виїхав, і на його місце було призначено нового, тов. Контюряєва, що перед тим приїхав з тодішнього Петрограду.

Життя полку проходило буйно й не без чорних сторінок, чому сприяли різні елементи, що пробиралися всюди, де можна було. Пригадую, що одного разу трапилася така несподівана пригода. В однім з помешкань касарень залишилась частина сердюцького командного складу¹⁾ для ліквідації деяких справ та вивезення майна. І випало якось так, що на цей раз наш новий командир тов. Контюряєв попав до згаданих сердюків на випивку, призначивши одночасно загальні збори полку, де він мав виступити з доповіддю про поточний момент. Всі зібралися своєчасно й чекали відкриття зборів, але командира не було. Дехто хвилювався, а хто й лаявся, обурюючись на командирів неточність. Ті, що ходили до нього на квартиру теж не застали. І раптом хтось довідався, що командир „загуляв“ з сердюківцями. Треба було бачити революційних вояків, які, поважаючи до цього свого командира, тепер ладні були його вбити за панібратство з сердюками. Жодні заспокоювання збентеженої маси, що пробували були зробити окремі більшовики-армійці, наслідків не дали.

1) В Катеринославі в грудні 1917 року стояв сердюцький полк, що під час бою з гайдамаками додержувався нейтралітету; після встановлення в Катеринославі радянської влади він самоліквідувався. — З. Н.

Тоді вийшов на трибуну полковий комісар тов. Копилков, з труднощами заспокоївши полк, зараз же, на очах полку, зробив негайне розпорядження заарештувати Контюряєва й привести його на зібрання. Через десять хвилин командир добре п'яний, стояв на трибуні й пробував перед своїм полком виправдуватись. Обурена маса ніякого жалю не виявляла й у один голос вимагала Контюряєва притягти до судової відповідальности й покарати. На цих же загальних зборах відбулося обрання на нового командира полку тов. Каліни, що дотепер був за командира 5 сотні (роти).

Скінчилося все тим, що Контюряєв на другий день уранці невідомо куди зник, не залишивши по собі доброї пам'яті.

Одного разу до полку привезли гроші видавати червоноармійцям платню. Оскільки ж у полку було в той час понад 2000 армійців, за один день, зрозуміла річ, не можна було такої кількості роздати щось з 40.000 карбованців; тому комісар Копилков видавав платню перший день, лишок же грошей передав ад'ютантові Котлярові¹⁾ з тим, щоб той на другий же ранок видав останні. Не відомо, чому комісар довірився колишньому сердюкові, про якого не раз попереджувано.

Другого дня зранку червоноармійці почали сходитись до штабу полку одержувати платню. Довелося чимало часу чекати „скарбника“ й навіть послати по нього додому вже з наказом заарештувати й привести до штабу. Як і треба було ждати, ад'ютант з чималою сумою грошей встиг цієї ночі виїхати з міста.

Червоноармійці, дізнавшись про втечу ад'ютанта з грішми, зняли крик. Довелося тов. Копилкову негайно дістати в Раді робітничих та червоноармійських депутатів грошей та подбати про призначення нового ад'ютанта (тепер він вимагав тільки більшовика, що було й зробила Рада).

* * *

3-го квітня 1918 року вже зранку почалися з боку станції Діївка гарматні вибухи: то на Катеринослав насувалися німецько-гайдамацькі банди.

Приблизно о 12-й годині дня полк наш одержав наказа від Виконкому без бою відступити на південь. З великою неохотою прийняли цей наказ червоноармійці. Але ставати до бою, маючи нерівні сили, було недоцільно.

Ідучи по вулицях міста й спостерігаючи оточення навколо, ми ясно бачили два протилежні настрої серед населення: трудящі кола співчували нам та висловлювали побажання, щоб

¹⁾ Ад'ютант Котляр та помічник командира полку Сергівко, про якогось мовля йтиме далі, перейшли на службу до нашого полку. як спеці, з згаданого раніш сердюцького полку. — З. Н.

як найшвидше ми змогли повернутися; буржуйські ж та спекулянтські елементи дуже раділи нашому відступові й посилали нам у слід прокльони. З горища одного великого будинку на проспекті навіть хтось почав стрілянину з кулемета.

Прибувши на вокзал, ми застали таку картину. Величезна кількість загонів (матроських, хінських, анархістських) поспучувались на путях і станції й у особі командирів сварилися з-за того, хто перший повинен відступати. Бачачи таке становище, наш командир дав розпорядження рушити пішки через Дніпровський міст до ст. Нижне - Дніпровської, звідки й можна було б відправитись на південь. З Нижне - Дніпровської станції, здобувши силою два паровози, всівши в два потяги, ми на решті рушили о 12 годині ночі.

Приїхали на станцію Синельнікове Південних залізниць, де й зупинилися на деякий час, щоб остаточно вирішити питання, що робити далі, яким шляхом іти й чи воювати з німцями, чи ні...

Згадую теплий весняний ранок. Сонце вітало нас із неба та гріло своїм ясним промінням. Видко було, що більша частина полку була проти новообраного командира тов. Калини й наполягала на те, щоб його переобрати. Інші доводили навпаки. Серед галасу були пропозиції негайно їхати до Таганрогу за Радою робітничих та червоноармійських депутатів Катеринославщини. Але на такі анархічні випадки уваги ніхто не звертав. Це просто хтось дурів... Нарешті тов. Копилков відкрив загальне зібрання полку, і виголосив промову з ганьбою на тих, хто ухилиться від бою з ворогом:

„Невже ми злякаємось нашого ворога“? — говорив він. „Хіба нас мало, хіба ми не навчилися захищати революцію! Гадаю, що слід побитись!..“ Полк своїми оплесками висловлював згоду... Зібрання проходило жваво, голосно, з бойовим настроєм. Перш за все вирішили повернутися та стати з ворогом до бою на станції Ларивонове; далі — переобрали нового командира полку, замість тов. Калини було одноголосно обрано тов. Лантуха Йосипа, відомого всім хороброго ватажка окремих загонів, що відряжалися проти білого козацького війська, проти отаманів, полковників та генералів. Між іншим, ухвалили: негайно переговорити з червоним хінським загonom, що залишивсь спочивати на станції Синельнікове, щоб спільно битись з німецько-гайдамацькою зграєю...

Дістали ми одну гармату тридюймову, чотири кулемети (на жаль, не перевірили зразу їхню здатність до бою) і умовилися з хінським загonom, який погодивсь на нашу пропозицію стати разом з нами до бою.

Як стало світати, надіславши розвідчиків і розподіливши кулемети по сотнях, вирушили на ворога. Не передбачаючи, чим скінчиться бій, молоді червоноармійці, що ще не брали ніде участі в боях, сміливо, з революційним полум'ям, великим

бажанням та певною надією йшли перемагати ворога. Під'їхавши потягом близенько до станції Ларивонове, полк лавами пішов шукати ворожі загопи.

* * *

В перших же сутичках з ворогом зразу виявилася нерівність наших сил. Не говорячи вже про те, що наші червоноармійці були молоді й зле озброєні проти німецько-австро-гайдамацьких військ, наша важка зброя та ще малої кількості (1 гармата й чотири кулемети) зовсім була негодяща. А до того недостача телефонного дроту не дозволяла налагодити належний зв'язок між окремими нашими сотнями, через це траплялося, що свої на своїх нападали, як це було з 4 сотнею. Бій був жорстокий і точився до пізнього вечора. Врешті ворог переміг, і наш полк, який вирушив до бою з 2.000 чоловіка, спішно відступив, всівши в потяг до Ростова (на Дону), нараховуючи всього щось з 700—800 чоловіка. Не можна також не зазначити й того моменту, що чимало наших молодих червоноармійців, незагартованих і не бувалих у боях, просто кидали зброю й тікали з місця бойовища хто куди.

Слід зауважити, що завзято бились хінські вояки, які просто дивилися смерті в вічі.

О 10-й годині ранку другого дня потяг наш був уже на станції Ростов. Було дано наказа негайно розвантажити вагони й підготуватися до переїзду в міські касарні, що були на Скобелівській вулиці.

Прибувши до Ростова, крім відпочинку, наш полк мав ще завдання поповнитись. На другий день у Ростові опубліковано було відозву до всіх робітників та селян про вступ добровольців до нашого полку. Наслідки були блискучі. Не лише молодь, але й люди в літах приходили й виявляли велике бажання провадити боротьбу в організованих лавах трудящих з капіталістами та поміщиками.

Як характерний факт для зазначеного, наведу цікаву історію вступу однієї молодої жінки до нашого полку.

Одного весіннього ранку чергував я в штабі полку. В полкове помешкання заходить ще молода жінка в червоній хустині.

„Добрий ранок! — привіталася вона радо й додала: — я прочитала тут на вулиці ваші відозви. Вам потрібні робітники, зокрема, мабуть, більшовики. Так я ось і прийшла. Звуть мене Соня Захар'янц, сама я ще за молодих літ приймала участь в революції 1905 року на Кавказі. Зараз повертаюся з-за кордону, де жила за часів царату...“

Я спитав її, яку працю вона може взяти на себе в полку.

„Про це не турбуйтеся, товаришу, — поспішила заспокоїти мене Соня. — Я на всі руки: й агітатор, і організатор, і санітар, і навіть добрий стрілець. Так що, будь ласка, швидше записуйте“...“

З того моменту Соня Захар'яню, завзята більшовичка, була зарахована в склад полку на посаду санітарки. Прийшовши до нас із свіжими силами, вона не схотіла сидіти без діла; її зразу ж було відправлено на чолі санітарного загону, який посилався на передову позицію під Новочеркаське, де в той час були бої між червоними та білими — каледінцями. Перед від'їздом Соня довгенько розмовляла з нами (цеб - то полковими більшовиками) про необхідність поширення політосвітньої праці серед червоноармійців і про заходи в цьому напрямкові.

„Скоро повернуся з перемогою, — сказала вона, сідаючи вже на грузовика, що відправлявся на фронт, — тоді будемо спільно працювати. Праці тут в справі підвищення політосвітнього рівня червоних вояків стане на всіх нас. Та ще й буде забагато“.

Поїхала вона, зачарувавши всіх своїм настроєм. своїми словами...

Перша частина побажань Соні здійснилася: не пройшло й трьох днів, як наші червоні частини розбили козацькі банди та ввійшли в місто Новочеркаське. Першу звістку про це приніс нам телеграф. Але одночасно з цим телеграф приніс і другу звістку, тужну, якій навіть вірити не хотілось нікому — звістку про Соніну смерть.

Веселої, повної сил і бажання робити на користь революції Соні Захар'яню, тієї самої Соні, яка була так запевнена в нашій швидкій перемозі, — серед нас не стало, її було порубано козацькими офіцерськими шаблями.

Трапилось це так. У одному місці бойовища червоні трохи піддалися. Козацькі офіцери, бачачи таке, почали свій наступ. Соня тоді саме перев'язувала поранених червоноармійців і так була захоплена своєю працею, що не помітила тимчасового відступу своїх. Раптом з'явилися козаки. Але Соня, помітивши їх, не заметушилась: вона почала стріляти з „Нагана“.

Шість куль врізалось в тіло козацьких офіцерів, п'ятеро з них упало з коней. Але останні все наближались до неї. Тут Соня побачила, що врятуватись пізно й неможливо.

„Більшовики живими не даються ворогам — вони вміють вмирати!“ — скрикнула Соня й пустила собі в серце останню кулю з „Нагана“. Влучила якраз в серце й похилилась, мов той підкошений колосок. Розлютовані ж козаки почали рубати його (тіло) шаблями...

Так загинула товаришка Соня, що до останньої хвилини жила для революції, що на революційній борні віддала своє життя...

* * *

Нашому відпочинкові дуже швидко приходив кінець. Допомічник Краснова та Корнілова, військовий отаман Каледін, розпочав наступ з своєю чорною зграєю й посувався на Ростов.

Він уже підходив до Нахічевані, тому час нам було ставати до бою. На станції Ростов до нас приєднався загін матросів - анархістів і ми на загальних об'єднаних зборах, закликаючи всіх до бою, поклялися віддати всі сили, щоб подолати ворогів і не допустити їх до міста.

Спішно було озброєно наш полк. Червоноармійці, під особистим командуванням тов. Лантуха, хутко сідали на грузовики, тягли туди кулемети, гармати. Не дивлячись на те, що полк не відпочив як слід, червоноармійці бились дуже завзято. Козацький отаман зі своєю бандою був примушений відходити назад — через Аксайськ, Олександрівськ - Грушевськ — аж до свого Новочеркаського. Боротьба провадилась скажено; білогвардійці ніяк не хотіли піддаватися, але рішучий наступ нашого полку вкупі з матросами переміг бандитів, і вони кинулися відступати.

В цій гарячій бійці було смертельно поранено нашого політкомісара тов. Копилкова, який весь час був попереду червоних загонів, який вів за собою червоноармійців, закликаючи їх до перемоги; поранено було його остільки серйозно, що через декілька днів помер він у Новочеркаському шпиталю (вже не козацькому, а вільному червоному Новочеркаську).

Таким чином, ми позбулися більшовика - бойовика, який весь час перебування на своїй варті на кожному кроці свого життя давав яскравий приклад того, яким повинен бути революціонер. Завзятий рубака Лантух також був попав у полон до білих, але не на довго: товариші встигли допомогти йому й він своєчасно визволився з офіцерських пазурів. Червоноармійці дуже любили свого командира й тому пильно стежили за кожним його кроком, не давши йому „затриматись“ у полоні...

* * *

Події тих часів не дали змоги бути дальшим учасником цього полку.

В розмові з своїми товаришами я довідався, що Катеринославський полк після мого від'їзду на Урало - Оренбурзький фронт (це був початок травня 1918 р.) через тиждень - півтора під натиском німецько - австро - гайдамацьких загонів залишив Ростов, відступивши до тодішнього Царицина (тепер Сталінград). Там полк поповнено, озброєно й перейменовано в полк Радянський Царицинський. Виборність командного складу тоді було скасовано й на командира призначено „спеца“ Сергієнка, колишнього сердюцького штабс - капітана.

Вже під командуванням нового командира полк вирушив на Північний Кавказ проти білого генерала Бічерахова. Полк повинен був і мав можливість, ставши до бою з ворогом, перемогти бічераховців, але сталося інакше... Однієї ночі сталася зрада командира Сергієнка, який без ніякого бою передав

полк у полон бічерахівцям, надівши на другий день блискучі погони.

Зрозуміла річ, що декого розстріляно, але частину полку, залякавши смертю, примушено воювати за білих. Так, на великий жаль, закінчив своє існування той полк, що, не дивлячись на малий досвід у військовій справі, невелику технічну підготовку й озброєння — давав не раз сміливу відсіч ворогам працюючого люду.

РОБІТНИКИ МАКЕЄВКИ В БОРОТЬБІ З БІЛОГВАРДІЙЩИНОЮ ЗА ВЛАДУ РАД

Коли згадуєш досягнення Жовтня, заслуги комуністичної партії та робітничої класи, не можна не згадати деяких героїчних епізодів підчас боротьби за Жовтень у тій місцевості, де ти жив і повсякденно працював.

Не дивлячись на те, що район Макеевки ввесь час був упертою твердиною меншовиків, робітники - макеевці в Жовтні 1917 року всі як один стали під керівництвом компартії на оборону пролетарських прав, будши в оточенні білогвардійсько - кадетських військ, на чолі з катами генералами Болабіним, Закутиним та есаулом Чернецовим. В цій справі нам допомогено з Москви та Ленінграду, звідки привозилася зброя, яку ми розвантажували під острахом катів на Бутівському ухилі й швидко розносили по робітничих кватирах.

Що - дня, що - ночі провадилося неймовірне, безщадне нищення кращих людей з робітничої класи, кращих членів партії.

Після озброєння, робітники за першим закликком партії більшовиків з'явилися на барикади й дали добру відсіч білогвардійським катам. Чернецова вигнали з Макеевки, а коли прибув генерал Болабін — він теж опинився в такому стані. Такої ж поразки зазнав і генерал Закутин, який прибув після Болабіна. Позитивні наслідки нашої перемоги могли закріпитись лише в результаті путящої організації загонів та об'єднання їх з іншими. Нарешті організувалися були в Макеевці загони, що влилися потім до партизанської армії т. Єгорова і, підтримуючи звязок з армією Сиверса, виступили вже організованими лавами проти білогвардійських та гайдамацьких військ, ідучи по шляху до Києва.

Не встигли відпочити від сутичок і боротьби з білогвардійцями в себе вдома, як треба було макеевцям виступити проти ворогів, яких покликала Центральна Рада.

Було це приблизно на так званих великодних святках 1918 р. Наші загони тиснули з одного боку німці, з другого — козаки. Відрізано нас від Ростова, куди відступила армія т. Харченка, загороджено прохід Мілерово - Ліхая, а також відрізано

вузол Дебальцево. Сталося так, що нас оточили з усіх боків і живими взяли в полон щось з 3 тисячі війська. Зразу було нас розміщено по станицях. Макеевський та інші загони числом до 820 чоловіка попали до Володимирської станиці на Дону. Оцю кількість нас загнано до колишньої поміщицької свинарні, де можна було поміститися не більш як 300 ч-ка й поміщено один на одному. Треба тільки уявити, що то була за тіснота й який був від того жах...

Пробувши цілу ніч у такому стані нас, на ранок роздітих і роздягнених у спідній одежі погнали до Константинівської округової станиці, що була звідси за 135 верстов.

Стояла рання весіння погода; йшов дощ, іноді сніг. По шляху давали нам відпочивати, заганяючи до повіток для худоби.

Дійшовши до станиці, наших п'ятьох не стало — занедужали дорогою, застудившись і як ті, що не могли йти зарублені.

З'являється якийсь генерал з полковником і перший з словами „передаю красную сволочь в твое распоряжение, господин полковник“ — вручає нас другому. Через 2 хвилини з'являється загін, який і відпроваджує нас до в'язниці, що стоїть якраз над самим Доном. Відкривають ворота. Дивимось — з одного й з другого боку воріт стоять офіцери з рушницями. Бачимо, що готують „сквозь строй“. Пропустивши отак, по два, давши по шість прикладів кожному, нас, хто міг витримати й залишитися живим (а хто був прибитий так добивали), стали питати, за кого ми голосуватимемо — чи за царя чи за Леніна. І що б ви бачили, — мертва тиша, просто оніміння опанувало всіх. Розлютований полковник з такого стану, похваляючись розв'язати на другий день язика, геть, пішов залишивши сторожу. Раптом роздалася команда лягати на землю й почалося вибивання прикладами.

Минула ніч, настав ранок. Дано наказа вишикуватися у-четверо. Знову команда і нас женуть уподовж станиці. Пробігли півверстви, — раптом зупинка. Куди? — думка промайнула. Виявляється, що нас хочуть загнати в дерев'яну повітку з давніми коноплями та гречаною половиною. Повітка вміщала, мабуть, не більш, як з 250 чоловіка. Довелося заходити, один на одного лягати, ярусами... Але хіба можна було там триматися? Почався галас, крик... Знялася з полови пилюга, що душила кожного. Крики „караул!“ „Рятуйте!“ Але двері вже на засуві. Темрява надворі. Один кричить — „пити. умираю“, другий — „задушили, пропадаю“; „що робити гинемо!..“ від жаги тріскаються губи, слини нема...

Об 11 годині ночі відкриваються двері. Вам що, пити? Зараз будемо напувати!

І правда, через десять хвилин: „Виходи по десять человек!“ Хто перший, звичайно, радий не тільки воді, але й повітрю. Вийшли. Раптом зачинились двері. Після тиші крик —

„за що?“ Чуємо, б'ють, дзвенять шаблі... Відкриваються двері й знову „Выходи десять человек!“ Всі лізуть до середини... Ніхто йти не хоче... Тоді офіцери починають виштовхувати. Знадвору кричать — „довольно!..“ І почалася рубка... Так продовжувалося до ранку.

Вранці відкрито двері. Утворено фіктивний суд, запропоновано іти охотою й почато комедію... Десять засудять до розстрілу, п'ять виправдають. Тих, що виправдали, через деякий час знову тягнуть на суд і нарешті розстрілюють.

На другий день прийшла звістка від наказного отамана про скасування смертної кари. Куди нам не радити! Згодом одержано розпорядження відправити нас на острів, залишивши 30 чоловіка на убирання двора, залитого кров'ю й закиданого трупами.

Відрахувавши 30 чоловіка, всіх останніх відправлено баржою на острів. Вже опісля дізнались, що тих, які залишилися, порубано.

Просиділи ми на острові 2¹/₂ тижні, звідки нас перегнано до Олександрогрушевського. Цілком ослаблі товариші від голоду, переходячи 90 верстов, падали по дорозі й zostавалися сами собі, коли їх не заковували білогвардійські посіпаки, або не добивали на місці.

Прибувши до Олександрогрушевського, нас помістили в місцевій школі, поставивши охороняти добровольців-козаків. Тут нам трохи краще стало. Дружини Олександрогрушевських робітників після витрати чималого часу для переговорів з комендантом й „жіночого“ натиску — добилися дозволу носити нам їжу. Слід відзначити те, що деякі з них продавали одягу для того, щоб нас підтримувати.

Вбившись у силу, наші хлопці, особливо молодь, стали тікати. В усьому цьому, звичайно, допомагали дружини робітників, не шкодуючи свого життя. Але всім за 1¹/₂ м. нечуванних мук, жаху не вдалося визволитися. Хто встиг, зміг і кому пощастило втекти, той з більшою відвагою й злістю до ворогів продовжував боротьбу з білогвардійськими загонами.

Такі славні й героїчні сторінки боротьби макеєвських робітників за владу Рад і такі жакливі і огидні писані чорною рукою сторінки історії білогвардійщини, що кінець - кінцем була остаточно знищена.

III

МАТЕРІЯЛИ ТА ДОКУМЕНТИ

К ОТЧЕТУ О I ВСЕУКРАИНСКОМ С'ЕЗДЕ СОВЕТОВ Р., С. И К. Д.

Общий ход с'езда, состоявшего из двух разрозненных частей — с'езд в Киеве совместно с крестьянскими делегатами, созданными органами Ц. Рады, и с'езд в Харькове совместно с областным с'ездом Донецко-Криворожского бассейна — достаточно ясно обрисовывается газетными отчетами. В предисловии к этим отчетам мы в конспективной форме коснемся поэтому лишь политической обстановки, в которой с'езд происходил, и тех политических результатов, которые он дал.

Прежде всего встает вопрос — явился ли Всеукраинский с'езд Советов завершением в строительстве соввласти на Украине или только началом этого строительства? Несомненно — началом. В декабре 1917 г., когда прошел и закончился избранием центрального органа соввласти Всеукраинский с'езд, советской власти на местах Украина еще не имела. Этот месяц был периодом двоевластия или просто безвластия и в то же время периодом подготовки к решительной борьбе между Советами и Центральной Радой во всех городских центрах Украины.

В Киеве положение было наименее благоприятно для Советов. С ноября м-ца вся власть была сосредоточена в руках Генерального Секретариата, с которым Военно-Революционный Комитет Советов (под председательством Л. Пятакова) вел упорную, но мало плодотворную борьбу. Особенно трудной эта борьба стала после того, как Генеральный Секретариат войсковых справ разоружил все неукраинские, большевистски настроенные воинские части. Этот ловкий маневр был проделан за 2—3 дня до с'езда и вследствие этого Совет и большевики остались против почти 20.000 гарнизона Киева с одной только Красной гвардией, находившейся еще в периоде организации и собирания сил.

Нужно при том указать, что на твердо советской платформе стоял лишь Совет рабочих депутатов да профессиональные органы Киева. Даже Совет солдатских депутатов был настроен антибольшевистски и поддерживал Раду в ее политике обмана и насилия.

Большая часть киевлян, надо сказать, вела чересчур осторожную тактику по отношению к Ц. Р. в том смысле, что не подготовила с достаточной решительностью реальные силы для завоевания советской власти. В то же время никаких мер не принималось и для раскола национального фронта, для взрыва Ц. Р. изнутри, для привлечения на свою сторону революционных элементов.

Приблизительно такое же соотношение сил между Ц. Р. и Советом было и в других городах правобережья и в центрах крестьянских губерний (Полтава, Чернигов, Житомир, Винница; в последней Совет, взявший власть в Октябре, принужден был в декабре уйти под нажимом гайдамаков в подполье).

На юге (Одесса, Николаев, Елисаветград) декабрь прошел в напряженной обстановке в пред'октябрьской атмосфере ожидания взрывов, мелких стычек, неудачных попыток сговора. В Одессе первые же дни декабря были отмечены боями между гайдамаками и Красной гвардией, которые кончились поражением красных. Созданный после этого, в качестве верховного органа власти для области, „Совет десяти“, в котором большевики имели лишь одну треть мест, являлся фактически оружием Одесской Украинской Рады, а орган Румфронта — Румчерод — был до конца декабря в руках социал-соглашателей. Советская власть на Одешине была установлена так же, как и на Киевщине, лишь через месяц после организации Всеукраинского советского правительства.

Значительно лучше обстояло дело в Харькове. Харьковский Совет объявил себя властью еще 10 ноября (ст. ст.). Но и здесь единовластия не было, и Совет все время находился под угрозой нападения со стороны гайдамацких частей гарнизона. Лишь в середине декабря (во время Всеукраинского с'езда Советов) гайдамаки были разоружены большевистскими отрядами Антонова - Овсенко, и опасность переворота отпала.

В Екатеринославе декабрь проходил в усиленной подготовке к боям и со стороны большевистского Совета и Красной гвардии и со стороны радовцев. Лишь в начале января конфликт, разрешавшийся вооруженной силой, кончился благоприятно для Совета. Победа над гайдамаками была одержана Красной гвардией. Победоносный исход восстания был ускорен той помощью, какую оказал ему московский отряд под командованием Егорова, вступивший в Екатеринослав 9 января 1918 г.¹⁾

В ряде городов Донбасса власть принадлежала к концу 1917 года Советам. Но в это время уже почти весь Донбасс

¹⁾ Тов. Аверин приурочивает в своих воспоминаниях (см. „Лет. Рев.“ № 5 — 6 за 1927 г.) установление соввласти в Екатеринославе к концу декабря. По Антонову - Овсенко (см. описание военного положения на Украине в январе 1918 г., составленное на основании документов и сводок, стр. 106 — 107 его „Записок о гражд. войне“), победа советской власти относится к началу января.

стал ареной жестокой борьбы с казачьими бандами, захватившими его южные районы и творившими там свою кровавую расправу.

Итак, создание советского центра на Украине означало не завершение советского правительства, а лишь разворачивание и централизацию борьбы украинского пролетариата за власть Советов.

Второй вопрос — насколько украинские губернии, существовавшие до революции в качестве разрозненных единиц в составе Российской империи и впервые формально, но только формально, объединенные универсалами Ц. Рады, были подготовлены к созданию единого государственного организма?

Центральная Рада очень мало сделала для создания „украинской державы“. Несмотря на наставленных Генеральным Секретариатом губкомиссаров и на местные украинские центры, составленные из представителей украинских кооперативных, просветительных и т. п. организаций, население городов юга и юго - востока не чувствовало своего украинского подданства — как рабочие, так и буржуазия. В этих районах представители украинских партий составляли ничтожную величину и в Советах рабочих депутатов, и в городских Думах. И общественная жизнь, и государственный аппарат еще совершенно не были украинизированы. Гораздо больше для подготовки всеукраинского объединения сделали областные советские организации. Еще в первые месяцы революции оформились три областных центра: Областной комитет Советов юго-западного края, который был избран на Киевском областном с'езде Советов в апреле, Обл. Комитет Советов Донецко-Криворожского бассейна, который был выделен конференцией С. Р. и С. Д. юга России, происходившей в Харькове в конце того же месяца и, наконец, Румчерод — Областной комитет советов Румфронта, черноморского флота и Одесской области, который был избран на I с'езде Советов Румфронта в мае.

Областные объединения были построены на общности экономического уклада и осуществляли взаимное тяготение социально-родственных районов. Любопытно отметить, что, согласно постановлению апрельского Всероссийского совещания Советов, установившего деление по областям, Воынь и Подолия были отнесены в ту же область, где находилась Одесса, а Киев был объединен с Курской и Воронежской губерниями в одну область. Но такое искусственное, бессмысленное объединение не могло, конечно, привиться.

К Киеву — торговому, культурному и военному центру юго-западного края — тяготело все правобережье (кроме южных губерний, связанных с Черноморским побережьем), а также крестьянские районы левобережья (Полтавщина, Черниговщина). В это объединение входили, кроме того, армейские организации юго - западного фронта. Всего юго-западный Областной комитет

объединял 58 С. Р. и С. Д. В румфронтовское объединение входило три губернии (Таврическая, Херсонская и Бессарабская) и военно-морские организации Румфронта и черноморского флота. Донецко-Криворожское объединение твердо охватывало следующие районы каменноугольного и рудного бассейна: Юзовский, Луганский, Александро-Грушевский, Екатеринославский, Криворожский и Харьковский. К нему причисляли, согласно постановлению первой конференции Советов Донецко-Криворожской области, еще Ростов, Новочеркасск и Таганрог. Но эти города принадлежали к экономически отличной от Донбасса степной полосе, отличались по социальному составу населения и их политическая судьба оказалась также совершенно иной. Ростовский район стал центром Донской казачьей области и в работе Донецко-Криворожского объединения не участвовал.

Самое существование областных объединений являлось, несомненно, благоприятным фактором для создания Всеукраинского объединения.

Но из всех областных центров только Киевский Областной Комитет Советов, имевший левое (б-ков и л. с-ров) большинство еще с октября, оказался действительным фактором объединения. Он взял на себя инициативу созыва Всеукраинского съезда Советов и организационную его подготовку.

Активность советской Киевщины в построении всеукраинской пролетарской государственности объясняется очень просто. Киев был центром национального движения, в Киеве создались государственные органы мелкобуржуазной Украинской Народной Республики. Советское движение в Киеве особенно болезненно сталкивалось с силами национализма и чувствовало их значение для крестьянской Украины.

Вполне понятно, что именно киевские большевики ранее других большевистских организаций Украины пришли к убеждению, что советская власть может вырасти на Украине только как власть украинская, что ее нельзя механически пересадить с севера.

Однако у таких т. т., как Бош, Ю. Пятаков и другие, последнее связывалось с наличием украинских контр-революционных центров, а отнюдь не с сознанием неразрывности правильного разрешения национального вопроса с победой пролетарской революции.

Оставаясь при своих люксембургских взглядах на национальный вопрос, они не рассматривали последний как один из важнейших факторов пролетарской революции; они считали его в лучшем случае вопросом, так сказать, „посторонним“ для пролетариата.

Совершенно иную позицию занимали другие областные центры. И Областной Комитет Донецко-Криворожской республики, и Румчерод, даже тогда, когда во главе их стали большевики, продолжали настаивать на своей независимости от

Украины и тяготеть к общероссийской государственности. Донбасские работники соглашались, чтобы правобережье создавало украинскую республику, но включать в эту республику Донецко - Криворожский район считали невозможным. Центральная Рада для товарищей левобережцев являлась лишь надоедливym интервентом, не имевшим никаких корней в населении. Связь свою с крестьянским правобережьем левобережцы, так же, как и южане, ощущали весьма слабо, пока германцы не дали им предметного урока ¹⁾.

Если мы посмотрим состав областного съезда большевиков в Киеве, имевшего целью создать всеукраинское партийное объединение, а также список делегатов от Советов раб. и солд. депутатов, присутствовавших на Всеукраинском съезде Советов в Киеве, то увидим, что на обоих съездах и Донецко - Криворожская область, и юг имели очень слабое, несомненно случайное, представительство. Так, на партийном съезде присутствовали делегаты от 8 организаций Киевской губернии, 6 — Черниговской, 3 — Подолии, 2 — Полтавской и только по одному от Екатеринославщины и Херсонской губ. Ни Харьков, ни Луганск, ни Кривой Рог, ни Одесса, ни Николаев представителей на такой чрезвычайной важности съезд не прислали. В списке делегатов С. Р. Д., ушедших с фальсифицированного Радой Киевского съезда Советов, из 124 товарищей, представлявших 49 Советов, имеется только 12 делегатов из Донецко - Криворожской области и 13 из южных губерний, при чем такие центры, как Одесса и Екатеринослав, совсем не были представлены. Это также доказывает, что всеукраинское советское объединение, в пользу которого действовали объективные экономические, социальные, национальные и политические факторы, которое лежало по линии пролетарской революции, не имело еще достаточной базы в сознании большевиков Украины.

Вынужденная уйти с шовинистического крестьянского митинга, в который превратила Киевский съезд Ц. Рада, советская его часть решила отправиться в Харьков, рассчитывая на пролетарскую базу левобережья, более благоприятную для создания советского центра, чем мещанско-ремесленный Киев. Но, прежде, чем влиться в состав областного Донецко - Криворожского съезда, который как раз в это время происходил в Харькове, „киевлянам“ пришлось выдержать жестокую дискуссию с харьковскими большевиками, упорно не желавшими присоединять свою промышленную область к мелкобуржуазной правобережной Украине. Победа, которую одержали левобережцы, добившись объединения съездов и выбора

¹⁾ Серьезные разногласия, существовавшие по этому вопросу в среде большевиков, на самом съезде не были выявлены. Они разрешались во фракции. Кроме того, они были достаточно выявлены на Обл. съезде Д.-К. обл., постановившем отделиться от Украины. Отчет о последнем будет дан в одном из ближайших номеров „Л. Р.“.

единого для Украины центр. исп. к - та, оказалась очень недолговечной. Уже через месяц Донбасский областком созвал IV Обл. с'езд Советов, который вынес постановление о создании Донецко - Криворожской республики со своим Совнаркомом. Что же касается Черноморской области, то вопрос о включении ее в состав Украинской Народной Рабоче - Крестьянской Республики даже не подымался. И, как только удалось добиться большевистского состава Румчерода (на II с'езде Румфронта), он объявил себя высшей властью для области и после победы над гайдамаками создал также свой Совет Народных Комиссаров.

¶ На основании всех этих данных приходится признать, что дело всеукраинского советского объединения было только начато созывом с'езда Советов Украины и что ЦИКУ и его правительство Народных Секретарей не было никогда (фактически, на деле) всеукраинским правительством. Но самый факт его существования, настойчивое его самоутверждение в качестве всеукраинской власти, так же, как и проделанная им работа, несомненно, многое сделали для переработки донбасских и одесских сепаратистов и предупреждения их ошибок при втором приходе соввласти.

Третий момент, который необходимо выяснить при изучении истории I Всеукраинского с'езда Советов, это отношение к нему и к созданию украинского совправительства российской совреспублики.

Мы не будем говорить о принципиальном отношении партии и соввласти к национальному оформлению окраин — оно достаточно известно. Стоит более конкретный вопрос: какую роль сыграла российская совреспублика в создании советского всеукраинского центра?

В послеоктябрьские месяцы связь между Киевом и Питером была очень слаба. Ни систематической информации, ни директив киевские большевики от ЦК не получали. В результате и российские центры были плохо осведомлены о происходящем на Украине. О Центральной Раде и украинских социалистах судили по их дооктябрьскому поведению, когда, будучи в оппозиции к Временному правительству, они часто поддерживали большевистские предложения. Нужно вспомнить, что и большевистские Советы (в Киеве, Екатеринославе, Одессе) еще в ноябре выносили резолюции о признании Ц. Р. краевой властью, считая возможным совместить власть Ц. Р. в украинском масштабе с властью Советов на местах и общероссийских соворганов в Питере, путем преобразования Ц. Р. во Всеукраинский Совет рабочих, солдатских и кр. депутатов.

События развивались чрезвычайно быстро. И к декабрю всякие иллюзии насчет Ц. Р. у местных большевиков должны были исчезнуть. Что касается партийных и советских органов России, то их дружественно - добрососедские отношения к Укра-

инской Народной Республике, к Ц. Раде, как к социально-родственному государству, потерпели жестокую аварию вследствие той откровенно контр-революционной и антисоветской политики, которую Центральная Рада стала вести после своего окончательного государственного укрепления на фронте и в тылу.

Молодая Совреспублика на второй месяц своего существования стала перед двумя важнейшими задачами: 1) подчинить себе фронт, для того, чтобы, овладев армиями, иметь возможность поставить перед Германией вопрос о немедленном заключении мира и 2) дать отпор реставрационным попыткам буржуазии, избравшей центром организации своих военных сил казачьи районы Донской области. Осуществление этих задач встретило серьезное препятствие в поведении Ц. Р. Не считаясь с общими интересами поддержания антиимпериалистического фронта, Генеральный Секретариат Ц. Рады объявил объединение румынского и юго-западного фронтов в единый фронт Украинской Республики подчиненный генералу Цербачеву, и одновременно стал распускать российские части, предварительно разоружая их. Отправка продовольствия на север задерживалась, а 3 декабря (ст. ст.) ген. секр. по прод. делам М. Ковалевский официально запретил вывоз с Украины хлеба и прочих продовольственных продуктов. По отношению к формированию контр-революционной армии на Дону Центральная Рада лицемерно, прикрываясь правом национального самоопределения, оказывала содействие возвращению казачьих частей с фронта на юг, в то же время не пропуская через украинскую территорию красных отрядов, которые направлялись ставкой для защиты Донбасса от белогвардейских нападений и отражения откровенно готовящегося наступления каледиинцев на Советскую республику.

С Центральной Радой советская власть вовсе не собиралась воевать. Все ее внимание было направлено исключительно на казачий юг. Опасность со стороны Центральной Рады не учитывалась еще в конце ноября настолько, что большевистское командование предполагало перебросить 2-й гвардейский корпус — опору большевизма на правобережье — в Донбасс для борьбы с каледиинцами.

Известный декабрьский ультиматум СНК Центральной Раде, требовавший от нее прекращения дезорганизации фронта, отказа от разоружения неукраинских частей и помощи Каледину, был вызван военной необходимостью, простым инстинктом государственного и классового самосохранения, так как политика Рады лишала совреспублику возможности обороняться от контр-революционной опасности со стороны буржуазии. Но на взаимоотношения между Центральной Радой и советским движением на Украине ультиматум оказал весьма существенное воздействие в сторону решительного обострения борьбы.

Собирая Всеукраинский съезд Советов, большевистская организация Киевщины еще не ориентировалась на вооруженную борьбу с Радой. Доказательством этого является тот факт, что Областной Комитет Советов юго-зап. края, взявший на себя инициативу созыва съезда, пригласил Центральную Раду также принять участие в его подготовке и дал представительство на съезде всем органам Центральной Рады — по существу вовсе не советским — Всеукраинскому войсковому комитету, ЦК селянских спилок и т. д. Киевские большевики, созывая съезд, рассчитывали на „мирную“ ликвидацию Центральной Рады. Так как она себя выдавала за своеобразный ЦИК украинских селянских солдатских и рабочих Советов, то естественно было этот ЦИК на Всеукраинском советском съезде переизбрать. Если бы Центральная Рада не согласилась на переизбрание, она бы этим разоблачила свою антисоветскую сущность, и большевики имели бы возможность противопоставить ей, как захватчице власти, истинное всеукраинское советское правительство. Но тут все было основано на расчете на пролетарско-советское большинство на съезде, а не на соотношении реальных сил — была забыта большевистская тактика. Нормы представительства, объявленные Обл. Комитетом, это большинство обеспечивали (по 7 представителей от губ. С. Р. и С. Д. и по 4 — от губ. к-та селянских Советов, по 3 представителя от С. Р. и С. Д. уездных городов и 2 — от уездного Совета кр. депутатов и т. д.). Но Центральная Рада перехитрила: ее ЦК селянской спилки разослал по всем своим филиям циркуляр, приглашавший Советы селянских депутатов присылать на съезд делегатов не по норме, указанной большевиками, а по 1 на каждую волость. Несомненно, что такой же циркуляр был разослан Ц. Р. и по военной линии (в печати он не сохранился), так как представителей на съезд в Киев выбирали (украинизированные части) от каждого полка, а иногда и от каждой роты. В результате на съезде не оказалось и 10% рабочих делегатов. Мандатная комиссия Обласкома была буквально смята и мандаты самовольно расхвачены дядьками, весьма решительно и определенно настроенными.

Ясно было, что съезд, а вместе с ним и весь утопический, на песке построенный план „мирного переворота“ был сорван. Но вопрос об уходе со съезда и противопоставлении ему другого съезда встал лишь после того, как был получен ультиматум. (Ультиматум был получен 4/XII (ст. ст.) и оглашен на 2-й день съезда). Искусно приподнесенный съезду ловкими политиками из Генерального Секретариата, он был истолкован, как наглая попытка „Москвы“ навязать свою волю Украине, как продолжение царской политики великодержавного насилия над угнетенной нацией. Все ораторы Центральной Рады наперерыв использовали удобную для демагогии тему. Ни одного вопроса социального характера не было поставлено. Делегаты

яростно хлопали представителям Центральной Рады и кричали большевикам „гоньба“ и „геть“ и пели „Ще не вмерла Україна“. В такой зоологической атмосфере советской делегации нечего было делать. Уход со с'езда был необходимым актом. Но он неизбежно влек за собой второй шаг. При условии войны с Совроссией большевики и вообще советски настроенные элементы на Украине попадали в положение заложников, неприятельских агентов. Дальнейшее оттягивание разрешения конфликта было невозможно. Но так как Киев и вообще правобережье никак не годилось для советского центра — ушедшие со с'езда делегаты уехали в пролетарский Харьков, славившийся как советский город. Там была основана первая Всеукраинская соввласть.

Следует отметить чрезвычайно осторожное отношение СНК РСФСР к Ц. Раде, исходившее из ленинской установки в национальном вопросе, из стремления не нарушить „права“ наций на самоопределение вплоть до отделения, с одной стороны, и с другой — из стремления взорвать Ц. Р. изнутри, привлечь на сторону пролетарской революции революционные элементы из ее среды и, расколов таким образом антипролетарский национальный фронт, значительно облегчить разрешение национального вопроса и, следовательно, победу пролетарской революции. Делегация в Бресте признала законность представительства Ц. Рады, посланного ею для участия в мирных переговорах 30 декабря, т.-е. через 20 дней после избрания ЦИКУ, когда факт создания на Украине советской власти не мог быть неизвестен Совету Нар. Комиссаров. Председатель российской мирной делегации в Бресте заявил, что процесс самоопределения на Украине происходит в свободных демократических условиях, что там всюду работают свободно-избранные Советы и самоуправления, выбранные на основе всеобщего, прямого и тайного избирательного права, а потому Генеральный Секретариат заслуживает признания в качестве законного правительства Украины¹⁾. Еще позже, уже тогда, когда Затонский был принят в состав СНК Российской Совреспублики в качестве представителя Украинского совправительства, руководящие деятели СНК начали вести переговоры, помимо него, с левыми кругами украинских социалистов на счет внутреннего переворота в Центральной Раде, который должен был передать власть в Ц. Р. в руки мелкобуржуазных украинских левых с переходом последних на сторону б-ков (см. воспоминания Затонского в „Октябрьском сборнике“, изд. ГИЗ, 1924 г.). Этот план не удался, национальный фронт расколоть не удалось (на самой Украине для этого было очень мало сделано), и Российской республике пришлось помочь

¹⁾ Вскоре, впрочем, это признание было аннулировано российской мирной делегацией, принявшей в свой состав представителей Народного Секретариата — Медведева и Шахрая.

советизации Украины (1918 г.) военной силой. Но, чтобы понять многое и в дальнейшей политике РСФСР на Украине, нужно отдать себе отчет в том, что СНК РСФСР никогда не имел намерения искусственно насаждать на Украине соввласть, что он всегда видел центр тяжести в развитии внутренних сил украинской революции, что его линия по отношению к Украине большей частью определялась общими политическими соображениями, в первую очередь — задачей сохранения советской власти в центре и борьбы с основным наиболее опасным ее врагом — южной контр-революцией.

ВСЕУКРАИНСКИЙ С'ЕЗД СОВЕТОВ *)

Вчера (т.-е. 4 декабря ст. ст.—Ред.) в зале купеческого собрания открылся Всеукраинский с'езд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На с'езд прибыло около 1.500 делегатов, в том числе представители украинских войсковых организаций всех фронтов, а также балтийского и черноморского флотов. Зал купеческого собрания переполнен. На хорах масса публики. Первое заседание с'езда открывается в атмосфере страстной борьбы между большевистским областным комитетом Советов рабочих и солдатских депутатов, созвавшим с'езд, и центральным комитетом украинской селянской спилки, организовавшей на с'езде внушительное крестьянское представительство. Конфликт возникает уже из-за того, кому открыть с'езд.

Едва только большевик Затонский, уполномоченный на это организационным бюро с'езда, пытается открыть заседание, как член центрального комитета селянской спилки Н. М. Стасюк провозглашает: „Объявляю собрание открытым“. Затонский пытается что-то сказать, но слова его заглушают сильный шум и крики „долой большевиков“.

Несколько минут в зале царит неопишное возбуждение. Затем шум стихает. Раздается пение: „Ще не вмерла Україна“ и „Заповіт“.

Все встают.

После пения раздаются крики: „Слава Центральной Раде“, „Слава Украинской народной республике“.

Производятся выборы президиума.

Избраны: от украинских с.-р. Н. Ковалевский, Арк. Степаненко, М. Панченко, Н. Стасюк, Д. Исаевич, г. г. Курилко, Еламский, Полозов, Ковалев; от украинских с.-д.—Н. Порш, А. Песецкий, Грудина; от с.-д. меньшевиков—Бердичевский;

*) Материал первой части с'езда (в Киеве) представляет собой отчет, напечатанный в №№ 288, 289 и 290 „Киевск. Мысли“ от 5, 6 и 8 декабря. При чтении отчета следует помнить, что „Киевская Мысль“ была органом российских меньшевиков, которые вообще неодобрительно относились к националистской линии Ц. Рады, но в период борьбы между укр. и ционалистами с большевиками соц. соглашатели решительно сориентировались в пользу Центральной Рады. Характерно, что „К. М.“ даже не поместила в своем отчете речи представителя б-ков Шахрая, выступавшего по вопросу об ультиматуме, тогда как речи всех лидеров Ц. Р. опубликованы довольно полно.

от юго-западного фронта — Козак; от черноморского флота — Петренко; от балтийского флота — Ковалев. Большевики и другие еще в президиуме не представленные социалистические фракции наметят своих кандидатов сегодня. Оглашается ряд приветственных телеграмм. После перерыва делает заявление от имени организационного комитета с'езда т. Затонский.

„Со с'ездом, — говорит т. Затонский, — произошло недоразумение. На него с'ехали делегаты, которые, согласно выработанным организационным комитетом нормам представительства, не имеют права на нем присутствовать с решающим голосом. Есть, например, на с'езде представители отдельных полков и даже рот. Если мы им предоставим право решающего голоса, то что скажут те полки, которые своих делегатов сюда не прислали? Для того, чтобы уладить возникшие на почве неправильного представительства недоразумения, все фракции согласились во время перерыва прервать до завтра занятия с'езда и поручить мандатной комиссии вторично проверить полномочия всех делегатов“.

В заключение т. Затонский, говоря об отношении большевиков к украинцам, показывает, что большевики всегда боролись, борются и будут бороться за полное самоопределение народностей и не питают по отношению к украинскому национальному движению никаких враждебных намерений.

Член центрального комитета селянской спилки Н. Стасюк указывает на то, что большевистски настроенный областной комитет Советов рабочих и солдатских депутатов, созывая с'езд на основе явно неправильного представительства различных групп населения Украины, давая на с'езде громадный численный перевес рабочим и солдатам перед составляющими большинство населения крестьянами, хотел грубо фальсифицировать волю украинского народа. Этому намерению большевиков помешал центральный комитет селянской спилки, который, защищая интересы трудового украинского крестьянства, сделал все, чтобы усилить на с'езде крестьянское представительство. Что касается отношения большевиков к украинскому движению, то Н. Стасюк напоминает о выступлениях большевистских организаций против высшего выборного органа украинского народа — Центральной Рады, о миллионах патронов, сотнях пулеметов, которые были приготовлены для выступления против Рады в 3-ем авиационном парке¹⁾.

Член президиума с'езда, генеральный секретарь труда Н. В. Порш высказывается за необходимость достижения соглашения между всеми фракциями по вопросу о нормах представительства на с'езде и горячо призывает к единению всей революционной демократии Украины.

Принимается предложение об'явить перерыв до следующего дня для того, чтобы дать фракциям возможность сговориться по вопросу о представительстве на с'езде.

Заседание 5-го декабря

Вчера (отчет этот помещен в „К. М.“ от 6/ХІІ) на Всеукраинском с'езде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в связи с назревающими на Украине событиями ²⁾ выступили представители генерального секретариата ³⁾.

С'езд устраивает продолжительную овацию генеральным секретарям, явившимся в полном составе во главе с В. К. Винниченко. Делегаты, стоя, поют „Ще не вмерла Україна“.

Первым говорит секретарь по военным делам С. В. Петлюра.

РЕЧЬ С. В. ПЕТЛЮРЫ

С. В. Петлюра начинает свою речь с выяснения отношения большевиков к украинскому войску и говорит: „Ставка, после захвата ее большевиками палец о палец не ударила для того, чтобы пойти нам навстречу. Наоборот: со времени провозглашения Украинской народной республики ставка только саботирует нашу работу. Нам говорят чудесные речи, а за спиной готовят поход против нас. Генеральный секретариат имеет точные сведения, что большевики готовят Украинской народной республике удар в спину. (Крики „позор!“). Для самообороны мы вынуждены принять ряд мер. Если бы мы этих мер не приняли, то что сказали бы нам миллионы находящихся на фронте украинских солдат, которые нам доверили защиту своих интересов, защиту высшего выборного органа украинского народа — Центральной Рады? Защищая права народа украинского, украинское правительство вынуждено защищать Центральную Раду от похода большевиков. (Аплодисменты, возгласы одобрения). Приведу факты, которые сами за себя говорят. Ставка отдала приказ немедленно прекратить украинизацию войск и послать все свободные войска на Украину. В Староконстантинове, Гомеле и Брянске идет усиленная концентрация войск, враждебных Украинской народной республике. По полученным нами сегодня сведениям, первые эшелоны двинутых против нас со стороны Гомеля большевистских войск уже приближаются к Бахмачу ⁴⁾. (Сильный шум, общее движение, крики „позор!“). Народные комиссары в своем ультиматуме упрекают нас в том, что мы снимаем войска с фронта. Но кто начал оголять фронт, как не Совет народных комиссаров? Крыленко хотел двинуть на нас 2-й гвардейский корпус. Помня пословицу „береженого и бог бережет“, мы этот корпус задержали ⁵⁾. Теперь со всех сторон готовятся против нас карательные экспедиции. Зная это, мы сделали все, чтобы не пустить насильников на нашу землю (Гром аплодисментов, крики „слава“, „слава“). Весь народ земли украинской должен в этот грозный момент помнить, что судьба его находится в его же собственных руках. В помощь украинской армии генеральный секретариат мобилизовал поэтому

часть „вольного казачества“⁶). (Взрыв аплодисментов). Политика централизма, с которой мы, украинцы, знакомы с давних пор, проводится и сейчас правительством народных комиссаров. Мои назначения ставка игнорирует. Большевистские комиссары в армии арестуют украинцев только за то, что те желают подчиняться не Совету народных комиссаров, а правительству Украинской народной республики. Лишь сегодня мы освободили в Киеве 23 украинских офицеров, которых большевики везли под конвоем в Петроград за неисполнение распоряжений большевистских комиссаров. Ультиматум, предъявленный нам народными комиссарами, — заканчивает С. В. Петлюра, — это попрание наших прав, на защите которых мы должны стоять твердо и решительно. Мы ни на кого не нападаем, а только защищаемся, и я надеюсь, что, защищаясь, мы сумеем отстоять свои права. (Бурные аплодисменты, переходящие в длительную овацию).

РЕЧЬ В. К. ВИННИЧЕНКО

На трибуне председатель генерального секретариата В. К. Винниченко.

„От имени правительства Украинской народной республики, — говорит В. К. Винниченко, — приветствую вас, собравшихся на с'езд крестьян, рабочих и солдат Украины (бурные аплодисменты, крики „слава“). Хочу остановиться на ультиматуме, предъявленном Советом народных комиссаров. Самым кардинальным местом этого ультиматума я считаю слова об „украинской республике“. Словечки „буржуазная Центральная Рада“ — корень всего. Как только великий украинский народ начал расправлять свои 200 лет связанные руки — со всех сторон его начали упрекать в „буржуазности“. Большевики, упрекая нас в буржуазности, только повторяют то, что нам 8 месяцев говорили меньшевики, которых теперь держат в тюрьмах за „буржуазность“. Объявление нас „буржуями“ — способ борьбы неукраинцев с украинцами. Борьба, которую теперь ведут с нами большевики, борьба национальная. Большевики, считающие себя представителями великорусской демократии, борются с нами, сами того, быть может, не сознавая, как великороссы. Вспоминаю, что Ленин в 1906 году писал: „Украинцы имеют полное право на самоопределение, однако школа на Украине должна быть русской, а не украинской, так как украинизация школы поведет к разделению российского пролетариата“⁷“.

Переходя к вопросу об отношении генерального секретариата к тому, что происходит сейчас на Дону, В. К. Винниченко говорит: „Если нужно будет послать войска на Дон, мы это сделаем, но пока в этом необходимости не встречается. Казачья демократия без всякой внешней силы, без при-

нуждения извне может завести у себя новые порядки. Надо открыть глаза казачьей демократии, а не кровью и железом навязывать ей свое понимание государственности. Мы признаем за всеми народностями и областями России право на самоопределение не на словах только, а на деле. Если казакам люб Каледин, никто не может им запретить поставить его во главе своей республики. Мы послали казакам ноту, в которой ясно говорим, что стоим за однородно-социалистическую центральную власть. Если Каледин против этой власти, то казакам придется вскоре выбирать между нами и Калединым⁸⁾. (Аплодисменты). Не вооруженной силой хотим мы творить власть у себя дома и во всей России. До сих пор мы вооруженных выступлений не делали. Центральная Рада получила власть не благодаря вооруженной силе, а как результат нашей организованности, нашего энтузиазма. Мы не имеем права помогать большевикам идти войной на казаков. Мы не объявляли войны ни казачьему правительству, ни Совету народных комиссаров. Мы придерживаемся в борьбе казаков с большевиками строго честного нейтралитета. Но если этот нейтралитет будет той или другой стороной нарушен, то мы покажем, как можем бороться“.

Далее В. К. Винниченко резко критикует деятельность Совета народных комиссаров, попирающего завоеванные революцией свободы, и подробно оставивается на истории разрушения в Киеве большевистских частей.

В заключение В. К. Винниченко говорит: „Не генеральный секретариат, а Совет народных комиссаров затеял братоубийственную войну. Но поднявший меч от меча погибнет. Надеюсь, что Всеукраинский с'езд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов скажет зарвавшимся большевикам: украинский народ сам знает, как жить. Не мешайте ему устраивать свою судьбу по-своему“. (Долгие бурные аплодисменты).

После речи В. К. Винниченко большевики, в виде протеста против того, что собрание, по их мнению неправомерное, фактически превратилось в с'езд, покидают зал заседания⁹⁾*)

Далее выступают с речами генеральный секретарь по судебным делам М. С. Ткаченко и генеральный секретарь труда Н. В. Порш, подвергающие деятельность Совета народных комиссаров в отношении Украинской народной республики резкой критике.

„Почему,— сказал между прочим Н. В. Порш, — большевики, вместо того, чтобы навязывать свою волю Украине и Донской республике, не едут в Германию заводить свои порядки? Да потому просто, что боятся немецкого кулака, а в России же они хотят снова повторить покорение всех

*) С заявлением об оставлении с'езда от имени большевиков выступил т. Кулик.

областей. Но это им не удастся. Скоро, я уверен, падет правительство народных комиссаров, ставшее правительством народных тиранов". (Шумные аплодисменты).

Арк. Степаненко предлагает избрать почетным председателем с'езда присутствующего в заседании председателя Центральной Рады М. Грушевского. Все встают и устраивают М. Грушевскому продолжительную, бурную овацию.

РЕЧЬ М. ГРУШЕВСКОГО

Избранный в почетные председатели М. Грушевский говорит: „Благодарю вас за честь, мне оказанную. Приветствую ваш великий с'езд от имени Центральной Рады. Несмотря на то, что с'езд этот созван не по нашей инициативе, мы все же ему подчинимся, если он выскажется за необходимость переизбрания Центральной Рады еще до украинского Учредительного собрания. Уже выработан проект конституции Украинской народной республики, которая будет самой демократической конституцией в мире". (Шумные аплодисменты).

„Никому,— продолжает далее М. Грушевский,— не удастся вбить клин между украинским народом и его высшим выборным органом—Центральной Радой. Не скажу, как сказал один из представителей бывшего Временного правительства, что я доведу страну до Учредительного собрания. Я человек смертный. Но глубоко уверен, что Центральная Рада доведет Украину до украинского Учредительного собрания, которое уже очень близко“.

„Украинский народ,— заканчивает М. С. Грушевский,— взявший судьбу своего государства в свои руки, скажет всем пытающимся насиловать его волю: здесь у нас на Украине вы зась". (Гром аплодисментов)

Государственный контролер украинской народной республики, представитель „Бунда“ Золотарев заявляет, что еврейский пролетариат Украины будет вместе с украинским народом до последней капли крови защищать родную Украину от нападения насильников.

Заявление Золотарева покрывается громом аплодисментов.

Далее выступают с речами генеральный секретарь почт и телеграфов Шаповал, генеральный секретарь народного просвещения И. М. Стешенко и товарищ генерального секретаря по финансовым делам Мазуренко, развивающие по вопросу об отношении к ультиматуму народных комиссаров взгляды, высказанные ранее говорившими представителями украинского правительства.

В заключение собрание единогласно признает себя правомочным с'ездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины, после чего объявляется перерыв до следующего дня.

Заключительное заседание

6-го декабря закончились занятия Всеукраинского с'езда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Созванный большевиками для свержения Центральной Рады и установления на Украине большевистской власти с'езд превратился в грандиозную манифестацию сочувствия Раде и во внушительную антибольшевистскую демонстрацию¹⁰⁾.

В вопросах об отношении к ультиматуму Совета народных комиссаров и об организации власти на Украине с'ездом было проявлено редкое единодушие: резолюции по этим вопросам были приняты почти единогласно.

В последнем заседании с'езда, состоявшемся 6-го декабря в помещении цирка, выступили с заявлениями представители всех фракций.

Некоторый диссонанс внесли только выступления большевиков, которые хотя и покинули с'езд, но оставили на нем двух своих представителей^{*)}

Председатель Центральной Рады М. С. Грушевский обратился в заседании 6-го декабря к с'езду со следующей речью:

РЕЧЬ М. С. ГРУШЕВСКОГО

„В то время, когда мы здесь заседаем, на Украину двигается враждебное войско. Оно уже вступило на украинскую землю и получило приказ во что бы то ни стало пробиться к центру нашего государства. Посылают это войско на нас те самые так называемые народные комиссары, которые лицемерно кричат везде и повсюду о своей любви к миру. Заключив с неприятелем перемирие на всех фронтах, народные комиссары об'явили войну нам. (Шум, крики „ганьба“).

Товарищи! Центральная Рада всегда стояла за мир. Исполняя волю всего народа украинского, она делала все, что было в ее силах для того, чтобы приблизить день мира. И вот теперь, когда этот долгожданный день, казалось бы, уже недалек, нам об'являют войну. Здесь говорили, что Совет народных комиссаров об'явил войну не украинскому народу, а Центральной Раде. Но разве Центральная Рада не есть украинский народ? А разве трудящиеся массы Украины допустят разгон Центральной Рады? Вы должны дать здесь на этот вопрос ясный и определенный ответ. Наступил момент, когда вы, товарищи крестьяне, рабочие и солдаты Украины, должны поддерживать вашу Центральную Раду не только словом, но и делом. Вам придется поддержать Раду во всех отношениях, во всех областях жизни. Вы дадите продовольствие, вы окажите

*) Речь представителя 6-ков. делегата Полтавского Совета В. Шахрая приведена ниже.

доверие деньгам Украинской народной республики, потому что если вы доверяли царю и Керенскому, то неужели не поверите вашему народному правительству? (Бурные аплодисменты, крики „верим“, „поддержим“).

Вы будете также содействовать тому, чтобы земельная реформа была проведена на Украине планомерно и организованно. Еще раз выражаю надежду, что вы всеми силами поддержите в этот трудный момент вами же созданные новые, свободные учреждения. Думаю, что ваше отношение к Центральной Раде и генеральному секретариату, достаточно ясно здесь проявленное, вы закрепите определенной резолюцией“.

Речь М. С. Грушевского была покрыта громом долго не смолкавших аплодисментов и восторженными кликами: „слава батьке Грушевскому“, „слава Центральной Раде и генеральному секретариату“, „слава украинскому войску“, „слава всему народу украинскому“.

РЕЧЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ Б-КОВ

Шахрай (р. с.-д. б.) говорив на з'їзді:

„Цей ультиматум, на нашу думку, є непорозумінням, яке мусимо зліквідувати без пролиття крові. Не треба розпалювати національного почуття, як от тут робиться. Наша партія нічим не страшніша від інших партій російської федеративної республіки. Частина ж її, що живе на Україні, має таке саме право називатися українською, як і всяка інша з тутешніх партій. І я, яко її представник, кажу: з ультиматумом трапилося непорозуміння. Між пролетаріатом і селянством України і Росії нема ріжниць в їхній долі. І ділити їм нічого.

Рада Народніх Комісарів в ультиматумі вказала на признание Української Народньої Республіки. В тім документі на Україну чи на українців нападу нема. Справа стоїть инакше, як тут представляється. В кінці жовтня сталася революція робітників, салдатів і селян. До того часу всі російські соціалістичні партії стояли за коаліцію з буржуазією і всі відвернулися від цієї революції народніх мас. Капіталісти-поміщики не легко здають свої позиції. Треба ж дивитись, хто йому пособляє і хто перешкоджає. Генеральний Секретаріат, українські соціалісти, говорять добрі слова, пишуть гарні прокламації, а роблять инше... Підчас цієї пролетарської революції ніхто не може зоставатися посередні. Кожен мусить пристати або до робітників і селян, або до поміщиків і капіталістів, інтереси яких боронить Каледін на Дону. Пропуск Генеральним Секретаріатом козачих частин — це певна допомога Каледінові, не на словах, а на ділі. Роззброєння великоруських частин було гіркою образою для великоруських салдатів і тим клином, що вбитий нині між українську і неукраїнську демократію. Це вина тої політики, яку провадила Центральна Рада.

Генеральний Секретаріат хоче • центральної влади — одно-одної, соціалістичної. Він хоче її федеральної. Очевидно, отже, що й Дон мусить дати йому соціаліста. Та чи той каледінський „соціаліст“ обстоюватиме інтереси робітників і селян? Це ж знову буде та ж сама коаліція, що стільки шкоди принесла робітникам, селянам і салдатам за сім місяців революції. Такий, заснований за допомогою Каледіна, центральний уряд не передасть землі селянам, не дасть демократичного миру.

Ми будемо боротися з буржуазною політикою Центральної Ради за повний успіх революції. Але цей ультиматум ми вважаємо непорозумінням. Та частина російської соціал-демократичної партії більшовиків, що живе на Україні, вживе всіх заходів, щоб це непорозуміння закінчилося миром. Між російською й українською демократією не може бути ворожнечі“ 11).

РЕЗОЛЮЦІЇ РАДОВСЬКОГО З'ЇЗДУ

Після бурхливих' дебатів З'їзд ухвалив (19 грудня н. ст.) всіма голосами проти двох при дев'ятнадцятьох, що утримались від голосування, таку резолюцію про ультиматум Ради Народніх Комісарів :

„Уважаючи ультиматум Ради Народніх Комісарів замахом проти Української Народньої Республіки і виходячи з того, що заявлені в нім домагання порушують право українського народу на самовизначення та на вільне будування форм свого державного життя, Всеукраїнський З'їзд Рад Селянських, Робітничих і Салдатських Депутатів стверджує, що централістичні заміри теперішнього московського (великоруського) правительства, доводячи до війни між Московщиною та Україною, загрожують до решти розірвати федеративні звязки, до яких простує українська демократія.

В той час, коли демократія всього світу, з передовими відділами міжнароднього соціалізму на чолі, бореться за досягнення загального міру, який єдиний тільки дасть можливість селянським і пролетарським масам успішно боротися за інтереси трудящего люду, погроза нової братогубної війни, що оголошена Радою Народніх Комісарів України, руйнує братерство трудящих верств усіх народів, розбуджує прояви національної ворожнечі та затемнює класову свідомість мас, сприяючи тим самим зростові контр-революції.

Визнаючи, що відповідь Генерального Секретаріату з 17 грудня (н. ст.) з належною відповіддю на замах Народніх Комісарів на права українських селян, робітників і вояків, Всеукраїнський З'їзд Рад Селянських, Робітничих і Салдатських Депутатів вважає за потрібне вжити всіх заходів, щоб не допустити до пролиття братерської крові, і звертається з гарячим закликком до народів Росії — всіма способами запобігти можливості нової ганебної війни“ .

Після цього З'їзд ухвалив нижченаведений текст відозви до народів Росії:

„Браття! Більше трьох років сини всіх народів, суших в Росії, билися поплич в окопах. Довгі роки ми всі разом боролися з осоружним самодержавним ладом і спільними силами досягли перемоги революції. Першим ділом великої революції було проголошення прав усіх народів на самозначення. Український народ використав своє право та проголосив Українську Народню Республіку. Цій Народній Республіці Рада Народніх Комісарів оповіщає війну! З генералом Гинденбургом Рада Народніх Комісарів веде мирні переговори, а демократії всіх народів України вона ставить ультиматум і погрожує війною.

На словах Рада Народніх Комісарів наче б признає право нації на самоозначення аж до відокремлення. Але це тільки на словах, а на ділі власть Комісарів намагається брутально вмішуватися в діяльність Українського Правительства, яке виконує волю законодавчого органу — Центральної Української Ради. Яке ж це право на самоозначення?! Певне, Комісари дозволяють самоозначуватися тільки своїй партії, всі ж інші групи людности та народи вони, як і царське правительство, хочуть тримати під своєю кормигою силою зброї. Але український народ не для того скинув з себе царське ярмо, щоб запрягтися в ярмо Комісарів. І не для того народи Росії прагнуть замирення на фронті, щоб у тилу розпочати ще страшнішу братогубну міжусобну війну у рядах самої демократії.

Центральну Українську Раду Народні Комісари проголошують буржуазною. Чи ж це правда? Ні, це — наклеп! Центральну Раду вибрали з'їзди робітників, селян і салдатів усієї України. Дев'ять місяців провадить вона боротьбу за права демократії та національних меншостей України. За цей час Центральна Рада зорганізувала коло себе селянство та робітників, з'єднала українське революційне військо, проголосила Народню Українську Республіку в складі федеративної Росії, передала землю без викупу трудовому народові, завела восьмигодинний робочий день і догляд за виробництвом, скасувала кару на смерть, дала амнестію за політичні проступки та проголосила національно-персональну автономію для меншостей України. Всього цього вона досягла не нарушенням прав інших народів, а пошаною до них; не касуванням громадських та політичних свобод, а їх обороною; не зброєю та насильством, а відкритою зорганізованою політичною боротьбою. От за яку працю Народні Комісари обізвали Центральну Раду буржуазним правительством. Та саме за це вся демократія України підтримувала і буде підтримувати Центральну Раду, яко найвищу в краю владу, коли на місце Ради стане верховний господар Української Землі — Українські Установчі Збори.

Брати і товариші - робітники, салдати та селяни! Хіба це ви оповістили війну революційній демократії України? Хіба

вам треба душити волю на Україні? Хіба ви вважаєте нас, демократію України, страшнішим ворогом, ніж полчища Гінденбурга? Ні, ми цього не віримо! Поміркуйте! Скажіть тим, які ведуть вас, Раді Народніх Комісарів, що вони розпочали злочинне діло. Скажіть їм, що ви не порушите той братньої згоди між Україною і всіма народами Росії, на яку роблять замах петроградські Комісари.

Чого ми хочемо? Ми хочемо утворити всеросійську федеративну владу, яка б опіралася на зорганізовану волю народів і країв. Ця влада повинна бути однородно-соціалістичною, від більшовиків до народніх соціалістів включно. Ми домагаємось негайного загального демократичного замирення. Оце програма нашої діяльності і наших домагань. Отже питаємо, чи за цю програму ви згодитеся приїоркати нас гарматами та багнетами? Спиніться, брати й товариші! Щоб ні одна рука селянина, робітника чи салдата не замкнулася на свого брата! Щоб ні одної краплі крові не пролилося в братогубній війні.

Досить крові!

Про Центральну Раду з'їзд прийняв таку резолюцію:

„Приймаючи на увагу, що Українська Центральна Рада, представництво в котрій безперестанно поновлюється, складається з всеукраїнських рад селянських, робітничих і салдатських депутатів, вибраних на всеукраїнських з'їздах і з представників демократії національних меншостей, через що вона являє з себе тимчасовий правосильний законодавчий орган революційної демократії України, та зважаючи на те, що проголошенням Третього Універсалу Центральна Рада стала на шлях широких соціяльних і політичних реформ та приступила до найшвидшого скликання Українських Установчих Зборів, яким єдино Центральна Рада може передати всю повноту влади на Україні, — З'їзд Рад Селянських, Робітничих і Салдатських Депутатів України вважає перевибрання Центральної Ради невчасним і непотрібним.

Підкреслюючи своє рішуче домагання, щоб Центральна Рада в своїй дальшій роботі стояла твердо на сторожі здобутків революції, поширюючи й поглиблюючи невпинно свою революційну творчість і обороняючи непохитно класові інтереси трудової демократії, та щоб, не відкладаючи, скликала в свій час Українські Установчі Збори, які єдино можуть виявити справжню волю своєї демократії України, — З'їзд Рад Селянських, Робітничих і Салдатських Депутатів України висловлює на цім шляху Центральній Раді своє цілковите довір'я і обіцяє їй свою рішучу піддержку“.

За цю резолюцію голосував увесь двох з половиною-тисячний З'їзд, крім двох депутатів, що подали голоси проти, та двох, утримавшихся від голосування.

I ВСЕУКРАИНСКИЙ С'ЕЗД СОВЕТОВ *)

В субботу, 9 декабря открылся с'езд Советов Раб. и Солд. Депутатов Донецкого и Криворожского бассейнов.

С'езд открыл т. Рубинштейн¹²⁾.

По данным мандатной комиссии на с'езде присутствуют 77 представителей с решающими голосами и 6 — с совещательными. Из 140 Советов области представлено 46. В виду того, что по регламенту, принятому единогласно на 2-м областном с'езде Советов, необходимо для правомочности с'езда представительство половины Советов области, т. Рубинштейн ставит на обсуждение вопрос о правомочности с'езда¹³⁾.

Тов. Каменский (от фракции большевиков) высказывается за правомочность с'езда в виду того, что представлена большая половина рабочих области и в силу исключительного политического момента.

Тов. Голубовский (от фракции эсеров) высказывается против правомочности с'езда, в виду того, что решения, обязательные для всей области, должны выноситься в присутствии большинства Советов области.

Тов. Рубинштейн (из фракции об'ед. с.-д.) присоединяется к предложению фракции эсеров.

Большинством 46, против 18, и при 5 воздержавшихся собрание отменяет постановление о представительстве 2-го областного с'езда и признает себя правомочным с'ездом.

Тов. Рубинштейн (от имени об'ед. с.-д.) заявляет, что фракция принимать участия в с'езде не будет и остается с информационными целями.

Тов. Эпштейн (от фракции с.-р.) заявляет, что фракция, считая с'езд неправомочным, не считает в то же время для себя возможным не принимать участия в работах с'езда и остается с правом решающего голоса. В президиум фракция своих представителей не делегирует.

Представитель Киевского краевого с'езда Советов делает сообщение о причинах, не давших возможности заседать краевому с'езду в Киеве и заставивших большинство представителей рабочих и солдат оставить с'езд. Часть из покинувших краевой с'езд прибыла в Харьков и предлагает областному с'езду советов Донецкого и Криворожского бассейнов об'единиться для совместного обсуждения политических вопросов.

Собрание большинством 43 против 11 постановляет слиться с представителями краевого с'езда и назвать с'езд „С'ездом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов Украины при участии части Крестьянских Депутатов“.

*) Редакция публикует отчет о С'езде Советов Украины, состоявшийся в декабре 1917 г. в Харькове по газете „Известия Юга“ (орган Харьковского Исп. К-та и Областного К-та Советов), №№ 219, 221 и 222). Там этот материал печатался под заголовком „Областной С'езд Советов“.

В заключение была избрана экономическая секция, куда вошло 9 большевиков, 6 меньшевиков и 3 с.-р. и мандатная комиссия.

На первом заседании с'езда приехавшие из Киева делегаты сделали краткое сообщение о причинах, вызвавших их уход с краевого с'езда.

Т. Бош заявила, что в Киеве должен был состояться с'езд для организации краевой власти.

Одновременно Центральная Рада об'явила с'езд селянских спилок по совершенно иной норме представительства: по уездам и волостям.

Краевой с'езд *) поручил мандатной комиссии не выдавать делегатам пропусков.

Несколько десятков солдат, действуя под руководством Рады, потребовали мандатов, насильно розогнали комиссию и избрали новую. Вечером того же дня украинцы устранили силой советского председателя и вынудили представителей Советов покинуть с'езд. Ушли представители 60 Советов, которые решили приехать в Харьков и продолжать работу с'езда совместно с областным с'ездом.

Т. Лапчинский оглашает резолюцию, принятую совещанием представителей советов, ушедших со с'езда (**).

Вечернее заседание

ТЕКУЩИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ МОМЕНТ

Первое слово предоставляется делегату Киевской делегации, который вернулся из Петрограда. Он приветствует областной с'езд от имени Совета Народных Комиссаров и излагает ближайшую внешнюю и внутреннюю политику Советской власти (***)).

В случае если мирная делегация получит от германских империалистов отрицательный ответ на все требования русской революции, тогда Совет Народных Комиссаров распространит на всех фронтах воззвание с изложением взглядов русской рабоче-крестьянской революции и политики западно-европейских империалистов.

Война фактически, по мнению оратора, убита, ибо немислимо себе представить, чтобы после установленного перемирия солдаты германо-австрийского фронта пошли в наступление в то время, когда теперь происходит по всему фронту организованное братание Наступающий на Западе праздник Рождества тоже способствует укреплению жажды мира.

*) Очевидная ошибка — речь идет об областном комитете советов Юго-Западной области.

**) См. дальше в резолюциях с'езда.

***) Имя этого делегата неизвестно.

Во внутренней политике Совет Народных Комиссаров решил во что бы то ни стало раздавить Калединское движение, и, по слухам, отправленные большевистские войска уже продвинулись на юг.

Официальным докладчиком по текущему моменту выступил т. Артем, который изложил точку зрения большевиков на происходящие события, на политику войны и мира, гражданскую войну, Учредительное Собрание.

Т.т. Попов и Сандомирский изложили точку зрения объединенных социал-демократов.

Тов. Голубовский выступил от имени с.-р.

В результате прений была принята резолюция, предложенная тов. Артемом.

12 декабря

На очереди следующие вопросы:

1. Самоопределение Украины.
2. Автономия Донецкого бассейна.
3. О власти на Украине.

Докладчиком по вопросу о самоопределении Украины выступает т. Шахрай (левый украинец¹⁴).

По мнению докладчика, октябрьская революция, приведшая к созданию рабоче-крестьянского правительства — Совета Народных Комиссаров — залог действительного осуществления права нации на самоопределение.

В настоящее время мы можем наглядно проследить две политики, два метода разрешения национального вопроса. Сравнение тем более показательное, что одна политика ведется правительством нации, угнетаемой до последнего времени правительством Украинской республики, другая же политика проводится правительством, которое украинские политики считают правительством нации господствующей, великорусской, на деле же это правительство рабочих и крестьян всей России.

В то время как Совет Народных Комиссаров переносит вопрос национальный в плоскость социального освобождения рабочих и крестьян из-под гнета всякой буржуазии, Генеральный Секретариат рассматривает социальный вопрос под углом зрения национального. Что же получается? Совет Народных Комиссаров ведет решительную борьбу с империалистическими правительствами за мир, за землю, за волю, борется с капиталистами и помещиками, угнетавшими все национальности в России и продолжающими угнетать там, где они еще находятся у власти, а именно на Дону. В это время Генеральный Секретариат под прикрытием нейтралитета и права украинского народа на самоопределение вступает в соглашение с Калединским о создании центрального правительства, воскрешая таким образом коалицию с капиталистами и помещиками, оказывает ему прямую поддержку посылкой казачьих частей, в то время,

как так называемую „Великоруссию“, „большевистские“ войска он обезоруживает и не пропускает на Дон для борьбы с Калединым. Генеральный Секретариат лицемерно заявляет, что он не хочет способствовать братоубийственной войне, а на деле он помог Каледину разогнать Советы, расстреливать рабочих.

С'езд будет бороться за действительное самоопределение рабочих и крестьян, за рабоче-крестьянскую республику, основанную на братском союзе рабочих и крестьян, независимо от национальной принадлежности.

Оглашается наказ Одесского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

„Принимая во внимание, что российская и украинская буржуазия стремится использовать украинское национальное движение в целях подавления русской революции. на что ярко указывает позиция, занятая Генеральным Секретариатом и выраженная в политических выступлениях, Одесский Исполнительный Комитет, ставя своей задачей полное объединение украинской и российской демократии вокруг лозунгов революционной классовой борьбы, считает необходимым:

1. Слияние всех Советов с украинскими демократическими организациями, в целях создания общих Советов, переход к ним всей полноты власти и немедленное прекращение междуусобной вооруженной борьбы, для чего протестовать против движения войск на Украину и из Украины для поддержки контр-революции и требовать неразоружения в Киеве преданных революции войск¹⁶⁾.

2. Борьбу за переизбрание Центральной Рады на всеукраинском с'езде Советов.

3. Немедленное принятие всех мер, вплоть до об'явления общей забастовки для отведения удара, нанесенного над всей революционной демократией как украинской, так и русской контр-революционной буржуазией; в этих целях Исполнительный Комитет подтверждает прежнее постановление революционной демократии Одессы: ни одного солдата, ни одной винтовки, ни одной пули в Одессу или из Одессы без постановления Советов и протестует против требования комиссара Центральной Рады об отпуске патронов для братоубийственной войны“.

Тов. Сандомирский от об'ед. с.-д. оглашает резолюцию по национальному вопросу, причтящую последним с'ездом партии *). Оратор подчеркивает, что партия за самое широкое самоопределение при обязательном плебисците.

Оратор против отделения Украины от России, в виду того, что экономические условия делают невозможным существование в отдельности Украинской республики от Российской.

Единственный выход из создавшегося положения — соглашение всех отрядов революционной демократии и разрешение

*) Речь идет, конечно, о меньшевистском с'езде.

национального украинского вопроса не путем гражданской борьбы, а борьбой в Украинском Учредительном Собрании.

Тов. Голубовский (от лев. с.-р.) заявляет, что интересы пролетариата не укладываются в национальные рамки. Принцип федерации должен быть проведен до конца украинским народным представительством, воплощением которого является Совет Рабочих и Солдатских Депутатов Украины. Оратор высказывается против отделения Украины и за плебисцит.

Резолюция по вопросу о самоопределении Украины принята 106 голосами при 2 воздержавшихся и при 12 чел., не участвовавших в голосовании (фракции меньшевиков и с.-р.)

О ВЛАСТИ НА УКРАИНЕ

Доклад т. Лапчинского

Центральная Рада, избранная первоначально как орган чисто национальный, после победы рабоче-крестьянской революции во всероссийском масштабе, взяла на себя всю полноту государственной власти на Украине. Прогрессивная в своей борьбе с империалистической политикой коалиционного правительства, Рада заняла враждебную позицию к рабоче-крестьянской власти в центре и на местах и превратилась наряду с Калединым в опору буржуазной реакции против этой власти. С момента опубликования III Универсала Рада приняла определенный антиреволюционный характер в разрешении земельного вопроса (оставление инвентаря в руках помещиков), в отрицании принципа рабочего контроля над производством, в отказе произвести последовательную демократизацию армии, в провозглашении передачи власти на местах местным самоуправлениям в противовес Советам. Этот уклон политики Рады и Секретариата вызвал среди организованной в Советах демократии украинской резко отрицательное отношение и выдвинул лозунг борьбы за переизбрание Рады, за создание на Украине чисто Советской власти. Советские делегаты поехали в Киев на с'езд с таким наказом. Однако к моменту открытия с'езда Рада открыто объявила войну рабоче-крестьянской власти Российской федерации и фактически объявила себя сообщницей Каледина.

После этого революционные рабочие, солдаты и крестьяне Украины должны немедленно взять на себя дело активной борьбы с Радой объявить ее лишеной власти и создать немедленно центр Советской власти на Украине в лице Центрального Исполнительного Комитета Советов, выделенного из состава настоящего С'езда, и передать этому комитету правительственные функции, впредь до созыва 2-го Всеукраинского С'езда Советов раб. солд. и крестьянских депутатов.

Тов. Сандомирский (от фракции об'ед. с.-д.) высказывается против власти Советов на Украине и за создание однородно-социалистического правительства от нар. соц. до большевиков.

Резолюция во вопросу о создании власти на Украине принята 110 голосами при 13 не участвовавших в голосовании (фракции меньш. и с.-р.).

Голосованием избран Центральный Исполнительный Комитет Украины в следующем составе: Иванов (больш.), Ауссем (больш.), Медведев (с.-д. укр.), Бош (больш.), Ша рай (больш.), Александров (больш.), Лапчинский (больш.), Люксембург (больш.), Кулик (больш.), Горвиц (больш.), Решетько (больш.), Анохин (больш.), Слуцкий (больш.), Сивков (больш.), Терлецкий (л. с.-р.), Эрлихман (л. с. р.), Новиков (с.-р.), Шелудько (с.-р.), Гохман (м. инт.), Пятаков (больш.), Понтковский (больш.), Польшаев (больш.), Чупилка (больш.), Самбур (больш.), Шустров (больш.), Мартьянов (больш.), Сурик (больш.), Тиняков (больш.), Силин (больш.), Беленький (больш.), Артем (больш.), Загребальный (больш.), Цейгер (больш.), Смоляков (больш.), Бакинский (больш.), Артамонов (больш.), Острогорский (больш.) Фиргер (больш.), Сигал (больш.).¹⁵⁾

Таким образом, в состав Центр. Исполнительного Комитета Украины вошли большевики как Киевской делегации, так и областного съезда Донецкого бассейна, а также 4 левых эсера и 1 меньш. интернационалист Киевской делегации; местные фракции эсеров и об'единенные соц.-дем. войти в состав Исп. Комитета отказались.

ЗАЯВЛЕНИЕ ФРАКЦИИ МЕНЬШЕВИКОВ НА ВСЕУКРАИНСКОМ СЪЕЗДЕ

Фракция меньшевиков, избранных делегатами на съезд рабочих и Солдатских Депутатов Донецкого и Криворожского районов, считает необходимым довести до сведения своих избирателей и всех т.т. рабочих и солдат следующее:

Фракция не признала возможным голосовать за то, чтобы собрание съехавшихся делегатов могло считать себя съездом. По уставу областной организации, принятому на первой южно-русской конференции, только при наличности половины представителей Советов, об'единенных областной организацией, съезд этих представителей может быть правомочным и может выносить обязательные решения. Между тем, съехавшиеся делегаты представили только 46 Советов из 168 входящих в нашу организацию. На съезд прибыло 80 делегатов¹⁷⁾, в то время как на первой южно-русской конференции присутствовало 240 делегатов и на октябрьском съезде Советов больше 120.

При такой малочисленности представительства наша фракция не могла признать собрание съехавшихся делегатов съездом.

Однако большинство (сорок слишком делегатов) стало на иную позицию и нашло возможным считать себя правомочным для вынесения решений, обязательных для всего донецкого пролетариата. После этого наша фракция заявила, что она никакой ответственности за решения большинства совещания, назвавшего себя с'ездом, на себя не берет и остается на нем только с совещательным голосом, не участвуя в голосованиях. Равным образом наша фракция не считает решения совещания, незаконно назвавшего себя с'ездом, обязательным для себя и для всего донецкого пролетариата. Однако большинство совещания, игнорируя наше заявление, нашло для себя возможным, совершивши раз тяжелое нарушение основных принципов демократизма, итти и дальше по этому пути.

Допустивши к участию на с'езде с правом решающего голоса несколько десятков представителей различных Советов не нашей области, ушедших с всеукраинского с'езда в Киеве, созванного на совершенно иных началах, чем те, которые лежат в основе нашей областной организации, и присвоивши себе название С'езда Советов рабочих и солдатских и части крестьянских депутатов всей Украины, большинство совещания (те же сорок слишком делегатов) стало на путь явной подделки мнения революционной демократии всей Украины.

Доводя об этом до сведения т.т. рабочих и солдат, нас пославших, мы заявляем, что последствия этой подделки для дела революции и рабочего класса могут оказаться самыми губительными.

Черное дело раскола революционной демократии на Украине, начатое на киевском с'езде непримиримостью украинских шовинистов с одной стороны и большевиков с другой, продолжается в Харькове.

Не беря на себя ответственности ни за одно решение незаконного и совершенно неправомочного с'езда, мы с особенной силой и решительностью выступили против тех решений (резолуция по текущему моменту и украинскому вопросу), которые идут в направлении той поддержки братоубийственной, преступной войны, которую Совет Народных Комиссаров грозит начать с демократическим правительством Украины.

Само собой разумеется, мы самым категорическим образом отказались войти в тот „Центральный Исполнительный Комитет Советов на Украине“, который создан на с'езде для борьбы с Центральной Украинской Радой“. Иначе отнеслась наша фракция к тем учреждениям, которые были избраны только с'ехавшимися на донецкий с'езд делегатами, без участия посторонних лиц — не для разжигания гражданской войны, а для ведения насущной экономической и политической работы в области.¹⁸⁾ Под условием созвания в кратчайший срок правомочного С'езда Советов Донецкого бассейна наша фракция, считаясь с фактическим положением дел, делегировала своих представителей

в областной комитет, первая и главная задача которого — созвание правомочного съезда. Центр тяжести деятельности областного комитета должен лежать, по нашему мнению, в руководстве политической и экономической борьбы пролетариата — в прежних рамках с основной целью поддержки Учредительного Собрания и образования социалистического правительства.

Далее мы считаем неотложной задачей областного комитета из представителей Советов и учреждений, избранных на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, защиту границ Донецкого бассейна от всяких вооруженных посягательств. Для ликвидации гражданской войны, губящей Россию и Донецкий бассейн, мы будем добиваться созвания совещания из представителей социалистических партий русского и украинских советских организаций, Рады и населения Донской области.

Мы будем препятствовать всеми силами превращению областного комитета в орган гражданской войны с Украиной.

Всякая попытка областного комитета проводить в жизнь дезорганизацию экономической и общественной жизни, которая проводится в Петрограде и Москве, встретит с нашей стороны самый решительный отпор и уход из областного комитета.

В созданный совещанием делегатов, назвавших себя съездом, экономический орган наша фракция нашла необходимым также войти. Мы не хотели и не хотим остаться в стороне от практической работы, имеющей громадное жизненное значение для всего населения области, которому в настоящее время грозит голод. В борьбе с этим голодом и разрухой мы останемся на своем посту до конца и будем препятствовать всякой дезорганизации экономической жизни, откуда бы она ни исходила.

Мы призываем рабочий класс и всю революционную демократию к стойкой и энергичной поддержке нас в нашей борьбе.

Против братоубийственной, преступной гражданской войны в среде демократии.

За поддержку Всероссийского Учредительного Собрания, единственно способного разрешать основные задачи революции и создать власть авторитетную для большинства демократии.

За скорейший созыв Украинского Учредительного Собрания для установления братских отношений между Россией и Украиной.

Фракция меньшевиков, избранных делегатами на областной съезд Донецкого и Криворогского районов.

РЕЗОЛЮЦИИ

Всеукраинского С'езда Советов рабочих и солдатских депутатов при участии крестьянских депутатов

О созыве с'езда в Киеве

Работы первого С'езда раб., солд и кр. деп. Украины, созданного полномочным органом революционной демократии Украины, сорваны действиями политиканов из Селоспилки и Радой войсковых депутатов, которые опасались, что этот с'езд подвергнет суровой и справедливой критике политику Центральной Рады и ее Генерального Секретариата и ребром поставит вопрос о передаче власти в украинской республике действительным представителям пролетариата и беднейшего крестьянства Украины. Для того, чтобы спасти свое пошатнувшееся положение, они путем прямого насилия над Организационным Бюро и его мандатной комиссией превратили с'езд в митинг представителей самых разнообразных организаций и самочинно об'явили себя С'ездом Советов р., с. и кр. депутатов. Это искаженное представительство рабочих, солдатских и крестьянских масс Украины, оказалось совершенно неспособным выявить то недовольство, которое в рабочих, солдатских и крестьянских массах уже накопилось против антинародной мелкобуржуазной политики Центр. Рады. Во всех главнейших вопросах, имеющих громадное значение для трудящихся классов Украины, оно сыграло роль декоративного прикрытия этой политики, оно дало возможность углубить пропасть, которую Центр. Рада старается вырыть между народными массами Украины, одурманивая их шовинистически-националистическим угаром, и рабочими и беднейшими крестьянами остальных частей России, в лице рабоче-крестьянского правительства, избранного вторым с'ездом Советов р., с. и кр. депут. всей России.

Не считая себя в праве принимать участие в этой комедии, губительной для интересов пролетариата и беднейшего крестьянства, мы, представители 49 Советов, в числе 124 чел., постановили: уйти из собрания, устраиваемого политиканами из Центральной Рады, и обратиться ко всем трудящимся Украины с раз'яснением нашего отношения к создавшемуся положению и с решительным протестом против неслыханного насилия украинской буржуазии и ее прислужников из так называемых „социалистов“ над полномочными органами революционной демократии Украины — Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

*) Резолюции были опубликованы в „Изв. Юга“ №№ 221 и 223 и в „Донецком Пролетарии“ № 35 (орган Харьк. и Обл. К - та б - ков); перепечатаем их без изменений.

Настоящую резолюцию подписали представители Советов Рабочих и Солдатских Депутатов: Барского (2 представителя), Белоцерковского (2), Винницкого (7), Дубенского (3), Житомирского (2), Изюмского (3), Клинцовского (1), Конотопского (1), Краматорского (1), Кременчугского (3), Коростельского (2), Кривоужского (2), Константиновского (1), Лебединского (1), Летичевского (1), Луганского (1), Могилевского Под. губ. (3), местечко Мина (2), Монастырищенского (1), Николаевского (6), Новозыбковского (3), Новоградволинского (3), Нежинского (4), Остерского (2), Полтавского (3), Пирятинского (1), Проскуровского (1), Потепского (4), Розовского (1), Сосницкого (3), Суражского (1), Староконстантиновского (9), Тираспольского (2), Уманского (5) Фастовского (3), Харьковского (6), Херсонского (7), Ходорковского (2), Черниговского (1), Чугуевского (3), Совета Рабочих Депутатов Киева (4), Совета Солд. Депутатов Киев. Округа (3), Комитетов 8 армии (3), 5 Сибирского корпуса (1), 25 армейского корпуса (1), Кавалерийского гвардейского корпуса (1), Всенно-революционного комитета Ю.-З. фронта (3), II-ой армии (1) и Киевского областного комитета Сов. Р. и С. Д. (2).

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ТЕКУЩЕМУ МОМЕНТУ

„Октябрьская пролетарско-крестьянская революция доказала, что приступить к решению основных вопросов революции — о народовласти, о мире, о земле и рабочем контроле — оказалось возможным лишь после свержения империалистической диктатуры и установления фактической диктатуры пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством.

Формой новой власти не могла не оказаться Власть Советская единственно обеспечивающая действительное выявление широких народных масс и создавшая аппарат проведения воли масс в жизнь.

Победа рабочих города, поддержанная беднейшим крестьянством в интересах обеспечения широких масс, покушается на основы господства буржуазии, частную собственность на землю, на орудия и средства производства и тем вызывает, с одной стороны, сочувственное движение рабочих мира, а с другой — вооруженное восстание против рабочей и крестьянской власти со стороны всех буржуазных классов.

Восстание, организованное всей российской буржуазией, ведет сейчас генерал Каледин, поддерживаемый казачьим кругом и мелкобуржуазными кругами Украины, захватившими в свои руки власть на Украине.

Восстание это, как направленное против застрельщика всемирной революции — русского пролетариата — находит сочувственную поддержку в империалистических кругах всего мира.

В этой гражданской войне контр-революция борется разрушением аппарата государственной власти, путем саботажа верхушки наемников, а главным образом, путем обмана масс.

Наиболее сильным средством обмана сейчас в руках контрреволюции являются: во-первых иллюзии, связанные у широких масс с Учредительным Собранием, которое буржуазия стремится противопоставить власти Советов; во-вторых, эксплуатация законного чувства негодования против векового национального гнета и популярного лозунга самоопределения национальностей, в целях разделения рабочих, и крестьян и защищать интересы контр-революции, вовлекая рядовое казачество и украинское крестьянство.

Поэтому съезд Советов Украины приветствует политику Совета Народных Комиссаров, ведущего решительную борьбу против буржуазной контр-революции во всех ее проявлениях и вскрывающего истинный смысл всех внешне популярных лозунгов, за которые укрывается буржуазия.

В масштабе международного движения русская рабочекрестьянская революция оказалась единственным органом, способным пристановить 40-месячную империалистическую бойню; на русской же революции ляжет обязанность привести народы к всеобщему демократическому миру, восстановления международного братства и организации его в III Интернационал. Советская власть способна — мы уверены — выполнить эти задачи.

Да здравствует III интернационал!

Да здравствует власть Советов!

Да здравствует Совет Народных Комиссаров!

РЕЗОЛЮЦИЯ О ВЛАСТИ НА УКРАИНЕ

„Центральная Рада настоящего состава не может быть признана правительством рабочих и беднейших селян Украины. Политика Рады в земельном вопросе, в вопросах о рабочем контроле над производством, о демократизации армии, об отношении к рабочекрестьянскому правительству Российской Федерации, созданному и утвержденному организованными рабочими, солдатами и беднейшими крестьянами всей России, в том числе и Украины, позиция, занятая Радой в борьбе рабочих и крестьян с буржуазной контр-революцией на Дону, раздувание Радой националистического угара среди народных масс Украины, наконец, провокационный срыв работ всеукраинского Съезда Советов в Киеве политиками, руководящими деятельностью Рады, — все это поставило революционную демократию Украины перед задачей решительной борьбы против Рады, за создание рабочей и сельской власти на Украине. Всеукраинский съезд рабочих и солдатских с участием сельских депутатов постановляет: власть на территории Украинской республики

отныне принадлежит исключительно Советам рабочих, солдатских и селянских депутатов, на местах, — уездным, городским, губернским и областным Советам, а в центре — Всеукраинскому С'езду Советов раб., солд. и селянских депутатов, его Центральному Исполнительному Комитету и тем органам, которые он создаст.

Украина об'является республикой Советов. Временному Центральному Исполнительному Комитету, выделенному из состава настоящего с'езда, поручается немедленно распространить на территории Украинской Республики все декреты и распоряжения Рабоче - Крестьянского правительства федерации, которое имеет общее для всей федерации значение — о земле, о рабочем контроле над производством, о полной демократизации армии; об'явить недействительными все распоряжения Рады и Секретариата, которые она будет издавать после опубликования настоящего постановления с'езда, а также отменить все ранее состоявшиеся постановления Рады и Секретариата, которые направлены против интересов рабочих и беднейших селян украинских; установить между рабоче - крестьянским правительством российской федерации, а также правительствами отдельных частей России и рабоче - селянским правительством Украины полную согласованность в целях и действиях, необходимую в интересах рабочих и крестьянских народов Российской федерации, исходя из принципа, что правильными и нормальными эти взаимоотношения могут быть только в том случае, если правительства всех частей России будут являться органами власти рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; в ближайшее время созвать Второй Всеукраинский С'езд советов раб., солд. и селянских депутатов для дальнейшего расширения и укрепления рабоче - селянской власти на Украине“.

РЕЗОЛЮЦИЯ О САМООПРЕДЕЛЕНИИ УКРАИНЫ.

„Принцип права нации на самоопределение, провозглашенный февральской революцией“, мог быть проведен в жизнь только благодаря Октябрьской революции, приведшей к созданию рабоче - крестьянского правительства — Совета Народных Комиссаров

В условиях современного буржуазно - капиталистического общества, основанного на существовании классов с противоположными интересами и с обостренной борьбой между буржуазией и пролетариатом, принцип права нации на самоопределение приобретает разноречивый характер, смотря по тому, кто определяет принцип — буржуазия или пролетариат.

Победа рабоче - крестьянской революции и декрет Совета Народных Комиссаров уничтожают всякие формы национального угнетения и неравенства в России.

На Украине же проведение в жизнь этого принципа попало в руки украинской буржуазии и мелкобуржуазных социалистов, которые, провозгласив Украинскую Республику, проводят мелкобуржуазную политику в интересах буржуазии не только украинской, но и неукраинской.

Эта политика ведет к обострению национальной розни, разжиганию национальной вражды, которая неизбежно приведет к новым формам национального угнетения и неравенства.

Такая гибельная для рабочих и крестьянских масс политика уже дала свои результаты в разоружении неукраинских (но не казачьих частей) в походе против Советов рабочих и солдатских депутатов, как якобы неукраинских, в соглашении с войсковым Донским правительством Каледина, угнетающего у себя рабочих и крестьян, в том числе и украинских.

Так фатально мелкобуржуазные украинские социалисты, стоящие во главе Центральной Рады, пошли по пути российских с. - р. и меньшевиков, по пути соглашения с буржуазно-помещичьими классами и измены рабочим и крестьянским массам.

Поэтому I-й Всеукраинский Съезд рабочих и солдатских депутатов, признавая Украинскую Республику, как федеративную часть Российской Республики, объявляет решительную борьбу гибельной для рабоче-крестьянских масс политике Центральной Рады, раскрывая ее буржуазный контр-революционный характер. Съезд будет бороться за самоопределение Украины в интересах рабочих и крестьян, за их господство, за устранение всяких национальных ограничений, всякой национальной вражды и ненависти, за украинскую рабоче-крестьянскую республику, основанную на тесной солидарности трудящихся масс Украины, независимо от их национальной принадлежности, с трудящимися массами всей России.

РЕЗОЛЮЦИЯ, ПРИНЯТАЯ СЪЕЗДОМ ПО ВОПРОСУ ОБ АВТОНОМИИ ДОНЕЦКОГО И КРИВОРОЖСКОГО БАССЕЙНОВ

Принимая во внимание:

- 1) что Донецкий и Криворожский бассейны представляют собою область однородную в хозяйственном отношении;
- 2) что всякое разделение Донецкого бассейна вредно отразится на развитии его производительных сил и ослабит единство и мощь пролетарской борьбы.

Всеукраинский Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов протестует против преступной империалистической политики руководителей казачьей и украинской буржуазных республик, пытающихся поделить между собою Донецкий бассейн, и будет добиваться единства Донецкого бассейна в пределах Советской Республики.

ПРИМЕЧАНИЯ К ОТЧЕТУ О I ВСЕУКРАИНСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ

1) 3-й авиационный парк был цитаделью киевских большевиков, как и большинство технических и саперных частей, стоявших в Киеве. Солдаты 3 авиационного парка принимали активное участие еще в октябрьском восстании. Разоружение 3-го авиопарка было произведено силами 1-го укр. полка, одновременно с разоружением других неукраинских частей, в том числе и артиллерийского дивизиона Богдана Хмельницкого; разоружаемые, застигнутые врасплох, сопротивления не оказали. У них было отнято большое количество оружия и боевых припасов; 5 мил. патрон, ручные бомбы, пироксилиновые шашки и 350 пулеметов.

2) Под „назревающими событиями“ (см. „К. М.“ от декабря 1917 г.) подразумевались, повидимому, обстоятельства, связанные с предъявлением украинскому правительству ультиматума Советом Нар. Комиссаров. Ультиматум был передан Генеральному Секретариату советским главнокомандующим Крыленко по прямому проводу 4 декабря.

3) В состав Ген. Секретариата в это время входили: М. Ковалевский (у. с. - р.) — министр продовольствия, В. Голубович (у. с. - р.) — министр торговли и промышленности, М. Порш (у. с. - д.) — министр труда, М. Ткаченко (у. с. - д.) — министр юстиции, С. Петлюра (у. с. - д.) — военный министр. Ещенко — министр путей сообщений, Зарубин (р. с. - р.) — министр почт и телеграфов. Председателем этого однородно-социалистического министерства был В. Винниченко (у. с. - д.)

4) Петлюра сознательно „вводил в заблуждение“ съезд, утверждая, что большевистские части, двигавшиеся от Гомеля на Бахмач, направлялись против Украинской республики. Это движение входило в план кампании против Каледина и вовсе не имело в виду Центральную Раду. Воинская часть, возбуждавшая волнение Петлюры, была, повидимому, 19 колонна из минского отряда Берзина, которая имела задание двигаться через Бахмач на Харьков, где предполагалось сформировать главный кулак против Донской контр-революции (см. „Записки о гражданской войне“ Антонова - Овсенко, стр. 30 и дальнейшие).

5) 2-й гвардейский корпус, стоявший в районе Жмеринки, был действительно твердо большевистским, и киевская большевистская организация на его помощь рассчитывала. Но как раз главнокомандующий Крыленко, следуя общему оперативному плану, предполагал этот корпус перебросить на Дон. Для того, чтобы побудить гвардейцев к совершению этой операции, были даже посланы специальные делегаты из ставки в штаб корпуса (см. Антонов - Овсенко, стр. 29).

6) Формирование „Вільного козацтва“ началось в провинции — это была самоорганизация кулацко-националистических элементов.

Центральная Рада специальным приказом ввела эту организацию в государственное русло. К январю в Киеве находилось 20 сотен „вільного козацтва“ (фактически человек 1200), которые и послужили главной силой Ц. Р. в борьбе против восставших рабочих, так как большинство регулярных воинских частей сохраняли нейтралитет.

7) Неизвестно откуда Винниченко взял эту „цитату“ из Ленина. Но странно, что глава украинского национального правительства не был знаком со статьями вождя пролетарской революции 1917 г., непосредственно относящиеся к Украине, не говоря уже о других его статьях, где Ленин защищал не только право обучения на родном языке, но и право самоопределения нации вплоть до государственного ее отделения.

8) Разговоры об однородно-социалистическом министерстве в царстве Каледина были со стороны Винниченко сплошным лицемерием. Сам же Винниченко выступал на заседаниях Генерального Секретариата с резкими разоблачениями калединской „демократии“, преследовавшей рабочие организации и вешавшей революционных пролетариев (см. протокол Генерального Секретариата от 12 декабря, опубликованный в ст Рубача, „Лет. Фев.“, № 2 за 1920 г.).

9) Отчет меньшевистской газеты опускает все сведения о борьбе большевиков против признания крестьянского митинга съездом. Большевистская

делегация предлагала признать его совещанием. Когда это предложение было отвергнуто, представители Советов раб депутатов в составе 130 человек б - ков, л. с. - р. и л. у. с. - д. покинули радовский с'езд.

¹⁰⁾ Это замечание меньшевистской газеты звучит весьма лицемерно. Характерно, что в то время, как киевские соглашатели - меньшевики и бундовцы авторитет кулацко - националистического с'езда признали, их собратья — харьковские соглашатели — отказались признать пролетарский по своему составу действительно представлявший рабочие Советы 1 - й Всеукраинский с'езд Советов (см. декларацию объединенных с - д.).

¹¹⁾ Заявление Шахрая, что ультиматум, пред'явленный СНК Центральной Раде, является недоразумением, было вызвано неосведомленностью украинских большевиков, с которыми ультиматум не был согласован. Отрицательное отношение к ультиматуму нашло себе место и в выступлениях на большевистском областном с'езде, происходившем в Киеве одновременно со с'ездом Советов (см. протоколы Областного с'езда РСДРП(б-ков), „Лет. Рев.“, № 5 за 1926 г.).

Но в резолюции областного с'езд большевиков определенно одобрил действия СНК, признав их необходимость.

¹²⁾ С'езд открыл меньшевик Рубинштейн, так как в областной комитет Советов Донецко - Криворожского бассейна на областном с'езде, состоявшемся в октябре, было избрано большинство соц. - соглашателей, а именно — на 3 - х большевиков (Артем, Залуцкий, Ветин) вошло 3 меньшевика и 3 эсера. И кандидаты каждая фракция также дала по 3 человека.

С'езд открылся, как областной, до слияния с киевскими делегатами.

¹³⁾ Дело было, конечно, не в регламенте, а в соотношении сил. На с'езде оказалось подавляющее большевистское большинство. После того, как в состав областного с'езда влились еще делегаты, ушедшие с киевского с'езда (точное количество приехавших из Киева в Харьков делегатов неизвестно; их было, судя по росту большевистских голосов на с'езде, не менее 50 — 60 человек), советские партии имели за собой более 100 делегатов, тогда как меньшевики и эсеры вместе менее 20.

¹⁴⁾ В. Шахрай назван неопределенной кличкой „левого украинца“, очевидно, вследствие неосведомленности репортера. Он принадлежал к партии большевиков и был в тот период членом Главного Всеукраинского Комитета, избранного на киевском партс'езде.

¹⁵⁾ В этом списке пропущены два товарища, а именно: Данилевский и Тарноградский (оба б - ки). Большинство из вошедших в состав ЦИКУ 41 делегатов являлось представителями Правобережья.

„ДО БОРЬБЫ ЗА КИЇВ“

(Обращение Народного Секретариата)

К РАБОЧИМ! К СЕЛЯНАМ! К СОЛДАТАМ!

Восемь дней киевские революционные рабочие и солдаты ведут кровавую борьбу с офицерами, юнкерами, чиновниками, студентами-белогвардейцами и сынами буржуазии, которые под маской „вольного казачества“ защищают всероссийскую буржуазию и бюрократию, которая сидит в центральной раде.

Восемь дней льется кровь рабочих и селян на улицах Киева.

Революционные войска, посланные Рабоче-Крестьянским правительством Российской Республики¹⁾ по требованию Народного Секретариата Украины, сегодня подошли к Киеву.

Солдаты идут на помощь киевскому пролетариату, они помогут ему создать власть Советов на Украине. Именем рабочих и селян, именем революционного пролетариата призываю всех сынов Революционной Армии Украины поддержать Революционную Армию.

Требую от всех революционных советских организаций посылки на Киев всех сил, имеющихся в их распоряжении: революционных войск всех частей, красной гвардии и селянского казачества.

Все на Киев для восстановления власти рабочих и селян Украины.

Народный Секретарь Г. Лапчинский.

(„Вестник Укр. Нар. Респ.“, № 17 от 25 янв. 1918 г.)

¹⁾ Это не совсем точно. Ядро войск, двигавшихся под командованием Муравьева и политическим руководством Н. С. - та Украины в направлении Харьков — Киев, составляют части „Червоного Казачества“ бывшие украинизированные части), части Харьковской Красной Гвардии (Паровозного завода, ВЭК'а и др. — см. соответствующую ст. в этом номере „Л. Р.“), части Красной Гвардии Днбасса под командой Жлобы и присоединившиеся по пути красногвардейские части разных провинциальных городов. — Ред.

ТЕЛЕГРАММА

От Народных Секретарей Мартьянова и Лапчинского.

24 января 1918 г.

„Находимся в Дарнице и Словобке. Нами заняты все мосты и набережные. Занимаем Киев товарный. На станции Киев - Первый держится красная гвардия, выбитая из Арсенала после ожесточенного боя. При взятии Арсенала наймитами Ц. Рады расстреляно свыше трехсот красногвардейцев.

Украинские полки Богдановский и Шевченковский, дравшиеся на нашей стороне, разбиты и расстреляны.

На Печерске держатся еще отряды офицеров, юнкеров белой гвардии. Наша артиллерия обстреливает их с раннего утра.

Начинается окончательный штурм.

Террор по отношению к рабочим со стороны Генер. Секретариата неопиcуемый. Расстреляно по их приказам около полуторы тысячи человек, при чем поводом для расстрела являлись мозолистые руки и рабочие блузы. Расстреляли военно-революционный комитет, в том числе и товарища Горвица.

Уличные бои не прекращаются.

Народные Секретари: Мартьянов и Лапчинский“.

(„Вестник Укр. Н. Р.“, № 16 от 14 янв. 1918 г.)

IV

КРИТИКА ТА БІБЛІОГРАФІЯ

Д. Эрде. Революция на Украине. От керенщины до немецкой оккупации. Под редакцией и с предисловием Н. А. Скрипника. Издательство „Пролетарий“, 1927 г., 274 стр., цена 2 крб.

Книжка тов. Эрде, звичайно, не є науковою розвідкою з історії нашої революції за той короткий, але надзвичайно важливий відтинок часу, що автор узявся охопити — від березня 1917 до травня 1918 року. Це є лише збірка нарисів публіцистичного, газетного характеру, розміщених у хронологічному порядку, в яких автор старанно використав усі доступні на разі матеріали, доповнивши їх своїми особистими спогадами про події, що їх активним співучасником і сам він був.

Правда, своїм вступом („Октябрь на Украине“ — вместо введения) він намагається дати загальну характеристику цілого періоду, підвести соціологічні основи процесові радянзації України. Але саме цій частині найбільш бракує ясности і повноти в тому розумінні, що, подаючи фактичний матеріал, автор не досить узагальнює його й не робить відповідних висновків. Тому вона не зовсім задовольняє сучасного читача в його потребі зрозуміти, чому все ж таки радянській владі та її керівникові, комуністичній партії, так важко було, порівнюючи з Росією, досягти остаточної перемоги в країні, де маси народні, як це дальші події показали, революціонізовані були в усякому разі не менше, як на півночі.

Зокрема, наприклад, у цьому вступі, автор майже зовсім не висвітлює (а з дальшого викладу видно, що й сам зовсім не помічає) тієї відсутности слушної позиції в національним питанні, що так характерно було за тих часів для колосальної більшости наших товаришів. А ні люксембургіянство Є. Б. Бош, Ю. Пятакова, ані цілковитий „національний нігілізм“ у харків'ян zostалися зовсім поза полем його зору. Зовсім не освітлено також і соціологічні причини дикого шовінізму та україножерства зросійщеної міської обивательщини та інтелігенції, з одного боку, і недостатньо освітлені шовіністичні настрої української дрібної буржуазії — з другого.

Можна думати, що авторів, коли він писав, не були відомі як слід постанови пленумів ЦК КП(б)У в національним питанні та коментарі до них т. т. Затонського та Скрипника,

що висвітлили колишні хибі окремих груп партії в національній політиці.

Наприклад, він зовсім не згадує про дуже цікаві й знаменні дискусії підчас 1-го з'їзду Рад у Харкові про роліу Донбасу в українській революції, що її висвігляювали т. т. Скрипник, Авсем та інші, полемізуючи проти сепаратизму харків'ян, про зусилля українізувати нашу пресу (а він був редактором центрального органу) та діловодство уряду то-що. Розповідаючи про розходження в Полтаві та Катеринославі, автор забув, що основний аргумент Квіринга, Богуславського, Зарніщина та інших (в передмові помилково прилучено до них В. С. Люксембурга) за припинення боротьби з Центральною Радою був такий: „наш уряд зобов'язався визнати її та припинити боротьбу з Україною, значить, продовжуючи військові дії, ми ламаємо умову з німцями, зриваємо Берестейський мир“. Цеб-то автори цієї пропозиції вважали, що ми, більшовики, не є українці, ми — росіяни, наш уряд — тільки в Петербурзі. Вони виключали таким чином з України т. зв. Донбасько-Криворозький басейн.

Другою принципіальною хибою книжки тов. Ерде, що позбавляє її значіння дійсно історії української революції за даний період, це є те, що він надто неповно й неточно розповідає про події та стосунки всередині ворожого нам табору, в тих колах та партіях, що підтримували Центральну Раду. Мало присвячено місця про роботу Центральної Ради в Києві, про внутрішні суперечки між уседеками та усерами, про роботу цих партій по інших місцевостях на Правобережжі, а також у Харкові, якому автор в інших питаннях уділяє дуже багато уваги.

Крім того, в книжці трапляються й такі помилки, що просто свідчать про надто недостатнє авторове знайомство із внутрішнім становищем національних українських партій: так, Гната Михайличенка на початку 1918 року він вважає за „течіїста“.

Я попереду зазначив, що книжка т. Ерде є збірка окремих нарисів. Отже й матеріял у ній розподілено нерівномірно. Найбільше місця займають ті події, в яких автор брав безпосередню участь, і тому революційну історію харківську подано найповніше (Жовтневі в Харкові присвячено навіть два розділи), зате про Катеринославські, Одеські, Полтавські події, навіть про Донбас, матеріялу дуже мало. Так само нічого не знайдемо в книжці про інші міста на Правобережжі, крім Києва, про Чернігівщину, про фронти південно-західній та румунський (а про південно-західний є деякі матеріяли в Є. Б. Бош „Год борьбы“), а також про Таврію, почасти Крим, що їх доля була за тієї доби щільно звязана з Україною. Бажано було б також більше відомостей мати про Донецько-Криворозьку республіку.

Наприкінці вважаю за потрібне виправити кілька фактичних помилок, що їх мені довелося натрапити.

Тов. Ерде (стор. 145) пише, що 1-й з'їзд Рад ухвалив „выделить Донецко-Криворожскую республику“, — це неправильно, бо республіку цю було засновано далеко пізніше, лише після того, як Народній Секретаріят покинув Харків та переїхав до Києва — в лютому 1918 року (див. Є. Бош. „Год борьбы“, стор. 137); сам тов. Ерде (стор. 147) розповідає, що комісарів по донбаських містах призначало Народне Секретарство внутрішніх справ.

На стор. 138 тов. Ерде повторює помилку Є. Бош, ніби - то Артем був на 1-ій Всеукраїнській партконференції в Києві. Це не так, бо з харків'ян там були лише Дайилевський, Романенко та Сапельник, а Артем зоставався на цей час у Харкові.

На стор. 50 у складі Головного Комітету показано Юрія П'ятакова, тоді як насправді це був Леонід П'ятаков. На стор. 149 показано, ніби - то С. Бакинського було призначено на народнього секретаря закордонних справ; цього секретарства зовсім не утворювалося, бо ми вважали, що закордонною політикою мусить відати виключно Рада Народніх Комісарів у Петербурзі.

Будинок для Народнього Секретаріату (стор. 148) здобув не Антонов, а загін Харківської Червоної гвардії під командою Беленковича. Нарешті, саму назву краєвої організації, утвореної на першій партз'їзді, подано помилково: з'їзд ухвалив назвати її „Соціал-демократія більшовиків України“, а не „організація соціал-демократів України“, як пише т. Ерде.

Поза всім тим праця тов. Ерде на сьогодні є найповнішою з усього того, що можна дістати в нашій літературі з історії Лютневої та Жовтневої революції на Україні. І що найголовніше — в ній майже нема фактичних помилок, яких так багато є в Є. Б. Бош і в інших авторів.

Якщо до цього додати, що всі матеріали, з яких автор користувався, подано цілком об'єктивно, що й із своїх особистих спогадів він додав чимало цікавих фактів, що в масі своїй наш читач, навіть свідомий політично, на жаль, іще дуже мало знає про революційні події першої доби радянської влади на Україні, то можна побажати, щоб книжку т. Ерде було якнайширше розповсюджено.

М. ОСТРОГОРСКИЙ

Комиссия по изучению истории профессионального движения в СССР. „Профессиональные союзы СССР в прошлом и настоящем 1905—1917—1927 г.г. Под редакцией Ю. К. Милонова“. Издательство „Жизнь и Знание“, стр. 407, цена 3 р. 40 к.

Рецензируемая книга, пожалуй, один из самых первых систематизированных документов по истории нашего профдвижения,

пока еще, к сожалению, слишком бедного достаточно обработанной и проверенной литературой.

Изданием этой книги сделан, в основном, бесспорно крупный вклад в историю профсоюзов СССР.

Каково же назначение данного сборника?

Издатель сборника, Истпроф ВЦСПС, вот что пишет об этом в предисловии:

„Эта книжка рассчитана на то, чтобы быть справочником для докладчика, пособием для лектора и для учащегося. В пределах этих именно запросов она и отражает историю нашего профессионального движения с момента его зарождения и до настоящего времени“.

Посмотрим, в какой степени книга отвечает своему назначению.

Просматривая, например, вводную статью Ю. Милонова „Профессиональное движение СССР в прошлом и настоящем“, молодой советский читатель должен прийти к весьма неутешительному выводу в отношении нашего боевого, насквозь ярко классового профдвижения в прошлом.

Обзор, который дан в вводной статье почти за четверть-столетия нашего профдвижения, грешит, во-первых, сухим схематизмом и донельзя официальным тоном, выхолащивающим всю сочность и красочность экономической и политической борьбы рабочего класса нашей страны до Октябрьской революции, и, во-вторых, ненормальная краткость изложения отдельных чрезвычайно важных общественных явлений, влиявших на развитие профдвижения, делает отдельные места статьи совсем непонятными, как, например, характеристика политическо-экономической обстановки 1905 — 1907 г. г. (стр. 10).

Вводная статья, таким образом, представляет собою лишь схематичную организационную сводку по истории профдвижения в прошлом, при этом сводку, весьма плохо увязанную с экономической и политической обстановкой, обуславливавшей развитие профдвижения.

Содержание этой статьи может быть вполне понятно только читателю, принимавшему непосредственное участие в профессиональном движении, и то при добросовестном напряжении собственной памяти.

Так, например, в самом начале вводной статьи автор прямо и безапелляционно заявляет, что:

„До 1905 года в России не было массовых по своему составу и оформленных с организационной точки зрения профессиональных союзов“.

Все это так. Но вот непонятно только для „учащегося“, почему же не было? Где характеристика причин отсутствия „оформленных с организационной точки зрения профессиональных союзов“? Ее нет в этом случае вовсе, а там, где она коротенько и приведена, она бледна и выхолащена автором статьи.

Неужели автору неизвестно, что организованное профдвижение в бывшей Российской империи выросло не из воздуха, а из массового рабочего движения, развивавшегося и до 1905 года?

Разве в этой допрофсоюзной борьбе не было таких моментов, как знаменитая морозовская стачка текстилей в Орехово-Зуеве в январе 1885 года или крупные забастовки в Донбассе в октябре 1900 года?

Разве не на почве крупнейших стачек питерского пролетариата в 1896 году явился закон 14 июня 1897 года об ограничении рабочего дня до 11¹/₂ часов?

Что помешало автору и Истпрофу хотя бы кратко охарактеризовать этот допрофсоюзный период борьбы — остается непонятным.

Вслед за этим автор с места в карьер переходит к описанию „обществ взаимопомощи“ и „стачечных касс“. Но откуда, как и почему возникли эти институты рабочего движения до 1905 года, автор не объяснил. Вместо этого автор начинает прямо с характеристики внутренней структуры этих организаций.

Что же касается причин, вызвавших их к жизни, то о них читатель должен догадываться сам.

Покончив с обществами взаимопомощи и стачечными кассами, автор с быстротой кавалерийского наезда переходит прямо... к зубатовским организациям, не сохранив при этом ни малейшей логической связи и последовательности.

Характеристика зубатовских организаций до того неточна и неконкретна, что, прочитав ее, остается совершенно непонятным, почему эти жандармские организации носили название „зубатовских“?

Автор говорит, например, что „деятельность зубатовских организаций была направлена к предупреждению и предотвращению стачек“ (стр. 8).

Однако он ни словом не обмолвился о том, что, как бы ни старались эти „приводные ремни“ царской охранки к рабочему классу предотвращать забастовки, они все же в значительной мере об'ективно содействовали возникновению стачечной борьбы. Об этом лучше всего свидетельствует такой факт, как массовые стачки в Одессе в 1903 г., вызванные зубатовскими агентами. Но об этом, повторяем, автор не сказал ни одного слова.

В дальнейшем описании зубатовщины совсем упущена, например, такая „мелочь“, являвшаяся одной из разновидностей зубатовских организаций, как „гапоновщина“ вместе со своим вдохновителем попом Гапоном. Этот поп, как известно, организовал кровавое воскресенье — „9-е января“, сыгравшее большую роль для всего рабочего движения в целом и профессионального в частности.

Мы думаем, что в популярном политсловаре читатель найдет более полные сведения по вопросу о „зубатовщине“ и „гапоновщине“.

Да и характеристика самой революции 1905 г. (стр. 11—14) в смысле ее огромного организующего влияния на развитие профдвижения сведена к четырем-пяти десяткам строк до обиды скудного содержания.

Экономическая и политическая обстановка периода 1908—16 г. г. охарактеризована не лучше, чем все предыдущее. И тут, как на зло, ничего не говорится о том апогее стачечной борьбы периода 1912—14 г. г., которого достигла она летом 1914 года в Питере.

Между тем летом 1914 года питерские рабочие свою стачечную борьбу довели до такого напряжения, что она грозила перейти в немедленную политическую вооруженную борьбу. Только „внезапно“ вспыхнувшая империалистическая бойня помогла царским сатрапам потопить в крови это нараставшее движение.

Не выявлено также отношение существовавших профсоюзов к империалистической войне, а многие из них так или иначе этим вопросом занимались и свои решения выносили.

Совершенно незатронутым осталось бурное массовое стачечное движение в годы империалистической войны (1915—16 г. г.), сопровождавшееся расстрелами в Костроме, Иваново-Вознесенске, Донбассе, сплошь и рядом переходившее в политическую борьбу или стоявшее на грани этого перехода. А об этом есть очень неплохой материал, помещенный в хрестоматии Истпарта ЦК ВКП(б) (т. 7-й, стр. 143).

Поразительны также по скудности своей данные о профдвижении в 1917 году. Вся история профдвижения за этот период времени освещена, как аппаратная борьба между большевиками и меньшевиками в самом ВЦСПС, без освещения тех знаменитых страничек борьбы, когда большевики давали победоносные бои меньшевикам за отвоевание из-под их влияния важнейших профсоюзов. О стачечном движении, характере и результатах его за период от февраля до октября 1917 года не сказано ни слова.

Профдвижение в годы гражданской войны (1918—1920 г. г.) по существу не освещено совсем. Опять общие места, вода и ничего реального.

Так, например, мы читаем:

„С первых же шагов своей деятельности советское правительство оперлось на профессиональные союзы. Они создали Красную гвардию. Строили аппарат государственного управления“ (стр. 42).

И далее:

„После этого съезда (1-го — М. О.) союзы участвовали в создании Красной армии, в создании аппарата управления

национализированной промышленностью и в организации продовольственного аппарата" (стр. 43).

А вот в чем конкретно выразилось это участие, что это дало советской стране, об этом ничего не сказано.

Остался также неосвещенным период так называемого „деклассирования“ пролетариата в нашей стране, а это обстоятельство занимало далеко не последнее место в истории советского профдвижения¹⁾.

Дальнейшее освещение профдвижения в период мирного строительства (1921—1926 г. г.), благодаря все той же общности и поверхностности изложения, также неудачно. По смыслу статьи получается, что профсоюзы собирались только на с'езды, принимали великолепные резолюции и раз'езжались. Совершенно не видно того огромного практического значения, какое имели и имеют профсоюзы в деле строительства социализма в нашей стране.

О практической работе, которую проделали профсоюзы в деле восстановления советского хозяйства, в статье говорится как-то мимоходом и голыми фразами.

Из 74 страниц убористого текста только 18 посвящено роли профсоюзов в период восстановления нашего хозяйства (с 1921 по 1927 год). А из этих 18 страниц на долю профдвижения, как такового, приходится всего на всего 7½ страничек, через край наполненных „водой“.

Почти вся история профдвижения за этот период излагается голыми трактовками постановлений с'ездов профсоюзов и соответственных решений партии о профсоюзах. Это, конечно, очень важно, полезно и нужно, но наряду с этим нужно и кое-что другое, а именно: характеристика массового профсоюзного движения. Нужно реальное изложение, подкрепленное цифрами и фактами о практическом значении профсоюзов в пролетарском государстве, в деле восстановления советского хозяйства, в деле строительства социализма, в деле обороны страны и т. п.

Характернее всего то обстоятельство, что (если не считать коротенького указания в конце статьи (стр. 74) об общем уровне зарплаты в 1925—26 году по отношению ее

¹⁾ Знаменитая дискуссия „о профсоюзах“, имевшая место в 1921 году, освещена так, что из нее ничего понять нельзя.

Освещение, приведенное в разделе „Профессиональные союзы и партия“ (стр. 55—56), до того обобщено автором, что получается впечатление, что дискуссия эта как будто бы никакого отношения к профсоюзам и не имела.

По крайней мере, автор в своей статье нигде не удосужился хотя бы вкратце упомянуть о том, как преломлялась эта дискуссия в профдвижении того периода. Ведь все эти разногласия были вынесены далеко за пределы партии. Вряд ли найдется такой профсоюз в СССР, который в 1921 г. не обсуждал ленинской платформы — „десятки“, платформы „рабочей оппозиции“ (Шляпникова) и платформы огосударствления (Троцкого). — М. О.

к довоенной норме), в статье очень и очень мало сказано о материальном улучшении положения рабочего класса.

Нет также ни одного слова о взаимоотношениях профсоюзов с кооперацией, о жилищном вопросе, вернее — о рабочем жилищном строительстве.

Ничего не сказано о той практической работе, которую проделал ВЦСПС в области международного профдвижения, в области создания красного Профинтерна, организации единого фронта, оказания беспрецедентной в истории материальной и моральной помощи бастовавшим английским горнякам и другим стачечным движениям, в области сближения с рабочим классом всего мира при посещении СССР иностранными рабочими делегациями.

Общие места, скудность изложения одних социальных факторов и полное замалчивание других — таковы основные недостатки вводной статьи.

Правда, сравнительно полно освещены исторические споры с меньшевиками до 1917 года, удовлетворительно изложены некоторые моменты отношения партии к профсоюзам, хорошо дана трактовка решений съездов профсоюзов и история самого ВЦСПС.

* * *

При оценке остального материала по истории отдельных профсоюзов поражает прежде всего то обстоятельство, что история 23 профессиональных союзов СССР написана 6-ю авторами.

Результаты этой „перегрузки“ сказались на качестве работы.

Не имея возможности останавливаться на всех союзах, остановимся только на некоторых.

Несколько замечаний о союзе горняков. Излагая историю союза горняков, т. А. Кац на стр. 87 пишет следующее :

„В 1915 году в Горловке (Донбасс) забастовало около 5000 рабочих, требуя увеличения зарплаты на 50%. Забастовка продолжалась свыше двух недель и закончилась повышением платы на 30%“.

Нам неизвестно, какими данными пользовался т. А. Кац, но вот т. Тарас Харечко в „Летописи Революции“ (№ 4 за 1927 г., стр. 169) сообщает совсем другие данные, взятые из материалов охраны.

Эта стачка длилась не две недели, а всего несколько дней: забастовало всего только 3500 человек; были предъявлены требования о повышении зарплаты на 20—30%. Удовлетворены они не были.

Стачка, о которой пишет тов. А. Кац, происходила не в 1915, а в 1916 году, участвовало в ней не 5000 человек, а около 50000 человек (см. книгу А. Шляпникова — „Канун

1917 года“, стр. 275—281, ГИЗ, 1920 г.). В этом случае тов. Кац сделал небольшую ошибочку: просчитался в годе и не дописал только одного нуля... а так все в „порядке“.

Кроме этой справки, есть и другая. В „Летописи Революции“, № 4 за 1927 год Т. Харечко в статье „Накануне Февральской революции в Донбассе“ (стр. 172—173) сообщает несколько преуменьшенную цифру участников этой стачки, но все же в шесть раз большую, чем ее привел А. Кац.

И у Шляпникова, и у Харечко тов. А. Кац может найти совсем другие данные об этой стачке, вплоть до расстрела рабочих и других диких репрессий, последовавших после стачки.

Интереснее же всего то, что тов. А. Шляпников опубликовал данные о стачке, где указал, что бастовало около 50000 человек, еще в 1920 году, а тов. А. Кац через семь лет после этого сообщает, что в стачке участвовало 5000 человек...

Вообще т. А. Кац не признает почти никакого движения горнорабочих в Донбассе в период 1908—16 г. г.

То же приблизительно сделал тов. А. Кац с революционным и профессиональным движением шахтерских масс в Донбассе в 1917 г. Он кастрировал это движение, зачеркнул его. Последнее почти целиком вдохновлялось большевиками. А. Кац ни слова не сказал о самовольном захвате восьмичасового рабочего дня, о явочном введении рабочего контроля, о той ожесточеннейшей классовой борьбе, которую так победоносно вел донбасский пролетариат в большинстве районов и в особенности в Горловско-Щербиновском (а не на одном только Петроградско-Донецком руднике).

Тов. Кацу, дерзающему писать историю профдвижения, было бы чрезвычайно полезно почитать по этому вопросу цитированные нами статьи т. т. А. Шляпникова и Т. Харечко, а также статьи т. т. Николаенко, Шлосберга (см. „Летопись Революции“, №№ 2, 3, 4 за 1927 г.).

Не лучше обстоит дело у тов. Каца с союзом металлистов. По его описанию, вышло так, что стачечное движение металлистов в Москве в период с 1908 по 1916 г. совсем не существовало, а в Питере окончилось в 1912—1913 году. А куда же девалось стачечное движение авангарда российского пролетариата — металлистов в 1914—16 г. г.?

То же самое получилось у т. А. Каца и в отношении луганского союза металлистов в годы империалистической войны. Нам не приходится приводить фактический материал в этом случае, так как последний достаточно полно дан т. Николаенко (см. „Летопись Революции“, № 3 за 1927 г.).

В статье о союзе металлистов т. А. Кац свел на нет роль тульского союза металлистов, имевшего несколько сот членов рабочих-металлистов оружейного и патронного заводов. Мало того, он совсем умолчал о том крупном стачечном движении, которое развернулось в Туле в 1915—16 г. г.

Тульский союз металлистов провел две грандиозных стачки на патронном заводе. Одну в июле — августе 1915 г. (количество участников — до 10.000 человек). Стачка эта возникла стихийно, но протекала вполне организованно под руководством союза. Однако реальных улучшений басговавшим рабочим она не принесла.

Вторая стачка возникла в середине января 1916 года. Она была организована союзом, продолжавшим борьбу за достижение тех требований, которые были отвергнуты в предыдущей стачке.

В стачке принимало участие до 12.000 человек. Закончилась она приблизительно к 10 февраля под давлением сильнейших военно-полицейских репрессий, локаута патронного завода, мобилизации молодых рабочих (работавших до того „на оборону“) и отправки их на фронт.

Союз металлистов г. Тулы, правда, не был на 100% большевистским, но большевистская организация в Туле была не менее сильна, чем меньшевистская и в деле руководства союзом играла колоссальную роль.

Достаточно назвать такие имена старых большевиков-рабочих, как Шверник, Степанов С. И., Матвеев, Белостоцкий, Теплов П. П., Бригадиров Ник. (все они принимали видное участие в работе союза), чтобы видеть, что тульский союз металлистов не был меньшевистским „кодлом“. Нет, он был ареной славной борьбы с меньшевистскими элементами в период 1914 — 1916 г. г.

О роли союза металлистов в период Октябрьской революции лучше и не говорить. Об этом у т. Каца ничего нет. От Февральской революции он перешел прямо к гражданской войне 1918—20 г. г. При чем участие металлистов в гражданской войне, — по его освещению, — выразилось в устройстве... двух съездов профсоюза.

Не лучше дело обстоит и с профсоюзом текстильщиков. Так, например, обойдена полным молчанием крупнейшая стачка (30.000 человек) ивано-вознесенских текстильщиков в январе 1898 г.

О стачке кастромских ткачей, происходившей в июне 1915 г. и подавленной вооруженной силой (14 убитых и много раненых) не сказано ни слова.

Об июльской стачке ивано-вознесенских ткачей в 1915 г. сказано так: „она (стачка.— М. О.) продолжалась три дня и закончилась победой...“ (стр. 133). В Хрестоматии Истпарта ЦК ВКП(б) (том 7-й) сказано, что стачка „...сопровождалась крупными демонстрациями, со знаменами, пением революционных песен, лозунгами: долой правительство, всеобщая амнистия“ и т. д. Было 100 убитых и 40 раненых (стр. 143). Выдержка из Женевского центрального органа РСДРП — „Социал-Демократ“, № 47 от 13/X — 1915 г.).

Остальное повествование о текстильщиках во многом аналогично тому, что уже сказано о горняках и металлстах.

Мы намеренно остановились подробно на оценке очерков т. А. Каца по трем крупнейшим профсоюзам СССР. Недопустимые ошибки, пробелы в очерках т. Каца симптоматичны и для других авторов. Симптоматичны уже по одному тому, что все очерки написаны по одному шаблону. Причина этого шаблона кроется в том, что у всех авторов имеется тенденция описывать аппаратное развитие профсоюзов, а не историю профдвижения. Направление же этому шаблону дано статьей Ю. К. Милонова.

Главнейшие недостатки сборника и всех помещенных очерков таковы: совершенно недостаточно освещены вопросы борьбы с меньшевиками, взаимоотношения отдельных профсоюзов с партией, участие профсоюзов в гражданской войне, работа среди женщин и молодежи, охраны труда, не везде освещены меры борьбы с безработицей, равно как и отсутствуют цифры, характеризующие состояние и многое другое. Плохо разработаны данные в области производительности труда, трудовой дисциплины, о работе фабзавкомов, производственных совещаний и комиссий.

Кроме недостатков, рецензируемая книга имеет и некоторые достоинства. Основное из них заключается в том, что книга эта является первым почином в деле создания исторической литературы по вопросам профдвижения. Для серьезного, вдумчивого читателя она может дать необходимую канву, при помощи которой он сумеет достать дополнительный материал и проработать вопросы профдвижения.

К сожалению, указатели вспомогательной литературы недостаточно полны, и это затрудняет отыскание источников для проверки различных фактов профдвижения. Но будем надеяться, что книга эта будет переиздана, и Истпроф, учтя ее недостатки, устранил их в новом издании. При переиздании особое внимание следует уделить привлечению к работе большего количества авторов, знакомых с вопросами профдвижения.

В техническом отношении книга издана безукоризненно.

В заключение следует указать на непомерно высокую для юбилейного сборника цену — 3 р. 40 к. Цена эта делает сборник недоступным для массового читателя.

Г. О. КАРПЕНКО

1. „Из истории Октябрьской революции в Киеве“. Госиздат Украины, 1927 год.

Київський Істпарт перше десятиріччя Жовтневої революції відзначив виданням декількох окремих збірок статей та споминів з історії Жовтневої революції й громадянської війни на

Київщині. Таким ювілейним виданням Київського Істпарту є й цей збірник, що ми оце рецензуємо.

В збірнику є статті на такі теми: 1) загальний нарис Жовтня в Києві (стаття т. Затонського, 2) воєнно-революційний комітет (стаття т. Пуке), 3) більшовицька Київська організація в Києві 18 року (статті т. Іткінд) і жовтнева боротьба в Київському арсеналі (спомини т. Лещинського).

Добір матеріалів, як бачимо, трохи випадковий і цілковитої картини підготування й розвитку Жовтневої революції в тодішній столиці України, в Києві, і усіх складних політичних обставин, в яких вона (революція) відбулася, не дає.

Це можна з'ясувати, правда, труднощами дістати матеріяли та спомини, особливо по Києву, бо багатьох активних учасників жовтневих подій у Києві нема уже в живих, а багато перебувають геть за межами України.

Що до змісту окремих статей та матеріалів, то треба відзначити, що Київський Істпарт зібрав цінні й цікаві матеріяли. Такі статті, як стаття т. Затонського, т. Пуке „Военно-революционный комитет и октябрьское восстание“ та стаття т. Іткінд „Из воспоминаний о работе Киевской большевистской организации“, відкривають дійсно перед читачем цілі нові сторінки з історії героїчної пролетарської боротьби на Україні, заповнюючи тілом і кров'ю сухі хронологічні схеми з історії цієї боротьби, які оставила вона нам в більшості на сьогоднішній день життя.

Великим плюсом, що до змісту цих збірничків є також і те, що Київський Істпарт майже до всіх статей додає свої примітки як формального, так і ідеологічного змісту. В деяких примітках наведено й документи, що торкаються тих чи інших подій, які описується в статтях. Це надає збірникові, складеному з різnorodного матеріялу, ідеологічно більш витриманого характеру і більшу повноту та цікавість.

Але при цілком правильних зауваженнях до хиб деяких статей, деколи зустрічаються не зовсім точні оцінки тих поглядів, які виправляються. Так, в оцінці позиції т. Пуке, який в своїй статті виразно проводить погляд колишніх київських „лівих“, виправдуючи їх позиції, так відзначається, що „основна вада, яка призводить т. Пуке до цілої низки помилкових поглядів, є те, що він розглядає всі події здебільшого з погляду чисто військового, абстрагуючись від загальнополітичних обставин“ (стор. 27 — примітка редакції). А проте „основна вада, що призводить його до низки помилкових поглядів“, є саме належність поглядів т. Пуке до поглядів „лівих“ (в минулому), при чому про цю належність відзначено в тій же примітці.

Наприкінці, декілька слів лише про одну із статей, це саме про спомини т. Лещинського — „Эпизоды вооруженной борьбы Киевского арсенала“, що вміщені в збірничкові.

Про ролю Київського арсенала в боротьбі за владу рад на Київщині написано вже чимало статей та спогадів і, здавалось би, вже мало що сказати нового, але спогади т. Лещинського вирізняються так змістом, як і своєю формою від усього, яке до цього часу було написано, що зовсім правильно зробив Істпарт, коли він, не дивлячись на раніш опублікований матеріал, вирішив опублікувати їх в своєму ювілейному виданні.

Це дійсно живий образ одної з сторінок історії героїчної боротьби київського пролетаріату, що його мусять знати як можливо ширші кола робітничої класи. Але якраз у цих споминах, які так вирізняються серед інших споминів так своїм змістом, як і формою, є низка моментів, що не зовсім точно передають епізоди цієї боротьби, на які слід звернути увагу. Так, за товаришем Лещинським виходить, що організація виступу в Київському арсеналі починається лише в неділю 29-го Жовтня (старого стилю), тоб-то з того моменту, коли в ньому приймає участь і сам т. Лещинський. Коли б це було так, то 29 квітня в Київському арсеналі не було б кому виступати, бо в неділю й свята в арсеналі вже з початку революції не працювали. Коли ж все-таки в неділю в арсеналі були робітники, то це лише тому, що підготовка до повстання в арсеналі почалась не в неділю, а в суботу з першими звітками про арешт Ревкому, коли в арсеналі працювала нічна зміна робітників. Оця зміна й була першими повстанцями в арсеналі, до яких на ранок приєднались як окремі робітники, що мешкали недалеко біля арсеналу, так і частина хворих з військового шпиталю. Військова охорона, про яку зазначає т. Лещинський, приєдналася до повстання лише вночі на понеділок 30/X. До того ж часу вона додержувалася якогось невиразного нейтралітету.

Під сумнів також доводиться брати і сам момент початку боротьби в Києві. За відомостями преси, яких додержується т. Лещинський, це мов би то трапилося в неділю о 5-ій годині ввечері, сигналізуючи з аероплану. Це дійсно так було. Але це відноситься до початку загального виступу сил в Києві, але боротьба в Києві починається не з цього виступу, а із спроби юнкерів захопити горну батарею, а це було не ввечері в неділю, а вночі проти неділі, годин біля 3-х. Ця нічна атака примусила поспішати з підготовкою повстання, а хворих військового шпиталю прийти на ранок по зброю до арсеналу. Арсенал в цей час був уже озброєний, але не виступав, бо мав всього по 3—5 набоїв на рушницю, в зв'язку з чим було дано категоричного наказу стріляти лише в тому разі, коли юнкери розпочнуть наступ на арсенал. Оскільки такого наступу юнкери не зробили, арсенал провів всю ніч спокійно. (Дані відомості подаються за власними спогадами, а через те потребують ще перевірки—Г. К.).

Мальовничо також, але не зовсім точно передав т. Лещинський епізод із набоями та гарматною стріляниною із арсеналу (збірник 1-й, стор. 112). Ніхто тих набоїв, відомо, не робив, як розповідає т. Лещинський, а вони були готові в арсеналі (їх було 4 штуки). В арсеналі ж вони були тому, що кожна гармата, яку випускав арсенал із ремонту, перш, ніж відправлялася на фронт, вивозилась на полігон для спроби. З цією метою в арсеналі дуже часто бувало по декілька учебних гарматних набоїв, основна властивість яких полягала в тім, що вони стріляли як слід, але самі набої не розривалися, тому що замість вибухових речей був начинений різними осколками лише для ваги підчас польоту. Оці 4 набої, які випадково були в арсенальному льоху, і були тією артилерією, про яку так барвисто розповідає т. Лещинський. Знайшов їх і приладив до гармати не унтер-офіцер Лебедев, як каже т. Лещинський, а один із робітників зборочного цеху, який завжди виїздив на спробу гармат (прізвище не пам'ятаю, але знаю, що це він робив через те, що разом збирав розібрану гармату, з якої потім разом і стріляли.— Г. К.).

Невідомо також, про який ліхтар каже Лещинський (збірник перший, стор. 113). До гармат ніякого ліхтаря не було потрібно. В арсенальських гармат як чого й не було, то це не ліхтаря, а прицільних приладів, які залишалися, коли здавалася гармата до ремонту в артсклад, тому наводити гармату доводилося прямою наводкою, ловлячи точку прицілу через жерло гармати.

Зазначені факти самі по собі не мають того рішучого значіння, щоб вони могли міняти загальну картину повстання, що її дав у своїх споминах т. Лещинський, але, оскільки вони відходять хоч би де в чому від дійсности, нам здається, що треба на це звернути увагу. Це потрібно зробити через те, що деякі з них як в момент початку повстання й виявлення детальніше груп робітництва, які приймали участь в боротьбі Київського арсеналу, мають на сьогоднішній день не лише формальне значіння. Від того, чи будемо мати дані про масово-організований рух в Жовтні, чи стихійний вибух передових загонів пролетаріяту, будуть залежати в деякій частині і наші оцінки як самого ходу повстання, так і його перших поразок.

Це диктує нам з особливою увагою відзначати найнезначні хибі у автора, бо лише тоді ми будемо мати правильний образ пролетарської революції.

Нема чого казати, що зазначені хибі, що їх ми вважали за потрібне відзначити, ні в якому разі не зменшують ні вартости появлених робіт Київського Істпарту, ні корисности тієї праці, яку він уклав для їх видання.

Невідомо лише, чому збірник цей видано не українською мовою. А також підкреслюємо випадковість і до певної міри хаотичність цю до підбору матеріялів збірника.

ШЕР

Під гнітом німецького імперіялізму—1918 рік на Київщині. Київський Істпарт. ДВУ. 304 стор.

Вісімнадцятий рік для України був великою поразкою революції, але він був в той же час і роком великого революційного підйому. Під чоботом військової диктатури підіймалися до політичної свідомости, до рішучої боротьби за соціяльне визволення селянські маси, виковувалася змичка бідняцького села з пролетарським містом. Українські більшовики загартовувались у кривавому підпіллі імперіялізму, вперше навчалися керувати не тільки робітничими дружинами, але й селянськими партизанськими загонами, придбали технічний військовий досвід нової „отечественной“ війни. Цей рік для України становить цілу епоху, ще зовсім недосліджену, не дивлячись на наявність численних документів. Київський Істпарт перший зробив спробу розгорнути її привабливі, повні героїзму сторінки. Треба сказати, що ця спроба є досить вдала.

Збірник Київського Істпарту добре складено з статей, споминів, документів. Найцікавіше в ньому — це документи, бо вони правдивіше й яскравіше за найсумлінніші спомини змальовують минуле. Особливо цікава доповідь обласкому на партійній конференції за часів Директорії, резолюції підпільних нарад ревкомів та численні прокламації та відозви, що їх випущено за часів окупації. Всі ці документи говорять про виняткову твердість і настирливість, з якою Київська організація виховувала робітничі та селянські маси для боротьби за радянську владу, для збройного повстання. До цього спричиняла, з другого боку, і гетьмано-німецька політика.

В ст. В. Манілова, що її вміщено в цьому ж збірникові „Повстанський рух на Київщині“ (матеріяли та документи) наведено немало фактів пропаганди вчинками, що їх особливо енергійно провадили німецько-гайдамацькі карні загани.

За споминами вельми поблажливого до карателів гетьманського повітового старости, „німці почали надсилати в усі села та повіти карні експедиції, які, крім розправи з учасниками повстання, що їх масово розстрілювали, хоча й судом, але поспішливим порядком, а тому не завжди правильним і справедливим, провадили безщадні реквізиції й накладали контрибуції десятками та сотнями тисяч карбованців“ . . .

Бували випадки, коли реквізували всю худобу на селі . . . то-що. Ця картина розправи на Звенигородщині є типова для всієї України. Т. Манілов мовою документів розповідає, як селянство відповідало на грабїж та знущання „оборонців незалежности та волі України“. Він подає матеріяли про два найбільші повстання на Київщині, що спалахнули влітку 1918 р.— Звенигородське та Таращанське.

Про селянську війну в інших повітах Київщини розповідають Кравченко, Дзюба, Левченко та інші.

Дуже докладно й повно описано революційні події та працю більшовиків у споминах Кравченка про Радомисль. Але статтю розтягнуто й вона забирає в збірникові непропорційно велике місце. Дуже цікавий, щиро та просто написаний маленький нарис про боротьбу з німцями селян села Соловіївки. Нарис цей складено на підставі споминів самих селян, які залишилися після звірячого побою, що його влаштували німці, караючи за виступ.

Спомини Дзюби про повстання в Київському повіті присвячені головню зустрічам з відомим отаманом Зеленим та невдалим спробам залишити його як прихильника радянської влади.

З статей, так би мовити, обласного масштабу найзмістовніший нарис Дегтяренка, який систематично освітлює роботи Київської обласної та губерніяльної комуністичних організацій, починаючи з перших днів окупації й до повороту радянської влади. Цікавий епізод про спритно устатковану підпільну друкарню розповідає Микита Алексєєв.

Що ж до першої статті — т. Бубнова („Гетьманщина, Директорія та наша тактика“), то вона подає недостатньо матеріалу для вияснення політичних проблем та розходжень за того часу, а головне являє собою в значній своїй частині лише літературний переклад його оповідання, поміщеного в розділі документів (доповідь обласкому на міськонференції 19 січня). Статті Рафеса та Хейфеца описують еволюцію опортуністів із національних меншостей до більшовизму.

Редакція уважно опрацювала статті та матеріали, що видно з цінних приміток та коментарів.

Збірник оздоблено фотознімками з рідких документів, поміж якими вирізняється знаменитий заповіт гетьмана Скоропадського.

Великою допомогою для вияснення послідовності подій того „смутного“ часу є коротка хроніка 1918 року, що становить III розділ збірника.

Політичною та історичною прогалиною збірника є цілковита відсутність у ньому матеріалу про роботу в Києві та губернії лівих с.-р. так українських, як і російських. Без сумніву, що ці партії відіграли в українській революції не меншу, а більшу роль, ніж ті ж самі бундівці, і заслуговують уваги історика не менш, як Бунд з його єврейською міщансько-ремесничою масою, що за ними йшла.

Розповіді про лівих (особливо українських) есерів треба було не для того, щоби віддати їм історичну честь, а для того, щоби подати правдиву й повну картину класової боротьби на Україні 1918 року, що в значній мірі визначила дальші шляхи розвитку української пролетарської революції.

Н. РЕДИН

ОКТАБРЬСКИЕ СБОРНИКИ

1917 год в Харькове. Сборник статей и воспоминаний. Под ред. В. Моргунова и Э. Мачульской. Изд. „Пролетарий“. 1927 г. Стр. 381. Ц. 1 р. 50 коп.

Октябрь на Одешине. Сборник статей и воспоминаний к 10-тилетию Октября. Одесса. 1927 г. Стр. IX 492. Ц. 2 р.

Испартотделы окружкомов проделали на местах большую работу по собиранию материалов для истории Октября. Результаты этой работы по двум округам мы имеем перед собой в виде рецензируемых сборников.

Как собрание материалов оба сборника имеют огромную ценность. В них сосредоточены главным образом воспоминания (зачастую подкрепленные документами) непосредственных участников событий, воспоминания, большей частью проверенные и подтвержденные другими участниками тех же событий. Иначе говоря, это не просто архивный материал, еще подлежащий проверке, а материал, уже в некоторой степени проверенный, сличенный и, в известной степени, систематизированный. Оценивать сборники, таким образом, приходится не только с точки зрения помещенного в них материала, но и с точки зрения предварительной работы, проделанной над ними редакциями.

С этой стороны нельзя не отметить большей обработанности и ценности одесского сборника. В то время, как материалы харьковского сборника помещены в случайном порядке, так, что руководящие и основные статьи помещены среди массы мелких и отрывочных воспоминаний и заметок, одесский сборник строго систематизирован, руководящие статьи выделены и сгруппированы в отделе „Предпосылки Октября“, а материалы и воспоминания распределены между двумя другими отделами, один из которых посвящен гражданской войне и советскому строительству, а второй — жизни парторганизации.

Сборники посвящены Октябрю, т. е., по общепринятому пониманию этого термина, периоду борьбы пролетариата за власть. Поэтому редакция сборников целиком права, когда в юбилейных сборниках помещает материал о 1918, 1919 и даже о 1920 годах. Однако, дальнейшее растяжение этого периода нам кажется нецелесообразным. Мы сомневаемся в целесообразности смешения двух различных, хотя и тесно связанных, вопросов: вопроса об истории Октября и вопроса об итогах десятилетия Октября. Каждый из этих вопросов требует своего самостоятельного, внимательнейшего исследования. Поэтому попытка Одессы осветить и ту, и другую проблему одновременно кажется нам неудачной. Очерков тов. Розенфельда „Одесская промышленность за 1920—1927 г.г.“

полно освещает только историю местной промышленности; арендная промышленность только намечена, а история промышленности республиканского и всесоюзного значения дана отдельно по каждому предприятию. Эти разорванные сведения, даваемые без попытки (невозможной в таких условиях) увязать их со всей историей Одещины за эти годы, ничего ценного для сборника не представляют, хотя и отнимают у него 60 страниц. Большую ценность представляет статья т. Елина — „Одесская организация КП(б)У 1920—24 г.г.“, хотя и эта статья оказывается оторванной от основного содержания сборника, охватывая лишь часть десятилетия, и при том часть произвольно выбранную. Сборник только выиграл бы в цельности, если бы эти статьи были помещены в других изданиях.

Заслуживает внимания метод работы редакции над статьями. Все статьи и воспоминания, помещенные в одесском сборнике, „подвергались предварительно проработке в кружках содействия Истпарту“ (из предисловия). Харьков использовал еще один метод работы — писание коллективных воспоминаний (ст. т. т. Сербиченко, Бунякаина, Плисенко, Л. Иванова, Клименко — о работе на харьковском ж. - д. узле; т. т. Кабаненко, Моргунова, Мирошниченко — о „Харьковской организации в подполье в 1918 г.“). Этим не только достигается максимально-возможная достоверность свелений, но избегаются и повторения, неизбежные при индивидуальных воспоминаниях. Несмотря на это, часть таких повторений есть и в рецензируемых сборниках.

Особенно это не совсем достаточно выполнено в харьковском сборнике, из-за чего пользующийся сборником окажется иногда в затруднении.

Так, на стр. 355 тов. Леонов рассказывает о собрании на Ботаническом пер., № 3, и утверждает, что „на этом заседании мы никаких реорганизаций не производили“, что это было предварительное собрание партийных работников, что лишь после этого, на другом собрании, был сформирован партийный комитет и поручена т. Бурову организация Ревкома. На стр. 328 о том же собрании тов. Волин утверждает, что это было первое заседание Харьковского Ревкома и что там были определенным образом распределены обязанности, а что т. Буров вошел в Ревком лишь спустя некоторое время.

Общие, руководящие статьи сборников распадаются на две части: 1) изложение общего хода событий, 2) вопрос о предпосылках Октября. К статьям первого типа принадлежат: в одесском сборнике — ст. т. Ачканова („От Февраля к Октябрю“) и т. Трилесского („Организация советской власти на Одешине“). И та, и другая статья, к сожалению, оканчивается периодом первой эвакуации города и занятием его немцами (март 1918 г.). Для последующего периода единого сводного обзора нет. В харьковском сборнике общий обзор дан т. Поповым

(„Революционные события в Харькове от июня 1917 г. до декабря 1918 г.“). Желательно было бы несколько более четко отделить такого рода общие очерки, как канву, от воспоминаний и исследований по отдельным вопросам. Ясность и цельность сборников от этого только выиграли бы.

Вопрос о предпосылках Октября во всю ширину поставлен только в одесском сборнике, — и нельзя не поставить ему этого в безусловную заслугу. Этому вопросу посвящена там специальная статья т.т. Мерзберг и Коган — „Экономика Одещины и рабоче-крестьянское движение в 1914—18 г.г.“. Тема статьи — в особенности в части экономики — хорошо разработана. Правильна самая постановка вопроса о местных, специфических предпосылках Октября: „Повсеместно существовали те экономические и социальные причины, которые звали пролетариат и беднейшее крестьянство к ниспровержению существующего строя“ (стр. 47). В этом смысле можно говорить лишь об общих для всего государства предпосылках Октября. Но „в областях, отдаленных от центра, срок и исход выступления для захвата власти решался, на первых порах, соотношением классовых сил и степенью высвобождения пролетариата и беднейшего крестьянства от влияния соглашательских партий в данной местности. В этом смысле можно говорить о предпосылках местного Октября“ (стр. 47—48, курсив мой Н. Р.) Предпосылки „местного Октября“ — это то, что дает специфическую окраску ходу пролетарской революции в данной местности.

Авторы правильно поступили, взяв за основу для выводов по данной проблеме конкретный историко-экономический материал Одещины. Тем досаднее такие ляпсусы, как утверждение, выставленное на первой странице статьи: „Повсюду господствовавшие прежде классы не собирались без боя сдавать свои командные высоты в области экономики и политики, при чем их готовность к сопротивлению возрастала тем больше, чем дальше отдалена была та или иная местность от пролетарских столиц“ (стр. 47). Это — арифметический закон прямой пропорциональности, а не исторический „закон“. Откуда взяли его авторы?

Надо, все же, сказать, что специфические черты подготовки рабочего движения авторами не выявлены. Им удалось дать очень яркую картину положения рабочих Одещины перед революцией; но, не сравнив ее с общероссийскими данными, с данными других пролетарских центров, им не удалось выявить особенностей, кроме разве совершенно правильного указания на богатую почву для мелкобуржуазных влияний на пролетариат (стр. 53). Зато специфические черты местной буржуазии, рассматривавшей себя, как „глашатая“ на Ближнем Востоке, подчеркнуты достаточно. Вызывает сомнения приводимая авторами цифра, указывающая на роль

иностранного капитала в одесской промышленности (9 предприятий из 40 крупнейших). По всем признакам, это не все предприятия, подконтрольные иностранному капиталу, а лишь принадлежащие акционерным обществам, работавшим на иностранном уставе. Влияние же иностранного капитала на общества, работающие на русском уставе, осталось невыясненным.

Специфический характер переворота в различных районах страны не в малой мере объясняется и особенностями их с.-х. экономики. Здесь исследование авторов нужно признать вполне удовлетворительным. С одной стороны, они показали величину и силу докапиталистических пережитков в районе — характерность для него некапиталистических помещичьих латифундий со сдачей земли в аренду; здесь хотелось бы иметь в более детальных цифрах анализ и исследование пережитков докапиталистической аренды. С другой стороны, в цифрах показана высокая степень классовой дифференциации крестьянства, углублявшейся наличием крупных фермерских хозяйств колонистов и приближавшей переростание буржуазно-демократической революции на селе в социалистическую, в то же время усложняя этот процесс благодаря большей, чем в России, силе с.-х. буржуазии, кулака.

Интересно указание авторов на тенденции развития помещичьего землевладения во время войны: рост землевладения одновременно с ростом сдачи этой земли в аренду. Однако, характер этого противоречивого процесса ближе не исследован. К слову сказать: авторы ссылаются (стр. 73) на статью Ленина — „Аграрная программа в первую русскую революцию“. Статья Ленина под таким названием нам неизвестна; но если это неточность формулировки, то это надо признать недопустимой небрежностью.

В харьковском сборнике вопрос о предпосылках Октября разбирает, по сути дела, только т. Качинский в статье „Крестьянское движение“, затрагивая вопрос о предпосылках аграрной революции. Статья содержит массу ценнейших, впервые публикуемых материалов по истории крестьянского движения в 1917 г. Однако наряду с этим приходится отметить некоторые пункты, требующие уточнения и подтверждения.

Прежде всего, необходимо уточнить проблему буржуазно-демократической аграрной революции на Харьковщине и ее перерастания в социалистическую.

Нам кажется, что автор склонен преуменьшать значение буржуазно-демократического переворота на селе, как этапа на пути к социалистической революции. Основным фактором б.-д. крестьянской революции мы привыкли считать „тягу“ крестьянина к земле, т.-е., выражаясь точнее, стремление крестьянства к созданию на земле хозяйства фермерского типа. Земельный голод — основной стимул. Тов. Качинский утверждает, что накануне Февраля эти стимулы перестают

действовать. „Война смягчила остроту арендного вопроса“, — пишет он (стр. 184). „Данные за 1916 год и весну 1917 года отмечают падение спроса на землю“ (там же). „Годы войны значительно ослабили „тягу к земле“ со стороны малоземельного крестьянства Харьковщины“ (стр. 187). После Февральского переворота село молчит. „О земле только говорили. Вспоминали о том, что ведь революция 1905 г. началась (курсив мой — Н. Р.) с основного — „земельного конца“. По газетам да по случайным выступлениям „ораторов“ вспоминали (курсив мой — Н. Р.) лозунг „земля и воля“, но не знали, что же надо делать сейчас, сегодня“ (стр. 195). „Для крестьянства в марте — апреле 1917 г. революция еще не начиналась, для него еще не создавалась необходимая обстановка“ (стр. 200).

Нам кажется, что с такой характеристикой трудно согласиться. На основании неизбежного падения во время войны спроса на землю со стороны крестьянства никак нельзя делать вывода об „ослаблении тяги к земле“. Можно говорить лишь об остром кризисе крестьянского хозяйства, не с ним а о вопросе о земле, а лишь об острейшем его и переносящем в иную плоскость. Сам же Качинский на следующих страницах приводит множество данных о разворачивающемся уже в марте - апреле „арендном движении“. Низкие арендные цены, за которые боролось (и во многих случаях проводило) крестьянство, означали, по словам самого же т. Качинского, что „эта арендная плата являлась чисто номинальной“ (стр. 211). Уже летом 1917 г., под напором крестьянских масс, уездная земская управа выработала такое положение о порядке взноса арендной платы, которое означало в сущности „конфискацию помещичьей земельной собственности в части арендного фонда“ и сдачу его за плату крестьянству (стр. 212). Правда, это положение не было утверждено, — не было проведено в жизнь, — но можно ли при наличии всего этого говорить об „ослаблении тяги к земле“? Арендное движение, все крестьянское движение 1917 г., а особенно в этот период, необъяснимое с точки зрения „ослабления арендного голода“, должно быть рассматриваемо не как нечто противоположное аграрной революции, а как ее подготовительная ступень, когда инстинктивное крестьянское движение на этом этапе не нашло еще своей специфической свойственной ему формы, при чем немалую роль в задержке развертывания аграрной революции сыграло влияние эсеров на селе и вся политика керенщины.

Нужно отметить один прямой недосмотр автора. Он утверждает (стр. 184—185), что за годы войны уровень довоенной арендной платы не падал: в 1914 г. арендная плата под яровой посев была 21 р. 22 к., в 1916—21 р. 89 к. „Ослабление конкуренции между крестьянами при аренде земли вовсе не привело к понижению арендной платы“. Говорящий так

забывает о падении ценности денег во время войны. Если учесть хотя бы рост цен на одни лишь зерновые культуры (см. стр. 181), и то получим падение арендной платы в $2 - 2\frac{1}{2}$ раза.

Таким образом, предпосылки аграрной революции на Харьковщине у т. Качинского выяснены не в достаточной мере. Утверждая почти полную пролетаризацию бедноты и рост кулацкой верхушки (к сожалению, цифр, иллюстрирующих это положение, нет), т. Качинский обходит вопрос: как же обстояли дела на фронте борьбы между крестьянским и помещичьим капитализмом? Борьба между „прусским“ и „американским“ типом развития — „снята“ она была историей к февралю 1916 г. или не снята? На эти кардинальные для суждения о крестьянстве, как революционной силе, вопросы нет ответа у тов. Качинского. Точно так же не совсем правильной, с нашей точки зрения, является и оценка тов. Качинским связей между рабочими и крестьянами уже весной 1917-го года. Тот факт, что почти всюду решительные крестьянские выступления весны 1917-го года связаны с участием в этих выступлениях рабочих, говорит вовсе не о том, что крестьянство лишь „в отдельных случаях“ (стр. 202) выступало решительно; дело не в этом: для „раскачки“ села всегда нужен известный, довольно длительный срок. Эти факты могут служить лишь доказательством того, что в 1917-м году уже с весны пролетариат начал брать в свои руки руководство крестьянским движением.

Как освещен в сборнике вопрос об организации советской власти? В одесском сборнике ему посвящен целый ряд статей: воспоминания участников работы одесского Совнаркома (т. т. Юдовского, Рузера, Южного, Черкунова) и специальная статья-исследование т. Трилиссского — „Организация советской власти на Одешине“. Все вместе взятое дает довольно полное представление о работе органов власти. Совершенно прав т. Трилиссский, когда рассмотрение организации советской власти он начинает с дооктябрьского периода. Постепенное „обольшевичение“ Советз, руководящая роль в нем большевиков при не большевистском большинстве, подготовка захвата власти, создание „Одессы — вольного города Украины“, захват власти, организация одесского Совнаркома — все это не только имеет большое историческое значение, не только читается с захватывающим интересом, но имеет и огромное практическое значение, как учет всего большевистского тактического опыта. Тем более досадно, что и здесь кое-где попадаются фактические неувязки, искажающие общую картину.

Так, тов. Трилиссский пишет: „Первый период существования советской власти на Одешине характеризуется подъемом революционного настроения масс. Началась усиленная организация рабочего класса и его деятельность в области разрешения

хозяйственных задач... Широко развернувшаяся работа по организации революционных сил Одессы и советскому строительству была прервана вмешательством посторонних сил в лице австро-немецких империалистических армий“ (стр. 189—190). А вот что пишет об этом же периоде тов. Юдовский, бывший председателем Совнаркома: „Я был от отдельных комиссаров совершенно оторван, сидел в президиуме и занимался именно текущей работой, никем не руководя... Ко мне приходили плачущие женщины, которых я утешал, обиженные люди, которых я принимал и успокаивал, была масса мелочей, связанных с текущей жизнью, но ничего общего не имевших с руководством всеми событиями... Мы ничего не имели и были бедны в буквальном смысле слова, как церковные курсы. Мы потеряли даже то, что надо было прежде всего сохранить: влияние на массу к этому периоду, и это произошло потому, что мы слишком сильно погрузились в нашу повседневную жизнь, мы от масс оторвались совершенно“ (стр. 141—142). Противоречие несомненно. Нам кажется, что правда на стороне тов. Юдовского и что это правдивое признание ценнее и важнее для партии и рабочего класса, чем многие и многие описания „широкого разворачивания работы“ и т. д.

Другое противоречие — более мелкое — между тов. Триласским и тов. Юдовским в оценке прихода Муравьева: в то время, как тов. Триласский пишет, что „укреплению военными силами Одессы и скорейшему объединению красных частей содействовало прибытие отряда во главе с Муравьевым“ (стр. 189), тов. Юдовский утверждает: „когда эти красногвардейские массы, которые возглавлялись Муравьевым, прикатили в Одессу, то, по моему мнению, к этому времени у них был момент максимального разложения, и идеологом этих разложившихся отрядов был сам Муравьев. В этом была наша великая беда“ (стр. 142). Можно было бы привести еще ряд таких же мелких фактических неувязок, неотмеченных и необъясненных редакцией сборников.

Вопрос об организации власти специально в харьковском сборнике не разработан. Зато богато разработан вопрос об организации Красной гвардии; что особенно интересно — дана история красногвардейских отрядов при отдельных предприятиях — ВЭК, железно-дорожные мастерские и т. д. Очень четко показана Красная гвардия, как непосредственная форма вооружения пролетариата.

Множество ценных материалов есть также по истории партийных организаций.

Особенно это нужно отметить по одесскому сборнику, где специально истории парторганизаций посвящен целый раздел — девять статей. Техника подпольщины выявлена довольно полно. Ценно изображение и з о в о й нелегальной работы — на смычке

с массой; особенно богатый материал в этом отношении дают статьи т. т. Агаларова и Александрова. Высоко ценны воспоминания (подкрепленные рядом документов) т. Соколовской, не только как авторитетные свидетельства одного из непосредственных участников и руководителей борьбы, но и как материал, показывающий как вырабатывается большевистская тактическая линия на каждом сложном изломе с учетом всех сложных и противоречивых обстоятельств. Статья показывает четкую ориентировку парторганизации не только между двух, но даже между трех огней (петлюровцы, добровольцы, французы) — ориентировку одновременно на максимальную законспирированность и максимальную связь с массой, — на накопление боевой силы (вооружение и т. д.) и на использование всех „легальных“ возможностей; так, тов. Соколовская рассказывает о своем „визите“ к французскому генералу д'Ансельму в составе делегации Совета. Трудность отделить одну сторону революционной работы от другой сказывается и здесь. Целый ряд статей, посвященных истории парторганизации, чуть ли не большую часть места отдает истории всей борьбы — и по линии Советов, и по линии профсоюзной и т. д. В известной мере это неизбежно, — партия целиком тесно связала себя со всей борьбой класса, — но все же сосредоточение внимания на отдельных сторонах работы, на партийной организации необходимо.

В харьковском сборнике специально история партии освещена двумя статьями: т. Буздалина о 1917 годе и т. Леонова о 1919 г. Статья т. т. Кабаненко, Моргунова и Мирошниченко, посвященная 1918 году, рассказывает о работе Ревкома. В связи с тактической линией подпольных организаций, хотелось бы иметь более полные данные о борьбе большинства и меньшинства в Харьковском комитете, борьбе, приведшей к выводу т. Бурова из состава комитета.

Особо нужно отметить замечательный исторический документ, напечатанный в одесском сборнике: речь тов. Володарского на II с'езде Румчерода 12 декабря 1917 года. Поразительная четкость и смелость основных положений, редкостное овладение аудиторией, блестящая, несокрушимая большевистская логика делают эту речь одной из лучших речей погибшего товарища.

В заключение следует отметить, что свою цель — учет и изучение октябрьского опыта — сборники безусловно выполняют.

Надо было бы позаботиться и о том, чтобы итоги всей нашей работы по изучению Октября стали — в той или иной форме — доступны другим секциям Коминтерна. Там они сослужат большую службу.

v

ΧΡΟΗΙΚΑ

ИСПАРТРАБОТА НА МЕСТАХ

ДНЕПРОПЕТРОВСКИЙ ИСПАРТ

(По материалам обследования и отчету с 1/IV по 1/X 1927 г.)

Обследование Днепропетровского Испарта, проведенное в июле текущего года зав. Испартом ЦК КП(б)У тов. Ивановым, выявило ряд достижений в его работе.

Днепропетровским Испартом проведена большая работа по собиранию материалов для хроники революционных событий на Днепропетровщине за 1917—18 г.г. Собран также ценный материал для юбилейного сборника к 10-й годовщине Октября. Вся эта работа проведена исключительно силами Испарта, что указывает на работоспособность его аппарата. Испартотдел пользуется авторитетом среди рабочих и партийных масс. Отношение ОПК к испартработе хорошее.

Однако, наряду с этими положительными сторонами, в работе Днепропетровского Испарта было отмечено и ряд отрицательных моментов. Так, например, недостаточна увязка с работой Окрарха и краевого архива, слишком слабо руководство этими учреждениями. Отсюда — невыполнение Окрархом некоторых директив Испарта. Окрарх, например, до последнего времени не привел в порядок архивных материалов периода Октябрьской революции, что лишило возможности использовать их для юбилейных работ. Совершенно отсутствует связь Испарта с Исппрофом, слабо руководство работой Музея Революции.

Кроме указанных, надо отметить также и другие недочеты в работе Днепропетровского Испарта: до сих пор не упорядочен архив ОПК, слабо работает местная группа участников революционных событий на Днепропетровщине, совершенно отсутствует работа райуполномоченных, для научно-исследовательских работ не привлечены научные силы, совещание (коллегия) при Испарте не функционирует.

Для устранения отмеченных при обследовании недочетов и создания нормальной обстановки работы Испарт ЦК КП(б)У предложил Днепропетровскому Испарту ряд практических мероприятий.

Для установления связи и правильного руководства организациями и учреждениями, соприкасающимися в своей работе с Истпартом, последнему предложено организовать совещание (коллегию) в составе представителей: Истпрофа, Окрарха, Музея Революции и Истомола. Эти совещания должны заслушивать планы работ и отчеты перечисленных организаций и учреждений и давать им необходимые инструктивные указания.

Кроме того, Истпарту предложено принять решительные меры к использованию научных сил Днепропетровска путем организации семинаров, кружков содействия и дачи отдельных заданий научным работникам. Предложено также усилить работу местной группы участников революционных событий на Днепропетровщине.

Из полученного от Днепропетровского Истпарта полугодического отчета видно, что ряд указаний Истпарта ЦК в настоящее время проведен в жизнь, но некоторые из них, как, например, вопрос оживления работы истпартовского совещания (коллегии) и окончательное урегулирование взаимоотношений с Музеем Революции, остались еще открытыми. Днепропетровскому Истпарту придется разрешить их в ближайшем будущем.

За истекшее отчетное полугодие взаимоотношения Истпарта с ОПК значительно окрепли. Все более или менее значительные вопросы разрешались на бюро ОПК или путем совещаний с секретарем или заведующим Агитпропом ОПК.

Работа Днепропетровского Окристомола за истекшее полугодие несколько оживилась. К юношескому дню была выпущена небольшая брошюра с изложением краткой истории КСМУ. С сентября началась усиленная подготовка к изданию юбилейного сборника. Собрано несколько воспоминаний, статей и прочих материалов. Работа Истомола особенно продвинулась с назначением нового заведующего.

По предложению Днепропетровского Окристпартотдела местным Музеем Революции, наряду со сбором экспонативного материала по районам б. Екатеринославской губернии, проводится сбор воспоминаний и прочих материалов, необходимых для работы Окристпарта. Однако, несмотря на обоюдную договоренность о том, что основной материал (газеты, воззвания, листовки и проч.) должны сдаваться в Окрарх, откуда им можно будет пользоваться как для исследовательских работ Истпарта, так и для работ Музея Революции, последний материалов не сдает, создавая самостоятельный архив. Это недоразумение должно быть изжито внутренним порядком на заседании коллегии Окристпарта.

Одной из ближайших задач Днепропетровского Истпарта должно быть также установление связи с Истпрофом и осуществление руководства его работой.

За последнее время наладились нормальные взаимоотношения с Окрархом. Вследствие сильного сокращения аппарата

Окскарха создалась угроза прекращения работы по упорядочению архивных фондов, или, в лучшем случае, замедления темпа ее настолько, что использование архивных материалов станет весьма затруднительным. Окристпартом уже приняты необходимые меры к сохранению хотя бы одной штатной единицы для обслуживания историко-революционного и партийного архивов.

Окристпартом закончено составление хроники революционных событий на Днепропетровщине, которая охватывает 1917—18 г.г. Хроника отправлена в Истпарт ЦК КП(б)У и ЦК ВКП(б).

Вышел из печати подготовленный Истпартом сборник — „Екатеринослав в борьбе за власть Советов“ (20 печатных листов)¹).

Истпартом подготовлена к печати популярная брошюра тов. Аверина — „Октябрьская революция на Днепропетровщине“. По согласованию с ОПК брошюра передана для использования в Истпарт ЦК КП(б)У. Подготовлена и издана брошюра т. Колоса — „Из истории повстанческого движения на Екатеринославщине“.

Необходимо отметить, что в виду неподготовленности местных архивных органов и слабого участия в подготовке юбилея со стороны активных участников Октября на Екатеринославщине, работа Окристпарта в этой области страдала отсутствием плановости.

Из отчета Истпарта видно, что в отношении архивов по рабочему движению (архивы труда) в Днепропетровском округе существует большой беспорядок. Несмотря на протесты Окристпарта, до сих пор архивные фонды хранятся в подвалах отдела труда. Часть дел по рабочему движению (около 50 папок), по заявлению Окристпарта наиболее интересных, местным Горным Управлением сданы научному сотруднику ВСНХ и увезены им в Харьков и т. п. Объясняется все это отсутствием при Днепропетровском Окскархе специального отдела — архива труда. Без вмешательства Укрцентроархива и Истпрофа урегулировать этот вопрос на месте Окристпарту вряд ли удастся.

В заключение считаем необходимым указать на чрезвычайно медленное и слабое обростание Днепропетровского Окристпарта истпартовской общественностью. В частности, до сих пор еще не раскачались как следует уполномоченные Истпарта. Количество их также не может быть признано достаточным.

В общем же, несмотря на ряд недостатков, проделанную Днепропетровским Истпартом работу надо признать значительной.

¹) Общая оценка сборника будет дана в отделе библиографии.

АРТЕМОВСКИЙ ИСПАРТ

(По отчету с 15/IV по 15/X — 27 г.)

Как уже сообщалось в предыдущих обзорах, Артемовский Окристпартодел начал свою работу с половины апреля месяца текущего года, но, несмотря на это, ему удалось достигнуть значительных результатов.

В области организационных мероприятий: Истпартом выделены по всем районам округа райуполномоченные, инструктирование которых проводилось на окружном совещании и путем посылки инструктивного материала.

Состав уполномоченных подобран удачно — почти все они являются активными участниками Октябрьской борьбы и гражданской войны в Донбассе, а некоторые работали даже и в революционном подпольи. По партстажу они распределяются следующим образом: 15% — 1917 г., 39% — 1918 и 1919 г.г., 31% — 1920 и 1921 г.г. и 15% — 1924 и 1925 г.г. В наиболее крупных предприятиях и отдельных селах Истпартом выделены ячейковые уполномоченные, в количестве 59 человек.

Работа по выявлению активных участников революционного движения, проведенная уполномоченными, дала Артемовскому Истпарту возможность организовать почти по всем районам группы участников редвижения в Донбассе. Таких групп организовано по округу 48 и они охватывают до 500 активных участников Октябрьской революции и гражданской войны. Значительно помогла организации истпартовской общественности с успехом проведенная Окристпартом „Неделя Истпарта“. Во время этой кампании Артемовский Истпарт пропагандировал истпартовские задачи и необходимость широкого привлечения живых участников редвижения к работе Истпарта. Благодаря широкой пропаганде и хорошо поставленной работе групп участников революционного движения Окристпарту, несмотря на летний отпускной период, удалось собрать значительный архивный материал (листочки, отдельные номера газет, приказы, воззвания, избирательные списки, документы заводской администрации и проч., в количестве 1110 экземпляров) Все документы относятся, главным образом, к 1917 — 1918 — 1919 г.г. (994 экз). Остальные — к дореволюционному периоду. Материалы эти являются особенно ценными, так как в Артемовске нет никаких архивов указанного периода (уничтожены во время бандитских набегов).

Кроме собирания документов и других материалов, группы участников редвижения проявили максимум энергии в работе по составлению воспоминаний, их коллективной проверке и проработке.

За время существования групп (примерно с июля месяца 1927 г.) Артемовскому Истпарту удалось собрать 229 воспоминаний.

Собранные воспоминания (конечно, не все) имеют самостоятельную ценность. И все они послужили ценнейшим материалом для составления обзоров Октябрьской борьбы по отдельным районам Донбасса и хроники революционных событий.

По заданию Истпарта ЦК КП(б)У Окристпартотделом составлена хроника революционных событий за 1917 г. (главным образом по Константиновскому и Краматорскому районам).

В области издательской — работа Истпарта сводилась к подготовке юбилейного сборника, освещающего Октябрь и гражданскую войну в Донбассе. С этой целью Окристпартотделом были отобраны наиболее ценные воспоминания активных участников редвижения и, по заданиям Истпарта, отдельными товарищами были написаны статьи на основе документальных материалов. Сборник состоит из трех отделов: 1) Предпосылки Февральской революции. 2) Февральская и Октябрьская революция и 3) Гражданская война. Наряду с этой работой Артемовский Окристпартотдел регулярно помещал отрывки из воспоминаний участников редвижения в местной газете „Кочегарка“.

Работа Артемовского Окристпарта поставлена на правильные рельсы. И именно поэтому, даже при недостаточности материальных и технических возможностей, несомненно будет развиваться.

ОДЕССКИЙ ИСПАРТ

(По отчету с 1/1 по 1/X — 1927 г.)

За отчетный период Одесским Окристпартом проделана большая работа по подготовке к юбилею Октября.

Выявлено и взято на учет около 300 активных участников Октябрьской революции на Одещине. Организовано две группы участников редвижения. Благодаря этой работе за отчетное время Истпарту удалось собрать около 200 воспоминаний, как отдельных участников ресобытий, так и коллективных.

В области научно-исследовательской, а особенно издательской работы, Одесским Окристпартом сделано довольно много.

Проведена большая работа по составлению хроники революционных событий на Одещине с 1917 по 1921 г. включительно. Хроника закончена и выслана в Истпарт ЦК КП(б)У и Истпарт ЦК ВКП(б). Своевременная присылка ее в Истпарт ЦК КП(б)У значительно облегчила последнему составление общей хроники по бывш. Одесской губернии. Хроника помогла также работе групп и отдельных участников редвижения на Одещине.

Присланные участниками статьи и мемуары были обработаны Окристпартом. Для этой работы были привлечены студенты ИНО и ИНХ.

К концу отчетного периода, т. - е. к 1 октября п. г., Одесским Окристартом было издано четыре юбилейных брошюры : „Под знаком Антантовской цивилизации“, „Красные партизаны Одещины“, „Очерки Февральской и Октябрьской революций“ и „10 лет КСМ“. Тираж первых трех 4 000 экземпляров, а последней — 5.000.

Кроме того, Истпартом издан юбилейный сборник, освещающий Февральскую и Октябрьскую революции на Одещине.

Истпартом приняты энергичные меры к распространению указанных изданий. Для этой цели приглашен специальный временный работник и привлечены райуполномоченные.

За отчетное время Истпартом проводилась также работа по приведению в порядок партархивов. Ввиду их хаотического состояния Истпарт предполагает закончить эту работу в текущем году.

К сожалению, в Одессе вопрос о передаче партархивов в Окрарх все еще остается открытым. Это ложится известным бременем на плечи Окристарта и так небогатого работниками.

Одновременно с подготовкой к юбилею Окристпарт уделял много внимания реорганизации местного Музея Революции. Работа велась в направлении подготовки экспонатов, характеризующих Февральскую и Октябрьскую революции. Реорганизованы и остальные отделы. При материальной поддержке Одесской Октябрьской Комиссии удалось перестроить щиты, дополнить отделы новыми экспонатами и декорировать Музей художественными картинами из эпохи революционного движения на Одещине.

Подготовка к десятилетию Октября сосредоточила на себе все внимание Одесского Окристарта, что послужило причиной (как это видно из отчета) некоторого ослабления в руководстве работой райуполномоченных, в особенности сельских районов. Так, например, почти совсем не использован для этой цели инструктаж ОПК.

К сожалению, отчет Окристарта слишком сжат и односторонен, что лишает возможности судить о всех сторонах истпартовской работы на Одещине.

Например, совершенно отсутствуют сведения о работе и взаимоотношениях таких родственных Окристарту и находящихся под его общим руководством учреждений, какими являются Истомол и Истпроф. Ничего также не сказано о взаимоотношениях с ОПК и т. д.

Все это Одесский Окристпарт должен в ближайшее время наверстать и исправить, помня, что успех истпартовской работы в значительной степени зависит от того, насколько удастся сгруппировать вокруг Истпарта широкую истпартовскую общественность.

СТАЛИНСКИЙ ИСПАРТ

Основная работа Окристпарта за отчетный период была сосредоточена на подготовке к Октябрьскому юбилею. Истпартом выделена специальная комиссия для редакционной обработки материалов по истории Октября и партии. Материалы эти частично были помещены в местной периодической печати ко дню годовщины Октября.

К Октябрьским торжествам организована специальная выставка, для чего было собрано необходимое количество экспонатов, преимущественно путем фотографирования отдельных местностей, где происходили революционные события, а также путем сбора снимков наиболее активных участников редвижения на Сталинщине.

Для проведения организационных мероприятий по выставке Истпарт через ОПК добился выделения из состава местной совпартшколы группы товарищей, которым и была поручена значительная часть работы по выставке.

В связи с подготовкой к юбилею Истпартом были даны соответствующие инструкции райуполномоченным. В инструкциях указывалось на необходимость устройства вечеров воспоминаний активных участников Октябрьской революции и гражданской войны и на организацию в клубах уголков Истпарта, с выставками материалов и документов по Октябрю, отображающих участие местных партийных и рабочих организаций в революционной борьбе.

К Октябрьскому юбилею Сталинский Истпарт, совместно с Артемовским, подготовил сборник материалов, посвященный революционным событиям в этих округах. Для этого сборника Сталинский Истпарт переслал Артемовскому 11 воспоминаний участников революционных событий.

Наряду с работой, связанной непосредственно с подготовкой к Октябрьскому юбилею, Сталинский Истпарт провел значительную работу по выявлению и концентрации историко-революционных материалов по Сталинщине.

Для изъятия этих материалов в Днепропетровск был командирован секретарь Истпарта. В ближайшее время намечено командировать его в Ростовский, Таганрогский и вторично в Днепропетровский Истпарты для той же цели.

Надо заметить, что такие частые командировки необходимо признать нецелесообразными, так как они отрывают секретаря Истпарта от его непосредственной работы и вызывают излишние денежные затраты. Такие вопросы можно разрешать путем переписки с соответствующими Истпартами, концентрируя только те материалы, которые необходимы для определенных разработок. По этому поводу Истпартом ЦК КП(б)У даны соответствующие указания Сталинскому Истпарту.

* * *

Из настоящего краткого обзора работы некоторых Истпартов видно, что работа значительно расширилась. Этому особенно способствовало то обстоятельство, что местные партийные организации, в связи с Октябрьским юбилеем, стали больше интересоваться вопросами истпартовской работы (заслушивание докладов о ходе подготовки, представление необходимых средств и т. д.).

С другой стороны, расширению истпартовской работы помогло усиление внимания широких партийных и пролетарских масс к вопросам истории партии и Октябрьской революции (группы участников ревдвижения, комиссии и кружки содействия истпарту на заводах и селах, истпартовские корреспонденты и т. д.).

Необходимо, чтобы Окристпартотделы использовали этот проявившийся общий интерес и путем ряда организационных мероприятий и улучшения содержания работы закрепили сгруппировавшуюся вокруг Истпартов пролетарскую общественность.

Кроме того, необходимо отметить одно явление общее в работе почти всех Истпартов, это — слабое снабжение материалами органа Истпарта ЦК КП(б)У — „Летописи Революции“. Этот недостаток должен быть изжит во что бы то ни стало. Без самого активного, инициативного и деятельного участия Истпартов журнал должным образом выполнять своей задачи не может.

Необходимо постоянное снабжение журнала статьями, воспоминаниями, документами, а также и мелкими, небольшими заметками-воспоминаниями, имеющимися в Истпартах.

Помимо этого, необходимо обратить внимание и на заказы и организацию материала для журнала.

Чрезвычайно важно, чтобы Истпарты серьезно поставили вопрос и о распространении журнала, как среди рабочих на предприятиях, так и в партийной организации, в частности среди партактива в пределах своего района, связавшись для этой цели с соответствующими организациями и прибегнув к помощи Окрпаркомов.

Все эти моменты необходимо систематически освещать в своих отчетах в Истпарт ЦК КП(б)У наряду с другими вопросами.

О РАБОТЕ МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ УССР

Вся работа Музея Революции УССР в 1927 году была связана с подготовкой и проведением юбилейной кампании десятилетия Октябрьской Революции. В основном она выражалась в подборе и научной обработке экспонатов, организации юбилейной выставки, выполнении части издательского плана Истпарта ЦК КП(б)У к десятилетию Октября (альбом, плакаты), в составлении серии световых диапозитивов и, наконец, экскурсионной работе.

ЮБИЛЕЙНАЯ ВЫСТАВКА К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Музею пришлось провести большую работу по собиранию материалов для юбилейной выставки. Особенно острый недостаток был в экспонатах по истории Февральской и Октябрьской революций на Украине.

Пополнение экспонативных фондов Музея достигалось различными путями. В результате специального воззвания и ряда дополнительных мероприятий по привлечению общественного внимания к делу собирания экспонатов по истории революционного движения, — в Музей стали поступать материалы из округов, от отдельных граждан и активных участников революционных событий на Украине. Часть этих материалов сдавалась в Музей безвозмездно, часть приобреталась за средства Музея.

На ряду с этим Музей Революции УССР связался с наиболее крупными харьковскими предприятиями; в частности на заводе ВЭК были собраны ценные документы по рабочему движению в Харькове накануне Октября. Значительная часть материала была получена также путем обмена и пересемки с другими музеями Революции (окружными и центральными), а также с Украинским Архивом Революции.

В результате всех указанных мероприятий экспонативный фонд Музея, представленный на юбилейной выставке, по сравнению с прошлым годом увеличился на 986 экз.

В период подготовительной работы к выставке и при построении ее было уделено основное внимание освещению

событий, связанных с историей революционного движения на Украине.

Выставка состоит из двух основных отделов: А) Февральская и Октябрьская Революции 1917 года, Б) Гражданская война на Украине.

В первый отдел включены следующие моменты: предпосылки Февральской революции, Февральская революция в России и на Украине, период от Февраля к Октябрю, подготовка Октября, Октябрьская Революция в России, борьба за Октябрь на Украине, первое Советское правительство на Украине и борьба с Центральной Радой, Донецко-Криворожская Республика и борьба с донской контр-революцией.

Второй отдел выставки состоит из таких материалов: Брестский мир, Австро-Германская оккупация и Гетманщина, КП(б)У и партизанщина в этот период; Директория (петлюровщина) и союзная интервенция на Украине, второй период Соввласти и борьба с кулацкими восстаниями (Григорьев, Струк и др.), деникинщина, партийное подполье в этот период, 3-й период Соввласти и борьба с разрухой, КП(б)У в этот период, война с бело-поляками, ликвидация крымской контр-революции (Врангель), анархо-кулацкий бандитизм на Украине, кризис 1921 года, голод на Украине, переход к НЭП'у и на трудовом фронте.

На выставке помимо этого даны уголки: 1) Жизнь и деятельность В. И. Ленина, 2) Красная Армия, 3) Плакат гражданской войны, 4) Деньги, имевшие обращение на Украине с 1917 года по 1922 год и 5) Художественно-декоративное построение, посвященное десятилетию Октябрьской Революции.

Характер экспонатов представленных на выставке: фотографии, плакаты, гравюры, художественные картины и портреты, прокламации, листовки, газеты, журналы, документы, монтажи, схемы, диаграммы, карты, вещественные реликвии, модели и т. д.

По сравнению с прежними отделами Музея, отдельные части выставки значительно расширены новыми материалами. Разработаны и представлены ряд монтажей по всем С'ездам КП(б)У и Советов Украины, местным парт. организациям, ряд схем, диаграмм и военных карт. Укрцентроархивом для выставки выделена часть архивных экспонатов из своих фондов. Среди этих материалов есть ряд редких документов - подлинников — декреты, распоряжения, материалы партийного подполья (мандаты, доклады, явки и т. д.).

Значительно обогатилась выставка вещественными реликвиями: знамена боевые, советские, контр-революционные, повстанческие, оружие банд, значки, печати, повязки красногвардейцев, агитснаряд, колекция хлебных сурогатов времен голода, модели и т. д.

Всего на выставке 2.528 экспонатов. При построении выставки серьезное внимание было обращено на научную обработку экспонатов. Введен ряд новых пояснений, комментариев, разработаны хроники отдельных событий. При чем вся пояснительно-описательная часть выставки целиком украинизована.

Работу по выставке нельзя считать законченной. Углубленная научная проработка экспонатов и работа по собиранию последних будет продолжаться и в 1928 году, когда выставка будет превращена в постоянный отдел Музея Революции.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА

На Музей Революции УССР было возложено выполнение части издательского плана Истпарта ЦК к десятилетию Октябрьской Революции. Сюда относилось: составление иллюстративного альбома „Октябрьская Революция и гражданская война на Украине“ и серии в 12 красочных плакатов, посвященных этой же теме.

Работа эта, которая начата была Музеем еще весной 1927 года, была своевременно закончена и все эти издания вышли из печати и распространялись за 1½—2 месяца до юбилея Октябрьской Революции. Альбом включает в себя до 100 иллюстраций, наиболее ценных из фонда Музея, которые сопровождаются пояснительным текстом в размере одного печатного листа. Все иллюстрации разбиты по следующим разделам: 1) Февральская и Октябрьская Революции на Украине, 2) Австро-Германская оккупация и Гетманщина, 3) Директория (петлюровщина) и союзная интервенция на Украине, 4) Борьба с Деникиным и восстановление Соввласти, 5) Война с белополяками и бароном Врангелем и 6) Ликвидация бандитизма и переход к мирному строительству.

Изданные 12 плакатов посвящены этим же темам и, кроме того, выделены два плаката по истории КП(б)У, один по ЛКСМУ и один посвященный Красной армии.

Кроме этой работы, Музеем были составлены и проредактированы 7 серий световых диапозитивов к десятилетию Октябрьской Революции, изданных Харьковским Областным Отделом ВУФКУ и, по поручению Истпарта ЦК, переработана и подготовлена ко второму изданию „Схема развития ВКП(б)“.

АГИТАЦИОННО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Эта отрасль работы Музея заключается в проведении по отделам Музея и выставке экскурсий с массовыми посетителями. Из года в год экскурсионная работа растет. Качественно улучшается ее постановка.

Школы - семилетки, профшколы, партийные школы и ВУЗ'ы закрепляют посещением Музея пройденные курсы. Тут же

зачастую учащимися обрабатываются учебные задания. „Книга впечатлений о Музее Революции“, где экскурсанты дают ряд практических указаний, методически прорабатывается Музеем, что ведет к устранению некоторых недочетов в работе.

Музей Революции приобретает значение массовой политической школы. За пять лет своей работы Музей привлек симпатии широких трудящихся масс, о чем говорят не только многочисленные записи впечатлений экскурсий, но и общий рост посещаемости Музея.

За 1924 год Музей посетило — 9.945 чел. За 1925 год — 23 705 чел. (Год юбилея Революции 1905 года). За 1926 год — 22.502 чел. За 1927 год — 27.902 чел. (Год юбилея Октябрьской Революции).

По социальному составу посетители делятся: рабочих — 33⁰/₀, служащих — 25⁰/₀, учащихся — 20⁰/₀, военных — 11⁰/₀, крестьян — 7⁰/₀, прочих — 4⁰/₀. По партийному составу: членов КП(б)У и ЛКСМУ — 31⁰/₀, пионеров — 11⁰/₀, беспартийных — 58⁰/₀.

В заключение следует привести некоторые отзывы о Музее Революции иностранных рабочих делегаций: „Собрание революционных документов Музея Революции — пишет представители немецкой делегации — служит прекрасным доказательством не только русской „смене“, но и рабочим других стран, что освобождение от капиталистического рабства возможно только путем непреклонной диктатуры рабочего класса“.

Вторая американская рабочая делегация пишет: „Мы ужасаемся всеми материалами об ужасах бандитизма и контрреволюции. Нам стыдно вспомнить, что и Америка принимала участие в поддержке контр-революции. Мы возвращаемся для борьбы за признание Советского Союза и против вмешательства в его внутренние дела. У вас имеется замечательный, производящий громадное впечатление Музей Революции“.

Эти отзывы, как и ряд впечатлений экскурсий о Музее Революции, говорят несомненно о большом революционно-воспитательном значении его.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА „ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ“

В книге „Летопись Революции“, № 4 1927 года, напечатана статья тов. Харечко „Накануне Февральской Революции в Донбассе“.

В статье имеется ряд неточностей, неверно освещающих самую суть прошлого, по весьма многим моментам.

Кроме того тов. Харечко, ссылаясь на рукописные воспоминания А. Батова, абсолютно неверно передает их, трактуя эти воспоминания, очевидно по своему, а не так как они были изложены.

Так например тов. Харечко пишет :

„С момента войны существовали небольшие смешанные партийные группы на шахте „София“ и „Берестовский уклон“ в Макеевке, на Берестовско-Богодуховском руднике, на „Ветке“ и на Фурсовом руднике около Горловки. Но группы эти организационно не были объединены, почти бездействовали и только после летних стачек зашевелились“ (Курсив наш — А. Б.) (стр. 179).

Нам неизвестно, какими другими материалами руководствовался тов. Харечко, характеризуя указанные партгруппы и устанавливая время возникновения их, но одному из нас — А. Батову, как организатору и руководителю партийной работы в этом районе, известно, что только партгруппы на шахте „София“ и „Берестовский Уклон“ возникли во время войны, а все остальные существовали и до войны.

Эти партгруппы были далеко не „смешанными“, как указывает тов. Харечко, а чисто большевистскими, о чем и писал А. Батов в своих рукописных воспоминаниях.

Действительно только то, что работа этих партгрупп 1915 г. за пределы кружков не выходила, но это вовсе не значит, что они „почти бездействовали“.

Всемирно должно быть понятно, что в политических условиях 1915 года даже кружковая работа была большим успехом в деле политического воспитания партийцев, но тов. Харечко

молча обходит этот факт, как и другие весьма важные причины, так называемого, „бездействия“ партгрупп.

Причины же эти заключались в том, что одни из групп („Ветка“, „Берестово-Богодуховский“ и „Фурсовский“ были ослаблены предвоенными репрессиями (арест тов. тов. Ермощенко, Залмаева и разгон других активных т. т. с рудников), другие же группы были еще очень молоды (шахта „София“ и т. д.), ибо только что возникли.

В свою очередь следует отметить, что закрытие „Правды“, прекращение нашей связи с нею и начало войны нарушили также и самую связь с Питерским Комитетом большевиков, сильно повлияв на ослабление работы.

Тем не менее партгруппы организационно все же были связаны и тов. А. Батов время от времени об'езжал рудничные организации, равно как и представители партгрупп нередко посещали Макеевку. Поэтому связь, равно как и самая работа, хотя и ослабленная, все же продолжалась.

„Зашевелились“ партгруппы не только после летних стачек, но главным образом в результате укрепления самих групп в организационном отношении и благодаря проделанной работе по поднятию их политического уровня. Восстановление же связи с Питером, получение литературы, наконец, прибытие тов. Курочкина (Лапина Сергея) еще больше оживили работу групп. Обращает на себя внимание следующая справка тов. Харечко:

„В августе 1915 г. большевистски настроенная (?) группа шахты „София“, возглавляемая Андреем Батовым, связалась с Макеевской группой меньшевиков-интернационалистов...

Объединение произошло на началах фракционной автономности...

Более сильная меньшевистская группа согласилась на такие условия, надеясь ассимилировать появившееся инородное образование... По всем дискуссионным принципиальным вопросам большевики излагали свою точку зрения. Выступали против вхождения в военно-промышленный комитет и за подготовку стачечной борьбы... ..и выдвигали лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую. Большевистская агитация оттягивала от меньшевиков низовые рабочие связи. Поэтому меньшевикам ничего другого не оставалось, как обвинить большевиков в дезорганизаторстве и пригрозить им партийным судом“ (стр. 179 — 180).

В действительности дело обстояло так, что фактически никакого, организационного об'единения не было. Вся эта „связь“ свелась лишь к тому, что А. Батов, оставшийся как активный работник в Макеевке в единственном числе, связался с руко-

водителями меньшевиков, участвуя на их собраниях, где выступал как большевик, имея целью возможное использование отдельных меньшевистских работников в интересах большевистской организации, но они оказались тем материалом, который не мог быть использован для этой цели. Сами же меньшевики в большевистскую группу не входили и о ее количественном состоянии не имели ни малейшего представления. Таким образом эта кратковременная связь, в деловом отношении, ограничивалась лишь дискуссиями между А. Батовым и меньшевиками. Когда же во время одной из таких дискуссий выяснилось, что А. Батов, который как ни как все же располагал доверием меньшевиков, был связан с Питерским большевистским центром, материалами коего пользовался в своих выступлениях, меньшевики поставили вопрос о дезорганизации их рядов, на основании чего и учинили так называемый „партийный суд“ над Батовым. Этим инцидентом и было исчерпано пресловутое „объединение“ и связь с меньшевиками.

Однако тов. Харечко пишет :

„Большевики же за несколько месяцев сожителства (?) настолько выросли и окрепли, что предпочли создать самостоятельную (?) организацию“ (стр. 180).

Позвольте, ведь по словам самого же тов. Харечко получается, что группа эта существовала еще с начала войны и очевидно как самостоятельная, если была возглавляема А. Батовым, в большевизме которого тов. Харечко не сомневается. Но тов. Харечко утверждает, что она была смешанная (очевидно с меньшевиками), тогда встает вопрос, зачем же смешанной группе было объединяться с меньшевиками и затем порывать с ними, если она уже была смешанной? Тем не менее тов. Харечко не унимается, идет дальше и говорит, что только после краха объединения с меньшевиками большевики создали самостоятельную организацию. И таким образом по тов. Харечко получается, что одна и та же группа дважды создавалась как самостоятельная, только она сначала была „смешанной“ и лишь потом стала большевистской.

Ничего понять нельзя. Да впрочем и понимать не нужно, ибо эта группа возникла, как чисто большевистская, меньшевиками не объединялась и оставалась чисто большевистской до конца.

Неверно также указание тов. Харечко, что тов. Курочкин (Лапин С.) из Макеевки поехал в Горловку, яко бы „для объединения существовавших там партийных рудничных групп“. Фактически тов. Лапин после совещания активистов, на котором был избран Макеевский комитет РСДРП(б), в ноябре 1915 года, а не в декабре, как пишет тов. Харечко, выехал на Фурсовский рудник, а не в Горловку. В Горловке, в тот момент,

никакой большевистской организации не было, в равной степени, как и не было там никаких большевистских, а стало быть и совместных с меньшевиками, выступлений, приписываемых тов. Харечко горловцам на стр. 184 его статьи. В последующее же время вокруг Фурсовской рудничной организации тов. Лапину удалось организовать парткружки на Щербиновской группе рудников и шахт, на байракском руднике и на шахтах №№ 5 и 8, принадлежавших Горловской каменно-угольной компании; на самой же Горловке вплоть до 1917 года не удалось создать никакой партгруппы, там безраздельно царствовала сильная меньшевистско-оборонческая организация и, отчасти, эсеры. Однако, это вовсе не значит, что тов. Лапин создал целую районную организацию в Горловском рудничном районе; он организовал там лишь только отдельные партгруппы, связав их с Макеевским Районным Комитетом РСДРП(б), центром которого была Макеевка. Сам же Лапин оставался на Фурсовском руднике, как „профессионал“ по обслуживанию указанных парторганизаций. В самостоятельную партийную районную организацию Горловско-Щербиновский район превратился лишь в апреле месяце 1917 г., а до того все парторганизации, существовавшие там, были лишь периферией Макеевского Районного Комитета РСДРП(б).

Абсолютно неверна также справка тов. Харечко о связи Мариупольской организации с Макеевским Комитетом РСДРП(б) в 1915 г. Эта связь впервые была установлена лишь в октябре 1916 года и то лишь с Никопольским заводом, ибо в самом Мариуполе существовала ярая меньшевистская организация, связанная с Макеевской меньшевистской группой, откуда, видимо, и питалась той литературой, о которой упоминает тов. Харечко.

В отношении связи с Бахмутской большевистской группой тов. Харечко путает дату, говоря об осени 1916 года (потом он датирует ее более определенно, указывая на август 1916 года). Фактически же связь была установлена в июле 1916 года, а не осенью, к каковому времени тов. Рашель успела уже побывать в Питере, представлятельствуя наш Районный Комитет.

Несколько слов относительно связи Макеевского Комитета большевиков с Луганской и Екатеринославской организациями большевиков и Бюро ЦК.

Наша связь с Луганском и Екатеринославом была установлена в январе 1917 года, а не в 1916 году, к каковому времени и без подробной даты относит ее тов. Харечко.

Связь с Бюро ЦК была установлена в сентябре 1916 г., а до того времени Макеевский Комитет большевиков был связан с Питерским Комитетом РСДРП(б).

Совершенной небылицей является утверждение, что в Макеевку был командирован для постоянной работы тов. Лутовинов Юрий. Последний действительно в декабре 1916 года

приезжал в Макеевку, ознакомил Комитет с текущими событиями, посетил несколько рудничных организаций, помог выпустить листовку к 9-му января, наладил нашу связь с Луганском, куда и выбыл 9-го января 1917 года.

Ошибается тов. Харечко и в отношении репрессивных последствий забастовки Макеевского завода в январе 1917 года, указывая, что Мак. К - т большевиков потерял несколько активных работников. В действительности же большевики потеряли только одного активного работника, члена К - та т. Никифорова Афиногена.

Далее, обыска у тов. Озерова (Острогорского) не было, так как последний тогда в Макеевке не был, квартиры там не имел, а находился в разъездах по районам, к тому же носил уже новую фамилию.

Таким образом оказывается, что не всегда абсолютно верными бывают даже и документы охранки, коими в этом отношении располагал тов. Харечко. В этом случае гораздо более, по нашему мнению, полезна живая память самих участников событий, которую тов. Харечко самым непонятным образом игнорировал, но об этом несколько позже.

Что касается ареста и обыска остальных лиц, список которых приводит тов. Харечко на стр. 182, то, за исключением тов. Лаврушина, таковые никакого отношения к большевистской организации не имели.

Нельзя обойти молчанием описанного тов. Харечко факта — крупнейшей экономической стачки в Горловско - Щербиновском районе, происходившей во время войны в 1916 году.

Этого факта тов. Харечко касается, как - то так, мимоходом, не вскрывая ни ее причин, ни ее последствий.

Тов. Шляпников, в своей книге „Канун 1917 года“ дает более объективную оценку ее последствий. Правда, и тов. Шляпников, как и тов. Харечко. очевидно по недостатку материалов, совершенно неправильно осветили историю возникновения и течения этой стачки.

Помимо этого, тов. Харечко допустил ряд таких грубейших ошибок, которых избежал даже, более далекий от Донбасса тов. Шляпников. Хотя тов. Харечко и ссылается в своем труде на цитату из книги тов. Шляпникова, но это только в той общеизвестной области уроков и выводов, к которым пришел рабочий класс Донбасса в результате своей экономической борьбы. А тов. Харечко не мешало бы посмотреть у Шляпникова хотя бы на количество бастовавших в этой стачке, он увидел бы тогда, что ошибся не более не менее как на .. 20000 человек. Но тов. Харечко горд, он не хочет руководствоваться памятью живых участников этой борьбы, он намерен, повидимому, „проверить“ эту память ... Нет, он идет дальше, он игнорирует даже документы за исключением тех, которым хочет верить только он сам.

Но интересно все же, каким документам верит тов. Харечко? Послушаем его самого. Так, на стр. 175 читаем:

„Все данные о стачках за 1915—16 г.г. взяты из жандармских донесений в департамент полиции“.

И на этот раз, как мы видим, „объективные“ данные охраны подводят тов. Харечко. Он, благодаря этим „данным“, повидимому, делает и целый ряд других ошибок в отношении этой стачки, о которых мы, к сожалению, не можем сейчас говорить за недостатком места.

Но поскольку вопрос о стачке Горловско-Щербиновского района получил десятки самых невероятных по своей неправомерности освещений, мы выражаем надежду, что редакция журнала даст место для помещения материала, представленного в „Истпарт“ группой живых участников и руководителей этой стачки, почти одновременно со статьей тов. Харечко. И таким образом необходимые поправки к статье тов. Харечко, равно как и ко всем другим напечатанным материалам об этой стачке, будут внесены сами собой.

Однако, мы не можем не остановиться на моменте командировки в Горловско-Щербиновский рудничный район тов. Ермощенко Вениамина после упомянутой стачки, яко бы затем, чтобы восстановить потрепанные репрессиями партгруппы. Верно, была и такая задача, но основное заключалось в том, что на почве зверской расправы царизма с бастовавшими шахтерами, в этом районе возникло такое стихийное стремление к анархическим выступлениям, которые если бы были допущены там в то время, то окончательно погубили бы всю нашу организацию. Тов. Ермощенко был командирован туда с той целью, чтобы вместе с партийными организациями удержать массы от этих нежелательных выступлений, что вполне удачно и выполнил. И, к сведению тов. Харечко, арестован Ермощенко был совсем в другом месте — в Юзовке, совсем по другому поводу и при совершенно иных обстоятельствах, уже после выполнения возложенной на него задачи. Будем надеяться, что авось, да когданибудь, сам тов. Ермощенко порасскажет об этом в каком либо печатанном виде.

Но что более всего поражает в статье тов. Харечко, так это следующее место, где он, подытоживая опыт стачечного движения Донбасса в 1915—16 г.г., буквально пишет:

„Только слабостью партийных организаций и противодействием оборонческих меньшевистских элементов объясняется то, что громадное недовольство Донецких шахтеров и металлистов не было направлено по руслу политической борьбы“ (стр. 175).

Не нам, понятно, учить тов. Харечко марксистскому уму-разуму, но из его слов логически получается так, что все условия для политической революционной борьбы у Донбасского пролетариата были налицо. Вот только никудышные большевистские организации, да „колдовское“ влияние меньшевиков (вот уже поистине для тов. Харечко „сильнее кошки зверя нет...“), которые, к слову говоря, почти не имели никакого влияния на Донбасский пролетариат и в особенности на его шахтерскую часть, исключая некоторые крупные металлургические заводы, не дали развернуться в Донбассе в 1915—1916 гг. настоящей политической борьбе и тем самым, пожалуй, отсрочили начало революции.

Нам все же хотелось, чтобы тов. Харечко указал на эту самую „аркадию“, где даже при самых сильных партийных организациях в 1915—16 гг. велась бы политическая борьба при наличии тогдашних военных условий, да еще при царско-жандармском режиме, да еще без опыта экономической борьбы. В тех условиях сама по себе экономическая борьба и даже всякая, хотя бы и небольшая, экономическая стачка, если только она была хорошо организована, силою обстоятельств превращались в орудие политической борьбы, подрывавшей силы царизма и поддерживавшей его буржуазии.

Да и как могла у пролетариата вообще и у донбасского рабочего класса в частности возникнуть воля к революционной борьбе без опыта экономической борьбы, ее поражений и уроков, вытекавших из нее. Нам представляется так, что одной только агитацией партийных организаций, будь они даже самыми сильными, без наличия соответствующих экономических, а отсюда и политических предпосылок, революции не делаются и рабочие массы на политическую борьбу не идут.

В конкретных условиях жизни и борьбы того времени, наши партийные организации делали только одно большое дело—это, подытоживая опыт всей борьбы рабочего класса, учили, звали и постепенно вели массы к решительной политической борьбе, к революции, к победе.

Но тов. Харечко, очевидно не замечая, что впадает в противоречие с только что написанным, заключает свою статью так :

„В итоге почти 3-х лет беспримерной в истории человеческой бойни, пролетариат Донбасса, доведенный эксплуататорами до полного сбливания и полуголодного существования, стал понимать, как и рабочий класс всей страны, что единственным выходом из тяжелого положения может быть только революция. Каждая подавленная экономическая стачка напоминала об этом Донецкому рабочему. Эксплуаторский нажим, полицейские репрессии и расстрелы выковали в рабочих массах волю к революционной борьбе“ (стр. 185).

Под этим последним выводом тов. Харечко мы подписываемся полностью, обеими руками, и полагаем, что с этого и следовало бы ему начинать, чтобы не впасть в ошибку.

В заключение считаем необходимым указать, что мы совершенно не можем разделить того положения, которое по соображениям конспирации привело Вознесенскую подпольную группу к необходимости на своем печатном издании помещать подпись „Донецкого коллектива РСДРП“.

Во первых, присвоение чужого имени, мягко выражаясь, очень многому обязывало принявших на себя такое название и вместе с тем вводило в заблуждение массы, среди которых распространялось подобное издание, а также и донбасские подпольные организации большевиков. Никакими соображениями конспирации нельзя оправдать этого факта присвоения, не по праву, чужого имени, ибо у всякой большевистской организации, работавшей среди рабочего класса, всегда хватало достаточно мужества подписывать свои издания настоящим именем. И наконец, Вы представляете себе тов. Харечко, какую бы ответственность Макеевский Комитет РСДРП (б - ков) взял бы на себя, если бы он под своими изданиями подписывался бы именем Питерского Бюро ЦК? Что получилось бы?

Во вторых, что такое РСДРП без соответствующего добавления? Название нашей партии в тот момент было несколько иным, а именно — РСДРП (б - ков), под каковым именем партия и была известна всему рабочему классу страны. Таким образом, присвоение чужого имени вряд ли можно назвать этичным, ибо под именем РСДРП без добавления большевиков — истории известна меньшевистская организация.

Наши возражения не имели бы места, если бы тов. Харечко, как мы уже упоминали выше, не отверг нашего чисто товарищеского желания помочь ему нашими справками, о чем мы даже письменно просили его. Но он игнорировал нашу память и, полагаясь на достоверность своих документов, сознательно ввел в заблуждение читателей и будущих историков.

Наше желание заключается в том, чтобы объективно рассеять это заблуждение.

А. Батов. М. Острогорский

ОТВЕТ КРИТИКАМ

Основное обвинение критиков заключается в том, что я будто бы „игнорировал память участников движения и сознательно ввел в заблуждение читателей и будущих историков“. Вся критика написана в стиле благородного негодования против недобросовестного автора. Каждая строчка дышит разоблачением „сознательных“ извращений.

Прежде всего об игнорировании памяти участников. О какой „памяти“ идет речь. Если о напечатанных где-либо воспо-

минаниях, то таких не было, как известно критикам, ни одной строчки во время писания моей статьи. Вот почему я и обратился к ряду товарищей, в том числе к Лапину, Острогорскому и Батову с просьбой помочь мне своими воспоминаниями. Но из всех только один Батов откликнулся весьма беглыми заметками о своей работе в Makeевской организации. Значит в действительности было так, что участники „игнорировали“ свою память и не потрудились перевести ее на бумагу. И только потом, когда появились в печати „сознательные извращения“, участники схватились за свою память.

При этом „память“ участников так разыгралась, что они приписывают мне то, чего я не говорил. Разве я где-либо отмечал, что моя статья „претендует“ на „историческую полноценность“? Не страдаю самовлюбленностью и поэтому не дерзал на „полноценность“. Задача моя была гораздо скромнее: на основании имевшихся в моем распоряжении материалов — дать краткий очерк, чтобы толкнуть участников и будущих историков к разработке одной из страниц истории рабочего движения и партии.

Теперь по существу разоблаченных извращений. Все они относятся, главным образом, к истории Makeевской парторганизации, т. е. той части моей статьи, которая написана по преимуществу на основании воспоминаний одного из критиков. Посмотрим, в какой мере я игнорировал и извращал память участника. В одном каюсь — я воздержался от расписывания личных подвигов участника, т. к. предпочитал писать о подвигах организации.

Критики возражают самым категорическим образом против моего утверждения, что „с момента войны существовали небольшие смешанные партийные группы на шахте „София“ и „Берестовском уклоне“ в Makeевке, на Берестово-Богодуховском руднике, на „Ветке“ и на Фурсовом руднике около „Горловки“. Они возражают против такой общей даты — „С момента войны существовали“. Надо мол было расписать, когда какая группа возникла. Во первых, об этом не было точных данных, а, во вторых, для общего описания организации, а не отдельных групп, дата „начало войны“ — вполне определяемая и не нуждается в комментариях.

Далее критики возражают против характеристики групп, как смешанных, против того, что „группы эти организационно не были объединены“ (в начале войны), „почти бездействовали и только после летних стачек (1915 г.) зашевелились“. О смешаннос и несколько ниже На основании чего я сделал весьма неприятное критикам заключение об неорганизованности и бездействии групп. Исключительно по воспоминаниям „руководителя партийной работы“ в Makeевке тов. Батова. Вот что писал последний в своих воспоминаниях: „Начало войны (1914 г.) было началом упадка партийных организаций

на рудниках, вследствие нарушения связи с центром, закрытия газ. „Правда“ и уныния активных товарищей в связи с создавшимся положением“. К этому следует добавить свидетельство того же Батова, что Юзово-Макеевский Комитет большевиков распался, вследствие арестов, еще в мае 1914 г., а новый Макеевский Комитет организовался только в конце 1915 г. Как прикажете понимать такую характеристику „начало упадка“, данную руководителем партийной работы. Несомненно только так, как она изложена в моей статье. Всякое иное толкование было бы преувеличением. Данную мной оценку состояния групп подтверждает и то обстоятельство, что указанные группы почти никакого участия не принимали в руководстве стачечным движением летом 1915 г. Значит группы были еще настолько слабы, что они не только не организовывали, но даже не пытались возглавить стихийно возникавших стачек. Может быть критики в азарте возражений будут и это отрицать? Но уж в этом позвольте вашей памяти не поверить. Здесь я склонен больше доверять секретным донесениям жандармов. Как известно, царская охранка никогда не преуменьшала значения партийных организаций в руководстве стачками. Она всегда норовила изловить подстрекателей социалистов и, если это не удавалось, то все же приписывала возникновение стачки нелегальной рабочей организации. В данном же случае о летних стачках 1915 г. почти все полицейские донесения подчеркивали, что стачки возникали стихийно без всякого подстрекательства „со стороны“.

Критики заявляют: „Зашевелились партгруппы не только после летних стачек, но, главным образом, в результате укрепления самих групп в организационном отношении и благодаря проделанной работе по поднятию их политического уровня“. Эта поправка разоблачает сокровенный смысл негодования наших критиков. Что для них стачечное движение? Разве оно могло оказать влияние на поднятие активности партийных групп? Главное — в организационном укреплении групп и поднятии политического уровня, т. е. в том, что проделали руководители. Не переоцениваете ли вы себя уважаемые „руководители партийной работы“? Возможно ли было бы организационное и политическое укрепление партийных групп без подема массового стачечного движения? Вряд ли. Не следует предавать забвению азбуку политграмоты.

Теперь о связи большевистски настроенной группы шахты „София“, возглавлявшейся Батовым, с Макеевской группой меньших виков-интернационалистов. В моей статье подчеркнуто: „Объединение произошло на началах фракционной автономии“. На что критики заявляют: „В действительности дело обстояло так, что никакого фактически организационного объединения не было. Вся эта „связь“ свелась лишь к тому, что А. Батов, оставшийся, как активный работник в Макеевке в

единственном числе, связался с руководителями меньшевиков, участвуя на их собраниях, где выступал как большевик"... Это теперь говорят критики, а вот что писал в своих воспоминаниях тов. Батов: „В августе (1915 г.) мне удалось связаться с Макеевскими меньшевиками, отрекомендовавшимися меньшевиками - партийцами — интернационалистами. Лидером этих меньшевиков являлся С. Телия. С меньшевиками пришлось договориться о создании общей партийной работы с тем однако, что большевики сохраняют в работе свою линию и в принципиальных вопросах подчиняются директивам своего центра“. Что же здесь идет речь об одном Батове или же и о группе, возглавлявшейся Батовым. Конечно, и о партийной группе шахты „София“. При этом, вначале об'единение было даже очень „фактическое“. Об этом тов. Батов так писал в тех же воспоминаниях: „Я был у меньшевиков в почете: они всегда намечали меня председателем на партийных собраниях“. Что же и после этого свидетельства участника - руководителя партийной работы критики будут утверждать, что „фактически об'единения не было? А где же это так бывало, чтобы меньшевики без об'единения с большевиками избирали „всегда“ председателем на партийных собраниях большевистского лидера. Да еще в 1915 г., когда разногласия между большевиками и меньшевиками по вопросам войны доходили до весьма крепкого накала. Все это вместе взятое давало мне основание утверждать, что об'единение было и что предпосылкой к подобному альянсу мог быть смешанный состав партийных групп или в лучшем случае недостаточная их большевистская выдержанность.

Разрыв с меньшевиками произошел в конце 1915 г. и после этого большевики самостоятельно организационно оформились. Критики возмущаются: „зачем же смешанной группе было об'единяться с меньшевиками и затем порывать с ними“... и в заключение с апломбом утверждают: „Ничего понять нельзя. Да, впрочем и понимать не нужно, ибо эта группа возникла как чисто большевистская, ни с какими меньшевиками не об'единялась и оставалась чисто большевистской до конца“. А что говорит тов. Батов в воспоминаниях?: „Разрыв с меньшевиками создал полную самостоятельность в работе нашей парт-организации, находившейся в поселке шахты „София“. Таким образом, рядом параллельных цитат с полной очевидностью установлено, что уважаемые критики малость попутали. Они полемизируют с своими же воспоминаниями. Нехорошо так беспардонно игнорировать свою „память“.

Не стану долго останавливаться на возражениях по поводу работы тов. Лапина в Горловском районе, т. к. от них несет мелочной придирчивостью. Разве в моей статье есть указание на создание Лапиным в Горлово - Щербиновском районе районного комитета партии? Вместо этого подчеркнута, что и после

поражения майской стачки 1916 г. партийные группы Горловского района продолжали работать под руководством Макеевского Комитета.

Такой же мелочный характер носят и возражения о датах связи Макеевского Комитета с соседями и с центром. Связь с Луганском и Екатеринославом, как отмечено в моей статье, была установлена в конце 1916 г. Критики заявляют, что в январе 1917 г. Подумаешь, какая крупная историческая ошибка. Но в интересах точности и этого замечания критиков нельзя оставить без ответа. Связь с Луганском была получена через тов. Лутовинова. С этим согласны критики. По сведениям луганчан (воспоминания тов. Николаенко) Лутовинов был в Луганске в ноябре 1916 г. и организовал там группу, а после этого, в декабре выехал в Макеевку и, вероятнее всего, тогда же передал связь. Значит в декабре, а не в январе. Что же касается Екатеринослава, то в моем распоряжении было два показания о приезде в Макеевку представителя Екатеринославской организации: одно тов. Батова — январь 1917 г., другое в полицейских донесениях — декабрь 1916 г. Так как факты из жизни Макеевской организации, приводимые в донесениях полиции, к стати весьма осведомленной через провокаторов, в подавляющем большинстве подтверждались воспоминаниями тов. Батова, то я предпочел по вопросу о связи с Екатеринославом остановиться на документальной дате. Подобная же „ошибка“ приключилась с датой связи с Бахмутом. В моей статье указан август 1916 г., согласно воспоминаниям тов. Батова. Теперь же критики и в том числе тот же Батов „исправляют“ на июль. В каком же случае, уважаемые критики, вам валя память изменяет?

Также изменяет память критикам и в том случае, когда они заявляют: „Совершенной небылицей является утверждение, что в Макеевку был командирован для постоянной работы тов. Лутовинов Юрий“. Здесь критик Батов забывает о том, что он писал в своих воспоминаниях: „В декабре тов. Борисова (Рошель) была послана в Бюро ЦК, чтобы достать там постоянного партийного работника для обслуживания партийных организаций на местах. Тов. Борисова вернулась из Питера и с нею прибыл тов. Лутовинов Ю., с которым мы устроили совещание. Тов. Лутовинов согласился пока для работы остаться в Макеевке“. Это что же „совершенная небылица“? Тогда, дорогие товарищи, грш цена вашей „памяти“.

Следует остановиться еще на одной такой же фактической поправке. Критики заявляют: „Ошибается тов. Харечко и в отношении репрессивных последствий забастовки Макеевского завода в январе 1917 г., указывая, что Макеевский Комитет большевиков потерял несколько активных работников“. А что пишет тов. Батов в своих воспоминаниях: „В январе в Макеевке возникла экономическая забастовка рабочих заводов

Общества „Унион“. Эту забастовку проводили большевики и меньшевики, которые в конце января были арестованы и препровождены в Таганрогскую тюрьму“. Об этом же говорят и жандармские донесения об обысках и арестах. Так кто же ошибается?

В такой же мере „солидно“ обоснованы возражения критиков по поводу Горлово - Щербиновской экономической стачки, происходившей в апреле-мае 1916 г. Критики заявляют: „Тов Харечко допустил ряд грубейших ошибок“. А какие это ошибки — они уклонились указать. Единственная, повидимому, моя ошибка в том, что я будто бы преуменьшил количество бастующих на 20 тыс. человек. Разберемся, так ли это. В моей статье число бастовавших определяется цифрой „около 30 т.“ Критики вслед за Шляпниковым повторяют 50 тыс., не попытавшись даже проверить эту цифру. Следовало справиться хотя бы у своей „памяти“ и она бы вам подсказала по воспоминаниям тов. Батова несколько меньше — „до 40 тыс.“ бастовавших. А если присмотреться к действительности, то было еще меньше. И вот почему. В те времена в Горлово - Щербиновском районе насчитывалось всего рабочих около 35 тыс. Каким же образом могло бастовать 50 тыс. Не ладно что-то. Критикам, взывающим к безоговорочному доверию своей памяти, не гоже хвататься за ошибочную цифру тов. Шляпникова.

Что же касается моего описания стачки в целом, то его недостаток тот, что оно слишком кратко. Фактическая сторона описания неоспорима. И в этом я еще раз убедился, прочитавши теперь коллективные воспоминания Горлово - Щербиновских товарищей, посланные в Истпафт за подписью „Я. Борин“ от 30 мая 1927 г.

Остается затронуть еще один последний эпизод из „памяти“ критиков. Это их суровые поучения по адресу большевистской группы Вознесенского рудника о том, как следовало бы „мужественно“ подписывать свои листовки. При этом строгие критики вопрошают: „Что такое РСДРП без соответствующего добавления?“. И затем отвечают: „Название нашей партии в тот момент было несколько иным, а именно — РСДРП (большеви́ков), под каковым именем партия и была известна всему рабочему классу страны“. Хотел би я посмотреть хоть одну листовку или комитетскую печать Макеевского Комитета за 1915 — 1916 г.г., чтобы убедиться в „соответствующем добавлении“ к названию РСДРП. Не покажете вы мне этого, так как такого добавления тогда не было. Добавление (б-в), как правило, появилось с легализацией партии после февральской революции. Вам и здесь ваша „память“ изменила.

На этом можно покончить с критикой „сознательных“ (теперь понятно с чьей стороны!) извращений. Перехожу к последнему заключительному аккорду — критике некоторых выводов моей статьи. Посмотрим, может быть в этой части

уважаемые критики выступают более подкованными. Они возражают против моей оценки итогов стачечного движения 1915—1916 г.г. в Донбассе. Отсутствие политических стачек или хотя бы частичных политических требований в стачечном движении Донбасса, несмотря на наличие громадного недовольства шахтеров и металлистов, я объяснял слабостью партийных организаций и противодействием оборонческих меньшевистских элементов. Критики с возмущением лично задетых людей возражают как против „слабости“, так и против „противодействия“. Оказывается, Донбасс был тогда такой аркадией, где меньшевики „почти не имели никакого влияния“, а большевики были решающей партийной силой. Критики в данном случае слишком увлекаются. Надеясь только на свою память, они занимаются передергиванием действительности. Что большевики на ряде рудников Макеевского и Горловского районов имели значительное влияние и организационное и политическое — это бесспорно. Но нельзя же с своей районной колокольни судить о всем Донбассе. Кроме того, совершенно излишне поучать меня тому, что всякая экономическая стачка всегда и особенно во время войны, будучи „хорошо организованной“, превращается в орудие политической борьбы. Ведь речь то шла не о значении экономических стачек, а о том, почему в Донбассе не было политических стачек.

В заключение следует остановиться на переоценке архивных материалов и недооценке памяти участников, будто бы имевших место в моей статье. Критикам кажется, что я безоговорочно доверяю всякому архивному документу только потому, что он архивный. Подобным образом написанная история была бы не менее фальшивой чем та, которую кто-либо вздумал бы написать по памяти участников. К последнему методу „полноценной“ исторической письменности, повидимому, больше склонны наши критики, судя по тем сугубо ироническим замечаниям, которые они бросают по адресу архивных материалов. В таких настроениях сквозит доподлинная и явно вредная переоценка памяти участников. На деле же не должно быть никаких переоценок. Как архивные документы, так и память участников имеют относительную ценность. Поэтому оба источника в одинаковой мере требуют строгой критики и взаимной проверки. Но особенно капризна голая, не опирающаяся на документы, память участников. Лучшим образчиком этого является очная ставка критика тов. Батова с его собственными воспоминаниями.

Т. Харечко

(Ответ т-щу Харечко будет помещен в следующем номере. *Ред.*).

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ „ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ“ ЗА 1927 г.

СОДЕРЖАНИЕ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО УКАЗАТЕЛЯ МАТЕРИАЛОВ. ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ „ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ“ В 1927 г.

- I. Статьи общего характера. История центральных органов власти и КПУ.
- II. Между двумя революциями.
- III. Февральская революция на Украине.
- IV. Подготовка Октября и Октябрь на Украине.
- V. Эпоха Центральной Рады, Гетманщина, Директория и борьба с немецкой оккупацией.
- VI. 1919 г. Борьба с белогвардейцами. Деникинское подполье. Советское строительство.
- VII. Разные.
- VIII. Биографии.
- IX. Библиография.
- X. Хроника и письма в редакцию.

I. СТАТЬИ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА. ИСТОРИЯ ЦЕНТР. ОРГАНОВ КП(б)У

Из деятельности ЦК КП(б)У и Ц. Военно-Революционного Комитета в период между I и II съездом КП(б)У (по материалам Истпарта)	№№	1
Лапчинский Г.—Перші дні Всеукраїнської радянської влади	5—6	
Рубач М.—Аграрная революция на Украине в 1917 г.	5—6	

II. МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ

Харечко Т.—Из истории РСДРП в Донбассе (1906—08 г.)	1
Харечко Т.—Из истории РСДРП в Донбассе	2
Харечко Т.—Из истории РСДРП в Донбассе (окончание), стр. 115.	3
Амосов—На Брянском заводе в Екатеринославе (1914—1915 г. г.)	1
Кофф Г.—Социал-демократическая организация в период войны.	3
Кофф Г.—Соц. дем. организация в Одессе в период империалистической войны (окончание)	4
Коцюбинский Ю.—Черниговская организация б-ков во время войны	2
Щербаков В.—Из истории Черниговской организации большевиков (1914—17 г. г.)	4

III. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ

Буздалин С.—Февральская революция в Харькове	1
Бунякин И.—Харьковские железнодорожники накануне революции.	1
Черневский В.—Студенческие волнения перед революцией	1
Гопнер С.—Большевистская организация накануне и в первый период Февральской революции в Екатеринославе	2
Харечко Т.—Накануне Февральской революции в Донбассе	4
Николаенко И.—Февральская революция в Луганске	3
Николаенко И.—Февральская революция в Луганске (продолж.)	4
Шлосберг Д.—Первые шаги профстроительства в Донбассе	3
Шлосберг Д.—Первые шаги профстроительства в Донбассе	4
Миц С.—Совет рабочих депутатов в Одессе (окончание)	4
Викторов Е.—Первый этап революции на Николаевщине	2
Викторов Е.—Первый этап революции на Николаевщине (ст. вторая)	4
Щербаков В.—Черниговщина накануне революции и в дооктябрьский период 1917 г.	2
Май С. Я. и Заславский А. Е.—Начало революции на Волыни.	1
Швед А.—Революционные события в Павлограде	4
Волкац С.—Февральская революция в Елисаветграде	1
Волкац С.—Февральская революция в Елисаветграде (окончание)	3
Ремтер—Эпизоды Февральской революции на юго-западном фронте	1
Алексеев—Из воспоминаний о Февральской революции на румынском фронте	1

IV. ПОДГОТОВКА ОКТЯБРЯ И ОКТЯБРЬ НА УКРАИНЕ

Шлосберг Д.—Профсоюзы в борьбе за Октябрь на Украине	5—6
Шлосберг Д.—Из истории экономической борьбы рабочих в Донбассе между Февралем и Октябрем	2

	№№
Харечко Т.— Борьба за Октябрь в Донбассе	5—6
Куранов—Советы на Артемовщине между февралем и октябрём 1917 г.	5—6
Николаенко И.—Подготовка Октября в Луганске	5—6
Амосов И.—Брянский завод в подготовке Октября	3
Аверин В.—Октябрьская революция в Екатеринославе	5—6
Петинский Краснозаводский район г. Харькова в Октябре	5—6
Кулик И.—Киевская организация большевиков в Октябрьские дни	5—6
В. Б.—Рабочие юго-западных ж. дорог в октябре 1917 г.	5—6
Киров А.—Румчерод і Раднарком Одеської області в боротьбі за Жовтень	5—6
Броневој—Октябрьские дни в Одессе	5—6
Марк А.—Подготовка Октября в Николаеве	5—6
Щербаков В.—Октябрь на Черниговщине	5—6
Стрельбицкий—На заре профдвижения горняков	5—6
Красноленский В.—Большевики Подолии перед Октябрём	1

V. ЭПОХА ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАДЫ, ГЕТМАНЩИНЫ, ДИРЕКТОРИИ И БОРЬБА С НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИЕЙ

Манилов В.—Из истории взаимоотношений Центральной Рады с Временным правительством	3
Манилов В.—Из истории взаимоотношений Центральной Рады с Временным правительством (продолжение), стр. 7	4
Манилов В.—Из истории взаимоотношений Центральной Рады с Временным правительством	5—6
Бессонов В.—Железнодорожная забастовка 1918 г. в Одессе	3
Анулов Ф.—Боевая смена	1

VI. 1919 г. БОРЬБА С БЕЛОГВАРДЕЙЦАМИ. ДЕНИКИНСКОЕ ПОДПОЛЬЕ. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Дикий А.—Из истории партизанской борьбы на Черкащине	2
Латонин А.—Советский остров на Украине	4
Кегелес М.—Из воспоминаний рядового политработника	2
Львовский М.—В кольце	2
Анулов Ф.—Прорыв	4

VII. РАЗНЫЕ

Криворучко Н. Н.—Из боевых воспоминаний	1
Гринштейн А.—Из истории 45-й дивизии	1
Розен С.—„Переяславская республика“ и ее герой Хрусталеv - Носарь	2
Розен С.—„Переяславская республика“ и ее герой Хрусталеv - Носарь (окончание)	3
Решетников И.—Константиновский бутылочный завод (1905—1919 г. г.)	4

VIII. БИОГРАФИИ

Вольский Н.—Г. Ф. Ткаченко - Петренко (опыт биографии)	3
Моргунов В.—О неутомимом борце и товарище	5—6
Моргунов В.—Памяти Феди Тинякова	5—6
Шрейбер С.—Памяти Исаака Крейсберга	5—6
Острогорский С.—Ш. А. Грузман	5—6
М. С.—Лазарь Смоляков	5—6
Чекановский А.—Воспоминания о В. А. Селюке	5—6
Власенко—Памяти погибших революционеров - большевиков	5—6
Мирошниченко В.—Коля Руднев	5—6
Харечко Т.—Памяти организатора Красной гвардии Донбасса	5—6

	№№
Бессонов В.—Павел Мизикевич	5—6
Бессонов В.—Моисей Кангун	5—6
Александр Бондаренко - Бурдун	5—6
Погребной С.—Памяти большевика - подпольщика С. Сазонова	5—6
Погребной С.—Памяти Дмитрия Рудя	5—6
Погребной С.—Памяти т. Палкина	5—6

IX. БИБЛИОГРАФИЯ

Весенин П.—А. Шляпников. Семнадцатый год	1
Шер С.—Боевая группа при ЦК РСДРП(б) (1905—1907 г. г.) Статьи и воспоминания. Составила С. М. Познер	1
М. Ю.—Центрархив. Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Де- путатов. Протоколы заседаний	1
Алекс А.—Ф. Н. Самойлов. Процесс большевистской фракции IV Го- сударственной Думы Воспоминания, ч. IV	1
П. С.—Е. И. Мартынов. „Царская армия в Февральском перевороте, стр. 209	2
Ю. К.—Проф. Шелухин „Варшавський договір між поляками й С. Пет- люрою 21 квітня 1920 р. Прага. В-во „Нова Україна“ — 40 стр.	2
Розен С.—Г. Клунний В боротьбі за селянство. Земельне законо- давство контр-революційних урядів за час революції на Україні. „Радянський Селянин“, Харків, 1926 р. 180 стор.	2
М. Ю.—Юбилей Февральской революции в журнальной литературе	3
Г. С.—Монархия перед крушением	3
Весенин П.—Е. И. Мартынов. Корнилов	3
С. Ш.—Б. Козельский. Шлях зрадництва й авантур	4
С. Р.—Буржуазия накануне Февральской революции	4
Карпенко Г.—Огляд літератури до Жовтня на Україні	5—6
Розен — Крестьянское движение 1917 г.	5—6
Н. Р.—А. Сивцов. Киевская Красная гвардия в борьбе за власть Со- ветов	5—6
С. Р.—Жовтнева революція та громадянська війна на Україні	5—6
Редин Н.—Октябрьская революция перед судом американских се- наторов	5—6

X. ХРОНИКА И ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

А. Г.—Год работы Истпарта Украины	1
А. Г.—Истпартрбота на местах	1
Работа комиссии по подготовке празднования десятилетия Октябрьской революции	2
А. Г.—Истпартрбота на местах	2
А. Г.—Истпартрбота на местах	4
И. М.—Работа по подготовке и организации празднования 10-тиле- тия Октябрьской революции на местах	4
А. Г.—Истпартрбота на местах	3
Громицкий А.—Несколько слов о работе групп участников рев- движения	3
Письма в редакцию	3

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

Правление и склад изд-ва: Москва, 34, Лопухинский пер., 5. Т. 3-64-73
Книжный магазин „Маяк“ Москва-центр. Петровка, д. 7. Т. 3-63-20
Харьков, Пушкинская ул., дом 49. Т. 9-70

**ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ
НА 1928 ГОД**

на журнал, посвящ. истории рев. движ. в России до падения царизма

8-ой год издания „КАТОРГА и ССЫЛКА“ **8-ой год издания**

**ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
ВЕСТНИК**

**12 книг
в год**

Под общей редакцией
Ф Е Л И К С А К О Н А

**12 книг
в год**

При ближайш. участ.: М. А. Брагинского, Е. Н. Ковальской, Б. П. Козьмина, М. Ф. Фроленко, Н. Ф. Чужака - Насимовича и др.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА :

1. Из истории революционного движения. 2 Тюрьма, каторга, ссылка и эмиграция. 3. Лики отошедших. 4. Библиография. 5. Хроника.

Иллюстрации.

Размер каждого номера 12 — 16 листов

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА :

1 год (12 книг)—12 руб., на 6 мес. (6 книг)—6 руб. 50 коп.; на 3 мес. (3 книги)—3 руб. 50 коп. Цена отдельного номера —1 руб. 50 коп.
За границу на 50% выше

В Изд-ве имеются полные комплекты журнала за 1925, 1926 и 1927 г.г.
Цена комплекта за каждый год без пересылки 12 руб., с пересылкой — 13 руб.

За предыдущие годы (1921 — 1924) комплектов не имеется.

Издательство Всесоюзного О-ва политических каторжан и ссыльно-поселенцев

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1928 г. НА

**4-й год
издания**

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННУЮ БИБЛИОТЕКУ журнала „КАТОРГА и ССЫЛКА“

Воспоминания, исследования, документы и другие материалы из истории революционного прошлого России. 12 №№ в год, размером каждый 11—14 листов с иллюстрац. и портретами

1. Н. Г. Чернышевский. Сборник статей, воспоминаний и материалов. К 100-летию со дня его рождения.
2. Л. Меньшиков. Охрана й Революция, ч. II.
3. „Народная Воля“ после 1 марта 1881 г. Труды народовольческого кружка при Обществе Политкаторжан. Вып. 2-й.
4. И. Мошинский (Юз. Конарский). На путях к 1-му съезду Р.С.-Д.Р.П. К 30-летию 1-го съезда.
- 5—6. Н. С. Русанов. Воспоминания. В эмиграции.
- 7—12. В. Н. Фигнер. Собрание сочинений.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 год— 15 р., на 1/2 г.— 8 р., на 3 мес.— 4 р. 50 к.

Цена отдельного номера 1 р. 50 к.— 2 р. 50 к.

В Издательстве имеются комплекты „Историко-Революционной Библиотеки“ за 1925, 1926 и 1927 г. г.

Цена комплекта за 1925 г.— 17 р., за 1926 г.— 8 р. 50 к., за 1927 г.— 17 р.

При одновременной подписке на журнал „Каторга и Ссылка“ и „Историко-Революционную Библиотеку“— 1 г.— 25 р., 1/2 года— 13 р. 50 к.

**4.й год
издания**

„ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА“ журнала „КАТОРГА и ССЫЛКА“

История революционного движения в очерках, воспоминаниях и биография. Библиотека имеет целью в общедоступной форме дать материал для ознакомления и изучения отдельных этапов революционного движения в России. Каждая книжка сопровождается крат им библиографическим указателем, портретами и иллюстрациями. 52 №№ в год, размером каждый 8— 80 стр.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 год — 5 руб., на 1/2 года — 3 руб.

Цена отдельного номера — 5 руб. 25 к.

В Издательстве имеются комплекты „Дешевой Библиотеки“ за 1925, 1926 и 1927 г. г. Цена комплекта за 1925 г. (неполного) в 42 №№— 2 р. 50 к., за 1926 г. в 52 №№— 5 р., за 1927 г. в 52 №№— 6 р. 50 к.

